

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Մ. Ն. ԽԱՄՈՅԱՆ

ՔՐԴԵՐԵՆ
ԼԵԶՎԻ
ԴԱՐՉՎԱԾԱԲԱՆՈՒԹՅԱՆ
ՀԻՄՈՒՆՔՆԵՐ

МАКСИМЕ ХАМОИ

БЪНАХӘЕД
ФРАЗЕОЛОГІА ЗЪМАНЕ К'ӨРДИ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1988

4С
X-18
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. У. ХАМОЯН

11820
ОСНОВЫ
ФРАЗЕОЛОГИИ
КУРДСКОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН

1988

Печатается по решению ученого совета института
Востоковедения АН Армянской ССР

Ответственные редакторы:
доктор филологических наук *А. Дж. Джауари*,
кандидат филологических наук *А. Ц. Акопян*

Книгу рекомендовали к печати рецензенты:
академик *Г. Б. Джаукян*, доктор филологических наук *В. А. Косян*

Хамоян М. У.

X 185 Основы фразеологии курдского языка [Отв. ред. А. Дж. Джауари, А. Ц. Акопян]; АН АрмССР, Ин-т востоковедения.—Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1988. 280 с.

Монография представляет системное изложение основ фразеологии курдского языка, разработанных на основании результатов всестороннего исследования фразеологического состава языка. В ней рассматриваются общие проблемы теории фразеологии: объем и границы фразеологии, методы и аспекты исследования моделирование, разработка классификационной системы, способной послужить основой теории фразеологии и некоторые другие.

Книга рассчитана на специалистов по курдскому языку, по иранской и общей фразеологии и широкий круг лиц, интересующихся курдским языком.

4602010000
X $\frac{\quad}{703(02)-88}$ 30—88

ББК 81.2Курд

© Издательство АН Армянской ССР, 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курдоведение имеет длительную историю развития (см. 40)¹. Однако оно поднялось на значительную научную высоту и с объективных позиций подошло ко всестороннему изучению громадных богатств курдского языка только в послеоктябрьскую эпоху. Опираясь на лучшие традиции русского и зарубежного языкознания, советские курдоведы в достаточно короткие сроки создали ряд ценных трудов, в которых решаются важнейшие актуальные вопросы грамматического строя и фонетической системы курдского языка, курдской диалектологии, истории курдского языка и т. д. (см. напр.: 33, 34, 35, 69, 70, 127, 140, 143). Одним из важных разделов курдского языкознания, интенсивно исследованных в советском курдоведении за последние 15—20 лет, является фразеология², объектом изучения которой служит фразеологическая система языка со всеми присущими ей особенностями.

Задача сбора и научной систематизации фразеологического материала курдского языка приобрела большую актуальность в период интенсивного развития курдоведения и его дальнейшей дифференциации на отдельные курдоведческие дисциплины. Этому в значительной степени способствовали два важных обстоятельства. Одним из них, возникшим в практике составления лексических словарей и изучения лексико-грамматических разрядов слов, явилась острая потребность в отграничении лексических единиц от различного рода устойчивых словосочетаний, а другим—необходимость в самостоятельной разработке вопросов курдской фразеологии и создании фразеологического словаря курдского языка.

Важным стимулом для инвентаризации и исследования фразеологии курдского языка послужила также широкая разработ-

¹ Условные сокращения и список литературы приводятся в конце работы.

² В настоящей работе термин «фразеология» употребляется в двух значениях: как фразеологический состав языка, и как раздел языкознания, изучающий фразеологические единицы.

ка научно-теоретических вопросов общей и частной фразеологии в нашей стране.

Фразеология—отрасль сложных, сверхсловных единиц языка, значительно позже, чем слова и синтаксические единицы, ставших предметом специальных наблюдений и раздумий ученых. Общий ход развития лингвистической мысли в направлении последовательного разграничения бытующих в языке различных материальных отраслей только в начале нашего столетия привел к реальным предпосылкам уяснения сущности фразеологии (см. 37). Однако задача выделения фразеологии в самостоятельную область языкознания как таковая была поставлена значительно позже—в годы развития советской лингвистической науки, учеными—Е. Д. Поливановым (см. 95, 96), В. В. Виноградовым (см. 45, 46, 47) и Б. А. Лариным, который писал: «Фразеология как лингвистическая дисциплина находится еще в стадии скрытого развития..., еще не оформилась как зрелый плод подготовительных трудов... А выделение такой дисциплины нам уже необходимо, ибо всем ясна дилетантская беспомощность, разнობой и безуспешность попутного случайного разбора этого материала в лексикографии, стилистике, синтаксисе» (см. 77, с. 200).

Исследовательская работа этих ученых обусловила необходимость создания доказательно аргументированной основы для выделения фразеологии в самостоятельную лингвистическую дисциплину, вызвала широкий размах изучения ее проблем в нашей стране и за ее пределами.

Особенно в последние два десятилетия фразеологическая проблематика находилась в центре повышенного внимания ученых. В орбиту исследования вовлекались фразеологизмы целого ряда языков, вышли в свет сотни фразеологических исследований, большое число фразеологических словарей различного назначения и учебных пособий, интенсивно проводилась и продолжается широкая и плодотворная работа над разрешением узловых проблем общей и частной фразеологии. Уместно здесь же отметить, что основные вехи фразеологии как отдельной отрасли науки и наиболее значительные успехи ее развития представлены русским языкознанием, в работах В. Л. Архангельского, О. С. Ахмановой, А. М. Бабкина, С. Г. Гаврина, В. П. Жукова, А. И. Молоткова, С. И. Ожегова, Л. И. Ройзензона, В. Н. Телия, Н. М. Шанского и др., в советской романстике и германистике, в широко известных работах Н. Н. Амосовой, А. В. Кунина, И. И. Чернышевой, В. Г. Гака, М. Д. Городниковой, А. Г. Назаряна, Я. И. Рецкера и др. У истоков же фразеологических исследований в советской иранистике находятся

работы Ю. Ю. Авалиани (см. 6—12), фундаментальный труд Ю. А. Рубинчика «Основы фразеологии персидского языка» и ряд его очерков и статей (см. 105, 106, 107), исследование М. И. Исаева «Очерки осетинской фразеологии» (см. 60), исследование С. В. Хушеновой по таджикской фразеологии (см. 139), фразеологический словарь таджикского языка, составленный М. Фазыловым (см. 122) и работы некоторых других ученых.

Сегодняшние достижения в развитии фразеологической науки в целом значительны. Но вместе с тем в ней имеется еще немало нерешенных или слабо разработанных задач и проблем, касающихся самых разных аспектов ее исследования. До сих пор нет единого определения основных понятий фразеологии, не все выдвинутые за последнее время проблемные вопросы имеют глубокое, всестороннее и последовательное освещение, отсутствуют общепризнанные методы рассмотрения и изучения фразеологических единиц, не выработаны их единая классификационная система и единые принципы их фразеографической кодификации. Все эти пробелы, определяющие характер современного уровня развития фразеологии и, в частности, свидетельствующие об отсутствии единой фразеологической теории, затрудняют изучение фразеологического материала отдельных языков.

Предлагаемая работа, посвященная описанию фразеологии конкретного языка, разумеется, не может ставить своей целью восполнение этих пробелов. Однако учитывая, что создание общей теории фразеологии требует обобщения опыта и достижений в разработке теоретических вопросов фразеологии разнотурных языков, можно надеяться, что в этом плане несомненный интерес могут представить и исследования в области фразеологии иранских языков, в том числе и курдского. В частности, настоящее исследование может оказаться небесполезным при решении общетеоретических вопросов, поскольку оно содержит результаты осмысления и обобщения большого фразеологического материала курдского языка и опирается на опыт многолетней работы автора над составлением курдско-русского фразеологического словаря (см. 124). В нем специалисты могут познакомиться с новой постановкой вопросов, связанных с определением сущности фразеологической единицы, моделированием процесса фразеобразования, а также предложенной автором структурно-семантической типологией фразеологических единиц и их динамической классификацией. В этом, очевидно, можно усматривать одно из значений настоящей работы, которая служит началом систематической разработки фразеологической проблематики как нового перспективного направления в области курдского языкознания.

В современной лингвистической науке фразеологической проблематике уделяется особое внимание, поскольку существует острая потребность в разработке вопросов фразеологии и фразеографии, а также ряда общих вопросов теории национальных языков. В плане решения этих задач, актуальных и в курдском языкознании, важным представляется прежде всего проблема выделения и описания фразеологического состава курдского языка и создания аргументированной основы определения фразеологии в качестве самостоятельного раздела теории курдского языка.

Актуальность этой проблемы определяется ее научно-теоретической и практической важностью, с одной стороны, и ее неразработанностью в курдском языкознании,—с другой. Она представляет интерес прежде всего в плане проводимых на современном этапе развития курдоведения исследований, направленных на решение одной из первостепенных задач курдского языкознания—всестороннего исследования отдельных отраслей языка, выделяющихся на наиболее общем уровне членения его системы.

Курдская фразеология—плод творческого гения народа, величайшее творение его духовной жизни—исключительно богата и разнообразна. Являясь поистине бесценным сокровищем языка, она очень глубоко и ярко отражает его национальное своеобразие. При этом фразеологический материал полностью является достоянием народной разговорной речи. Особенно широко представлен он в памятниках устного народного творчества и сравнительно меньше в письменности.

Для фразеологии как самостоятельной отрасли характерна присущая только ей специфика отражения действительности. Она обладает особым назначением, обнаруживая своеобразные закономерности образования, развития и функционирования в системе языка. Ей свойственна своя система внутренних отношений, она активно взаимодействует с другими отраслями языка и т. д.

Большой круг вопросов и проблем, касающихся всех этих сторон фразеологии и составляющих сущность фразеологической проблематики курдского языкознания, несмотря на значительные достижения в изучении других отраслей языка и на успехи в исследовании отдельных явлений самой фразеологии, по существу остается до сих пор неразработанным. В работах по курдской фразеологии, изданных в виде отдельных статей и очерков, главным образом в нашей стране за последние годы, проблема выделения и системного исследования фразеологии не ставится, не разработаны основные понятия фразеологии и вопросы, ка-

сающиеся дифференциации фразеологического состава языка в целом. Между тем подобное исследование необходимо для выяснения природы фразеологии как особого явления и, тем самым, может привести к расширению и углублению знаний о системе курдского языка. Кроме того, оно обусловлено назревшей необходимостью создать теоретические основы курдской фразеологии как особой научной дисциплины и составной части теории курдского языка. Его актуальность продиктована также тем, что неразработанность фразеологической проблематики отрицательно отражается на изучении вопросов лексикологии, морфологии и синтаксиса, на решении ряда задач, связанных с практикой преподавания родного языка в школе и созданием учебных пособий. Исследование фразеологии является назревшей задачей, связанной также с потребностью решения прикладных задач курдской фразеологии—составления фразеологических словарей различного назначения. В частности, важное значение приобретает вопрос создания толкового фразеологического словаря курдского языка и словарей-справочников, в задачу которых входит отражение и разностороннее раскрытие богатства фразеологических средств языка. С другой стороны, выдвигается сложная задача составления курдско-иноязычных и иноязычно-курдских словарей. Интенсивное расширение возможностей языковых контактов на основе сближения народов в различных областях культуры, экономической и общественно-политической жизни вызывает острую необходимость создания, в первую очередь, курдско-русского и русско-курдского фразеологических словарей, которые могут играть большую роль в овладении языком и в обеспечении высококачественных переводов с одного языка на другой, а также служить обширной обработанной фактологической базой для систематического научного исследования проблем языка и, в том числе, проблем самой фразеологии. Учитывая важность фразеологических исследований для фразеографии, Н. Н. Амосова отмечает: «В наши дни составлять словари, не имея в своем распоряжении строго продуманных и подкрепленных хорошо разработанной теорией фразеологии принципов их комплектования и построения, представляется уже невозможным» (см. 26а, с. 66).

Наконец, разработка фразеологической проблематики отдельных языков составляет одно из главных направлений языкознания.

Исследование курдской фразеологии по существу только начинается. В работах, посвященных ее изучению, даются результаты описания лишь некоторых частных вопросов или отдельных деталей чрезвычайно разнообразной и сложной фразеологической проблемы курдского языка.

Настоящая работа является первой попыткой выделения и систематической разработки этой проблемы как таковой. Она ставит своей целью разработку основ фразеологии курдского языка на базе результатов исследования фразеологического состава языка в синхроническом плане. Основные задачи, определяющиеся этой целью, заключаются в следующем: а) выявление сущности фразеологических единиц как особых лингвистических структур и определение объема и границ фразеологии курдского языка; б) раскрытие механизма фразообразования путем его моделирования, установление специфики структуры и семантики фразеологизма и освещение взаимоотношений, устанавливаемых между ними; в) выявление типов фразообразования; г) установление особенностей внутренней дифференциации фразеологии на разных уровнях и осуществление систематического описания выявленных типов единиц фразеологического состава языка; д) раскрытие картины диахронического развития в системе фразеологии; е) осуществление лингвистического описания вариантности фразеологических единиц и выявление специфики их полисемии; ж) установление основных системных отношений в курдской фразеологии; з) анализ фразеологической деривации и освещение ее роли в обогащении и развитии словарного состава языка.

К решению этих задач автор приступил еще во время своей работы над курдско-русским фразеологическим словарем и его теоретическим обоснованием. Среди большого числа вопросов, которые стояли перед автором, особо выделялся вопрос о том, что можно считать фразеологической единицей и включать в словарь. Ответ на этот вопрос, который, к сожалению, по настоящее время курдоведом не ставился, а также и на некоторые другие узловые вопросы теории курдской фразеологии и фразеогрaфии содержится во ввoднoй статье к словарю, которая, однако, представляет лишь самые общие результаты наших наблюдений над характером фразеологизма как особой единицы языка. Отметим, что конкретный анализ фразеологического материала с учетом основных проблем современной фразеологической науки в их различном и порой противоречивом разрешении позволил нам изложить свое понимание специфики фразеологизма и, в соответствии с этим, установить корпус словаря и принципы его построения. Вслед за многими фразеологами мы считаем фразеологию самостоятельной научной дисциплиной. Однако в ряде основных, исходных положений теории фразеологии, и, в первую очередь, в вопросе о ее основных понятиях, наша точка зрения является самостоятельной. Расхождения между нашим пониманием природы фразеологизма и существующими в специальной литературе различными точками зрения раскры-

ваются в ходе конкретного анализа соответствующих явлений курдской фразеологии.

Следует особо подчеркнуть принципиальную важность достижений отечественной фразеологии и фразеографии в формировании наших взглядов на актуальные задачи курдской фразеологии. В то же время к курдскому фразеологическому материалу не мог применяться ряд положений и классификаций, выдвинутых учеными на материале фразеологии других языков. В связи с этим настоящая работа не могла быть подведена ни под одну из схем существующих исследований. Она построена в целом на оригинальных принципах, вытекающих из конкретного анализа фактического материала. Характер задач и аспектов исследования, а в известной степени и общее состояние неизученности курдской фразеологии определили особенности ее структуры, ее общую композицию и состав. Она представлена в семи главах, имеет введение и предисловие, в котором обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность и новизна, определяются цель и задачи исследования, его теоретическое значение и практическая ценность.

Во введении дается описание и критический анализ работы в области курдской фразеологии и фразеографии. Здесь констатируется тот факт, что курдская фразеология и фразеография в сущности делают свои первые шаги, и в прямой зависимости от этого определяется круг вопросов, подлежащих рассмотрению в работе, а также метод и аспекты исследования, предопределяющие ее научно-теоретическую направленность.

Первая глава работы, состоящая из трех разделов, представляет последовательное освещение наиболее кардинальных вопросов, касающихся структурно-элементного состава и картины становления фразеологических единиц, их семантической сущности и лингвистического назначения в системе языка. Здесь наряду с синхронным описанием фразеологических явлений большое внимание уделяется выяснению их причинной связи и взаимоотношений. Подобранный подход имеет место при разработке наиболее важных вопросов, касающихся строения фразеологической единицы, в частности при изучении особенностей ее структурно-семантической организации в плане их сравнения с соответствующими особенностями слов и синтаксических единиц (например, цельнооформленность и раздельнооформленность, устойчивость и переменность, переосмысленность и непереосмысленность и т. д.).

Исследование в этой главе нацелено на определение основных понятий курдской фразеологии, на выяснение ее объема и границ.

Основной вопрос теории фразеологии—вопрос об объеме и

границах фразеологии—еще не имеет однозначного и общепризнанного ответа. В ходе изучения материала курдской фразеологии автор убедился в том, что причина существования разных взглядов на этот вопрос заключается не в недостаточности результатов исследования устойчивых словосочетаний в традиционно выделяемых фразеологами аспектах, а в том, что задача определения места устойчивых словосочетаний в системе языка решается без выбора соответствующего для этой цели аспекта исследования. Определения фразеологической единицы, встречающиеся в литературе по фразеологии других языков, как известно, основаны на одном или нескольких частных признаках, выступают определениями частными, отвечающими на вопрос о том, *каким* является фразеологизм в том или ином отношении. Между тем лингвистической науке необходим ответ на вопрос, *что* такое фразеологизм, поскольку в определении предмета в системе предметов важным представляется прежде всего не то, *каким* является этот предмет в тех или иных частных отношениях, а то, *какова его сущность*. Учитывая это, автор рассматривает фразеологическую единицу в особом, новом аспекте, названном в работе социолингвистическим—в ее связях с потребностью, так как лишь в этом аспекте, служащем своеобразным ключом к разгадке сущности фразеологической единицы, можно выяснить ее призвание. Наблюдения в этом направлении позволили автору установить, что лингвистическую и социальную сущность фразеологической единицы (как и любого другого образования языка) составляет ее лингвистическое назначение в системе языка, которое выступает ее категориальным свойством, являющимся свойством наиболее общим и глобальным, доминирующим над всей ее комплексной организацией. Что касается самого понятия «лингвистическое назначение», то оно исходит из марксистского положения о происхождении языка из потребности и является его логическим следствием: то, что возникает из потребности, обладает свойством удовлетворения этой потребности—удовлетворяющим свойством, условно названным лингвистическим назначением. Это свойство, впервые выявленное автором, основано на совокупности микроназначений (микросвойств) элементов, образующих комплексную организацию фразеологической единицы, является их суммой, итогом. Формальным показателем назначения, таким образом, служит не какая-нибудь частная особенность, а комплексная организация фразеологической единицы в целом. С другой стороны, будучи свойством удовлетворения потребности, оно обуславливает социальную направленность фразеологической единицы на предмет действительности, обеспечивая тем самым само ее существование.

Правомерность исследования фразеологического материала в социолингвистическом аспекте, выдвигаемом в свете марксистского положения о происхождении языка из потребности, оправдывается его объективной целесообразностью и важностью для освещения основных вопросов фразеологии. Исследование в этом аспекте является эффективным методом определения опорных понятий этой науки. Этим методом и определяются теоретические позиции автора, относящиеся как к разным сторонам комплексной организации фразеологической единицы, так и фразеологического состава языка в целом.

Важность подобного метода исследования заключается прежде всего в том, что он приводит к раскрытию объективной картины становления фразеологической единицы, к выявлению сущности ее структуры и семантики, особенностей связей и взаимоотношений между ними, к обнаружению объективных основ моделирования фразеобразования как особого лингвистического явления, к определению качественного своеобразия строения фразеологической единицы, к вскрытию особенностей ее диахронического развития и причин ее изменения, к обнаружению у нее двух типов свойств: общего, глобального свойства—назначения и свойств частных.

Исследование фразеологического материала в социолингвистическом аспекте имеет принципиально важное значение для установления специфики лингвистического назначения единиц языка, в том числе фразеологической единицы и, тем самым, представляется основополагающим методом теории подсистем языка и языковой системы в целом. Этот метод позволил автору убедиться в том, что фразеологическое назначение определяется особой формой отражения действительности в сознании человека: в основе фразеологической семантемы, являющейся по природе понятийно-целостной единицей мысли, лежит характеризующее, оценивающее или описывающее начало. В связи с этим она обладает большим объемом информации о предмете и при потребности в объективации на уровне средств выражения соотносится не со словообразовательной семантемой, а с семантемой синтаксической, облекаясь в ее материальную оболочку. Зависимость характера структуры (материальной оболочки) фразеологизма от специфики фразеологической семантемы и обусловленность последней спецификой отражения действительности свидетельствуют о том, что своеобразии комплексной организации фразеологизма как особого типа проявления языковости (языковой материи) в конечном счете определяется своеобразием формы отражения действительности фразеологической семантемой. На этом основании автор делает вывод, что существование в языке

структур разных систем строения обусловлено не чем иным, как существованием разных форм отражения действительности.

Научная новизна работы заключается не только в обоснованном выделении фразеологического состава курдского языка, но и в его систематическом описании. Основное место в ней занимает разработка вопросов, касающихся классификации фразеологических единиц на структурно-семантическом и фразограмматическом уровнях, на уровне диахронического развития фразеологических единиц и их функциональных и функционально-стилистических отношений. Исследование фразеологических единиц в этих аспектах охватывает основные проблемы, определяющие сущность фразеологии как отдельной, самостоятельной отрасли курдского языка. Освещению этих проблем посвящены вторая, третья, четвертая и пятая главы работы.

Во второй главе представлена структурно-семантическая типология фразеологических единиц курдского языка, рассматриваемая автором в качестве объективной основы теории курдской фразеологии. В этой классификационной системе находит отражение реально существующая дифференциация фразеологического состава языка на структурно-семантические разновидности. В ее задачу входит выявление типологических группировок структурно-семантических организаций фразеологизмов и установление своеобразия каждой из них в отдельности. Она построена на оригинальных принципах, исходя из материала фразеологии курдского языка, и не повторяет элементы известных в литературе по общей и частной фразеологии классификаций. Принципы этой классификации апробированы автором на фразеологическом материале армянского языка (см. 133, с. 104).

Третья глава содержит фразограмматическую классификацию фразеологизмов. Установлено, что границы этой классификации не тождественны с границами структурно-семантической типологии этих единиц, что обуславливает необходимость выделения данной классификации в отдельности. Здесь же отмечается, что во фразеологической проблематике одно из важных мест занимает задача создания фразеологической грамматики, требующая выделения и описания автономных фразограмматических разрядов фразеологизмов и установления особенностей системы фразоизменения. Анализ фразеологических единиц в этом плане позволил автору определить в курдском языке четыре класса таких единиц, соотносящиеся с разными частями речи. Ими являются: номинативные, служебные, модальные и междометные. Каждый из них в свою очередь дифференцируется на разряды. Во фразеологическом составе языка значительный удельный вес имеют разряды номинативных фразеологизмов, которые-

ми являются: субстантивные, адъективные, адverbиальные и глагольные фразеологические единицы.

В работе морфологическая характеристика фразеологических единиц каждого класса сопровождается указанием на характер их функционирования в языке.

Четвертая глава посвящена диахронической классификации фразеологических единиц. Эта классификация, как и структурно-семантическая типология, осуществляется впервые автором на материале курдской фразеологии. Она основана на диалектическом подходе к фразеологическим единицам и позволяет изучать фразеологию в процессе ее динамического развития.

Диахроническая классификация представляет три группы фразеологических единиц, которые отличаются друг от друга тем, что находятся на разных этапах развития и, в зависимости от этого, обнаруживают разные характеристики лингвистического статуса. Три разных состояния, в которых могут оказаться фразеологические единицы за время своего существования, в совокупности отражают динамику развития фразеологии. Сам же механизм развития фразеологии заключается в ее реальном речевом функционировании, в ее связях с языковым коллективом, с его познавательной деятельностью. Вне условий функционирования, употребления в речи фразеология лишена возможности развития, изменения.

Пятая глава работы содержит описание вариантности и полисемии в системе фразеологизмов—двух очень важных явлений, получивших широкое распространение в фразеологической системе курдского языка. Первое из них наблюдается преимущественно на уровне структуры фразеологических единиц и отражает их изменение преимущественно на этом уровне. Второе же явление связано с семантической структурой и находит свое выражение в тенденциях изменения семантики фразеологических единиц и развития у них многозначности.

Шестая глава работы посвящена рассмотрению некоторых наиболее общих вопросов состава фразеологии современного курдского языка. Здесь (в малой степени) освещаются прежде всего вопросы, касающиеся дифференциации фразеологического состава языка на общекурдские и диалектные фразеологизмы, на фразеологизмы, относящиеся к активному или пассивному запасу фразеологии. Далее в отдельности рассматриваются вопросы, касающиеся стилистической характеристики фразеологизмов, их синонимии, антонимии и омонимии.

Отдельное место в работе предоставлено фразеологической деривации (седьмая глава). Определение категориальной сущности фразеологизма обусловило реальную возможность освеще-

жения ряда абсолютно неизвестных науке о курдском языке вопросов, к числу которых можно отнести деривацию на основе фразеологических единиц, являющуюся важным источником обогащения словарного состава языка лексическими единицами самых различных структурных и функциональных типов.

Работа содержит краткое заключение, в котором представлены основные итоги, вытекающие из конкретных результатов проведенного исследования и позволяющие наметить пути дальнейшего развития исследования в области курдской фразеологии.

Фразеология изучается в работе как система в ее связях с лексикой и синтаксисом. Она исследуется в плане синхронии с учетом особенностей динамики развития фразеологических единиц и закономерностей их образования и функционирования.

Основной материальной базой исследования послужил курдско-русский фразеологический словарь, широко отражающий фразеологический состав северо-западного и частично юго-восточного наречий курдского языка. К анализу привлекается также большой материал из фразеологической картотеки автора, содержащей около 25 тысяч фразеологических единиц, взятых из печатных текстов, из живой народно-диалектной речи, а также из лексических словарей и сборников поговорок и пословиц.

Приступая к изложению результатов исследования курдской фразеологии, следует отметить и то, что на протяжении 1968—1976 гг. некоторые вопросы настоящей работы освещались в лекциях, прочитанных автором для студентов отдела курдоведения факультета востоковедения ЕГУ. Кроме того, некоторые основные положения работы получили освещение в ряде статей автора и в составленной им теоретической части курдско-русского фразеологического словаря, в его монографии «Очерки именной фразеологии курдского языка» (см. 134) и в докладах, прочитанных на всесоюзных и международных симпозиумах.

ВВЕДЕНИЕ

§1. Кроме слов—единиц лексики и словосочетаний и предложений, которые обычно образуются в процессе речи и которые принято называть свободными (переменными) словосочетаниями и предложениями, в курдском языке очень часто встречаются и так называемые устойчивые словосочетания типа: ава бьн кае («коварный, хитрый, ненадежный; предатель», букв. (как) вода, текущая под сечкой (соломой), ав шелу кьрын («мутить воду, умышленно запутывать какое-либо дело, вносить неразбериху во что-либо»), авитьн аве («продавать очень дешево; пускать в трубу, бросать (пускать) на ветер, зря расходовать, тратить», букв. бросать в воду), бун аре шьлере («приставать как банный лист, неотвязно, надоедливо; не отвязываться (от кого-либо), бь дьл ушан («от всей души, от всего сердца, сердечно, искренне, вдохновенно», букв. с сердцем и телом), мака дьне метьн («грабить, разорять, расхищать», букв. сосать грудь матери мира), мьришка кор («не видящий дальше своего носа, ограниченный; тот, кто растерян, не соображает, что делает», букв. слепая курица), чун ахе сар («умереть, скончаться», букв. идти в холодную землю) и т. д. и т. п. Единицы этого типа образуют значительную часть всего языкового материала, которым пользуется носитель языка.

Устойчивые словосочетания издавна обращали на себя внимание курдоведов и особенно составителей лексических словарей и сборников поговорок и пословиц. Однако специальная работа над их сбором и изучением стала проводиться только в последние годы.

Первым опытом такой работы явился курдско-русский фразеологический словарь, вызвавший значительный интерес среди читателей в нашей стране и за рубежом [см. 124]. Потребность в составлении этого словаря обусловила возможность постановки новой для курдского языкознания задачи—выделения фразеологии и ее помещения в один ряд с курдской лексикографией. Предоставление фразеологии права на самостоятельное существование зависит от наличия целого комплекса конкретных фразеологических вопросов, освещение которых не входит в за-

дачу лексикографии. Результаты разработки некоторых из этих вопросов изложены в теоретической части словаря—в разделе «Расположение фразеологического материала» [см. 124, с. 18].

В этом словаре фразеологизмом называется устойчивое словосочетание или предложение, являющееся целостной, монолитной единицей языка, обладающей фразеологическим назначением [см. 124, с. 19].

Фразеологизм приводится в каждой форме его существования в отдельности только по первой букве начального компонента. При этом он представляется не изолированно, но во всей полноте структурных и семантических связей с другими единицами (вариантами, синонимами, антонимами и омонимами). Далее каждая фразеологическая единица курдского языка сопровождается одним или несколькими полными или частичными эквивалентами русского языка, которые нередко составляют синонимический ряд. Важное место в раскрытии значений фразеологических единиц курдского языка занимает их разностороннее толкование. Кроме того, особое внимание обращено на раскрытие буквального значения фразеологизмов, разумеется, во всех тех случаях, когда это представляется сколько-нибудь возможным.

Составлению курдско-русского фразеологического словаря предшествовали многочисленные записи устойчивых словосочетаний и предложений, сделанные в разное время поэтами и писателями, исследователями курдского языка, фольклористами, составителями лексических словарей и сборников поговорок и пословиц.

Из устойчивых словосочетаний и предложений, самых различных по структурно-грамматической и функционально-семантической организации, в поле зрения ученых в первую очередь оказались так называемые поговорочно-пословичные выражения. Их собиранием и изданием начинается подготовительный, донаучный период изучения устойчивых словосочетаний и предложений.

Записи поговорок и пословиц встречаются в литературе с начала XVIII в. Они представлены в рукописях, хранящихся в Матенадаране [см. 109] и в материалах рукописного отдела библиотеки ИВ АН СССР [см. 110].

Интерес к ним заметно возрос во второй половине XIX в. в связи со сбором памятников устного творчества курдского народа и составлением различных по назначению лексических словарей. Небольшие и неодинаковые по объему списки поговорок и пословиц включены в фольклорные сборники и в труды исследователей курдского языка [см. 79]. В разной степени их содер-

жат и лексические словари, относящиеся к тому периоду. Здесь должны быть отмечены: курдско-русский словарь П. Лерха, изданный в третьей книге его «Исследований об иранских курдах и их предках северных халдеях» [см. 78—79] и курдско-французский словарь А. Жабы [см. 150], содержащие также небольшое количество устойчивых выражений непоговорочно-пословичного характера.

Значительное количество устойчивых словосочетаний и предложений, в том числе и поговорочно-пословичных и афористических выражений, было собрано и опубликовано в начале XX в. [см. 151, 158]. Среди же многочисленных словарей, изданных в первой половине XX в. и в дальнейшем, устойчивые словосочетания содержат главным образом арабо-курдский словарь Гиви Мукриани [см. 28], курдско-русский словарь К. К. Курдоева [см. 76], курдско-русский словарь Ч. Х. Бакаева [см. 75], русско-курдский словарь И. О. Фаризова [см. 128] и армяно-курдский терминологический словарь, составленный коллективом армянских и курдских авторов [см. 118]. Устойчивые словосочетания приводятся в них в основном в качестве иллюстрации для раскрытия значений слов [см. 76, с. 372].

Сбор и издание устойчивых словосочетаний продолжается лексикографами и фольклористами и в настоящее время. Наряду с этим за последние 40 лет проводилась значительная работа по составлению и изданию специальных сборников таких образований. Характеристика этой работы дана в нашей статье «Состояние и задачи курдской фразеологии» [см. 128].

Устойчивые словосочетания и предложения, представленные в лексических словарях и сборниках поговорок и пословиц, принадлежат к самым различным структурно-семантическим типам. Основная часть их представлена поговорками и пословицами, устойчивых же выражений, не являющихся поговорками и пословицами, собрано и издано сравнительно мало. При этом материал в сборниках поговорок и пословиц нередко повторяется: многие поговорки и пословицы, широко употребляемые в языке, встречаются почти во всех сборниках. Кроме самих поговорок и пословиц они содержат большое количество оборотов типа афоризмов, сентенций, присловий, приговорок, кличек, прибауток, поверий, пожеланий, сравнений и т. д. и т. п. В них встречаются неверное толкование и неточный перевод поговорок и пословиц на другие языки; не разработаны вопросы разграничения всей массы речений, их отграничения от поговорок и пословиц и синтаксических единиц.

Попытаемся осветить общее состояние и основные задачи изучения фразеологии курдского языка.

§ 2. Изучение фразеологии курдского языка начинается в конце 60-х годов нашего столетия. К этому времени относятся первые труды проф. Ю. Ю. Авалиани, посвященные изучению сложного глагола и глагольных фразеологизмов [см. 7, 10, 11, 17]. В этих и в ряде других работ, изданных впоследствии в виде очерков, статей и тезисов выступлений, главной задачей ученого является установление критериев отграничения глагольных фразеологизмов от сложных глаголов [см. 16; 6, с. 3—13; 7]. При этом в качестве глагольных фразеологизмов, сравниваемых со сложным глаголом, исследуются главным образом обороты, включающие оба главных члена, т. е. глагольные фразеологизмы со структурой предложения (типа: к'ефа ви hat («ему стало весело»), арьле ви чу («Он лишился ума») и т. п. [см. 16, с. 31]. Что касается глагольных фразеологизмов со структурой словосочетания (типа: (əwi) ə'щербəк ани сəре фьланк'əсе) («он навлек на того-то какое-либо несчастье») и т. п. [см. 6, с. 59], то к ним Ю. Ю. Авалиани обращается сравнительно реже, в основном при определении сфер понятий, выражаемых глагольными фразеологизмами.

Задача отграничения глагольных фразеологизмов от сложных глаголов нуждается в дальнейшем исследовании, т. к. еще не до конца выяснены, с одной стороны, отличия между фразеологизмами со структурой словосочетания и фразеологизмами со структурой предложения и, с другой стороны, специфические особенности, лежащие в основе разграничения фразеологизмов со структурой словосочетания и сложных глаголов.

Среди работ проф. Ю. Ю. Авалиани особое место занимают ее «Тексты лекций по компаративно-сопоставительной фразеологии иранских языков» [см. 22], в которой она останавливается на вопросе об объеме фразеологии, не предлагая, однако, своего определения фразеологической единицы. В состав фразеологии ею не включаются следующие типы устойчивых словосочетаний и предложений:

1. Двучленные глагольные обороты со структурой словосочетания, отнесенные ею к лексике;

2. Поговорки и пословицы, которые, по ее мнению, отличаются от фразеологизмов тем, что обладают не фразеологической устойчивостью, а устойчивостью синтаксической; выражают не понятие, а «развернутое суждение»; не вступают в живые грамматические связи с членами предложения, а «стоят вне живых синтаксических связей с предложениями контекста, сохраняя с ним только общие логико-семантические связи, складывающиеся обычно как присоединительные» [см. 22, с. 6];

3. Составные названия и термины, лишенные эмоционально-

экспрессивной окраски и выступающие как стилистически нейтральные терминологические номинации. Их Ю. Ю. Авалиани называет аналитическими словами и относит к лексике.

За последние годы вышли в свет еще две статьи, посвященные связям курдского языка с персидским и армянским языками в области фразеологии. Одна из них опубликована иранским языковедом Мустафа Кейваном в журнале «Яхма» [см. 59], другая—советским курдоведом Ч. Х. Бакаевым [см. 34, с. 256—266]. Статьей Ч. Х. Бакаева кладется начало исследованию проблемы армянско-курдских языковых связей. Она является одной из первых работ в области исследования вопросов межязыковой идиоматики в отечественной лингвистической науке. В армянском и курдском языках Ч. Х. Бакаевым обнаружены глагольные фразеологические единицы, которые группируются по стержневым словам. Сравнения параллелей каждой группы позволяют видеть их абсолютную тождественность в форме и содержании, а причину этого явления—в калькировании.

Статья М. Кейвана носит историко-литературоведческий и лингвистический характер. В ней освещается ряд вопросов этимологии «крылатых» выражений курдского языка, использованных персидскими поэтами-классиками (Фердоуси, Саади и др.). Отметим также небольшую статью И. И. Цукермана «Позиция ведущего слова в контрастных словосочетаниях», в которой рассматривается вопрос о порядке расположения компонентов в парных словосочетаниях [см. 142]. Подробный анализ этой статьи содержится в нашей работе «Очерки именной фразеологии курдского языка» [см. 134, с. 13—15, см. также 138].

Курдской фразеологии посвящен небольшой раздел «фразеология» (всего 13 страниц) в работе Аурахмана Аджи Маруфа «Слова курдского языка» [см. 31, с. 56—68]. В этой работе фразеология представляется как раздел лексикологии, и, таким образом, автор без основания отказывает курдской фразеологии в праве на существование в качестве самостоятельной научной дисциплины. При этом А. А. Маруф не пытается убедить читателя в правомерности своего подхода и не предлагает своего определения фразеологической единицы. По мнению А. А. Маруфа, в курдском языке имеются две разновидности оборотов (phrase): а) свободные обороты (фризи баралал), б) устойчивые обороты (фризи гирау [см. 31, с. 57].

Свободными оборотами А. А. Маруф считает единицы синтаксиса и терминологические устойчивые словосочетания типа щажни нэвруз [см. 31, с. 57]. При этом он утверждает, что терминологические устойчивые словосочетания, подобно единицам синтаксиса, образуются в процессе речи [см. 31, с. 58] и что

на этом основании они должны служить объектом изучения синтаксиса. Что касается оборотов, называемых А. А. Маруфом устойчивыми, то таковыми он считает словосочетания-идиомы. Их же он называет фразеологизмами. Но фразеологизмами он считает и отдельные слова типа р'ур'эш [см. 31, с. 57].

В своей работе А. А. Маруф пытается применить известную семантическую классификацию акад. В. В. Виноградова к курдской фразеологии, хотя, как известно, попытка распространения этой классификации на курдскую фразеологию была предпринята еще в конце 60-х годов Ю. Ю. Авалиани [см. 14, с. 140], но не получила дальнейшего развития, ибо классификация, основанная исключительно на материале русского языка, лишена единого принципа построения и не является, как утверждают некоторые специалисты, совершенной по отношению к русскому языку [см. 26, с. 6].

Таков краткий обзор литературы по курдской фразеологии, за исключением некоторых работ автора, содержание которых отражено в соответствующих разделах настоящего исследования.

На основании анализа перечисленных выше работ можно сделать следующие выводы о состоянии изученности фразеологии курдского языка:

1. Исследования по курдской фразеологии до сих пор велись в направлении описания отдельных структурных типов устойчивых словосочетаний, их сравнительно-сопоставительного изучения и разработки некоторых общих вопросов теории курдской фразеологии. Вопросы о сущности устойчивых словосочетаний, об определении состава устойчивых словосочетаний в целом, о том, являются ли они объектами изучения одного или разных разделов курдского языка, в них не ставятся, хотя и выдвигается немало ценных мыслей о природе отдельных структурных типов таких единиц. Вместе с тем эти работы в ряде случаев нуждаются в серьезной проверке использованного в них фактического материала и результатов его изучения, а также и в уточнении подхода к изучению этого материала.

2. Несмотря на значительную работу, проведенную по сбору и систематизации устойчивых словосочетаний и их исследованию, курдская фразеология находится еще в начальной стадии своего развития. Причем путь, который она проходит, во многом аналогичен тому, какой прошло или проходит изучение фразеологии в других языках. Здесь, во-первых, не все языковеды признают за фразеологией право на самостоятельное существование. Во-вторых, исследователи, считающие фразеологию самостоятельной отраслью языкознания, либо ограничиваются в своих работах рассмотрением отдельных, частных вопросов, не ка-

саясь задач определения места фразеологии в системе языка и других ее общих проблем, либо предлагают свое понимание объекта фразеологии без конкретного анализа фактического материала [см. напр.; 22].

Из всего этого следует, что проблема выделения и систематического исследования фразеологии курдского языка до сих пор не обособлена от комплекса актуальных проблем курдского языкознания и остается нерешенной. Между тем с ее решением связана возможность предоставления фразеологии права на существование в качестве самостоятельного раздела курдского языкознания. Хотя в наши дни мало кто сомневается в том, что фразеологический состав является самостоятельной материальной отраслью языка, однако выделение фразеологии в качестве особого раздела лингвистических знаний на материале каждого конкретного языка требует необходимой аргументации, поскольку многие общие вопросы, касающиеся утверждения этой научной дисциплины, еще не получили в науке однозначного ответа.

§ 3. С проблемой определения лингвистического статуса курдской фразеологии связана возможность включения в ее состав устойчивых словосочетаний следующих структурных типов: парных словосочетаний, повторов, компаративных устойчивых словосочетаний, составных названий и терминов, устойчивых глагольных оборотов со структурой словосочетания, поговорок и пословиц. Вопрос об определении их места в системе языка, требующий специального рассмотрения, как таковой не поставлен в исследованиях по курдскому языку.

В курдоведческой лексикографической практике широкое распространение получила тенденция включения в лексические словари парных сочетаний, повторов-словосочетаний, устойчивых глагольных оборотов со структурой словосочетания и некоторой части составных названий и терминов [см. напр.: 76, 118]. Столь же широко распространена тенденция включения в сборники поговорок и пословиц различного рода устойчивых словосочетаний типа сравнений и устойчивых предикативных оборотов и т. п. [см. напр.: 90, 154]. Эти тенденции наблюдаются при полном отсутствии попыток установления критериев дифференциации языкового материала, включаемого в словари и сборники. Они же прослеживаются и в ряде работ по грамматике и словообразованию. Здесь устойчивые словосочетания-повторы наряду с лексическими повторами считаются словообразовательными структурами [см. 68, с. 109, 148], а парные сочетания и двучленные глагольные обороты со структурой словосочетания ставятся в один ряд со словами в пределах соответствующих лексико-грамматических разрядов слов или словообразовательных типов

[см. напр.: 69, с. 273, 277]. Несколько иначе обстоит дело в некоторых работах по курдской фразеологии и, в частности, курдско-русском фразеологическом словаре. Здесь парные устойчивые словосочетания и двухкомпонентные глагольные обороты, а также устойчивые словосочетания-повторы и компаративные устойчивые словосочетания считаются фразеологизмами на основе присущего им общего фразеологического назначения [см. 124, 128]. Они не представлены в словообразовательной структуре. Их материальная оболочка выражена структурой соединения лексем (потенциальной синтаксической структурой). Но их нельзя считать лексическими единицами прежде всего на том основании, что в пределах лексики рассматриваются не они, а их дериваты. Ср. напр.: сәр у п'е («голова и ноги, конечности») и сәрп'е («одежда; похлебка из головы и ножек»), десте фк-е гьртън («обручили того-то») и дестгьртън («обручение, обручать») и т. д.

В то же время, в некоторых других работах по фразеологии двучленные глагольные обороты вместе со стилистически нейтральными терминологическими оборотами отнесены к лексике в качестве аналитических слов [см. 22, с. 6—9]. В этих же работах приводятся аргументы против включения поговорок и пословиц в состав фразеологии [см. 22, с. 6—9]. Исключение поговорок и пословиц из состава фразеологии является правомерным в силу особого, присущего им лингвистического назначения в системе языка [см. 125]. Отнесение же к лексике стилистически нейтральных терминологических фразеологизмов и двучленных глагольных оборотов со структурой словосочетания вызывает возражения.

Стилистически нейтральные терминологические фразеологизмы нельзя исключить из состава фразеологии, поскольку они, как и все фразеологизмы языка, в том числе и экспрессивно-эмоциональные терминологические фразеологизмы, обладают общим фразеологическим назначением. Существующее в специальной литературе мнение о том, что к сфере фразеологии относятся только эмоционально-экспрессивные составные названия и термины, как справедливо замечает Ю. А. Рубинчик, не получило широкого распространения. Ю. А. Рубинчик отмечает, что «если к фразеологическому составу относить только экспрессивно окрашенные единицы в их сопоставлении с нейтрально-стилистическими средствами языка, то предмет фразеологии чрезвычайно сужается и становится как бы частью стилистики. В действительности далеко не все ФЕ, в том числе и идиоматические, обладают эмоционально-стилистической окрашенностью... Понятие «фразеологизм» не следует связывать исключительно

с понятиями эмоциональности и экспрессивности. Эти свойства не являются общезнаменительными, а характерны лишь для некоторых идиоматических ФЕ» [см. 106, с. 14].

У курдоведов-специалистов по грамматике, словообразованию и фразеологии до сих пор нет конкретного и единого представления ни о составе сложноименных глаголов, образующих отдельный структурный тип глагольной лексики и ни, тем более, о составе глагольных фразеологизмов со структурой словосочетания как отдельной разновидности глагольной фразеологии. Вопрос о том, чем отличаются друг от друга эти два типа глагольных образований, не только не решен, но и как таковой полностью не поставлен ими.

В одних работах глагольные фразеологизмы со структурой словосочетания сплошь и рядом смешиваются со сложноименными глаголами и представляются в качестве последних. Причем это происходит по-разному. В одних случаях фразеологизмы типа хвә вьнда кьрн («растеряться»), хвә дур хьстн («удаляться»), т'олә же стәндн («отомстить»), нишан дан («показывать») и т. п. определяются как сложные глаголы лишь на основании обнаружения у них общего грамматического значения глагола как части речи [см. напр.: 70, с. 143]. К тому же фразеологизмы типа хвә вьнда кьрн квалифицируются как «комбинированный тип сложных глаголов», которые, мол, «представляют собою устойчивые сочетания или идиоматические выражения» [см. 70, с. 143]. Каким же образом можно отнести образования этого типа к сложным глаголам, если они в то же время признаются устойчивыми словосочетаниями—идиоматическими выражениями?

В некоторых других работах сложный глагол и глагольный фразеологизм со структурой предложения характеризуются следующими особенностями, отграничивающими их друг от друга [см. 16, с. 28—30]:

Сложноименный глагол

Глагольный фразеологизм

1. Компоненты глагола носят морфемный характер или обнаруживают тенденцию стать морфемами.
2. Типичным сложноименным глаголам (в первую очередь с кьрн и бун) в основном не свойственна идиоматика.

Компоненты фразеологизма образуют словесной автономностью и при всех условиях остаются словами.

Фразеологизмы—устойчивые и воспроизводимые сочетания с общим значением глагольности—это тропы в миниатюре.

3. В типичных сложных глаголах глагольный компонент лексически опустошен и индифферентен к именной лексеме, оглаголиваемой им.

4. Наиболее типичные сложные глаголы, как таковые, лишены особой эмоционально-экспрессивной окраски и входят в словарь как лексемы с обычной номинативной функцией.

5. Сложный глагол не включает в свой состав оба главных члена.

6. Сложный глагол допускает контактное и дистантное расположение компонентов, сохраняя в обоих случаях их морфемный характер.

7. Существительные в составе сложных глаголов, становясь морфемами, лишаются в большинстве случаев соответствующих показателей.

В развитии образа и поддержании эмоционально-экспрессивного звучания фразеологизма важную роль играет отбор именных лексем и глагольных компонентов.

Фразеологические единицы характеризуются повышенной экспрессивностью или, наоборот, сниженностью звучания, во всяком случае отходом от нейтральности.

Фразеологизмы могут включить оба главных члена, составляя по своей структуре предложения в миниатюре.

Фразеологизм закрепляет только дистантную структуру опорного имени и глагола, сохраняя тот тип синтаксических связей между словами, который обычно присущ и свободному словосочетанию.

Слова в составе фразеологизма получают присущее им при свободных синтаксических связях оформление.

Как это видно из списка приведенных особенностей,—они представлены здесь в той форме, в которой изложены в некоторых работах [см. 6, 16],—в качестве основного критерия отграничения глагольных фразеологизмов от сложноименных глаголов рассматривается словесная автономность компонентов у фразеологизмов и морфемность компонентов или обнаруживаемая ими тенденция стать морфемами у сложноименных глаголов. Судя по этим исследованиям, только компоненты так называемых наиболее типичных глаголов носят морфемный характер. Компоненты же остальных сложноименных глаголов (по-видимому, нетипичных или менее типичных—М. Х.) не являются морфемами, а лишь обнаруживают тенденцию к морфемизации. Из этого следует, что, во-первых, морфемность у компонентов как та-

ковая не может считаться критерием для отграничения всех сложнoименных глаголов от глагольных фразеологизмов, поскольку не у всех глаголов компоненты являются морфемами, и, во-вторых, сложнoименные глаголы, в которых компоненты обнаруживают тенденцию стать морфемами и поэтому в структурном отношении обладают, пусть в разной степени, словесной самостоятельностью, не могут четко и последовательно быть отграничены от глагольных фразеологизмов, компонентам которых также свойственна словесная самостоятельность. По мнению Ч. Х. Бакаева, словесной самостоятельностью обладают компоненты не только глаголов этого типа, но и глаголов, называемых в некоторых работах наиболее типичными и, в первую очередь, глаголов с компонирующими кьрын и бун [см. 33, с. 264—272]. В этих же работах отмечается, что «фразеологизмы—это тропы в миниатюре, в отличие от типичных сложнoименных глаголов, которым в основном не свойственна идиоматика» [см. 16, с. 28—29]. Однако, если идиоматика не свойственна типичным сложнoименным глаголам в основном, а не полностью, то из этого следует, что все же имеются типичные сложнoименные глаголы, которые обнаруживают идиоматичность. Вопрос же о том, свойственна ли идиоматичность нетипичным или наименее типичным глаголам, не ставится. Это обстоятельство, естественно, не может не препятствовать четкому отграничению сложнoименных глаголов от глагольных фразеологизмов. Это признает и Ю. Ю. Авалиани: «Конечно, то обстоятельство, что различные компонирующие глаголы, такие, как дан, хьатън, хьстьн и т. д., в большей степени сохраняют свою лексическую семантику и, тем самым, поддерживают большую образность и идиоматичность всего сочетания, в ряде случаев создает значительные трудности для разграничения лексикализованных устойчивых сочетаний (собственно аналитических слов) и подлинных фразеологических единиц» [см. 13, с. 5].

В качестве структурного различия между сложнoименными глаголами и глагольными фразеологизмами предлагается то, что, фразеологизмы, во-первых, в отличие от сложных глаголов, «могут включать оба главных члена, составляя по своей структуре предложения в миниатюре (фраземы)» [см. 16, с. 29—30] и, во-вторых, фразеологизмы закрепляют «только дистантную структуру опорного имени и глагола» [см. 16, с. 30], а сложнoименной глагол «допускает и контактное, и дистантное положение компонентов» [см. 16, с. 30]. Однако и эти различия вызывают возражения.

Во-первых, не все глагольные фразеологизмы, встречающиеся в речи, имеют структуру предложения. Кроме фразеологиче-

ских единиц со структурой предложения курдский язык, как было сказано выше, представляет также немало фразеологизмов со структурой словосочетания, т. е. таких, которые не включают оба главных члена.

Во-вторых, так называемые контактные и дистантные формы в реальности являются не структурными вариантами одних и тех же реализуемых сложных глаголов, а самостоятельными единицами, относящимися к разным уровням языка: «контактная форма»—это лексический дериват—производное слово, возникшее на основе «дистантной формы»—производящего фразеологизма. Ср. например, глагол щабдан («ответить, ответ») и глагольный фразеологизм щаб а фк-е дан («ответили тому-то»), которые ошибочно считаются структурными формами реализации одного и того же глагола [см. 12, с. 57]. Подробнее об этом пойдет речь несколько позже в связи с обсуждением вопроса отграничения глагольных фразеологизмов от сложных глаголов. Но здесь уже можно отметить, что перед нами факт смешения двух явлений: фразеологической деривации и проницаемости сложноименных глаголов, выдаваемой специалистами за структурное расщепление. Большая путаница наблюдается в разграничении сложноименных глаголов и глагольных фразеологизмов со структурой словосочетания, прежде всего, из-за отсутствия необходимых исследований по фразеологической деривации. До сих пор значительное количество фразеологизмов неправомерно включается в состав глагольной лексики наравне с их лексическими дериватами. При этом производящие фразеологизмы и производные от них слова-дериваты ошибочно определяются некоторыми специалистами как две формы или варианты существования одних и тех же сложноименных глаголов [см. напр.: 16, с. 22]. Даже глагольный фразеологизм со структурой предложения дь-же фьланк'эсе к'этэ беванк'эсе («тот-то влюбился в того-то»), и его лексический дериват в виде имени существительного дь-к'этын («влюбленность, любовь») были объявлены вариантами одного и того же глагола, хотя этот дериват и не является глаголом, не спрягается [см. 13, с. 5].

Принимая фразеологизм за вариант производного от него сложного глагола, некоторые языковеды далее называют этот фразеологизм дистантным вариантом или формой глагола. Они придерживаются того мнения, что сложный глагол может иметь две формы реализации в системе языка: контактную и дистантную. При этом отмечается, что дистантная форма возникает в результате расщепления контактной формы и по отношению к ней является формой вторичной, производной [см. напр.: 12, с. 54]. Такого рода толкование взаимоотношений фразеологиз-

мов и их дериватов, получившее широкое распространение в ряде работ по грамматике и словообразованию, а в дальнейшем и в некоторых работах по фразеологии [см. 16], в еще большей степени вносит неясность и в без того сложную проблематику сложноименного глагола, создавая значительные препятствия на пути установления критериев разграничения глагольной лексики и фразеологии. С традиционно существующим в ряде работ недоказанным положением о расщеплении сложного глагола нельзя согласиться не потому, что в его интерпретациях имеется много неясного, запутанного, а потому, что сама постановка вопроса о первичности контактных структур и вторичности дистантных не соответствует действительности. В самом деле, можно ли говорить о том, что бэри фк-е дан «гнать кого-либо» и бэридан «гнать, гонение, изгнание» являются вариантами одного и того же глагола? Конечно, нет. Потому, что бэридан является дериватом бэри фк-е дан, о чем свидетельствует наличие в его составе предложно-изафетного показателя «и», который функционирует обычно только в условиях синтаксических структур. Или могут ли рассматриваться в качестве вариантов одного и того же глагола: зари фк-е бун «просить кого-либо, попрошайничать» и зарибун «просить, попрошайничать, канючить; мольба, просьба»; зари фк-е кьрын «дразнить, передразнивать кого-либо» и зарикьрын «дразнить, передразнивание»; қати фк-е бун «следили, присматривали за кем-либо» и қатибун «следить, ухаживать, присматривать; присмотр, уход» и т. д.? Разумеется, нет, поскольку здесь представлены фразеологизмы и производные от них слова-дериваты, о чем также свидетельствует наличие в них предложно-изафетного показателя «и». Указывая на возможность расщепления сложного глагола и образования им дистантной структуры, некоторые авторы склонны утверждать, что глаголы в расщепленном состоянии нивелируют изафетные показатели, и, что сопровождение их именного компонента предложно-изафетным показателем «и» является лучшим подтверждением того, что этот компонент носит морфемный характер и лишен словесной автономности [см. 16, с. 24]. Это определение показателя «и», однако, не подтверждается его употреблением в свободных словосочетаниях, где он фактически выполняет функцию предлога и синонимичен предлогу ль (əw незики мə бу ср. əw незик ль мə бу «он подошел (приблизился) к нам»). В ряде случаев он соответствует таким предлогам русского языка, как «от», «с», «из» и т. д. Примеры: əw бэри мьн һат «он пришел раньше меня», незики даре «близко от дерева», пьшти һəвала «благодаря друзьям», дури мьн сəкьнин «остановились далеко от меня», мьқабьли дьжмьна «против врагов»,

əw паши мьн һат «он пришел после меня (или вслед за мной)» и т. д. Таким образом, употребление изафетного показателя «и» в свободных словосочетаниях служит доказательством не морфемности компонентов так называемых расщепленных структур, а их словесности (лексемности). А это, в свою очередь, означает, что «расщепленная структура» как таковая—это синтаксическая структура, структура соединения слов—лексем, а не структура соединения морфем. Структура соединения лексем у «расщепленных структур» и структура соединения морфем у контактных структур выделяют их в качестве самостоятельных единиц, относящихся к разным уровням языка.

Явление расщепления оказывается ложным и в тех частных случаях, когда «дистантная структура» не имеет коррелята в виде контактной структуры, напр.: дэстөгэрдэни фк-е бун «обнимать того-то» не имеет коррелята в виде дэстөгэрдэнибун, от которого он мог бы образоваться (əw Мәшрум дэстөгэрдэни һэвдө бун «она и Меджрум обняли друг друга» [К. с. 167]). Этот оборот является единственной формой выражения соответствующего понятия в системе языка. Отметим также, что коррелята в виде сложного глагола не имеет и оборот һуи фк-е кьрын «презирали того-то». Имеющийся же глагол һуһкьрын употребляется в значении «выдыхать, дуть, согревая, греть дыханием». Или, фразеологизм дахли (нав) фд-е бун «входить во что-либо или куда-либо» мог бы иметь коррелят в виде дахьлбун (или реже дахлибун), но последний воспринимается обычно в значении «впадать в забытье» и т. д.

Все эти примеры показывают, что обороты, кажущиеся до сих пор дистантными вариантами функционирования сложных глаголов, на самом деле либо не имеют коррелята в виде контактной структуры, либо же имеют, но не являются вторичными по отношению к ним. При этом в тех случаях, когда налицо контактная структура, последняя повторяет структуру производящего «дистантного варианта»—устойчивого словосочетания-фразеологизма, тем самым указывая на него, как на исходную основу.

Вместе с тем нельзя не отметить многочисленных коррелятивных пар, определение производных и производящих членов которых сопряжено с большими трудностями. Речь идет о коррелятивных парах типа, напр., бьльнди фд-е, фк-е кьрын «поднять куда-либо, к кому-либо» и бьльндкьрын «поднять; поднятие, подъем»; дьрежи фк-е кьрын «протягивать кому-либо» и дьрежкьрын «протягивать, удлинять; протягивание; удлинение»; кери фк-е һатьн «пригодиться кому-либо» и керһатьн «пригодиться; пригодность»; дури фк-е к'этьн «отойти от кого-либо» и

дурк'этын «отойти, отходить; отход» и т. д. Контактные члены этих пар, т. е. сложные глаголы, не отражают изафетного показателя «и». Тем не менее в пользу того, что сложный глагол является дериватом соответствующего фразеологизма или синтаксического словосочетания, говорит ряд отличий между ними в семантическом плане. В частности, исследования контактных и дистантных структур позволили Ю. Ю. Авалиани установить, что контактная структура (т. е. сложный глагол) выражает более общие, отвлеченные, абстрагированные значения, а дистантная структура (т. е. производящий фразеологизм)—более конкретные и определенные [с. 12, с. 56—62]. Наши же исследования по фразеологической деривации позволили убедиться, что фразеологизм как дистантная структура образуется как характеризующее, квалифицирующее обозначение действия или состояния, а его лексический дериват-сложный глагол возникает прежде всего как название этого действия, состояния [см. 129].

Таковы структурно-семантические факты, указывающие на необоснованность включения в состав глагольной лексики большого количества глагольных фразеологизмов со структурой словосочетания и их рассмотрения в качестве дистантных вариантов реализуемых контактных структур сложноименных глаголов.

Важно отметить, что вся неразбериха, царящая в разграничении сложноименных глаголов и двучленных глагольных фразеологизмов со структурой словосочетания, не случайна. Сложные глаголы и глагольные фразеологизмы со структурой словосочетания, и особенно последние, и их лексические дериваты обладают рядом сходных черт, которые препятствуют их отграничению друг от друга. Многие фразеологизмы и их дериваты, например, имеют двучленную структуру и весьма близки также в семантическом отношении. См. напр.: фразеологизм р'ийа фк-е гьртын («преградили путь кому-либо») и его дериват-глагол р'егьртын («преградить путь, препятствовать, мешать (кому-либо, чему-либо); преграда, препятствие» и т. д.). Наряду с этим, подобно производящим фразеологизмам, их дериваты в ряде случаев своей реализации внутренне раздельнооформлены—их именной и глагольной компоненты не слитны. См. напр.: мьн р'ийа фк-е гьрт («я преградил тому-то путь») и мьн р'е гьрт («я преградил (путь)»). Хотя в подобных случаях нередко трудно понять, имеем ли мы дело с парадигматическими формами глагола-деривата или производящего его фразеологизма, но, тем не менее, эти единицы не могут быть смешаны при учете полной системы парадигматических форм их функционирования. Ведущими формальными признаками, которые в подобных случаях должны учитываться при отграничении фразеологизмов от их де-

риватов, выступают: отсутствие способности у именного компонента сложной глагольной конструкции реализоваться в форме косвенного падежа—подвергаться словоизменению, характерному для него в условиях свободного употребления; цельноформленность сложной глагольной конструкции в ритмико-интонационной структуре внутренне неразделноформленной, слитной лексической единицы в одном или двух случаях их реализации в системе языка. Глагольные образования, не обладающие этими двумя признаками, правомерно отнести не к глагольной лексике, к которой относятся дериваты этих образований, а к глагольной фразеологии. Ср. фразеологизм (эз) сонде дьхом и его лексический дериват (эз) сонд дьхом «(я) клянусь» (от глагола сондхарьн «клясться»). То же самое можно наблюдать и у фразеологизмов других типов, напр.: фразеологизм нане щущьке и его лексический дериват нанщущьк («подорожник»); бэлге һ'әwесе и бэлгһ'әwес («растение типа подорожника, широко известное в народной медицине») и т. д. [см. 124, с. 9]. Цельноформленную форму (или формы) реализации имеют все без исключения сложной глагольной конструкции. Этим они отграничиваются от двучленных глагольных фразеологизмов, которым во всех случаях реализации свойственна внутренняя разделноформленность (о случаях цельноформленности сложной глагольной конструкции см. в первой главе).

Вместе с тем отграничение двучленных глагольных фразеологизмов от сложной глагольной конструкции по способности их именного компонента реализоваться в форме косвенного падежа в ряде случаев не представляется возможным. В частности, именной компонент многих фразеологизмов выражен наречием или именем прилагательным, которое, как известно, в подобной позиции не подвергается словоизменению. Не изменяются и именные компоненты большого числа фразеологизмов, выраженные именами существительными мужского рода, в подавляющем большинстве имеющих в косвенном падеже нулевую флексию. Так, например, в фразеологизмах типа дьл стәндьн («ободряться, подбодряться, сметь, осмеливаться»), ақьл гьртьн («браться за ум») и т. д. именные компоненты дьл («смелость», букв. «сердце»), ақьл («умственная способность, способность мыслить», букв. «ум»), выраженные именами существительными мужского рода, при употреблении фразеологизмов в личных формах настоящего длительного времени не оформляются окончанием косвенного падежа (см. дьл дьстинә, ақьл дьгрә). В связи с этим данные фразеологизмы оказываются в структуре, внешне ничем не отличающейся от структуры соответствующих личных временных форм сложной глагольной конструкции, см. например: бар дькьн («грузят») от глагола баркьрьн («грузить»), ав дьки («полощешь») от глагола авкьрьн («полос-

коть») и т. п. Это обстоятельство препятствует четкому отграничению подобных фразеологических единиц от сложноименных глаголов. Однако и эти препятствия не являются непреодолимыми, так как можно разграничивать сложноименные глаголы и глагольные фразеологизмы и путем выяснения различий между ними в плане глубинных особенностей их материальных оболочек. Сравнивая двучленные глагольные фразеологизмы со сложноименными глаголами, нетрудно заметить, что за их чисто внешним сходством скрыто существенное различие между ними в строении их материальной структуры.

Двучленный глагольный фразеологизм имеет в качестве своей материальной структуры сцепление лексем (или лексемное сцепление). Случаи приобретения их именным компонентом показателя косвенного падежа являются доказательством того, что этот компонент, а вместе с ним и компонирующий глагол, реализуются как лексемы, а не словообразовательные элементы-морфемы, которые, будучи формативами, имеющими грамматическую функцию, не морфологизируются. Таким образом, во всех случаях морфологизации именной лексемы перед нами структура несловообразовательного типа.

Материальная же структура сложноименных глаголов представлена в виде сцепления морфем. Отличие между таким сцеплением и сцеплением лексемным может служить определяющим критерием формального разграничения сложноименных глаголов и глагольных фразеологизмов. Но для того, чтобы мы могли в каждом конкретном случае дифференциации языкового материала пользоваться этим критерием, очевидно необходимо некоторое уяснение его сущности.

Фразеологическая семантема, из потребности в объективации которой возникает фразеологизм, не передается словом, так как словообразовательные средства и возможности оказываются не в состоянии служить достаточной формой для ее реализации. В то же время весьма привычным представляется объективация этой семантемы синтаксическим словосочетанием из двух и более слов в их конкретных лексических значениях. Причем в составе образованных фразеологизмов составное значение, т. е. сумма значений компонирующих слов-лексем не исчезает бесследно, оно существует потенциально и может быть восстановлено как вполне возможная или реальная синтаксическая семантема. Возможность восстановления этой семантемы свидетельствует о лексемном характере материальной оболочки фразеологизма и фразеологичности последнего. В материальной оболочке сложноименных глаголов именной компонент служит носителем обобщенного вещественного значения, а глагольный компонент, в боль-

шей или меньшей мере лишенный лексического значения, выступает в грамматической функции—на правах грамматического знака, оглаголивающего именной компонент. В связи с этим выделение глагольного компонента в буквальном значении у разных сложноименных глаголов в разной степени не представляется возможным. См. например: меркьри («выходить замуж») от мер («муж») и кьри («делать»), наскьри («узнать») от нас («знакомый») и кьри («делать») и т. д. Материальная оболочка таких и подобных им сложноименных глаголов в разной степени не допускает буквализации компонентного состава из-за семантико-морфологической несовместимости компонентов. Отношения между их компонентами соответственно в полной мере не воспринимаются как отношения синтаксические.

Таким образом, одним из практических приемов разграничения глагольных фразеологизмов со структурой словосочетания и сложноименных глаголов может служить буквализация материальной оболочки фразеологизмов и полная или частичная невозможность буквализации компонентного состава сложноименного глагола.

§ 4. Описание уровня изученности фразеологического материала курдского языка позволяет выделить целый круг нерешенных проблем, из которых главной является проблема установления категориальной сущности фразеологических единиц, с решением которой связана возможность определения объема и границ фразеологии. Возможность же разработки этой проблемы находится в прямой зависимости от решения другой не менее важной проблемы—определения аспекта и метода исследования материала, объективно ведущих к познанию сущности фразеологии.

Эффективное и целенаправленное исследование в такой сложной области лингвистики, какой является фразеология, не представляется возможным без предварительного выявления и дифференциации аспектов и методов изучения материала, обуславливающих возможность объективного решения соответствующих проблем ее теории и практики. Между тем вопрос о том, в каком конкретном аспекте следует изучать фразеологизмы для разработки необходимой нам проблемы, не только не решен, но и, как таковой, до сих пор специально не ставился перед теорией фразеологии. Выяснение этого вопроса имеет принципиальное значение прежде всего для решения основной задачи фразеологии, а именно для установления объективных критериев определения ее объекта, объема и границ. Практика же фразеологических исследований показывает, что для установления этих критериев разные ученые изучают фразеологический материал в разных аспектах.

Одни исследователи определяют объем и границы фразеологии на основании результатов исследования устойчивых словосочетаний только или преимущественно в семантическом аспекте. При этом основное внимание они обращают на характер значений компонентов устойчивых словосочетаний и в этом плане выделяют три типа таких единиц в системе языка: устойчивые словосочетания с полностью переосмысленными компонентами, устойчивые словосочетания с частично переосмысленными компонентами, (т. е. такие, в которых один или два из компонентов сохраняют свое лексическое значение) и устойчивые словосочетания, в которых компоненты не подвергнуты переосмыслению. Причем одни из этих авторов фразеологизмами считают только устойчивые словосочетания первого типа [см. напр.: 123, с. 14], другие—устойчивые словосочетания первого и второго типов [см. напр.: 146, с. 29], а третьи—устойчивые словосочетания всех трех типов, т. е. все устойчивые словосочетания, независимо от характера значения их компонентов [см. напр.: 144, с. 3]. Таким образом, перед нами три разных определения объема и границ фразеологии, основанные на разных признаках. При первом из этих определений главным признаком фразеологичности считается полная переосмысленность компонентного состава у устойчивых словосочетаний, при втором—полная и частичная переосмысленность значений компонентов, а при третьем определении—признак устойчивости. Авторы, называющие фразеологизмами устойчивые словосочетания и предложения с полностью или частично переосмысленным значением, вместе с ними включают в состав фразеологии и все поговорки и пословицы, за исключением пословиц, употребляющихся с буквальным значением всех компонентов [см. напр.: 66, с. 252]. В то же время, те авторы, которые признают устойчивость важнейшим признаком фразеологичности, фразеологизмами называют все поговорки и пословицы независимо от характера значений их компонентов [см. напр.: 106, с. 20]. Сторонники признака полной или частичной переосмысленности значений компонентов важной особенностью фразеологичности считают и единичное сцепление компонентного состава устойчивых словосочетаний и в связи с этим исключают из состава фразеологии все моделированные устойчивые словосочетания [см. напр.: 146, с. 29]. Наоборот, сторонники признака устойчивости включают во фразеологию словосочетания и предложения как моделированные, так и немоделированные [см. напр.: 29, с. 190].

Некоторые авторы пытаются решать задачу определения объема и границ фразеологии в функционально-стилистическом аспекте. В центре их внимания находятся два типа устойчивых сло-

восочетаний: стилистически нейтральные и эмоционально-экспрессивные устойчивые словосочетания. Но фразеологизмами считаются ими только последние, а первые исключаются из состава фразеологии [см. напр.: 51].

Кроме того, в некоторых работах по фразеологии вопрос об объеме и границах фразеологии решается в структурном аспекте [см. напр.: 83, с. 32]. В этом случае фразеологизмами называются только устойчивые обороты со структурой словосочетания, а обороты со структурой предложения и устойчивые предикативные сочетания слов оставляются за пределами фразеологии.

Выделены также и некоторые другие аспекты. Например, с целью определения объекта фразеологии Н. Н. Амосова исследует устойчивые словосочетания в контекстологическом аспекте, в результате чего в составе фразеологии оказываются только немоделированные словосочетания с переосмысленным значением и и частично предикативные обороты [см. 26]. М. Т. Тагиев предлагает определение объекта фразеологии, построенное им в результате изучения фразеологических единиц в аспекте их внешних собственно структурных связей [см. 116] и т. д.

Перечисленные здесь различные подходы представляют далеко не все аспекты, находившихся за последние годы в центре внимания лингвистов, пытавшихся определить объем и границы фразеологии. Они свидетельствуют о том, что в поисках ответа на основной вопрос фразеологии ученые исследуют фразеологические единицы с разных точек зрения. Причем эти исследования, отражающие отдельные, частные стороны фразеологизма, позволяют находить ответ на вопрос о том, каким является он в том или ином плане. Между тем науке необходим ответ на вопрос о том, что такое фразеологизм. Изучение предложенных учеными аспектов показывает, что фразеологизм можно определить по-разному в зависимости от того, какой из этих аспектов находится в центре внимания. Однако объективным определением фразеологизма может быть только одно, ориентированное на весь фразеологизм в целом. Остальные же определения фразеологизма в реальности являются определениями его отдельных частных сторон. При этом случаи распространения частных определений на фразеологизм в целом, по-видимому, не случайны. Показательно, что определение фразеологизма по каким-либо признакам во многом аналогично ставшему привычкой примитивному способу называния предметов по их признакам. Фразеологизм определяется по таким частным признакам, какими являются устойчивость, внутренняя раздельнооформленность, полная или частичная переосмысленность компонентного состава и т. д., которые ни вместе, ни в отдельности не могут отражать его сущ-

ность. Фразеологизм является устойчивой единицей? Но признак устойчивости указывает лишь на стабильность организации фразеологизма и не более. Фразеологизм является раздельноформленной единицей? Но этот признак относится только к плану выражения фразеологизма. Фразеологизм представляет собой полностью или частично переосмысленное сочетание? Но признак полной или частичной переосмысленности компонентного состава не содержит указания на то, какова природа фразеологического значения, например, в сравнении с природой значения слова.

Задача фразеологии—выявление сущности фразеологической единицы, ибо лишь сущность этой единицы может служить основой его научного определения. Учитывая, что исследование фразеологического материала в данном конкретном аспекте может вести к ответу только на один вопрос, который нельзя решать в другом или других аспектах, следует при выяснении нужного нам вопроса и, в частности, вопроса о сущности фразеологизма, предварительно установить аспект, объективно ведущий к ответу на этот вопрос. А выбор такого аспекта напрашивается сам по себе. Как известно, всякий раз, когда перед нами неизвестный предмет, нас обычно прежде всего интересует: что это такое? для чего этот предмет? чему он служит?—иными словами говоря,—каково его назначение («призвание»)? В научном определении предмета, точно так же, как и в его создании, важнейшим свойством оказывается его назначение. Фразеологизм, как реально существующий объект языковой действительности, в этом отношении не составляет исключения. Он имеет свое назначение, установление которого требует выбора соответствующего аспекта исследования. Каким является этот аспект? Ответ на этот вопрос следует дальше.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБЪЕМ И ГРАНИЦЫ ФРАЗЕОЛОГИИ КУРДСКОГО ЯЗЫКА

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

§ 1. Курдская фразеология—самостоятельная область курдского языка. Ее состав и границы еще не определены, она не отграничена от других явлений языка. А реальный путь к установлению критериев ее выведения из состава устойчивых словосочетаний языка может быть найден через последовательное освещение семантической сущности и особенностей строения последних.

В курдском языке состав устойчивых словосочетаний представляет собой некую совокупность разнохарактерных, разнотипных оборотов. В зависимости от этого перед курдским языковедением стоит актуальный вопрос: одна или разные научные дисциплины должны заниматься изучением разных типов устойчивых словосочетаний? Суть этого вопроса находится в прямой зависимости от того, представляют ли эти типы устойчивых словосочетаний одну или разные проблемы. Но для этого необходимо выявить особенности их структурно-семантической организации. При этом в первую очередь требуется произвести тщательный учет общей специфики и типологических особенностей устойчивых словосочетаний, необходимый для решения двух задач, связанных с освещением статуса и определением места таких образований в системе языка:

а) установления состава устойчивых словосочетаний и предложений путем их отграничения от других объектов языковой действительности и, в частности, от лексических и синтаксических единиц;

б) дифференциации устойчивых словосочетаний и предложений по типам и выяснение вопросов, связанных с тем, являют-

ся ли эти типы объектом изучения одного или разных разделов курдского языкознания.

Круг вопросов, связанных с решением этих задач, составляет существо сложной проблемы устойчивых словосочетаний курдского языка. Разработка этой проблемы позволит определить характер отношений между различными типами устойчивых словосочетаний и выяснить состав и границы фразеологии как самостоятельной области курдского языка.

§2. Становление устойчивых словосочетаний в системе языка—явление, знаменующее формирование своего рода особой ступени в иерархии структурных типов языковых элементов. Об этом свидетельствует то, что образующееся на каждом этапе развития языка устойчивое словосочетание «младше» составляющих его компонирующих слов в их соответствующем синтаксическом сцеплении. Появление первого поколения устойчивых словосочетаний в языке оказывается событием, которому предшествовало возникновение слов и синтаксических моделей, принимавших участие в их становлении. И поскольку устойчивые словосочетания выступают по отношению к лексическим и синтаксическим единицам как единицы более высокого уровня, то правомерно считать их фактами специфической формы проявления языковой материи. Но если устойчивые словосочетания являются элементами особого порядка, то возникает вопрос: каковы причины их образования и что они представляют собой в системе языка? А для того, чтобы ответить на этот вопрос, требуется изучение устойчивых словосочетаний в двух аспектах: с точки зрения их связей с потребностью, в ответ на которую они возникают, и в плане их собственно лингвистического строения.

В первом случае исследование ведет к установлению категориального признака устойчивых словосочетаний, во втором—ставится задача выявления некатегориальных признаков, состав которых позволяет судить о технике и характере самого строения устойчивых словосочетаний.

Под категориальным признаком имеется в виду такая особенность, показателем которой служит комплексная организация устойчивого словосочетания в целом. Некатегориальными называются признаки, которые имеют в качестве формального показателя соответствующие частные стороны организации устойчивых словосочетаний. Некатегориальные признаки являются признаками частными, они в большей или меньшей степени изоморфны, присущи единицам разных уровней в разных типах или видах своего проявления. По этим признакам обычно предметы познаются и получают названия, хотя нередки случаи их назы-

вания и по их категориальному признаку или свойству, каким является их назначение.

§ 3. Понятие «устойчивое словосочетание» объединяет самые различные по природе языковые образования, функционирующие в современном курдском языке как структуры более сложные, чем слова, и менее дифференцированные, чем переменные словосочетания и предложения. Вопрос о том, что собой представляют эти единицы в плане некатегориальных признаков, требует выявления и описания этих признаков и их последующей дифференциации на признаки, общие для всех устойчивых словосочетаний, и признаки, отличающие их друг от друга.

Самыми общими признаками, объединяющими все устойчивые словосочетания курдского языка в некую разновидность языковых образований, являются их устойчивость и внутренняя разделеннооформленность.

§ 4. Признак устойчивости словосочетания обусловлен стабильным, устойчивым характером его семантемы (значения), требующей своего запоминания в готовом виде из устойчивой социальной потребности. На связь устойчивости с потребностью общества указывают Ф. М. Березин и Б. Н. Головин: «Знаки языка обладают устойчивостью, которая объясняется не их собственной природой, а устойчивостью общества, его трудовых навыков, его общественных институтов, закономерностей сознания и достигнутых его развитием результатов. Общество заинтересовано в устойчивости языка, обеспечивающего возможность взаимопонимания членов коллектива и преемственность трудового и иного опыта, его передачу от одного поколения другим» [см. 39, с. 116].

Закрепляясь за данным словосочетанием (или предложением) как формой объективации, эта семантема из-за потребности в стабильности выражения сохраняет устойчивую связь с ним, придавая ему неизменяемость или ограниченную изменяемость структуры, компонентного состава и морфологических форм компонентов. Причем возможные изменения устойчивых словосочетаний, происходящие в пределах их инвариантности, относятся преимущественно к плану выражения и наблюдаются далеко не у всех устойчивых словосочетаний [см. 124, с. 23—24]. Наличие устойчивой семантемы является непременным условием превращения словосочетания в словосочетание устойчивое. Вне связи с этой семантемой словосочетание лишено устойчивости, независимо от того, состоит оно из слов в их прямых или переносных значениях.

Устойчивые словосочетания и предложения не образуются вновь каждый раз, а воспроизводятся в готовом виде. Этим они

противопоставляются свободным (переменным) словосочетаниям и предложениям. Вместе с тем между устойчивыми и свободными словосочетаниями и предложениями встречаются отдельные обороты, отнесение которых к одному из них сталкивается с немалыми трудностями. Такими оборотами являются, например, събе шэбэде «рано утром, утром», гава дьне «несколько раньше, недавно», бэре еваре «к вечеру, под вечер» и т. д., которые хотя и сохраняют все черты свободных словосочетаний, но обладают в то же время определенной долей устойчивости. Стабильными они становятся в результате высокой частотности употребления в речи. Будучи синтаксическими констатациями отрезков действительности, они постепенно приобретают черты воспроизводимых единиц, переходя в названия этих отрезков. Это осуществляется либо путем их фразеологизации, либо—лексикализации. Например, словосочетание бэре еваре с синтаксическим значением «раньше вечера, часть суток перед наступлением вечера» перешло в адвербиальное устойчивое словосочетание—название отрезка времени, непосредственно предшествующего вечеру. Оно же параллельно с фразеологизацией подверглось и лексикализации, переходя в цельнооформленное слово бэреваре «вечером», а также и в субстантивное слово бэревар «вечер, наступление времени, предшествующего вечеру» (см. бэревар hat «наступил вечер или наступило время, предшествующее вечеру»). При знании комплекса дифференциальных признаков устойчивых и свободных словосочетаний подобного рода обороты не могут препятствовать их разграничению, они скорее способствуют более выпуклому подчеркиванию важнейших свойств устойчивых и свободных словосочетаний.

Противопоставление признака устойчивости признаку неустойчивости лежит в основе разграничения двух классов единиц курдского языка: а) класса свободных словосочетаний и предложений—единиц синтаксической системы языка; б) класса устойчивых языковых образований, к которым относятся не только устойчивые словосочетания и предложения, но и слова, фонемы, морфемы, синтаксические и словообразовательные модели и т. д.

Граница между этими двумя классами не является непроходимой, о чем свидетельствуют определенные факты на отдельных этапах развития языка. Такие факты в виде устойчивых словосочетаний приводились выше.

Таким образом, в то время как свободные словосочетания и предложения выступают в качестве единиц одной синтаксической подсистемы языка, единицы, обладающие признаком устойчивости, не обнаруживают принадлежности к одной и той же подсистеме. Из этого следует, что оппозиция «устойчивость-свобод-

ность», как таковая, не содержит указания ни на то, чем отличаются устойчивые словосочетания от других устойчивых образований языка, ни на то, чем отличаются отдельные типы устойчивых словосочетаний друг от друга. Учитывая это обстоятельство, советский лингвист-фразеолог А. В. Кунин кладет в основу определения устойчивых словосочетаний не вообще устойчивость, а характер их устойчивости [см. 121, с. 109]. Им выделяются два типа устойчивых словосочетаний, отличающихся друг от друга характером устойчивости. Устойчивые словосочетания одного типа А. В. Кунин называет фразеологизмами, а другого типа — нефразеологизмами [см. 67, с. 211]. Фразеологизмом он считает устойчивое словосочетание, обладающее особой фразеологической устойчивостью, которая определяется как «объем инвариантности различных аспектов фразеологического уровня» [см. 67, с. 88]. Но, как известно, в специальной литературе уже высказано мнение, согласно которому фразеологизм можно определить, ограничиваясь лишь одним из инвариантов, а именно устойчивостью семантического преобразования компонентного состава, от которой зависит приобретение словосочетанием фразеологической устойчивости и превращение его в фразеологическую единицу [см. 84, с. 48—51].

Это мнение, однако, не разделяется многими учеными, которые считают, что фразеологичность не обязательно связана с семантической перестройкой компонентов [см. 29, с. 190]. Они, как уже было отмечено, относят все устойчивые словосочетания и предложения к одной подсистеме языка, называемой ими фразеологией. Поскольку устойчивость считается ими важнейшим дифференциальным признаком фразеологической единицы, то включение тех или иных оборотов в состав фразеологии зависит от того, обладают ли они этим признаком. При таком подходе в составе фразеологии оказываются поговорки и пословицы, составные термины, моделированные образования — устойчивые сочетания слов серийного типа, устойчивые словосочетания широкого семантического диапазона и устойчивые обороты со структурой предложения, т. е. все виды устойчивых словосочетаний и предложений языка.

Устойчивость является важной особенностью устойчивых словосочетаний и должна в обязательном порядке быть учтена при характеристике их организации. Однако будучи признаком, отражающим лишь стабильность этих словосочетаний, она не может играть роль дифференциального, определяющего признака. Ограничивая определение фразеологической единицы лишь тем, что она является сочетанием слов, обладающим признаком устойчивости или же устойчивости в виде определенного комплекса

микроустойчивостей, мы тем самым предлагаем определение, констатирующее только стабильность отдельных сторон организации устойчивого словосочетания и ее в целом, оставляя в тени саму цель построения этой организации. Вопрос о том, каково назначение устойчивых словосочетаний и, в частности, устойчивых словосочетаний—фразеологизмов в системе языка, что и как они обозначают, в чем заключается их качественное своеобразие и т. д., остается без ответа.

§ 5. Внутренняя раздельнооформленность, как и устойчивость, является обязательным и общим для всех устойчивых словосочетаний признаком. Она отличает устойчивые словосочетания от слов—единиц лексической подсистемы языка, обладающих признаком цельнооформленности. Однако, как мы уже говорили выше, наблюдается немало случаев самой лексической раздельнооформленности, которая относится исключительно к так называемым сложноименным глаголам.

Определение этих случаев—важная задача, стоящая на пути разграничения устойчивых словосочетаний и слов. Однако сравнительный анализ данных единиц невозможен без предварительного выяснения вопросов, связанных со спецификой раздельнооформленной структуры курдского слова, не изученного в такой же мере, как и сами устойчивые словосочетания. Это обстоятельство вынуждает специально останавливаться на описании структурной организации сравниваемых единиц с целью определить характер проявления у них признака раздельнооформленности.

Важнейшими особенностями, отражающими специфику материальной структуры устойчивых словосочетаний, являются:

1. Внутренняя раздельнооформленность, основанная на противопоставлении в материальной структуре словосочетания самостоятельных и отличных по назначению синтаксических позиций, представляемых данной синтаксической моделью;

2. Словесная автономность компонентов, основанная на противопоставлении известных для данной синтаксической модели самостоятельных синтаксических позиций, занимаемых этими компонентами;

3. Морфологизация компонентов, обусловленная типом их структурно-грамматической и лексико-семантической взаимосвязи;

4. Распространение компонентов устойчивых словосочетаний другими словами в предложении, не входящими в их собственный компонентный состав;

5. Ритмико-интонационная схема переменного словосочетания или предложения, обусловленная требованиями, предъявляемыми конкретной синтаксической моделью.

Перечисленные признаки отграничивают устойчивые слово-

сочетания от слов, характеризующихся иными признаками, о которых будет сказано ниже.

В курдских и курдско-иноязычных словарях заглавные слова приводятся в форме, которую можно было бы назвать прямой или основной. В этой форме, в отличие от остальных форм существования, слово выступает без каких-либо внешних и внутренних структурных изменений. У слов—имен существительных, например, основная форма представляется в прямом падеже ед. числ. (кэвър («камень»), нанщуцьк («подорожник») и т. д.), у слов—глаголов—в положении имени действия—инфинитиве (кърьн («делать»), баркърьн («грузить»), и т. д.), у слов—прилагательных—в их положительной степени (сор («красный»), позбьльнд («гордый», «надменный») и т. д. В отличие от незнача-тельных слов, которые в основном функционируют в одной—единственной форме, знаменательные слова кроме своей основной формы могут иметь и другие, обусловленные их принадлежностью к той или иной части речи. Основная форма таких слов слитна, цельноформлена, характеризуется одним главным, централизующим ударением и общей ритмико-интонационной структурой внутренне нераздельноформленной единицы. Эту основную форму имеют все единицы лексики, в том числе и сложноименные глаголы. Последние обладают цельноформленностью и в форме причастия прошедшего времени (см. напр.: соркьри от соркърьн «покраснеть», сондхари от сондхърьн «клясться», баркьри от баркърьн «грузить», бьльндкьри от бьльндкърьн «поднимать» и т. д.).

Наблюдения показывают, что личные временные формы сложноименных глаголов приобретают цельноформленность постепенно и, в первую очередь, в результате высокой частотности и все более широкого употребления. Причем наиболее благоприятные условия для этого имеются в пределах парадигм спряжения глаголов в следующих временах: будущего I и будущего II изъявительного наклонения, аориста I и аориста II сослагательного наклонения, а также в формах повелительного наклонения (см. напр.: (эзе) баркьм, авдьм, бадьм, бьльндкьм; (мын) баркьра, авда, бада, бьльндкьра; баркэ., бадэ., бьльндкэ. и т. д.). Раздельноформленность составных частей подобного рода личных временных форм сложноименных глаголов недопустима в связи с наличием у них одного главного ударения, которое постоянно падает на именную часть. В остальных парадигматических формах сложноименные глаголы внутренне раздельноформленны, и в них более или менее четко различаются два типа ударения: главное, которое падает на именную компонент, и второстепенное, падающее на компонирующий глагол; вэ а'в дьдь"м, ба'р дьдь"м, бьль'нд дьдь"м и т. д. Подобная акцентуация свидетельствует о

большой степени сходства таких личных временных форм со свободными словосочетаниями модели «прямой объект+сказуемое, выраженное переходным глаголом» (типа эз на'н дьпежь'м). Однако эти же личные временные формы сложноименных глаголов могут реализоваться в обратной акцентационной схеме, т. е. представиться в форме с главным ударением на глагольном компоненте и второстепенным ударением на именной части: ба"р дькь'м, а"в дьдь'м, бьль"нд дькь'м. В этом случае личные временные формы в акцентуационном отношении сходны со слитными личными временными формами глаголов (см. напр.: эз ба"нздьдь'м («я прыгаю») от глагола банздан («прыгать»).

В современном курдском языке сложноименные глаголы образуются тремя путями:

а) в результате лексикализации синтаксических единиц (см. например, авдан («поливать, орошать») от ав («вода») и дан («давать»);

б) путем фразеологической деривации, т. е. на основе фразеологических единиц (см. например, дэстгьртън («обручать») ср. фразеологизм дэсте фк-е гьртън («обручать кого-либо; сватать»);

в) по образцу уже существующих сложноименных глаголов, т. е. по установившейся словообразовательной модели (см., например, асфалткьрън («асфальтировать»).

Среди глаголов трех типов к акцентуации слитного, нераздельнооформленного слова склонны больше всего единицы, образованные по модели. Что касается глаголов первого и второго типов, то они в ряде форм реализации стремятся сохранить внутреннюю раздельнооформленность. Будучи цельнооформленными в основной, инфинитивной форме единицами, такие сложноименные глаголы всякий раз, возвращаясь в речь, в разных благоприятных условиях восстанавливают различные особенности речевой жизни тех структур, к которым они генетически восходят. В частности, раздельнооформленность именной и глагольной компонентом сложноименных глаголов в таких случаях— это своеобразное повторение живых синтаксических структур в виде «прямой объект+сказуемое» или «обстоятельство+сказуемое», лежащих в основе словообразовательных моделей словосложения в языке.

Таким образом, основная форма сложноименного глагола цельнооформленна. Этим сложноименным глаголом противостоит устойчивым и свободным словосочетаниям, которые имеют одну постоянно раздельнооформленную форму. Следовательно, трудности, связанные с ограничением устойчивых словосочетаний и структурно похожих на них внутренне раздельнооформленных

личных временных форм сложногоименного глагола, можно преодолеть при учете всей парадигмы спряжения этого глагола путем последовательного выделения его цельнооформленных и внутренне раздельнооформленных личных форм.

Внутренняя раздельнооформленность, наблюдаемая у личных временных форм сложногоименного глагола, относится к сочетанию составляющих их морфем (см. упомянутую выше структуру соединения морфем в виде: ав дьдъм «поливаю», от авдан «поливать», мер дькэ «выходит замуж», от меркьрын «выходить замуж» и т. д.). Во всех тех случаях, когда сложный глагол употребляется в раздельнооформленном виде, т. е. его глагольный и именной компоненты не слитны, последний, как это видно из приведенных примеров, не морфологизируется. Это служит указанием прежде всего на то, что сложные глаголы и при раздельнооформленности морфем-компонентов не отождествляются с устойчивыми словосочетаниями, в которых обычно сохраняется способность всех компонентов к морфологизации. Морфологизация всех компонентов языкового образования—основной признак его принадлежности не к сложным словам, а к устойчивым или свободным словосочетаниям или предложениям. Морфологизация же только глагольного компонента у сложногоименных глаголов является морфологизацией всего глагола через его последний компонент (ср. бар кьрын «погрузили», бар дькъм «гружу», бар дьки «грузишь», бар дькэ «грузит» и т. д.).

Таким образом, во всех случаях реализации сложногоименных глаголов во внутренне раздельнооформленном виде перед нами устойчивое и внутренне раздельнооформленное сцепление морфем. Морфемная структура у сложногоименных глаголов, а также и их цельнооформленность в инфинитиве резко отграничивают их от устойчивых и свободных словосочетаний.

Иной характер носит связь между элементами, образующими устойчивые словосочетания и элементами у свободных словосочетаний.

По сравнению со словом—с одной стороны, и с переменным словосочетанием—с другой, устойчивое словосочетание более сложное языковое образование. Достаточно полно охарактеризовать его можно только на основе изучения и сравнения со словом и переменным словосочетанием, взятыми в тождественных для этих единиц условиях. Эта задача может быть решена путем аналитического рассмотрения составных частей этих единиц, при котором наиболее полно проявляются основные стороны их лингвистического единства—форма и содержание.

В аналитическом плане переменное словосочетание выступает как единица, одной стороной которого является сочетание

форм слов, связанных между собой формальными связями, другой стороной—сочетание значений слов, связанных между собой смысловыми связями. Количество значений, образующих смысловое сцепление, и количество форм, составляющих формальное сцепление в пределах каждого переменного словосочетания и в любом конкретном случае его реализации, взаимообусловлены и равны. Переменное предложение, например, Али мър («Али умер»), реализуется в единстве законченного сцепления форм и законченного сцепления значений, а переменное словосочетание, например, Барзанийе бразийе мын («мой племянник Барзанийе») — в единстве незаконченного сцепления или полусцепления форм и незаконченного сцепления или полусцепления значений. В первом случае формой информации законченного сцепления значений служит законченное сцепление форм, во втором случае формой передачи незаконченного сцепления значений служит незаконченное сцепление форм.

Способность переменного словосочетания или предложения выступать как образование в виде формально-смыслового сцепления основана на том, что оно состоит из единиц, каждая из которых в его составе представляет единство формы и значения. Такие формально-смысловые единицы являются реальными единицами лексики, полноценными словами, а формально-смысловые связи между ними — реальными синтаксическими связями. Образования, состоящие из реальных элементов — слов, обладающих лексическим значением, мы называем переменными словосочетаниями и предложениями — единицами синтаксической системы языка, основным признаком которых является реальная лексическая делимость.

Итак, переменные словосочетания и предложения, в отличие от сложноподлежащих глаголов, представляют собой образования, у которых «свободность» и раздельнооформленность относятся к сцеплению реальных слов.

Иначе обстоит дело с характером образующих устойчивые словосочетания элементов.

В курдском языке устойчивые словосочетания по специфике сцепления образующих их компонентов-слов объединяются в две группы.

1. Устойчивые словосочетания наиболее обширной группы подлежат членению лишь искусственно, поскольку их речевая сущность соответственно их лингвистическому назначению отодвинута на задний план и существует лишь потенциально, а на переднем плане стоит их знаковая сущность, определяющая их как единицы языка. Примерами таких образований являются обороты типа сәһ'әт сәр фк-ер'а дәрбас бу («кто-либо упал в

обморок, потерял сознание», сәһ'әта хwә набиньн («болеют»), к'өме хwә фк-ер'а давежьн («радуются кому-либо, рады появлению кого-либо, приветствуют кого-либо»), к'өме хwә кьрьн сери («обводить вокруг пальца, ловко, хитро обманывать (кого)»), нав у дөнг («слава; славный, достойный славы, выдающийся, пользующийся известностью»), ньге хwә щот кьрьн («протянуть ноги, умереть»), ньге хwә надә бьн хwәда («на ногах, в стоячем положении; в движении, не присаживаясь») и т. д.

Языковое сознание пользуется такими устойчивыми словосочетаниями в качестве реальных формально-смысловых единиц, оно как бы отвлекается от всего того, что составляет их речевую основу. Форма таких устойчивых словосочетаний похожа на сцепление форм переменного словосочетания, но таким не является по своей сущности. Сцепление форм реально существует, когда оно находится в единстве со сцеплением значений и служит средством его передачи, тогда как эти устойчивые словосочетания в аналитическом плане не обнаруживают сцепления значений. Из этого следует, что они неделимы не только со стороны значения, но и со стороны формы. В подтверждение этому следует отметить и то, что форма таких устойчивых словосочетаний служит формой выражения их целостного значения, независимо от того, соотносится ли она с законченным или незаконченным сцеплением словоформ. Следовательно, словоформы в составе устойчивых словосочетаний сливаются в одну единую форму, которая извлекается из памяти целиком, в виде готовой формы информации. Они оказываются без референта, и наличие последнего не предполагается, независимо от мотивированности или немотивированности таких устойчивых словосочетаний в целом. Это значит, что образующие их компоненты нельзя считать словами в собственном, реальном смысле. Реальными не являются и синтаксические связи между ними. В связи с этим данные устойчивые словосочетания не обладают реальной лексической делимостью. Они реализуются как сочетания лексем—потенциальных слов.

Итак, устойчивость и внутренняя раздельнооформленность у устойчивых словосочетаний данной группы относятся к сцеплению компонирующих (потенциальных) слов. В связи с этим такие устойчивые словосочетания резко отграничиваются, с одной стороны, от слов как сцеплений морфем, и, с другой—от переменных словосочетаний как свободных сцеплений реальных слов.

II. Вторая группа представляет устойчивые словосочетания, обнаруживающие сцепление формально-смысловых элементов-слов. Устойчивость и внутренняя раздельнооформленность у них

относится к сочетанию реальных слов, и, тем самым, они оказываются единицами, отличающимися от переменных словосочетаний и предложений лишь своей устойчивостью. В качестве таких устойчивых словосочетаний выше были представлены обороты типа: бәре еваре («к вечеру, вечером»), сьбе шәбәде («рано утром, завтра утром») и т. п.

Таким образом, устойчивые словосочетания современного курдского языка, объединяющиеся в определенный класс языковых образований на основе общих и обязательных для них признаков устойчивости и внутренней раздельнооформленности, являются образованиями, обладающими сцеплением потенциальных или реальных слов. Такая характеристика, очень важная для формального отграничения устойчивых словосочетаний от слов и синтаксических единиц, не содержит, однако, указания ни на то, каков характер единицы мысли, выражаемой ими, и ни на то, каково их лингвистическое назначение в системе языка. В связи с этим вопрос о месте устойчивых словосочетаний и, в частности, об их принадлежности к одной и той же подсистеме или к разным подсистемам остается нерешенным. Это обстоятельство обуславливает необходимость продолжения исследования устойчивых словосочетаний в других аспектах, и в первую очередь в аспекте семантическом.

§ 6. Устойчивые словосочетания—объективно существующие факты языковой действительности. Цель, которая преследуется при их образовании, так или иначе, в конечном счете, заключается в передаче результатов отражения или выражения тех или иных отрезков внеязыковой или самой языковой действительности. Однако наличие единицы мысли является обязательным условием образования не только устойчивых словосочетаний, но и сравниваемых с ними единиц лексики—слов и синтаксических единиц: во всех случаях возникновения этих структур перед нами определенная единица мысли, которой предстоит облекаться в некую матерьяльную оболочку как форму объективации. В то же время данные факты хотя и образуются в ответ на потребность в передаче единицы мысли, но резко противопоставлены друг другу тем, что выражаемые ими единицы мысли представляют разные по характеру содержания. Возникает вопрос: какова специфика семантемы устойчивых словосочетаний?

В современном курдском языке выделяются три типа устойчивых словосочетаний, отличающихся друг от друга характером семантем, реализуемых ими в системе языка.

1. Устойчивые словосочетания, выражающие понятие: нане шущьке («подорожник»), рийа кадьз («млечный путь»), чу бал лешийа («умер»), кери тышки нае («никуда не годится, очень

плохо, скверно»), кърн томьке («навлекать на кого-либо беду, неприятности»), мина меша («как мухи, в большом, огромном количестве»), ощаха фк-е кор кърн («наносить кому-либо ущерб, вредить кому-либо»), омьд-ешан («родные, близкие, сочувствующие (о женщинах)»), позе сола фк-е хар кърн («укорять, упрекать кого-либо»), позе фк-е мьздан («приставать к кому-либо; искать повод спорить с кем-либо») и т. д.

Понятийная целостность семантемы таких устойчивых словосочетаний предопределяет возможность их соотнесения с частью речи и функционирования в качестве члена предложения. В зависимости от этого они четко отграничиваются от переменных словосочетаний и предложений, у которых план содержания образуют сцепления понятий (словесных значений). Но отграничиваются они и от слов, в основе значения которых также лежит понятие. Сходство слов и устойчивых словосочетаний, заключающееся в том, что они выражают понятие, не следует воспринимать как их тождественность друг другу, так как понятие, выражаемое устойчивым словосочетанием, и понятие, выражаемое словом, представляют собой качественно разные единицы мысли¹.

Устойчивые словосочетания, соотносящиеся с понятием, в дальнейшем называются фразеологическими единицами или фразеологизмами на основе наличия у них фразеологического назначения. Они имеют материальную оболочку словосочетания или предложения, состоящую из двух и более слов, связанных между собой по функционирующим законам лексической и грамматической сочетаемости.

II. Ко второму типу относятся устойчивые словосочетания, которые здесь и далее называются паремиологическими единицами или паремиологизмами. Это устойчивые обороты со структурой предложения, выражающие семантему в виде суждения или умозаключения. В их число входят: хун набѣ ав («кровь водой не станет»), к'ѳре сийарбун-ѳ'йбѳкѳ, пѳйабун-ѳ'йба дѳда нѳ («сесть верхом на осла—унижение, а сойти с него—второе унижение»), йа дѳла бѳра дѳлада бѳминѳ («то, что сердцу принадлежит, пусть в сердце остается»), фѳр'ина мѳришке н'ѳтани кадинѳйѳ («курица летает не выше овина»), щинаре хер бѳраки бѳхер чѳтьрѳ («хороший сосед лучше плохого брата») и т. д.

Паремиологизмы как носители суждения в коммуникативном отношении составляют законченное предложение. В зависимости от этого они, в отличие от устойчивых словосочетаний указанной выше группы, не могут служить строительным материалом предложения, т. е. выступать в роли его членов, не обладают возможностью соотноситься с частью речи. Они имеют само-

¹ Об этом см.: Глава первая, III, § 2.

стоятельную форму функционирования и вносятся в речь после некоторого описания события или какого-либо происшествия, при котором имело место нарушение или подтверждение закономерности осуществления социальных закономерностей, представителями которых являются эти паремиологизмы. В связи с этим отношения между паремиологизмами и текстом описания события носят своего рода синонимический характер.

Изучение паремиологизмов в плане сравнения их с устойчивыми словосочетаниями предыдущей группы позволяет убедиться в том, что две эти разновидности устойчивых словосочетаний по форме, по содержанию относящихся к ним единиц, по функции, которую выполняют эти единицы в речи, по способу их употребления не могут быть отнесены к одному классу языковых образований, хотя и обладают двумя общими признаками: устойчивостью и внутренней раздельнооформленностью.

О природе паремиологизмов в современной науке об устойчивых словосочетаниях существуют различные мнения, не сводимые к одному общепринятому. Одни ученые называют все паремиологизмы—пословично-поговорочные обороты единицами фразеологической системы языка, за исключением тех пословиц, в которых компоненты выступают в прямом значении (см. напр.: 66, с. 252). Некоторые исследователи, не находящие различия между фразеологизмами и пословично-поговорочными оборотами в функциональном отношении, относят последние к числу первых (см. 146, с. 36, 45). В то же время в трудах русистов (напр.: А. М. Бабкина, В. П. Жукова, А. И. Молоткова, С. И. Ожегова и др.) поговорки и пословицы исключаются из состава фразеологии. А. Л. Ониани справедливо отмечает, что внесение таких единиц во фразеологию «было обусловлено использованием неправильных критериев. Поэтому неправомерно ни определение фразеологизма, сделанное на основе этих критериев, ни понятие объема фразеологии» (см. 89, с. 136). В настоящее время растет количество сторонников выделения поговорок и пословиц из пределов фразеологии в раздел паремиологии. Но еще немало специалистов, продолжающих включать их в состав фразеологических словарей.

При составлении курдско-русского фразеологического словаря мы отказались от этой традиции, поскольку поговорки и пословицы не обладают назначением единиц фразеологического состава языка и должны стать предметом изучения особой паремиологической отрасли, которую можно условно назвать паремиографией.

III. Третий тип—устойчивые словосочетания, содержащие синтаксическую семантему—сцепление значений словоформ или

словформ и устойчивых словосочетаний первой группы. К ним относятся обороты типа присловий, послесловий, вводных выражений и т. п.: hæбу-т'õнëбу («жили-били»), р'ожæке жь р'ожæ («однажды, один день из дней»), щъмæ'тер'а бежъм («скажу народу»), пышти чиве шæве («после полуночи, время за полночь») и т. д. Таких оборотов в языке сравнительно мало. Одни из них встречаются преимущественно в памятниках устного народного творчества, другие—в просторечии.

Устойчивые словосочетания современного курдского языка, объединенные в отмеченных выше трех группах, таким образом, представляют собой образования-носители качественно разных семантем, характеризующих их как специфические факты языка, не относящиеся к одной и той же семантической разновидности языковых образований. Следовательно, от слов и переменных словосочетаний они не могут быть отграничены по одному общему признаку. Отсутствие такого признака, служащего показателем отсутствия единообразия плана содержания у устойчивых словосочетаний, препятствует их нахождению в одном участке системы языка.

Устойчивые словосочетания, обладающие номинативной целостностью, и устойчивые словосочетания, обладающие коммуникативной целостностью по характеру своих семантем четко отграничиваются как друг от друга, так и от слов и переменных словосочетаний и предложений. Что же касается остальных устойчивых словосочетаний, которые входят в третью группу, то они в плане содержания отграничиваются только от слов и от устойчивых словосочетаний первых двух групп. От переменных же словосочетаний и предложений они не отличаются, поскольку как у тех, так и у других план содержания представлен сцеплением значений слов или устойчивых словосочетаний первой группы.

Таким образом, на основе изложенного выше материала устойчивыми словосочетаниями следует считать языковые образования, обладающие следующими особенностями: А) устойчивостью организации и, в зависимости от этого, воспроизводимостью в готовом виде, Б) внутренней раздельнооформленностью на уровне сцепления двух и более потенциальных слов (у одних устойчивых словосочетаний) или реальных слов (у других), обусловленной характером семантемы в виде: а) сложного понятия (у одних устойчивых словосочетаний), б) суждения или умозаключения (у других словосочетаний), в) сцепления значений (у третьих устойчивых словосочетаний).

Это определение устойчивых словосочетаний служит достаточной основой для формального отграничения разных типов ус-

тойчивых словосочетаний друг от друга и их противопоставления лексическим и синтаксическим единицам. Тем не менее оно не является категориальным определением, поскольку основано на некатегориальных признаках. Для категориального определения устойчивых словосочетаний требуется их изучение в аспекте, который приведет к познанию категориального признака. В качестве такого аспекта в работе выдвигаются связи и отношения устойчивых словосочетаний с порождающей их потребностью.

II. КЛАССИФИКАЦИЯ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ КУРДСКОГО ЯЗЫКА ПО ИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ НАЗНАЧЕНИЮ

Назначение фразеологизма в системе языка

§ 1. Языковое образование в течение веков находится в центре внимания исследователей. За это время наука достигла значительных успехов в определении его лингвистического статуса и, в частности, в выявлении большого количества его особенностей (свойств, признаков и т. п.), отражающих разные его стороны. Задача описания этих сторон обусловила становление ряда научных дисциплин, представляющих собой ныне отдельные разделы науки о языке.

Вместе с тем, структурно-элементный состав языкового образования еще недостаточно освещен, не установлены единые критерии разграничения различных типов языковых образований, встречающихся в языке и образующих его отдельные материальные отрасли. Очевидно, этим обусловлено то, что современная языковедческая мысль по существу протекает в двух связанных между собой направлениях: выявление все новых свойств и черт языковых образований, способствующее разработке основ их характерологической типологии; определение основ их классификационной типологии, направленное на установление их объективного места в языковой системе.

В настоящей работе обосновывается возможность выявления у языкового образования свойства, до сих пор не обратившего на себя внимание специалистов, и на основе этого свойства—определения места языковых образований, в том числе фразеологических единиц, в системе языка.

Вопрос выделения фразеологического состава и создания аргументированной основы определения фразеологии в качестве самостоятельного раздела теории языка является частью общей проблемы определения места элементов языка в системе, и в частности их принадлежности к соответствующим подсистемам языка. Однако, несмотря на его сравнительно широкую разработан-

ность на фразеологическом материале многих языков, он еще не имеет однозначного решения. Между тем, как показывают наблюдения, отсутствие единого взгляда на объем и границы фразеологии обусловлено не недостаточностью результатов исследований в традиционно выделяемых трех аспектах (в структурном, семантическом и функциональном отношении), а тем, что вопрос об определении лингвистического места фразеологической единицы решается без выбора для этой цели соответствующего аспекта исследования. Имеющиеся в специальной литературе определения фразеологической единицы, основанные на таких частных признаках, какими являются устойчивость, воспроизводимость, раздельнооформленность, полная или частичная переосмысленность компонентного состава и т. п., обычно отвечают на вопрос, какова фразеологическая единица в том или ином частном отношении. Между тем, фразеологической науке необходим ответ на общий, глобальный вопрос: что такое фразеологическая единица?

В самом деле, для определения места языкового образования в системе следует исходить не из его частных признаков или свойств, формальными показателями которых служат те или иные его частные стороны, а из такого его свойства, показателем которого служит он в целом. Подобный подход к языковому образованию предполагает наличие у него кроме частных особенностей, характеризующих технику его строения в целом, еще и некоего глобального свойства, относящегося не к его отдельным сторонам, а ко всей его комплексной организации. Однако мы не располагаем данными ни о составе этого свойства и ни о том, каков аспект исследования, который объективно ведет к его познанию.

Вопрос «Что такое фразеологическая единица? (Для чего она?)», требует рассмотрения этой единицы в аспекте ее связей с породившей ее потребностью, поскольку лишь в этом плане можно добиться необходимого ответа.

На связь языка с социальной потребностью указывают К. Маркс и Ф. Энгельс: «... язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» (см. 2, с. 29). «Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу» (см. 3, с. 489). «Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем, ради какой-либо из своих потребностей...» см. 3, с. 493).

Попытаемся осуществить анализ структурно-элементного состава фразеологических единиц в аспекте их связей с потребностью, в ответ на которую они возникают. Этот аспект исследова-

ния объективно ведет к пониманию важности выделения и разработки проблемы потребности в лингвистике.

§ 2. Языковые образования, в том числе фразеологизмы, возникают из потребности в общении—в передаче (выражении) определенного идеального содержания—единицы мысли. Из этого следует, что языковые образования имеют свойство удовлетворения потребности, ибо то, что возникает из потребности, обладает свойством удовлетворить эту потребность. Таким образом, рассматривая языковые образования в их связях с порождающей их потребностью, мы обнаруживаем у них особое обособленное свойство—свойство удовлетворения потребности, изначально присущее им. Это свойство, до сих пор неотмеченное наукой, условно названо автором лингвистическим назначением языкового образования.

Обращает на себя внимание то, что свойство удовлетворения потребности—лингвистическое назначение у языкового образования не относится к числу его частных свойств, не находится на одном уровне с его структурно-семантическими и функциональными особенностями. Аспект изучения элементов языка в их связях с потребностью подлежит строгому различению и ограничению от традиционно выделяемых трех аспектов: структурного, семантического и функционального. Проводимые в этом аспекте исследования преследуют строго определенную цель, которая заключается в установлении лингвистического назначения и определения его элементного состава. На пути же к достижению этой цели предстоит выяснить ряд вопросов, связанных с определением характера потребности, из которой возникают языковые образования, и в частности фразеологизмы как единицы особой подсистемы языка. Причем круг этих вопросов определяется с учетом неизученности проблемы потребности в лингвистике.

1. В психологии «потребностями называются психические состояния, переживаемые человеком, когда он испытывает настоятельную нужду в чем-либо» (см. 108, с. 109). Наблюдаемые общественные потребности образуют некую систему, зеркально отражающую жизнь и деятельность людей на каждом этапе исторического развития, условия и возможности обеспечения человека как живой особи в природе и в обществе. Человек без потребности отрезан от жизни. «Он должен иметь общение с внешним миром, средства для удовлетворения своих потребностей...»,—писал Ф. Энгельс (см. 4, с. 297).

Среди духовных потребностей людей особое место занимает потребность в общении, являющаяся одной из важных особенностей человеческого общества, величайшим из величайших достижений его духовной жизни. Побудительный фактор, привед-

ший к ее появлению, мог бы возникнуть в глубинах предьстории человечества, в первичных примитивных процессах совместной жизни и трудовой деятельности, при настоятельной нужде в передаче информации и в достижении взаимопонимания. В этом убеждают основополагающие мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, изложенные в их материалистическом определении языка: «На «духе» с самого начала лежит проклятие—быть «отягощенным» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков—словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» (см. 2, с. 29).

Нужда в общении определила потребность в выражении и, тем самым, в создании орудия общения-языка. Но язык не только возникает из потребности. Он функционирует и развивается в силу потребности. При отсутствии потребности, что означает отсутствие языкового коллектива, язык оказывается вне использования, он перестает существовать и развиваться.

В прямой зависимости от специфичности потребности в общении язык выступает самостоятельным, специфическим явлением, обслуживающим одну строго определенную сторону общественной жизни. Из его сравнения с другими общественными явлениями в их связях с соответствующими потребностями неминуемо вытекает, что первое и наиболее общее отличие между этими явлениями и между ними и языком, как и между действиями и состояниями, присущими человеку, а также между всеми предметами, созданными его рукой и т. д., начинается с того, что они возникают из разных потребностей. При разных потребностях возникают разные духовные и материальные ценности, ср. язык с такими явлениями и предметами, как национально-освободительное движение, революция, борьба за разоружение и т. д., с одной стороны, и парус, телевизор, телефон, ложка, трактор, кушак, лопата, люлька и т. д.—с другой. Будучи социальным явлением, потребность, из которой возникает язык, не является объектом изучения лингвистики. Она не является свойством языка так же, как и потребность в телефоне не является свойством телефона. Однако она должна в обязательном порядке быть учтена в науке о языке, т. к. основное, релевантное свойство языка, каким является его назначение в общей системе действительности, а далее и релевантное свойство его элементов, каким является их лингвистическое назначение в системе языка, может быть обнаружено лишь при их рассмотрении в их связях с потребностью.

2. В освещении природы лингвистической потребности отдельное место занимает вопрос о времени и условиях ее появления. В самом деле, когда возникает потребность в образовании языкового элемента и чем она обусловлена?

Акт отражения действительности в сознании человека не является в то же время актом образования им языковой единицы. Если считать, что процесс материализации результатов отражения в виде определенного идеального содержания является в то же время процессом удовлетворения потребности, то факт появления потребности следует искать где-то в промежутке между началом акта материализации результатов отражения в их еще не ставшем фактом языка виде и концом акта отражения действительности. Этот промежуток с большой очевидностью выступает как этап нахождения результатов отражения непосредственно в преддверии языкового сознания. Вот что пишет Е. М. Галкина-Федорук: «Первая мысль, зародившаяся у человека, оформилась, облекаясь в языковую оболочку» (см. 48, с. 33). «Новое идеальное содержание типа понятие,—пишет И. С. Тропцев,—возникает в ходе отражения предметов и явлений объективной действительности и впервые находит свою объективацию в описании, т. е. в сочетании нескольких слов, осуществленном по синтаксическим моделям языка (речь идет о возникновении фразеологизма—М. Х.).

В случае закрепления этого содержания в слове или фразеологизме, оно, как это очевидно, предшествует акту закрепления, лексической объективации (все отличие между словом и фразеологизмом неоправданно сводится автором к особенностям в звуковой оболочке фразеологизмов, к ее расчлененности—М. Х.).

Когда в новом слове или фразеологизме повторно закрепляется какое-либо ранее закрепленное в лексических единицах содержание, то не менее очевидно, это содержание было уже готово, предшествовало повторной лексической объективации. Таким образом, во всех случаях лексической объективации предшествует готовое идеальное содержание» (см. 120, с. 8—9).

Касаясь этого же вопроса, Е. Н. Толикина отмечает: «... как только процесс образования абстракции (еще не понятия) завершен, проблема становится лингвистической. Абстракция в таком виде уже поддается описательному комбинаторно-языковому выражению. Известно, например, что А. Н. Попов, сделав свое открытие, читал о нем доклады и демонстрировал его, а слова «радио» еще не было. Таких случаев, особенно в области науки, немало. Следовательно, акт материализации абстракции в слове (в собственном знаке) может произойти сразу после завершения процесса образования ее, но может быть и отодвинут на некото-

рую временную дистанцию. Последнее можно отметить. Такая возможность является свидетельством того, что акт материализации абстракции в знаке не является ни частью процесса отражения, ни продолжением его. Здесь пролегал естественная граница двухсторонней проблемы. Кончается ее гносеологический аспект и начинается лингвистический, аспект генезиса языкового знака» (см. 119, с. 217). Таким образом можно полагать, что с завершением процесса образования абстракции (еще не понятия) возникает потребность в направлении языкового сознания на поиски соответствующей формы ее выражения.

Единица мысли в виде «еще не понятия» как результат самостоятельного акта отображения действительности облекается в материальную оболочку благодаря потребности в ее выражении, приводящей к становлению языкового образования в целом. Но единицы мысли бывают самого различного характера. В зависимости от этого существуют разные типы потребности, из которых возникают соответствующие языковые образования. Рассмотрим эти типы потребностей.

3. Языковые образования, встречающиеся в современном курдском языке, как языке издревле отдельного самостоятельного языкового коллектива, возникают не из одной и той же потребности. Предложение как предикативная единица, служащая для выражения мысли, а также чувства и воли, например, образуется в связи с одним типом потребности, тогда как такое языковое образование, как слово—значимый звукокомплекс—возникает в связи с совершенно другим типом потребности. Становление поговорок и пословиц связано с одними потребностями, в то время как из совершенно других потребностей возникают речевые единицы типа присловий или языковые единицы типа фразеологизмов и т. д.

Выделение разных типов потребностей, из которых возникают эти языковые образования, служит основой строгого различения разных типов назначений—свойств удовлетворения потребности, присущих им, а именно лексического назначения, характерного для слов, синтаксического назначения, свойственного синтаксическим единицам, паремиологического назначения—у поговорок и пословиц, фразеологического назначения, характерного для единиц фразеологической подсистемы языка и т. д.

Поскольку нужда в передаче каждого типа единицы мысли создает соответствующий тип потребности, то от характера этого типа единиц мысли зависит и характер типа потребности. В этом плане выделяются потребности устойчивые, связанные с типом устойчивых, стабильных единиц мысли, требующих запоминания в готовом виде, и неустойчивые потребности, обусловленные ти-

пом единиц мысли, не требующих своего запоминания в готовом виде. При потребности, носящей устойчивый характер, возникают и существуют устойчивые образования языка типа слов, фразеологических и паремнологических единиц и т. п. При переменных же потребностях образуются синтаксические единицы—переменные словосочетания и предложения.

Таким образом, выделение двух разных типов потребностей—стабильных и нестабильных /переменных/ служит основой для разграничения двух типов единиц мысли, а далее и двух типов лингвистических структур: синтаксических единиц как нестабильных структур (при стабильности их моделей) и единиц языка, обладающих стабильностью.

4. Для освещения природы назначения ключевое значение имеют также следующие моменты, касающиеся выявления особенностей языкового образования, обусловленных характером потребности, из которой оно возникло.

I. Потребность в выражении единицы мысли устойчивой, после ее объективации—облечения в материальную оболочку и образования на этой основе соответствующего элемента языка, перерастает в потребность, из которой существует этот элемент в языковой системе. Потребность в таком виде относится ко всему элементу, а в зависимости от этого его назначение выступает глобальным свойством, доминирующим над его комплексной организацией в целом. При этом насколько специфична эта потребность, настолько специфично и само назначение.

II. Элементы языка возникают в ответ на потребности в целях их удовлетворения. Из этого следует, что эти элементы должны быть построены таким образом, чтобы в целом обладать свойством удовлетворения, т. е. всеми теми особенностями, совокупность которых необходима для обеспечения данных потребностей. Стало быть, потребность не только вызывает языковое образование к жизни, но и предопределяет строго определенный состав его организации. Из этого следует, что, во-первых, организация языкового образования и его назначение взаимообусловлены и, во-вторых, потребность в языковом образовании основана на свойственных ей различных типах инвариантности, т. е. микрopotребностей, от которых зависят соответствующие стороны, свойства, черты, т. е. все то, из чего состоит или строится данное языковое образование. В частности, подходя к потребности в плане ее связей со структурно-семантической организацией языковых образований, можно проследить три разных типа ее инвариантности и зависящие от них три разных типа структурно-семантических особенностей:

I. Инвариантность, удовлетворяющаяся языковыми образо-

ваниями в их всеобщих, общеязыковых, интегрирующих особенностях;

II. Инвариантность, удовлетворяющаяся языковыми образованиями в их индивидуальных, неинтегрирующих особенностях;

III. Инвариантность, обеспечиваемая языковыми образованиями в их общих частично интегрирующих (частноязыковых) особенностях.

Под всеобщими (общеязыковыми) особенностями языкового образования имеются в виду те его черты и свойства, которые присущи всем языковым образованиям в виде автономных отрезков звуковой речи, представляющих собой в целом особое проявление материального мира. Здесь, прежде всего, учитывается тот факт, что языковое образование должно состоять из языковой материи, чтобы считаться элементом языковой действительности.

Всеобщие особенности, присущие всем языковым образованиям, противопоставляют их всем элементам внеязыковой действительности, куда входят и лингвистические средства общения.

Таким образом, отвечая одному из трех типов микропотребностей, всеобщие особенности указывают на языковость элементов орудия общения и относятся к их структурно-семантической организации в целом.

Всеобщим особенностям прямо противопоставлены индивидуальные особенности, которые присущи только одному конкретному языковому образованию. Они основаны на стремлении (микропотребности) индивида создать для каждого познанного им отрезка действительности отдельного автономного языкового представителя в виде конкретного языкового образования—элемента орудия общения. Тем самым индивидуальные особенности ориентированы на отдельность языкового образования, на индивидуальный случай проявления языковости, направленный на данный конкретный предмет.

Таким образом, в отличие от всеобщих (общеязыковых) особенностей, которые указывают на то, *из чего состоит языковое образование*, индивидуальные особенности, характеризующие отдельность языкового образования в виде некоторого отрезка звуковой речи, обусловлены потребностью в указании на то, *что оно отражает, обозначает или выражает*.

От всеобщих особенностей, с одной стороны, и индивидуальных особенностей, с другой, отграничиваются общие (частично интегрирующие) особенности, характерные для определенного круга языковых образований. Общие особенности лежат в основе разграничения различных типов языковых образований и их последующей дифференциации на разных уровнях. Такие типы язы-

ковых образований, какими являются слова, синтаксические единицы, фразеологические единицы, паремиологизмы и т. п., выделяются на первом, наиболее общем уровне членения языка (см. 39, с. 93). Они представляют собой разные типы проявления языковости или разные формы, в которых языковость находит свое выражение. Тем самым, общие особенности, прослеживаемые при наиболее общем и крупном членении языка, являются типологическими особенностями, ориентированными на *тип проявления языковости*, и на этом основании представляют различающиеся классы однородных, однотипных языковых образований.

Возникает вопрос: чем обусловлены общие, типологические особенности, от которых зависит наличие в языке лингвистических структур разных систем строения в виде слова, предложения, паремиологизма, фразеологизма и т. п.—как индивидуальных случаев проявления соответствующих типов языковости?

Языковость (языковая материя) представляет собой единство формы (звучания) и содержания (мысли). К. Маркс указывает на язык как форму существования мысли (см. 2, с. 29). Все перечисленные выше типы языковых образований отражают действительность. Это общая для всех них черта. Отличия же между ними касаются того, как они отражают действительность: язык разнороден по типам проявления, которые являются разными формами существования мысли или разными формами, в которых осуществляется отражение действительности. Из этого следует, что тип проявления языковости (языка) определяется спецификой отражения действительности, тем, в какой форме, в каком составе или объеме она отражается и предопределяет характер единицы мысли.

Таким образом, общие особенности, указывающие на тип проявления языковости, ориентированы на представление специфики отражения действительности. Но поскольку спецификой отражения действительности обусловлен характер единицы мысли, а от характера единицы мысли зависит характер формы ее объективации (см. 132, с. 182), то спецификой отражения действительности в конечном счете определяется характер организации языкового образования в целом как образца данного типа проявления языковости. Тип проявления языковости обусловленным спецификой отражения действительности. А в связи с этим существенные качественные отличия между разными типами проявления языковости (такими, например, какими являются слова, синтаксические единицы, устойчивые словосочетания и предложения и т. д.) оказываются связанными с расхождениями в специфике отражения действительности.

Таким образом, общие особенности языкового образования,

обусловленные спецификой отражения действительности, отражают характер его организации и, тем самым, отвечают отдельному типу микропотребности.

Итак, три типа особенностей языкового образования, обеспечивающие соответствующие типы микропотребности, позволяют ответить на следующие три разных вопроса, касающиеся природы его структурно-семантической организации: *из чего оно состоит, что оно отражает (или обозначает) и как оно отражает, и, в зависимости от этого, каков характер его организации?*

5. Тот факт, что языковое образование существует из потребности, основанной на трех типах инвариантности (микропотребностей), служит основанием для признания его назначения как свойства комплексного, соответственно основанного на трех типах микроназначений, с которыми выступают соответствующие типы особенностей: микроназначение, относящееся к всеобщим особенностям языкового образования, микроназначение его общих (типологических) особенностей и микроназначение его индивидуальных особенностей.

Методика определения трех типов микроназначений у языка в целом и у конкретного языкового образования в частности сводится к следующему:

А. Язык как явление, возникшее из потребности, наделен тремя типами особенностей как показателями трех типов микроназначений, на которых основано, или, иначе говоря, в которых находит свое выражение его назначение: микроназначение, отвечающее материальной сущности (обшематериальным особенностям) языка, микроназначение, отвечающее его индивидуальным особенностям, и микроназначение его типологических особенностей.

Язык—элемент общей системы объективной действительности и определяется в качестве ее составной части в специфическом для него проявлении. Возникая из особой потребности, он образует свою систему, отдельный микромир, прежде всего в общем ряду лингвистических средств общения. В этом случае назначение языка определяется в плане сравнения его с такими средствами общения, какими являются, например, элементы кинесики. На этом уровне, язык несет обязанности (выступает в должности) орудия общения в виде звуковой речи.

Свойство быть орудием общения в виде звуковой речи, есть назначение языка, его категориальное свойство, отграничивающее его от лингвистических средств общения. Здесь же отметим, что от назначения языка, как орудия общения в виде звуковой речи, зависят его функции, что и требует строгого различения назначения и функции языка как двух его разных сторон.

Совокупность функции данного знака, образующая статус его деятельности, обусловлена его назначением.

Б. Языковые элементы образуют некую систему, именуемую системой языка. Для того, чтобы общее для всех элементов языка назначение (инвариантность) стало объектом осознания (осмысления), требуется выйти из пределов системы и наблюдать ее на уровне общей системы объективной действительности, в ряду всевозможных типов ее проявлений. В таком случае, язык окажется обозримым в своей полной фигуре, он предстанет перед нами в виде некоего целого, особо организованного проявления материального мира (см. 56, с. 11—12). Именно в этом случае элементы языковой действительности будут наиболее ярко выделенными и противопоставленными элементам внеязыковой действительности, наиболее четко выявится их строгая объединенность одним общим назначением, обусловленным одной общей потребностью.

Если в части всеобщих особенностей языковые образования отвечают одной и той же микропотребности, имея поэтому одно и то же общезыковое назначение, то в части общих (частноязыковых) особенностей, лежащих в основе их типологической дифференциации, они отвечают разным микропотребностям, поэтому имеют разные частноязыковые назначения, образуя, тем самым, разные области или подсистемы языковой действительности.

Непременным условием для осознания частноязыкового назначения языковых образований является выход из структуры этих областей-подсистем и их наблюдение на общем фоне системы языка, где элементы каждой подсистемы объединены общим для них микроназначением, общим подсистемным свойством.

Таким образом, частноязыковое назначение элементов языка, как и назначение той или иной языковой подсистемы (или микросистемы), как таковое, определяется в пределах общей системы языка. В этом плане языковые образования оказываются в положении лингвистических средств общения (элементов орудия общения) в виде автономных отрезков звуковой речи, построенных из соответствующих микропотребностей в целях их удовлетворения. Свойство автономного отрезка звуковой речи—языкового образования—удовлетворить данную микропотребность, выступает как его назначение в системе языка.

Итак, лингвистическое назначение языкового образования основано на трех типах инвариантности, микроназначений: общезыковом, частноязыковом и индивидуальном. В первом типе инвариантности языковое образование принимает участие в строевании системы языка, во втором типе инвариантности—в образо-

вании данной подсистемы (или микросистемы), в третьем типе инвариантности занимает отдельное место в этой подсистеме, определяясь в качестве ее оппозитивного элемента. Тот факт, что лингвистическое назначение основано на трех типах микроназначений составляющих языковое образование элементов, указывает на его глобальный характер, на то, что оно отражает лингвистическую сущность языкового образования. В зависимости от этого лингвистическое назначение языкового образования может быть положено в основу его научного определения.

Следовательно, изучение языковых образований в аспекте трех типов микроназначений необходимо для того, чтобы ответить на три разных вопроса науки о языке, а именно: *о характере языковости как особом проявлении материального мира, о типах проявления языковости и об индивидуальных формах проявления этих типов*. Из них важным для нас является вопрос о типах проявления языковости, с которым связано объективное определение места языковых образований в системе языка.

6. Изложенный в предыдущих параграфах материал не оставляет сомнения в том, что языковые образования, вызванные одной и той же потребностью и имеющие одно и то же назначение, как таковые, обнаруживают и один и тот же лингвистический статус комплексной организации, а образования, разные по назначению, наоборот, являются разными и по лингвистическому статусу своей комплексной организации. Этот факт, как прямое указание на построение языкового образования в строгой зависимости от характера его содержания, декларирует распространение особенностей данного типа проявления языковости на всю комплексную организацию языкового образования.

Стало быть, если языковые элементы обнаруживают разные формы объективации, то это потому, что у них разные по характеру и объему содержания, и, следовательно, возникают они из разных потребностей и поэтому имеют разные лингвистические назначения в системе языка. Комплексная организация элемента языка оказывается, таким образом, формальным показателем его назначения и свидетелем реально действующей потребности, вызвавшей его к жизни.

В силу того, что языковые элементы, возникшие из разных потребностей и поэтому имеющие разные назначения, обнаруживают и разные по лингвистическому статусу комплексные организации, они относятся к разным подсистемам языка, подлежащим исследованию в качестве объекта разных научных дисциплин. Подсистема оказывается, таким образом, языковой областью единиц одного и того же назначения. Это обстоятельство заставляет еще раз подчеркнуть принципиально важное значение

лингвистического назначения языковых образований для определения их принадлежности к соответствующим подсистемам языка и настоятельную необходимость в выделении и определении его в качестве критерия при установлении объема и границ этих подсистем.

7. Языковые образования, имеющие разные назначения, могут, пусть и в разной степени, совпасть в самых различных частях своей комплексной организации или обнаружить те или иные сходные черты. В случаях, когда назначение языковых образований не учитывается, подобные совпадения или сходные черты не только препятствуют, но и нередко исключают всякую возможность для определения места таких образований в системе языка. Например, трудно определить лингвистическое место слов в системе языка, и, в частности, их принадлежность к лексической подсистеме языка, исходя лишь из того, что они выполняют номинативную функцию: эту функцию выполняют и многие соотносящиеся с понятием устойчивые словосочетания, которые, однако, не являются словами.

Трудно также определить принадлежность того или иного образования курдского языка к той или иной его подсистеме, исходя лишь из того, что оно обладает устойчивостью, переосмысленным значением и внутренней раздельнооформленностью. Эти признаки обнаруживают языковые образования разных назначений. Многие устойчивые словосочетания и их лексические дериваты, а также часть пословиц, например, обладают устойчивостью и переосмысленным значением. Внутреннюю раздельнооформленность обнаруживают некоторые сложные слова типа сложноименных глаголов (в некоторых формах их реализации), а также устойчивые и свободные словосочетания, поговорки и пословицы. Среди этих образований сложноименные глаголы выделяются тем, что внутренняя раздельнооформленность у них относится к сцеплению морфем. Легче отграничиваются и свободные словосочетания, обнаруживающие сцепление слов. Но трудно отграничивать пословицы от устойчивых словосочетаний, так как и у тех, и у других раздельнооформленность относится к сцеплению лексем (потенциальных слов).

Поскольку языковые образования расположены в системе языка по своему назначению, то последнее и должно быть положено в основу определения их места в этой системе. Это относится к определению места элементов всех языковых уровней, в том числе и устойчивых словосочетаний.

§ 3. Устойчивые словосочетания, встречающиеся в современном курдском языке, в зависимости от характера своего назначения делятся на следующие разновидности:

1. Устойчивые словосочетания—фразеологизмы, служащие характеризующими, квалифицирующими обозначениями объекта действительности (который понимается здесь в широком плане как предмет познания), обладающими поятийной целостностью. К ним относятся: ав дь гәрдәна фк-еда дьхвенә («очень красивый, нежный (кто-либо)», букв. когда кто-либо воду пьет, она (вода) как бы светится сквозь грудь (шею); ав у зар («плач, стенание, рыдание, жалобные стоны», «переживания», букв. вода и язык (речь); ава бьн кае («козарный, хитрый; ненадежный; предатель», букв. (как) вода, текущая под сечкой (соломой); аше фк-е хаш дьхәбьтә («кто-либо много ест, проявляет ненасытность, безудержность в еде», букв. чья-то мельница хорошо работает); ақьл к'әтә сәре фк-е («кто-либо взялся за ум, поумнел», букв. ум (рассудок) вошел в чью-то голову) и т. д.

Потребность в создании фразеологизмов как качественно отличных от слова образований связана с необходимостью в передаче не всех возможных единиц мысли, возникающих в результате отражения действительности, а только таких, в которых действительность представлена в своей предельной характеристике, оценке или описании в определенном направлении.

Фразеологическая семантема представляется языковому сознанию как более развернутое, расширенное в определенном направлении отражение действительности. Правда, слово также обозначает действительность, но по сравнению с фразеологизмом оно является как бы более свернутым ее обозначением. Свойство свернутости обозначения—показатель свернутости логически оформленной общей мысли о предмете—понятия. Наоборот, развернутость, расширенность обозначения у фразеологизма связаны с развернутостью предмета мысли как некоего обобщенного, но предельно расширенного отражения объекта действительности, ставшего предметом оценки (характеристики или описания и т. д.) в условиях непосредственного гносеологического процесса. Специфика отражения действительности, свойственная фразеологизму, выделяет его в качестве языкового продукта особого назначения, которым не обладают не только слова и синтаксические единицы, но и устойчивые словосочетания остальных трех разновидностей, о которых говорится ниже.

2. Устойчивые словосочетания, предназначенные для того, чтобы служить интеллектуально-дидактическими констатациями общих закономерностей, имевших или имеющих место в разных сферах социальной жизни. Это устойчивые словосочетания—пословицы и поговорки, обладающие коммуникативной целостностью и представляющие собой особые обороты, образующие своего рода дидактический кодекс народа в его познавательной дея-

тельности. К ним относятся, например: Шер Шерә, чь жьн чь ме-
рә («Лев остается львом, будь он мужчина или женщина»); Ма-
ла зер'а хьраб дьбә, мала мера хьраб набә («Дом, где есть золото,
может погибнуть, но не погибнет дом, где есть сыновья»); Мәһ'-
буб әвә, кō дьл дьһ'әбинә («Красиво то, что покоряет сердце»);
һәр гōләке бинәк ле те («Каждый цветок имеет свой запах»);
Жь сәре қьжьке р'әшәқали ченабә («Из головы птички каурмы
не сделаешь—от ничтожного человека толка не будет») и т. д.

3. Устойчивые речевые обороты в виде присловий, послесло-
вий и отдельных вводных выражений, встречающихся в памятни-
ках устного народного творчества и в разговорном просторечии
и имеющих контактно-устанавливающее назначение, ориентиро-
ванность не на предмет мысли, а непосредственно на участников
речевого акта. Например: Шарәке жь щара, р'әмә ль де-баве
һадьр-гōһдара («Однажды царство небесное родителям присут-
ствующих»); Нәбу-т'бнәбу («Жил-был»); Әфәндие хвәр'а бежым
(«Сказать своему господину»); Әм бенә сәр фк-е («Теперь об-
ратимся к тому-то»); Әв гьһиштьнә мьразе хвә, һун жи гьһиш-
тьнә мьразе хвә («Они достигли своей заветной мечты, желаю
вам того же самого») и т. д.

4. Синтаксические сочетания типа: Тә'ри к'әтә әрде («Тем-
нота пала на землю», в смысле «наступила темнота»); Р'о һа-
тә нивро («Солнце пришло в полдень», в смысле «наступил пол-
день») и т. д.

В языке таких оборотов немного. Они имеют синтаксиче-
ское назначение и реализуются в виде сцепления формально-
смысловых элементов, но в то же время обладают определенной
долей устойчивости.

Перечисленные четыре разновидности устойчивых словосо-
четаний, обнаруживающие разные формы отражения действи-
тельности, являются отдельными, самостоятельными типами про-
явления языковости, выделяющимися на первом, наиболее общем
уровне членения языковой системы. Относящиеся к каждой из
них единицы—это специфические языковые продукты, средства
языкового общения, образованные в ответ на специфические по-
требности в целях их удовлетворения. В зависимости от этого
они должны стать объектом самостоятельных исследований.

III. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СОСТАВ И СТРОЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

А. Характеристика структурно-семантической организации фразеологизма

§ 1. Модель фразеобразования

Фразеологизмы относятся к числу двуплановых единиц языка, обладают планом содержания и планом выражения. План содержания представляет единица мысли—фразеологическая семантема, возникшая в результате отдельного, самостоятельного акта отображения предмета действительности (явления, отношения, качества, процесса и т. д.) в сознании индивида. Наличие единицы мысли является важнейшим и непременным условием образования фразеологизма. Но при этом она формируется и становится фактом языка лишь благодаря форме ее лингвистической объективации, с которой она образует неразрывное языковое единство.

Форма (материальная оболочка) фразеологизма не представлена в готовом виде, а впервые складывается из имеющихся в языке готовых элементов—слов из потребности в выражении фразеологической семантемы. Она не может существовать без значения, как без нее не может существовать значение.

Таким образом, фразеологизм образуется, опираясь, с одной стороны, на результаты познавательной деятельности человека, а с другой стороны—на достижения его языкотворчества. Вместе с тем, определение фразеологизма в качестве двуплановой единицы не представляется полным без указания на взаимоотношения между его двумя планами. Этот аспект изучения фразеологизма особенно важен тем, что ведет к выявлению тех качеств фразеологических значений и фразеологических форм, благодаря которым они вступают в связь друг с другом и образуют соответствующие фразеологические единства.

Стало быть, объективная характеристика фразеобразования должна базироваться на результатах изучения фразеологизмов в трех аспектах: с точки зрения формы, содержания и в плане взаимоотношений между ними.

Со стороны воспроизводящего или образующего фразеологизм схема фразеологического единства обычно представляется в виде «значение→форма», где стрелкой указывается направление процесса построения фразеологизма, начинающегося значением и завершающегося формой. Эта же схема со стороны воспринимающего фразеологизм приобретает форму обратную, т. е.

«форма→значение», где стрелка означает направление процесса восприятия фразеологизма, который начинается формой и завершается значением. В обоих случаях данная схема представляет лишь наше эмпирическое знание фразеологизма, не отражающее в достаточной мере технику его построения: она не содержит указания на связь между формой и содержанием и, тем самым, не дает сведений о том, как и на каком основании значение облекается в форму. В связи с этим возникает необходимость представить эту схему в таком виде, при котором структурно-элементный состав фразеологизма найдет в ней достаточно полное отражение.

В результате наблюдений над процессом восприятия фразеологизма без труда можно заметить, что путь движения фразеологической семантемы к объективирующей ее форме проходит не так непосредственно и прямолинейно, как на схеме. В действительности, фразеологизм воспринимается сперва в части звучания—материальной оболочки, затем в части синтаксической семантемы, вместе с которой данная оболочка была вызвана к жизни в ответ на потребность во фразеобразовании, и только вслед за этим—в части собственно фразеологической семантемы. На первых порах функционирования фразеологизма его семантема выделяется как нечто предполагающееся вслед за восприятием синтаксической семантемы. Из этого следует, что схема построения фразеологизма может быть полной лишь при учете синтаксической семантемы, т. е. лишь в виде «фразеологическая семантема→синтаксическая семантема→материальная оболочка синтаксической семантемы». Проиллюстрируем ее на примере фразеологизма дъле (фьланк'эсе) к'этэ (беванк'эсе): (кто-либо) влюбился в (кого-либо)→(чья-то) любовь проникла в (того-то)→формальная оболочка-звучание. В этом случае первая стрелка означает, что фразеологическая семантема (влюбился в) сперва как бы связывается с синтаксической семантемой (любовь проникла в), а затем (на что указывает вторая стрелка) через нее облекается в материальную оболочку.

Из этого примера видно, что фразеологизм образуется не по грамматической (синтаксической) модели переменных словосочетаний и предложений, как полагают фразеологи, а по модели, которую можно условно назвать фразеобразовательной. Эта модель универсальна, она лежит в основе образования всех фразеологизмов языка. Для нее характерно то, что она допускает наполнение составных элементов фразеологического единства в виде: 1) фразеологической семантемы, имеющей референт только как целое, и 2) фразеологической формы, образованной по грамматическим моделям переменных словосочетаний и предло-

жений. Она является моделью образования формально-смыслового единства и этим отличается от грамматической модели, которая является моделью формально-смысловой сцепки, допускающей наполнение: 1) синтаксической семантемы в виде сцепления значений слов, или смысловой сцепки, и 2) синтаксической формы в виде сцепления форм слов, или формальной сцепки. Таким образом, фразеологизм напоминает переменное словосочетание лишь на уровне плана выражения. Поэтому распространение схемы построения формы (плана выражения) фразеологизма на образование всего фразеологизма не имеет под собой почвы. Модель фразеобразования представляет достаточно объективную картину становления фразеологической единицы. В связи с этим ее знание чрезвычайно важно для выяснения сущности фразеологизма как особой единицы языка. Попытаемся выяснить специфику формы и значения фразеологизма.

§ 2. Определенные характера структуры и семантики фразеологических единиц

Согласно схеме построения фразеологизма в качестве формы выражения фразеологической семантемы избирается не пустая, лишенная смысла формальная оболочка, а вполне содержательная единица синтаксического типа, обладающая свойствами формально-смысловой сцепки. См. дьле фк-е к'этэ бк'-е со значением «(чьа-то) любовь проникла в (того-то)». В части смысловой сцепки в виде «(чьа-то) любовь проникла в (того-то)» эта синтаксическая единица представляет собой составное значение—сумму значений составляющих ее слов. В части же формальной сцепки она является составной формой, состоящей из соответствующих словоформ. При этом смысловая и формальная сцепка как две стороны синтаксического образования выступают выражением фразеологической семантемы «(тот-то) влюбился в (того-то)» не врозь, а вместе (совокупно).

Схема «фразеологическая семантема→составное значение (синтаксическая семантема)→языковая оболочка (звучание)» показывает также, что составное значение располагается между своей оболочкой и фразеологической семантемой. Тем самым выбор этой оболочки как элемента плана выражения оказывается зависимым не от каких-либо ее особенностей, а от характера составного значения, с которым она образует единство. Тот факт, что составное значение является переходным звеном между фразеологической семантемой и своей материальной оболочкой, и, тем самым, служит основой связи между ними, обуславливает острую необходимость в анализе взаимоотношений меж-

ду самым составным значением и фразеологической семантемой. Исследования в этом направлении имеют большое значение: благодаря осознанию составного значения как непосредственного участника фразообразования оказывается возможным детализированное освещение техники фразообразования и определение перспектив дальнейших исследований структурно-семантической организации фразеологизма. Интерпретация составного значения важна в первую очередь для решения таких центральных задач теории и практики фразеологии, как объективное определение характера фразеологической семантемы и, в связи с этим, установление причин облечения фразеологической семантемы в данную материальную оболочку; выявление взаимоотношений, имеющих место между планом выражения и планом содержания фразеологизмов, и создание основ их структурно-семантической типологии. Сказанное подтверждается следующими примерами.

Из фразеологизма дьле фк'-е к'этэ бк'-е видно, что составное значение «чья-то любовь проникла в того-то», выраженное сцеплением двух понятий—значений (любовь проникла), в своей материальной оболочке служит языковой констатацией отрезка действительности «душевное состояние лица, испытывающего чувство любви к кому-либо». Вместе с тем, поскольку фразеологическая семантема также отражает этот объект, но основана уже на целостном понятии о нем, то фразеологизм в целом выступает обозначением данного объекта, а синтаксическое образование, составляющее план выражения фразеологизма,—синтаксической констатацией объекта. Стало быть, фразеологическая семантема—понятие о данном объекте находит свою объективацию через синтаксическую констатацию этого объекта. Но в языке немало случаев, когда фразеологическая семантема основана на понятии, являющемся результатом не прямого, а своего рода опосредствованного отражения предмета, т. е. отражения через другой отрезок действительности, находящийся с этим предметом в определенных отношениях. Причем эти отношения таковы, что оба отрезка образуют целое, поддающееся логическому осмыслению как единый объект, познание которого происходит в направлении от отрезка действительности к отражаемому предмету. В силу этого возникшая фразеологическая семантема—понятие об этом предмете объективируется посредством синтаксической констатации не самого предмета, а отрезка действительности, через который данный предмет нашел свое отражение. См., напр., фразеологизм лева хвѣ дальқанд, который выражает семантему «обиделся». Эта семантема основана на понятии о предмете—«душевное состояние лица, испытывающего

чувство обиды», который познан через отрезок действительности—мимическое движение «повесить губы», являющееся естественным следствием и своеобразной формой выражения этого предмета—внутреннего состояния.

Эти два случая объективации фразеологических семантем, как и остальные случаи, о которых речь идет дальше, являются доказательством того, что составные значения возникают из потребности в выражении фразеологических семантем и как таковые складываются в зависимости от характера этих семантем. Но при этом важно отметить, что установление реальной картины взаимоотношений между этим значением и фразеологической семантемой не всегда легко удастся. Нередко оно сопряжено с известными трудностями. В частности, при наблюдении над процессом образования фразеологизма обычно создается ложное впечатление, что образование словосочетания, которому предстоит составить план выражения фразеологизма, как бы предшествует становлению фразеологической семантемы. Однако в действительности словосочетание или предложение формируется лишь из потребности в объективации фразеологической семантемы. Отражение объекта в сознании не есть в то же время образование фразеологизма, содержащего результат данного отражения. Лучшим подтверждением этому являются словосочетания и предложения, которые образовались впервые из потребности в выражении фразеологической семантемы, минуя синтаксическую стадию формирования (напр., бэр п'эре э'змана «очень далеко», букв. «у краев небес»).

Таким образом, фразеологическая семантема хотя и опирается на составное значение, которое служит средством ее формирования и выражения, но, будучи результатом самостоятельного акта отображения действительности, генетически не восходит к нему. На этот факт указывает то, что составные значения складываются согласно особенностям соответствующих фразеологических семантем. Например, в зависимости от характера фразеологической семантемы (в смысле возможностей найти в языке необходимые средства ее выражения) составное значение может быть единицей мысли, проявляющейся в одной из трех возможных форм: а) составное значение, выступающее как сумма прямых значений слов, напр., Партия К'ордстанейя демократие «Демократическая партия Курдистана», где ни один компонент не употребляется в переносном значении; б) составное значение, представляющее собой сумму переносных значений компонентов, напр., гөмеда хвэйкьрын «держат в полном подчинении, в полной зависимости, подчинять себе (кого-либо)», ср. составное значение «держат в повиновении», букв. «хранить

(или беречь) в узде»; в) составное значение—сумма прямого значения одного (или одних) компонентов и переносного значения другого (или других), напр., (əw) сонде дьхвə «(он) клянется, дает клятву», ср. составное значение «(он) дает (принимает) клятву», букв. «(он) клятву ест».

Компоненты вступают в состав формы фразеологизма в одном из своих значений, которое может быть прямым или переносным, и выбор одного из этих значений происходит не произвольно, а в строгой зависимости от того, какое из них оказалось идентичным соответствующей составной части фразеологической семантемы. Стало быть, если фразеологическая семантема оказывается «переносной» по отношению к составному значению, то это потому, что язык не располагает достаточным количеством слов с прямыми значениями, необходимыми для выражения этой семантемы.

Значение, с которым возникает фразеологизм, является его прямым значением, независимо от характера составного значения, т. е. от того, состоит ли составное значение из прямых или переносных значений компонентов. Связь этого значения с составным значением является его мотивировкой, внутренней формой фразеологизма. Однако, в современном курдском языке почти невозможно найти фразеологизм, не имеющий внутренней формы. Понятие мотивированности не обязательно связывается с составным значением, состоящим из прямых значений компонентов. Последнее может состоять исключительно из переносных значений компонентов и быть мотивированным значением. Например, фразеологизм gōhe xwə дан сər фк-е выражает значение «слушать», которое в отношении к составному значению «слух свой направлять на кого» (ср. букв. ухо свое положить на кого) является значением мотивированным.

Компоненты в своих конкретных значениях выбираются, образуя синтаксическое словосочетание как форму выражения фразеологической семантемы, и только через эту форму принимают участие в фразеобразовании.

Таким образом, фразеологическая семантема объективируется через образование и объективацию составного значения словосочетания. Соотносясь с составным значением и облекаясь в его материальную оболочку, она дает о себе знать как о семантеме фразеологической. Поэтому там, где за синтаксическим словосочетанием или предложением закреплена единица мысли типа понятийно-целостной семантемы, перед нами фразеологическая единица.

Тот факт, что план выражения фразеологизма образуется в виде словосочетания или предложения в момент фразеобразова-

ния из потребности в выражении фразеологической семантемы, и поскольку он складывается из соответствующих компонирующих словоформ-значений в строгой зависимости от особенностей этой семантемы, образуя вместе с ней неразрывное единство, указывает на то, что причина структурной раздельнооформленности фразеологизма заключается в характере фразеологической семантемы и, в частности, в тех особенностях ее, от которых зависит данная черта формы ее выражения.

Случаи возникновения фразеологизма в качестве парафразы в отношении к слову (см. напр.: слово хõрин «с утра ничего не евший» и его парафраза сәр зэнга дьрана «маковой росинки во рту не было с самого утра, абсолютно ничего не евший») свидетельствуют о том, что семантема, лежащая в основе слова, не равноценна той, что лежит в основе фразеологизма—парафразы. В первом случае она как бы свернута, лишена разнообразных ситуативных, чувственных и других периферийных наслоений. Во фразеологизме же она образована в такую единицу мысли, которая в большей степени развернута, расширена, обильно оснащена образно-экспрессивными оттенками. Здесь ес номинативная значимость в известной мере отодвинута на задний план, на передний же план выдвинута, наоборот, ее характеристика и квалификация, т. е. та сущность, то новое, необходимость в передаче которого и обусловила возникновение фразеологизма-парафразы. Фразеологическая семантема отражает объект действительности в некотором описании, характеристике, квалификации, в его оценке в определенном направлении. Фразеологизм же в целом выступает обозначением этого объекта через данное его описание, характеристику и т. п. Стало быть, развернутая семантема (требующая фраземной формы выражения) и свернутая семантема (требующая форму выражения в виде слова) имеют разный объем и разную структуру. Это отличие, в свою очередь, позволяет заметить, что развернутый вид семантемы у фразеологизма обусловлен тем, что он возникает для выполнения функции характеристической, квалифицирующей, свернутый же вид семантемы у слова зависит от его чистой номинативной функции. Таким образом, фраземная, внутренне раздельнооформленная форма у фразеологизма образуется в качестве средства выражения семантемы с двумя важными взаимосвязанными особенностями: характеристической, квалифицирующей функцией и развернутостью в сравнении со свернутостью у семантемы, с которой возникает слово. Заметим, что последнее в отличие от фразеологизма не может возникать в качестве парафразы (т. е. с характеристической, квалифицирующей функцией) в отношении к существующему слову или фразеологизму. Это

позволяет утверждать, что всякая семантема (отражающая объект действительности только как целое), обладающая характеристической, квалифицирующей природой и являющаяся развернутой по объему и структуре, может называться семантемой фразеологической.

Обусловленность раздельнооформленности материальной оболочки фразеологизма развернутостью его семантемы и зависимость цельнооформленности слова от свернутости его семантемы служат объективными фактами, позволяющими судить о некоторых общих отличиях между двумя автономными лингвистическими явлениями—фразеобразованием и словообразованием.

Различия между фразеологизмом и словом в структурно-семантическом плане выступают прямым указанием на взаимосвязь и взаимообусловленность между планом содержания и планом выражения у каждого из этих языковых образований в отдельности. А это значит, что если образование слова по данной словообразовательной модели является результатом соотнесения его семантики с семантикой слов этой модели, то образование фразеологизма в грамматической структуре словосочетания или предложения—показатель соотнесения фразеологической семантемы с семантемой синтаксической (составным значением) данного словосочетания или предложения.

Фразеологическая семантема, таким образом, соотносится, с одной стороны, с семантемой слова и, с другой стороны, с семантемой синтаксической единицы (переменного словосочетания или предложения). При этом, в первом случае соотнесение основано на одних признаках, а во втором случае—на других.

Соотнесение фразеологической семантемы с семантемой лексической обусловлено их функциональной сущностью, заключающейся в понятийном характере их семантико-грамматического содержания. Что касается соотнесения фразеологической семантемы с семантемой синтаксической, то оно имеет место лишь на уровне фразеобразования при потребности в выражении фразеологической семантемы. Последняя в силу развернутости, расширенности объема информации представляется языковому сознанию в виде единицы мысли, которая может идентифицироваться лишь с синтаксической семантемой в целях облечения в ее материальную оболочку. В этом случае идентификация оказывается основанной на семантико-субстанциональных отношениях между фразеологической семантемой и семантемой синтаксической.

Таким образом, фразеологическая семантема отличается от лексической семантемы объемом информации, а от синтаксической семантемы—понятийной целостностью функционально-грамматического и семантического содержания.

Понятийная целостность фразеологической семантемы служит основой соотнесения фразеологизма со словом и его реализации на правах члена предложения¹.

§ 3. Типы связей и отношений между планом содержания и планом выражения фразеологических единиц

Изучение фразообразовательной модели позволяет судить о возможности решения трех важных задач фразеологической науки. Одна из них заключается в выяснении природы фразеологической семантемы и фразеологической материальной структуры, другая—в сравнительной типологии фразеологических семантем и фразеологических форм (материальных оболочек), третья—в установлении типов связей и отношений между ними.

В предыдущем параграфе мы убедились в том, что образующееся словосочетание или предложение, которому предстоит составить план выражения фразеологизма, всецело определяется природой фразеологической семантемы, зависит от нее. В связи с этим возникает вопрос: каковы связи и отношения, служащие основой сочетания фразеологической семантемы с составным значением (семантемой синтаксической) и образования на этой основе фразеологического единства как такового?

Механика фразообразования сводится к взаимоотношениям между планом содержания и планом выражения. При этом в одних случаях эти взаимоотношения отражают связи и отношения между двумя разными объектами внеязыковой действительности, а в других случаях они как бы ориентированы на связи и отношения между объектом действительности и некоторыми его признаками, особенностями и т. п. Обратимся к классификации фразеологизмов по основным типам проявления этих связей и отношений.

1. Фразеологизмы, план содержания и план выражения которых связаны между собой причинно-следственными отношениями. Техника их образования такова. Референт составного значения в виде мимики, жеста и других телодвижений, а также отдельных действий субъекта или физических изменений его тела и т. п. возникает как следствие и форма выражения референта фразеологической семантемы, выступающего в виде различного рода внутренних переживаний человека, его состояния и т. п. В зависимости от этого языковое обозначение референта составного значения оказывается формой выражения фразеологической семантемы, в результате чего возникает фразеологизм данного

¹ См. Глава вторая.

типа. Для примера возьмем фразеологизмы: лева хwэ дальqандын «обижаться, сердиться, делая недовольное лицо», ср. составное значение, совпадающее с буквальным, — «повесить свои губы»; диwарава һылк'ышйан «приходить в крайнее раздражение», ср. составное значение «лезть на стену» (референт-действие, выступающее как следствие и форма выражения референта фразеологической семантемы в виде психофизического состояния лица); р'у-гöйлие хwэ сыпкърьн «стареть, стариться», ср. составное значение «волосы свои сделать седыми». Этот тип фразеобразования охватывает огромное количество предикативных фразеологизмов различных структурно-семантических типов, о которых будет сказано ниже.

2. Фразеологизмы, план содержания и план выражения которых связаны между собой сравнительно-уподобляющими отношениями. Техника образования этих фразеологизмов сводится к следующему. Референт составного значения выступает отрезком действительности, которому уподобляется референт фразеологической семантемы. В таком случае обозначение референта составного значения оказывается формой выражения фразеологической семантемы; см., напр., соотношение между фразеологическим значением и составным значением у фразеологизма ми́на аше токе «быстро и много (едят)», составное значение «как (будто, словно) электрическая мельница (или подобно электрической мельнице)»; или соотношение между этими значениями у фразеологизма ми́на пьльнг «очень красный, докрасна раскаленный от огня», составное значение «как тигр» и т. п. Таким путем возникают фразеологизмы-сравнения, а также много фразеологизмов-терминов.

3. Фразеологизмы, между планом содержания и планом выражения которых осуществляется связь, основанная на ориентированности фразеологической семантемы и составного значения на один и тот же референт. Своеобразие этого случая фразеобразования заключается в том, что фразеологическая семантема-понятие о референте объективируется через его синтаксическое описание. Этот случай напоминает то, как производится набор текста. Подобно тому, как мы составляем из типографских литер какой-нибудь текст для печати, так мы составляем из имеющихся и наличии соответствующих значений словоформ фразеологическую семантему для ее языкового выражения. Иными словами, в целях объективации фразеологической семантемы референт последней представляется как бы в разложенном виде, в тех частях, которые имеют свои словесные обозначения. Сцепление этих обозначений и оказывается формой выражения фразеологической семантемы. Таким путем возникло множество фразеологизмов

различных структурно-семантических типов. См., напр., сонд хвэрьн «клясться, давать клятву», ср. составное значение «принимать клятву», бь дьле фэньц «добросердечно, чистосердечно, честно», ср. составное значение «с добрым сердцем», нане р'эш «черный хлеб» как понятие об отдельном виде хлеба, ср. составное значение-синтаксическая констатация предмета в данном его состоянии, и т. д.

4. Фразеологизмы, у которых план содержания связан с планом выражения родо-видовыми отношениями. Они обнаруживают сложный референт составного значения в виде сцепления двух однородных (простых) референтов (напр.: «мать и отец»), который служит основой для становления нового абстрактного, родового референта («родители») фразеологической семантемы. В этом случае в силу непосредственных родо-видовых отношений между фразеологической семантемой и составным значением формальная оболочка последнего оказывается формой выражения фразеологической семантемы. Этот путь фразеобразования характерен для парных сочинительных фразеологизмов как единиц отдельного структурно-семантического типа. См., напр., де-бав (или де у бав) с родовым фразеологическим значением «родители» и с составным значением «мать и отец» как суммой двух буквальных видовых значений.

5. Фразеологизмы, план содержания и план выражения которых связаны между собой частно-общими отношениями. В них фразеологическая семантема является частной модификацией некоторой общей семантемы, через повторение которой образуется план выражения фразеологизма. Например, семантема «поспешно (торопливо, слишком быстро)», образующая план содержания фразеологизма зу-зу, является частной модификацией общей семантемы «быстро» и объективируется через ее повторение.

Таковы основные типы связи и отношения между планом содержания и планом выражения фразеологизмов, объективно отражающие соответствующие пути фразеобразования в современном курдском языке. Отметим, что одни типы связей и отношений присущи лишь отдельным структурно-семантическим типам фразеологизмов, а другие—фразеологизмам разных типов. К первым относятся, например, особая родо-видовая связь, функционирующая у парных сочинительных фразеологизмов, ко вторым же—связь компаративная или видо-родовая связь и т. д. Однако из всех типов связей и отношений видно, что между планом содержания и планом выражения существует строгая взаимообусловленность. При этом, как правило, план выражения фразеологизма образуется в соответствии с особенностями фразеологической семантемы, в целях ее выражения. В результате

фразеологизмы разных структурных моделей оказываются противопоставленными друг другу присущим им типом формы и типом содержания и, тем самым, выступают в качестве самостоятельных структурно-семантических типов.

Б. Границы фразеологического состава курдского языка

Фразеология курдского языка представляет собою совокупность разнотипных устойчивых словосочетаний со структурой словосочетания или предложения, обладающих фразеологическим назначением. Этими устойчивыми словосочетаниями являются обороты с моделированной или немоделированной материальной структурой, выраженной:

- 1) изафетным словосочетанием;
- 2) парным словосочетанием (сочетанием двух однородных членов предложения);
- 3) повторным словосочетанием;
- 4) сочетанием со вторым компонентом-словом-рифмой;
- 5) сравнительным словосочетанием;
- 6) предложно-адвербиальным словосочетанием;
- 7) сочетанием с отрицанием на;
- 8) объектно-предикативным словосочетанием;
- 9) глагольно-именным словосочетанием;
- 10) повествовательным предложением;
- 11) предложением восклицательным и некоторыми другими типами словосочетаний и предложений;

Эти типы устойчивых словосочетаний образуют самостоятельные отрасли фразеологической системы языка и представляются в качестве составных частей этой системы. Они выявляются на наиболее общем уровне членения фразеологии и дифференцируются на подтипы, характеристика которых следует во второй главе работы.

Прежде чем перейти к их рассмотрению, следует обратить внимание на некоторые общие для всех, относящихся к ним устойчивых словосочетаний черты, которые характеризуют их как единицы однородные с точки зрения их социальной и лингвистической сущности и закономерностей внутреннего строения.

Устойчивые словосочетания, относящиеся к перечисленным структурным типам, образуются по одной общей, фразеобразовательной модели, определяющей собой типовой характер их структурно-семантической организации. Они возникают как носители устойчивой, понятной-целостной семантемы, отражающей действительность в некоторой ее характеристике, оценке или опи-

сании в определенном направлении. Доказательством понятийной целостности фразеологической семантемы служит то, что она соотносится с лексической семантемой слова как члена предложения. Доказательством же того, что фразеологическая семантема обнаруживает специфическую форму отражения действительности и в ее основе лежит характеризующее, оценивающее или описывающее начало, является то, что при потребности в объективации она соотносится с типовой семантемой синтаксического словосочетания или предложения. Вместе с тем оба эти доказательства совокупно выступают показателем фразеологичности семантемы, образующей план содержания всякой фразеологической единицы.

Возникновение фразеологизма из потребности в объективации фразеологической семантемы служит доказательством зависимости материальной структуры фразеологизма от его семантемы, и, тем самым, показателем выполнения фразеологической семантемой роли конструирующей основы образования фразеологизма. Важнейшие особенности фразеологизма, которые прямо или опосредованно зависят от соответствующих свойств фразеологической семантемы, следующие:

а) фразеологизм является устойчивым образованием—обладает признаком устойчивости в прямой зависимости от устойчивости фразеологической семантемы как единицы мысли плана сознания, требующей своего запоминания в готовом, стабильном виде в соответствующей материальной структуре. Показателем устойчивости фразеологизма служит его воспроизводимость в готовом виде. Этот же показатель выступает доказательством устойчивости фразеологической семантемы.

б) фразеологизм реализуется в материальной структуре, обладающей внутренней раздельнооформленностью. Этой чертой он отличается от слова, являющегося цельнооформленной единицей, и в то же время не отождествляется с переменным словосочетанием или предложением, т. к. раздельнооформленность на уровне фразеологии относится к сцеплению компонирующих слов-лексем (потенциальных слов), а на уровне синтаксиса—к сцеплению реальных слов.

При потребности в объективации фразеологической семантемы на первый план выдвигаются ее семантико-субстанциональные особенности, предопределяющие форму ее передачи, имеющую раздельнооформленную структуру. Будучи по природе характеризующей, квалифицирующей семантемой, фразеологическая семантема в отличие от семантемы лексической является развернутой, расширенной единицей мысли, обладающей большим объемом информации. В силу этого она изначально оказы-

вается лишенной возможности в объективации посредством способов словообразования и находит свое выражение через соответствующие средства и способы образования синтаксических единиц.

Таким образом, фразеологическая семантема отличается от лексической семантемы объемом информации, а от синтаксической семантемы—понятийной целостностью семантического и функционально-грамматического содержания.

в) фразеологизм соотносится с частью речи в прямой зависимости от соотнесенности его семантемы с понятием. Будучи понятийно-целостной единицей мысли, фразеологическая семантема ориентирована на объект действительности только как целое и поэтому обладает целостностью номинации.

Перечисленные особенности, характеризующие фразеологизм в качестве отдельной, самостоятельной единицы языка, служат основой для рассмотрения фразеологии как особого типа проявления языковости, выявляемого на первом, наиболее общем уровне членения языка, в общем ряду с такими его самостоятельными отраслями, какими являются фонетика, лексика, синтаксис и т. д. Они образуют качественное своеобразие структурно-семантической организации фразеологических единиц не сами по себе, а в своей совокупности, на которой основано их назначение.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

§ 1. Общая характеристика

Целью структурно-семантической типологии фразеологических единиц является выявление типологических группировок их структурно-семантических организаций и установление своеобразия каждой из них в отдельности.

Фразеологизмы образуются в разных материальных структурах, выбор которых находится в строгой зависимости от характера соответствующих фразеологических семантем. Тем самым фразеологические единицы, имеющие разные материальные структуры, оказываются противопоставленными друг другу не только типом формы, но и соответствующим типом семантемы. Например, как дальше увидим, материальная структура (форма) в виде сочетания двух однородных членов предложения вместе с родовой обобщенно-собирающей или обобщенно-усилительной семантемой образуют типовое структурно-семантическое единство, характерное только для парных фразеологизмов. Этому типу фразеологизмов противопоставлены фразеологизмы других типов, обладающие соответствующими типовыми структурно-семантическими единствами. Например, изафетные фразеологизмы имеют материальную структуру в виде изафетной конструкции и возникают в этой структуре в качестве обозначений реальных видовых или типовых или же ассоциативно-видовых проявлений объектов действительности¹.

Таким образом фразеологизмы различных структурно-семантических типов характеризуются присущими только им типовыми структурно-семантическими единствами, установление

¹ См. Глава вторая, § 18.

которых является необходимым условием построения структурно-семантической классификации.

Структурно-семантическая классификация фразеологических единиц, основанная на различительных особенностях их структурно-семантических типов в отличие от чисто структурной и чисто семантической классификаций не игнорирует единство структуры и семантики фразеологических единиц. Она отражает состав реально существующих автономных структурно-семантических типов фразеологических единиц, возникших из специфических потребностей и в зависимости от этого имеющих соответствующее назначение во фразеологической системе языка.

Другую, и не менее важную черту структурно-семантической классификации следует усматривать в том, что она, будучи фразеологической классификацией, основанной исключительно на структурных и семантических особенностях в их взаимосвязи, не содержит указания на характер грамматического значения фразеологизмов. Дело в том, что границы структурно-семантической классификации фразеологизмов не могут совпасть с границами их классификации по соотношению с соответствующими частями речи. Объясняется это тем, что фразеологизмы, выражающие грамматическое значение определенной части речи, могут относиться к разным структурно-семантическим типам. Например, среди парных фразеологизмов, образующих отдельный структурно-семантический тип, выделяются разные по фразограмматическому значению единицы: субстантивные, адъективные, адвербиальные и т. д.

Тот факт, что один и тот же структурно-семантический тип фразеологизмов объединяет обороты, соотносящиеся с разными частями речи, обуславливает необходимость представления фразограмматической классификации фразеологизмов в отдельном разделе. В настоящей работе она приводится вслед за структурно-семантической классификацией.

На пути создания структурно-семантической классификации фразеологизмов встречается немало препятствий, связанных с вариантными изменениями этих единиц. В частности, наблюдаются случаи, когда фразеологизм, семантически принадлежащий одному типу фразеологизмов, по своей структуре совпадает с фразеологизмами другого типа. Например, фразеологизм *бъ дъле сах* («чистосердечно»), по происхождению являющийся единицей предложно-адъективного типа, в результате выпадения предлога *бъ* приобрел структуру изафетной конструкции, характерную для изафетных фразеологизмов. При первом подходе оборот *дъле сах* как вариант предложно-адъективного фразеологизма *бъ дъле сах* не поддается структурно-семантической

классификации, так как язык не располагает структурно-семантическим типом фразеологизмов, к которому он мог бы относиться: фразеологизмы не образуются в единстве материальной изафетной структуры и адвербиального значения типа «чисто-сердечно». Этот факт служит достаточным основанием для того, чтобы искать в обороте дьле сах вариант соответствующего фразеологизма, относящегося к одному из существующих структурно-семантических типов. При этом в подобного рода случаях следует исходить из семантики фразеологических вариантов, поскольку, зная ее, легче предугадать характер первоначальной структуры.

§ 2. Структурно-семантические типы фразеологизмов

В современном курдском языке существуют две разновидности структурно-семантических типов фразеологизмов: фразеологизмы со структурой словосочетания и фразеологизмы со структурой предложения. Поскольку выбор материальной оболочки фразеологизма зависит от его семантики, то возникновение фразеологизмов, относящихся к одной из этих разновидностей, обусловлено различиями в характере соответствующих семантем.

Фразеологизмы со структурой предложения образуются в том случае, когда фразеологическая семантема является результатом непосредственного или опосредствованного отражения отрезка действительности, представленного языковому сознанию в виде «предмет+его действие или состояние или же качество и т. п.». Например, фразеологизм дьле фк'-е к'этэ бк'-е выступает носителем семантемы-понятия «(тот-то) влюбился в (того-то)». Эта семантема-понятие является результатом непосредственного отражения объекта действительности в виде «(чья-то) любовь проникла в (того-то)», представляющего душевное состояние лица, испытывающего чувство любви к кому-либо.

Наоборот, фразеологизм ч'э'ве фк'-е р'абунэ сэр сери представляет семантему-понятие «(тот-то) удивился, пришел в состояние крайнего недоумения», являющуюся результатом опосредствованного отражения отрезка действительности в виде «приход лица в состояние удивления, крайнего недоумения». Этот отрезок познан через мимическое движение «(чья-то) глаза полезли на голову», являющееся естественным следствием и формой выражения душевного переживания.

Характер фразеологической семантемы-понятия, требующей форму объективации в виде предложения, становится нагляднее при сопоставлении ее с семантемой, реализующейся в струк-

туре словосочетания. Отметим, что фразеологизм-словосочетание возникает в том случае, когда фразеологическая семантема-понятие является результатом отражения объекта действительности в виде некоторого отдельного предмета или явления или же отдельно взятого действия, состояния, качества и т. п.

Если, например, проанализировать фразеологизмы-корреляты: а) шуша дьле фк'-е шкенандьн «огорчили, обидели кого-либо», ср. составное значение «испортили чье-то душевное состояние (чувство надежды, любви и т. п.)», букв. «разбили стекло чье-то сердца»; и б) шуша дьле фк'-е шкэст «(кто-либо) обиделся, огорчился, разочаровался», ср. составное значение «чье-то душевное состояние (при чувстве уверенности, надежды, доверия и т. п.) испортилось», букв. «разбилось стекло чье-то сердца», — то нетрудно установить следующее. Семантема фразеологизма-предложения указывает на приход лица, его части в некоторое состояние, т. е. перед нами схема «предмет+его действие», отражающая структуру предложения. Семантема же фразеологизма-словосочетания отражает отдельно взятое действие, направленное на душевное состояние — шуша дьл (-е фк'-е) — и приводящее его в другое состояние (шкенандьн).

Расхождения между семантемами фразеологизмов-словосочетаний и фразеологизмов-предложений становятся нагляднее при характеристике отдельных типологических группировок в пределах каждой из этих структур.

Остановимся на основных типах фразеологизмов-словосочетаний и фразеологизмов-предложений.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО СТРУКТУРОЙ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Основную часть фразеологического состава курдского языка образуют фразеологизмы со структурой словосочетания. Они представлены в двух структурно-семантических типах, которыми являются:

1. Фразеологизмы со структурой сочинительного словосочетания;
2. Фразеологизмы со структурой подчинительного словосочетания.

а. Фразеологизмы со структурой сочинительного словосочетания

Существуют три типа фразеологизмов со структурой сочинительного словосочетания:

1. Фразеологизмы со структурой парного сочетания слов (далее—парные фразеологизмы);
 2. Фразеологизмы со вторым компонентирующим словом-рифмой;
 3. Фразеологизмы со структурой повторного словосочетания (далее—повторные фразеологизмы или повторения, повторы).
- Рассмотрим каждый из этих структурно-семантических типов в отдельности.

ПАРНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

§ 3. Общая характеристика

Современный курдский язык представляет около полутора тысяч парных фразеологизмов, образующих отдельный, самостоятельный структурно-семантический тип в фразеологическом составе этого языка. В число таких фразеологизмов входят, напр.: нав-нишан «признаки, черты, особенности» (нав «имя», нишан «признак, черта»), де-бав «родители» (де «мать», бав «отец»), р'абун-р'уныштын «обычай, поведение, традиционные правила поведения, образа жизни» (р'абун «вставать, подниматься с места; вставание, подъем», р'уныштын «сидеть, сидение»), ба-багәр «непогода, метель, выюга» (ба «ветер», ба-гәр «выюга»), меш-моз «насекомые, мухи и пчелы» (меш «муха», моз «пчела») и т. п.

Основная часть парных фразеологизмов, собранных нами в качестве фактологической основы исследования, носит общекурдский характер, т. е. встречается во всех диалектах языка. Вместе с тем в каждом отдельном диалекте рядом с общекурдскими обнаруживаются также диалектные парные фразеологизмы. Особо выделяется в этом отношении юго-восточное наречие, в котором имеется большое количество собственных парных фразеологизмов типа, напр.: тәр у т'уши «дождливая погода», тар у тәнг «беспросветный, тяжелый», тәнг у чәлмә «беспокойство, заботы, хлопоты» и т. д. [см. 134, с. 9]. Характерно, что компонентами диалектных парных фразеологизмов в подавляющем большинстве случаев являются слова-диалектизмы, что видно на примере приведенных оборотов. Кроме того, выясняется, что одни парные фразеологизмы, некогда имевшие общекурдское применение, ныне сохраняют свое существование только в одном или нескольких диалектах. Например, фразеологизм р'ек-п'ек «хорошо, нормально, достаточно», имеющий широкую сферу применения в юго-восточном наречии и в некоторых говорах северного наречия (бахдинани, речь курдов Сири), в разговорной речи курдов Советской Армении не встречается, хотя его можно видеть в их фольклоре. Аналогичными примерами являются также

фразеологизмы к'ешә-гирә «ссора, спор, схватка», фиш-фол «надувание» и т. д.

Большинство парных фразеологизмов языка относится к активному запасу фразеологии. Но немало и таких, которые носят архаический характер и относятся к пассивному запасу. Из-за отсутствия обозначаемых ими реалий они редко встречаются и сохраняются, главным образом, в старых песнях, сказках и др. памятниках устного народного творчества. К ним относятся, напр.: һарам-одаси «спальная, спальный; гарем (женская половина дома у богатых)», кошк у сәра «дворец», р'әхт у т'ахьм «сбруя, упряжь», мор-мозбәт «печать, штамп», чәк у р'әһ'әл «снаряжение, оружие, доспехи; одежда, наряды», тәнг у қуш «подпруга (широкий ремень седла, затугиваемый под брюхом лошади) и подхвостник», зер' у бәни «золотые украшения» и т. п.

Компоненты устаревших фразеологизмов представляют собой слова в основном устаревшие. Среди них имеются слова, которые самостоятельно не употребляются и обнаруживают различные степени затемненности лексического значения. Такими словами являются, напр.: р'әжмә, т'ахьм, мозбәт и т. п.

Парные фразеологизмы составляют специфический слой фразеологизмов со структурой словосочетания. Ниже приводится характеристика их структурно-семантической и ритмико-интонационной организации.

§ 4. Признаки парных фразеологических единиц и их характеристика

Парные фразеологизмы обладают рядом особенностей, отличающих их от фразеологизмов других типов. Эти особенности в основном сводятся к следующему.

Парные фразеологизмы возникают из особой потребности и в зависимости от этого имеют присущее только им лингвистическое назначение во фразеологической системе языка. Важнейшими признаками, свойственными их структурно-семантической организации и определяющими ее в качестве формального показателя данного назначения (как особого типа проявления общefразеологического назначения) являются следующие:

А. План содержания парных фразеологизмов представляется родовым обобщенно-собирательным или обобщенно-усилительным понятием.

Б. План выражения парных фразеологизмов образуется синтаксическим словосочетанием, в основе которого лежит грамматическая модель сочетания однородных членов предложения. Та-

кое словосочетание, как правило, является абсолютно двучленным—состоит из двух компонирующих слов, характеризующихся следующими особенностями:

а) они выступают носителями понятий, которые по отношению к общему, родовому фразеологическому понятию являются понятиями видовыми;

б) в условиях соединения они семантически однородны, морфологически равнозначны, синтаксически равносильны и связаны между собой союзом *о* (*у*) или без него;

в) порядок их расположения в соединении подчинен особому ритмико-интонационному правилу, в соответствии с которым сравнительно долгий компонент занимает постпозицию, а краткий—препозицию.

Перечисленные признаки парных фразеологизмов, относящиеся как к их формальной, так и к их семантической стороне, устанавливаются в ходе изучения их структурно-семантической организации.

§ 5. Структурные и ритмико-интонационные особенности организации парных фразеологизмов

Выяснение вопросов, связанных с структурными и ритмико-интонационными особенностями парных фразеологизмов, занимает очень важное место в ряду общих задач их изучения. При этом из числа этих вопросов наибольший интерес представляют вопросы, касающиеся слогового состава компонирующих слов, порядка их расположения в соединениях и наличия у них рифмы и аллитерации. Остановимся на каждом из этих вопросов в отдельности.

§ 6. Деление парных фразеологизмов по слоговому составу их компонентов

Парные фразеологизмы по слоговому составу компонентов делятся на две большие группы:

1. Парные фразеологизмы с равносложными компонентами,
2. Парные фразеологизмы с неравносложными компонентами.

Первая группа, в свою очередь, распадается на две подгруппы: а) парные фразеологизмы с односложными компонентами: сэр-ч'э'в «лицо», де-бав «родители, мать и отец», дор-бэр «вокруг; окружение», һ'ал-вəхт «положение», к'ок-бын «основа, сущность» и т. д.

б) Парные фразеологизмы с двусложными компонентами: дьжмьн-нəйар «враги, недоброжелатели», к'ахаз-бəрат «отношения, связь», вьрда-вəда «как попало, поверхностно, кое-как; ту-

да-сюда», чуйин-патын «движение, сообщение» и т. д. По образцу этих фразеологизмов образованы сравнительно новые парные фразеологизмы типа: занэ-ханди «интеллигенция, образованные, знающие», п'алэ-гõнди «трудящиеся, рабочие и крестьяне», кино-т'атрон «кинотеатры, кино и театр» и т. п.

Вторая группа парных фразеологизмов так же, как и первая делится на две подгруппы:

а) парные фразеологизмы, первый компонент которых является односложным словом, а второй двусложным: дэр-шинар «соседи, окружающая среда», э'рд-э'зман «езде, повсюду», дьл-һьнав «внутренности», ши-ньвин «постель», т'оз-думан «пыль, облако пыли» и т. д.

б) парные фразеологизмы, первый компонент которых является двусложным, а второй—трехсложным: харьн-вөхарьн «еда», һ'әнәк-лақьрди «шутки, всякого рода шутки» и т. д.

Следует также отметить, что среди парных фразеологизмов с неравносложными компонентами редко встречаются образования с первым односложным и вторым трехсложным компонентом, напр.: дөлк-дьбарэ «всякого рода хитрости, хитрые манеры», һ'об-һ'ызкьрьн «любовь, симпатия» и несколько других.

Очень редко встречаются парные фразеологизмы типа сахь-сьламәти «здоровье», в которых первый компонент представлен двусложным словом, а второй—трехсложным.

Из приведенной классификации явствует, что слоговая структура составных частей парных фразеологизмов в основном представлена в трех моделях:

1. Парная конструкция с двумя односложными компонентами;

2. Парная конструкция с двумя двусложными компонентами;

3. Парная конструкция с первым односложным и вторым двусложным компонентами.

Перечисленные типы конструкций позволяют думать о том, что выбор компонентов парных фразеологизмов охватывает слова из самых разных слоев словарного состава, и при этом наибольшее количество слов, выступающих в качестве компонентов, привлекается из области односложных и двусложных. Эти же конструкции свидетельствуют об отсутствии в языке парных фразеологизмов с первым многосложным и вторым немногосложным компонентами. Данное обстоятельство требует отдельно рассмотреть вопрос о правиле расположения компонентов в парных фразеологизмах.

§ 7. Порядок расположения компонентов
в парных фразеологизмах

Материальная структура (форма) парных фразеологизмов, как и фразеологизмов других типов, образуется по грамматической модели синтаксических единиц. Следовательно, вопрос о порядке расположения компонующих слов в материальной структуре парных фразеологизмов должен быть решен в прямой зависимости от характера модели, лежащей в основе ее образования. Модель наполняется компонующими словами, но при этом она обуславливает определенный порядок их расположения. Например, в двучленной атрибутивной конструкции типа дэнге вәт'ән «голос родины» налицо две синтаксические позиции, занимаемые разными синтаксическими членами: препозиция, требующая определяемого слова и постпозиция—место определения. Нарушение предъявляемых атрибутивной моделью норм, например, замена члена одной позиции членом другой, сопровождается разрушением смысловой стороны словосочетания, ср. Ростаме Бәк'ър «Ростам Бақырович» и Бәк'ре Ростам «Бақыр Ростамович». Так обстоит дело со структурой словосочетаний, имеющих подчинительную связь между компонентами, т. е. там, где один компонент определяет, поясняет, а другой определяется, поясняется. Как же обстоит дело со структурой сочетаний парного типа? При делении парных фразеологизмов по слововому составу компонентов можно было бы заметить, что язык не располагает примерами с первым многосложным и вторым немногосложным компонентами, но, наоборот представляет немало таких, в которых, как правило, немногосложный компонент встречается в препозиции, а многосложный—в постпозиции. Это правило, как показали наши дальнейшие наблюдения, распространяется на все парные фразеологизмы с неравносложными компонентами, составляющие около 60 процентов всего состава парных фразеологизмов. В них препозиция оказывается местом немногосложного, короткого слова, а постпозиция—местом многосложного, количественно долгого слова.

Так, парные фразеологизмы с неравносложными компонентами построены:

1. По модели «односложный+двусложный»: ши-ньвин «постель», Кәр'-К'өльк «название древнейшего курдского эпоса, сказания о братьях-богатырях «Кар-Кулык», вьр'-дәрәв «всякого рода вранье, обман», ч'ук-мәзън «от мала до велика, стар и млад» и т. д.

2. По модели «односложный+трехсложный»: сонд-сьлауәт «клятвы, присяги», зәлм-зәләләт «беда, бедствие; несчастье».

дәлк'-дъбарә «всякого рода хитрости, хитрые манеры», п'ор-п'осидә «разочарованный, отчаявшийся», шә'р-шьмақи «всякого рода шелковые платки» и т. д.

Парные фразеологизмы, построенные по модели «односложный+четырёх-пятисложный и т. д.» нам не встретились.

3. По модели «двусложный+трехсложный»: хьшьр-ә'мбарәт «всякого рода драгоценности», сефил-сәргьрдан «бедно; беднота», һ'әйран-һ'әжмәк'әр «с изумлением, в изумлении» и т. д.

В языке очень редко встречаются парные фразеологизмы, построенные по модели «двусложный+четырёхсложный» (типа: сахи-сьламәти «здоровье» и т. п.). Что касается фразеологизмов, построенных по модели «двусложный+пятисложный», «трехсложный+четырёхсложный или же «четырёхсложный+пяти-шестисложный» и т. д., то они не встречаются.

Если структура парных фразеологизмов с неравносложными компонентами подсказывает принцип расположения компонентов в соединениях, то структура парных фразеологизмов с равносложными компонентами лишена этой возможности. Однако с помощью кимографических записей компонирующих слов, представляющих возможность измерять их длительность, выяснилось, что и в парных фразеологизмах этого типа компоненты располагаются таким образом, что сравнительно долгие из них занимают постпозицию, а краткие—препозицию. Так, на кимограмме были записаны слова типа: Мәм («мужское собственное имя»), Зин («женское собственное имя»), мер («муж, мужчина»), жьн («жена, женщина»), зар' («дети, ребенок»), нан («хлеб»), ав («вода»), жер («вниз»), жор («вверх»), агьр («огонь»), алав («пламя»), вьрда («отсюда»), веда («оттуда») и т. д.

Путем измерения длительности звуков, составляющих данные слова, определена их длительность и длительность построенных ими парных фразеологизмов в целом. Например, цифровыми данными трех фонем в слове Мәм являются $4\sigma+7\sigma+11\sigma(30)^1$, а в слове Зин— $15\sigma+18\sigma+11\sigma(30)$. Из этих данных видно, что основное различие в длительности между этими словами заключается в том, что начальный звук в слове Мәм, т. е. «М» имеет длительность в 4σ , а начальный звук в слове Зин, т. е. «З» в 15σ , т. е. примерно в четыре раза больше. В целом, слово Мәм, имеющее длительность в 32σ , занимает препозицию в парном фразеологизме Мәм-Зин («название поэмы курдского поэта XVII в. Ах-

¹ Цифровые данные, характеризующие среднюю длительность звуков, приводятся в сигмах ($\sigma=0,01$ сек.), наряду с этими цифрами в скобках указано количество измерений, из которых выведена цифра средней длительности [см. 127, с. 11; 138].

меде Хани «Мам и Зин»), а слово Зин, имеющее на 12σ больше, т. е, длительность в 44σ, закономерно занимает постпозицию в данном соединении.

При измерении длительности слов во фразеологизме жьн-зар' («детвора, семья») выяснилось, что слово жьн имеет длительность в 28σ (из 12σ+7σ+9σ(30)), а слово зар' на 19σ больше, имея следующие цифровые данные трех фонем: 11σ+26σ+10σ(30).

Это различие между словами жьн с указанными выше цифровыми данными и Мер с цифровыми данными 8σ+22σ+8σ(30), образующими фразеологизм жьн-мер («супруги»), составляет 10σ.

Слово нан с цифровыми данными 8σ+22σ+10σ(30) на 5σ короче слова ав, имеющего следующие данные: 28σ+17σ. Соответственно с этим, фразеологизм, построенный этими словами, представлен в языке в виде нан-ав («еда, пища, хлеб-вода») и т. д.

Таким образом, во фразеологизмах как с неравносложными, так и с равносложными компонентами действует общее правило расположения компонентов по их количественной характеристике. Это правило является очень важной структурной особенностью парных фразеологизмов, отличающей их от фразеологизмов других типов. Однако поскольку материальная структура парных фразеологизмов образуется по грамматической модели переменного сочинительного словосочетания, то можно полагать, что данное правило не собственно фразеологического характера, а является правилом фонетико-синтаксического порядка и действует при распределении слов, выступающих в качестве однородных членов.

В традиционно принятой и самой распространенной форме материальная структура парных фразеологизмов выступает в виде сочетания двух отдельно произносимых компонирующих слов, связанных между собой соединительным союзом «о» или одним из его фонетических вариантов в виде «у» или «б». Данная форма свойственна всем парным фразеологизмам на первых порах их функционирования и выступает как бы их первоначальной и обязательной формой. В дальнейшем, однако, она может подвергаться некоторым изменениям, которые в основном сводятся к следующему.

1. Независимо от степени четкости в произношении компонирующих слов союз «о» (или «у»), как правило, сливается с конечным звуком первого компонирующего слова. А в тех случаях, когда это компонирующее слово имеет исход на согласный, он может сужаться до гласного «ь» или же полностью исчезнуть. Причем сужение или отсутствие союза не только не нарушает фонетическую и семантическую целостность парного фразеоло-

гизма, но, наоборот, приводит к его дальнейшей монолитности: ср. жьн у мер или жьн о мер («супруги») и их варианты; жьнь-мер, жьн-мер или де у бав или де о бав и де-бав («родители») и т. д.

2. Материальная структура многих парных фразеологизмов обнаруживает активную тенденцию к слиянию компонентов. Это происходит следующим образом: оба компонента, независимо от наличия или отсутствия соединительного союза, могут слиться так, что в результате получится сложное слово слитного типа, характеризующееся наличием одного главного ударения, падающего на последний компонент соединения. Ср. напр.: дэм-дэзгэ («порядок, убранство, инструменты») и дэмдэзгэ с теми же значениями. Показательно, что подобное явление наблюдается у парных фразеологизмов со сложной семантической структурой. Укажем, например, на фразеологизм сэр-п'е, обладающий следующими значениями:

- 1) конечности (букв. голова и ноги);
- 2) похлебка, приготовленная из головы и ножек;
- 3) одежда, все то, что покрывает тело; верхнее платье, обувь, головной убор.

При выражении первого из этих значений данное сочетание структурно может быть реализовано как в расчлененном, так и в нерасчлененном виде. При выражении же остальных значений оно обязательно реализуется в нерасчлененном виде, т. е. в форме сложного слова слитного типа с одним главным ударением на последнем компоненте: сэрп'е.

У некоторых фразеологизмов с равносложными компонентами, допускающих лексическую деривацию, в конце обнаруживается вставочный гласный «о», обусловленный потребностью в сохранении симметрии комплекса. См. хьл и хар и хьлохаро («крученный»), сор о мор и сороморо («красноватый; красновато») и т. п. При этом союз сливается с конечным согласным первого компонента. В ходе дальнейшей лексикализации всего комплекса он постепенно растворяется в первом компоненте, образуя новый слог. Появление этого слога, естественно, приводит к увеличению долготы препозитивного компонента в соединении, что является нарушением общепринятой метрики построения материальной структуры парного фразеологизма. Именно во избежание этого нарушения в конце второго компонента тоже образуется новый слог путем привлечения вставочного «о». Разумеется, появление «о», а не какого-нибудь другого гласного в конце второго компонента обусловлено своеобразным проявлением явления рифмации.

Определение основных черт фонетической структуры парных

фразеологизмов непосредственно влечет за собой необходимость в выяснении случаев перестановки компонирующих слов в соединении. Поскольку в составе фразеологизмов компонирующие слова занимают соответствующие позиции в прямой зависимости от их количественной характеристики, то любое нарушение этого правила сопровождается изменением их традиционной формы и воспринимается как языковая ошибка.

Случаи перестановки компонирующих слов разнообразны и особенно часто встречаются в литературе. Рассмотрим примеры из поэзии [см. 134, с. 41—42]:

Чарпъкала зер у зив, кэвре қимәт

— дөр' у лал

Дьч'урсын, дьбрьфин, ноли п'әнше
тә'ва шәмал.

«Вокруг золото и серебро, драгоценные камни
сверкали, блестели подобно
лучам восходящего солнца».

или,

Гөйле бәдәв, р'ож у шәв.

ль бәр рое дьч'урсын әв

«Красивые косы, все время
блестели они под солнцем».

В этих примерах парные фразеологизмы лал у дөр' и шәв у рож ошибочно представлены в виде дөр' у лал и рож у шәв. В результате эти фразеологизмы превращены в сочетания однородных членов предложения, воспринимаемых как переменные словосочетания. Например, сочетание р'ож у шәв выражает не значение «все время», а значения двух однородных членов предложения, смысловая связь которых находится в противоречии с содержанием второй строки. Ведь красивые косы (любимой девушки) могут блестеть под солнцем только днем, а по содержанию данных строк они могут блестеть под солнцем и ночью. Случаи перестановки компонентов и их превращения в однородные члены предложения встречаются и в прозе. Например:

К'әсәк бе қәдәр жь мала ви

вәр'е нәдбу, хвәйе һөрмәт

у сийанәта мәзън бу, һ'ыз—

кърйие һәвал-һогъра,

дәр-щинара, мәзън ч'ука... [АМ, с. 23]

«Без угощения никто не вышел из его дома,
он пользовался большим уважением и любовью
друзей, соседей и окружающих, больших и малых».

Нетрудно заметить, что путем превращения фразеологизма чук у мэзьи в сочетание однородных членов предложения он выражает не семантику обобщения, совокупности, множества — «все» (ср. русск. «от мала до велика»), а значение «больших и малых», «старших и младших».

Таким образом, во всех случаях нарушения принципа расположения компонентов перед нами факт деформации фразеологизма и его превращения в переменное словосочетание.

§ 8. Рифма и аллитерация

Для многих парных фразеологизмов языка характерно наличие рифмы и аллитерации. При этом, как показывают наблюдения, аллитерация распространена значительно шире, нежели рифма.

Парные фразеологизмы с рифмующимися и/или аллитерирующими компонентами делятся на три группы:

1. Парные фразеологизмы с аллитерирующими компонентами: агър-алав («беда, бедствие; высокая температура, сильная боль»), дэлк-долав («всякого рода хитрости»), гъли-готън («собеседование, беседа, совет») и т. д.

2. Парные фразеологизмы с рифмующимися компонентами: мал-н'ал («имуущество»), дор-бэр («вокруг»), ка-гиһа («корм для скота, солома и сено») и т. д.

3. Парные фразеологизмы, в составе компонентов которых рифма и аллитерация выступают совместно. Они встречаются среди фразеологизмов с неравносложными компонентами. Примеры: зер'-зебэр («всякого рода драгоценности, золотые украшения»), нур-нөдэр («красота, блеск»), қам-қьдум («сила; помощь»), н'ал-н'өвал («состояние, положение») и т. д.

§ 9. Лексико-морфологическая характеристика компонентов парных фразеологизмов

1. Слова, употребляющиеся в качестве компонентов парных фразеологизмов, составляют очень богатую по количеству и разнообразную по семантике часть лексики языка. Они привлекаются, в основном, из следующих пластов словарного состава.

1. Из области имен существительных: а) слова и термины, выражающие родственные отношения: де «мать», бав «отец», хушк «сестра», бьра «брат», хал «дядя (со стороны матери)», ап (или мам) «дядя (со стороны отца)», кьр' «сын, мальчик», қиз «дочь, девушка», хаси «теща», хэзур «тесть» и т. д.

б) названия частей человеческого тела и тела животных: сэр,

сәри «голова», ч'ә'в «глаз», п'е «нога» дөв «рот», дьран «зубы», дәст «рука», һ'ур «желудок» и т. д.

в) названия, относящиеся к животному миру: га «бык», гольк «телята», дөвә «верблюду», дәлил «верблюжонок», р'уви «лиса», гөр «волк» и т. д.

г) названия отдельных отрезков времени: рож «день», шәв «ночь», сал «год», мәһ «месяц» и т. д.

д) слова, обозначающие различные явления природы: ба «ветер», багәр «буря», мьж «туман», баран «дождь», бәрф «снег» и т. д.

е) слова, обозначающие продукты питания: нан «хлеб», то «сливки», шир «молоко», пәнир «сыр» и т. д.

ж) названия орудий и предметов труда: зин «седло», дәр'зи «иголка», әләк «сито», тир «стрела», кәван «лук» и т. д.

В качестве компонентов парных фразеологизмов выступают также некоторые слова, обозначающие: а) полезные ископаемые: зер' «золото», зив «серебро» и т. д.; б) виды растений: гөл «роза», көбилк «цветок» и т. д.; в) характер местности: бани «возвышенность», хали «земля», гәли «ущелье» и т. д.

II. Из области имен прилагательных. После имен существительных особенно большую группу слов, употребляющихся в парных фразеологизмах, составляют имена прилагательные. Среди них мы находим обозначения духовных и физических качеств людей, физических качеств животных, а также слова, обозначающие цвет, свойства, качество предметов. К ним относятся, например, п'ак «хороший», хьраб «плохой», рут «голый», кәр' «глухой», лал «немой», сыпи «белый», кьн «короткий», сар «холодный» и т. д.

III. Из области глаголов-имен действия в качестве компонентов парных фразеологизмов выступают слова, выражающие жизненно важные действия и состояния. Такими словами являются, в основном, следующие: харьн «есть», вөхарьн «пить», к'ьр'ин «купить», фьротан «продавать», дан «давать», рабун «вставать», жиьин «жить», һатьн «приходить», стәндьн «получать» и т. д. и т. п.

IV. Из области наречных слов в составе парных фразеологизмов находим слова типа: шәве «ночью», роже «днем», сьбе «утром», еваре «вечером», бәре «раньше», паше «потом» и т. д.

V. В качестве компонентов парных фразеологизмов выступают и некоторые числительные: дөдө «два», сьсе «три», чар «четыре» и т. д.

Нетрудно заметить, что приведенные слова-компоненты парных фразеологизмов представляют исключительно общеупотребительную часть лексики языка. Они относятся к различным пластам словаря, к его основному фонду.

2. В зависимости от степени лексической значимости и само-

стоятельности компонирующих слов парные фразеологизмы делятся на следующие группы:

а) парные фразеологизмы, оба компонента которых имеют лексическое значение и самостоятельно употребляются в языке, например: кэр'-лал «тихо, спокойно» (кэр «глухой», лал «немой»), жьн-мер «супруги» (жьн «жена», мер «муж») и т. п.

б) парные фразеологизмы, первый компонент которых редко употребляется самостоятельно или вовсе не употребляется. Они обнаруживают различные степени затемнения лексического значения или утрату его. Например: пор'-п'ошман «раскаивающийся, отчаявшийся», ду-дэрман «лекарство, снадобье», газ-гедук «перевалы и возвышенности», э'рф-э'дэт «обычай, правила», фэнд-шамал «светильник» и т. п.

в) парные фразеологизмы, второй компонент которых лишен лексического значения и отдельно не встречается в языке. Например: тэйр-ту «птицы, пернатые», зин-бусат «сбруя», т'эхт-п'а «пре-стол», к'ахаз-бэрат «сведения, слухи, вести» и т. п.

г) парные фразеологизмы, второй компонент которых редко употребляется самостоятельно и имеет затемненное значение. Например: сэбър-сык'ан «терпение, надежда», тэвлэ-п'ангэ «скотный двор», зер-зебэр «всякого рода драгоценности, золотые украшения» и т. п.

§ 10. Морфологические и лексико-грамматические особенности компонентов парных фразеологизмов

С точки зрения лексико-грамматического значения и морфологического состава компонирующих слов парные фразеологизмы делятся на следующие группы:

1. Парные фразеологизмы, оба компонента которых являются именами существительными или именами действия или же субстантивированными именами прилагательными. При этом оба компонента могут быть словами корневыми или производными. Нередко в качестве первого компонента может выступить корневое слово, а в качестве второго — производное или сложное. Примеры: тэнг у қуш «подпруга и подхвостник», нан-ав «еда, питание, хлеб и вода», пьр'с-пьр'сйар «вопросы, спросы, расспросы», һэбун-т'өнэбун «имущество, состояние», си-сибэр «защита, надежда», к'эф-хаши «здоровье, веселье» и т. д.

Парные фразеологизмы этой группы соотносятся с именами существительными.

2. Парные фразеологизмы, оба компонента которых представлены, в основном, корневыми именами прилагательными или же причастиями прошедшего времени. Примеры: т'ер-т'эжи «бо-

гатый, полный, обеспеченный», кыи-дыреж «долго ли, коротко ли», рэш-тэ'ри «мрачный, черный», хари-вэхари «наевшийся-напившийся, сытый, накормленный досыта» и т. п.

Парные фразеологизмы этого типа соотносятся с именами прилагательными.

3. Парные фразеологизмы, оба компонента которых являются наречиями или именами существительными (в форме прямого или косвенного падежа), употребляющимися в качестве наречий. Примеры: зу-дэрэни «обязательно, непременно, рано или поздно», зэ'ф-һындьк «мало ли, много ли», гав-сәһ'эт «все время, непрерывно», сьбе-еваре «все время, утром и вечером» и т. п.

Фразеологизмы этой группы соотносятся с наречием.

4. Парные фразеологизмы, оба компонента которых представлены морфологически тождественными (с точки зрения категории времени, числа и лица) глагольными формами. Примеры: те-дчә «посещает», дьдә-дьстинә «хорошо проводит свою жизнь», дьхвә-вәдьхвә «хорошо питается» и т. п.

Фразеологизмы этого типа соотносятся с глаголами.

Встречаются также отдельные примеры фразеологизмов, оба компонента которых являются количественными числительными. Например: дө-се «два-три», се-чар «три-четыре», бист-си «двадцать-тридцать» и т. п.

Фразеологизмы этого типа соотносятся с числительными.

Важно отметить, что случаи образования материальной структуры парных фразеологизмов из двух слов, принадлежащих к разным частям речи, или же находящихся в морфологически не одинаковых грамматических формах, как правило, исключаются. Это означает, что форма парных фразеологизмов образуется объединением двух морфологически тождественных и синтаксически равносильных слов-компонентов. А из этого следует, что связь между такими компонентами носит не подчинительный, а сочинительный характер. Тем самым, парные фразеологизмы оказываются фразеологизмами сочинительного типа.

Рассмотрением морфологических особенностей парных фразеологизмов и их компонентов выясняется, что: во-первых, материальная структура парных фразеологизмов образуется почти от всех частей речи, которые, однако, не в одинаковой мере принимают участие в ее формировании. Подавляющее большинство парных фразеологизмов имеет в качестве компонентов имена существительные, имена прилагательные и наречия. Сравнительно меньше привлекаются глаголы и числительные. Во-вторых, фразеологизм соотносится с той частью речи, к которой принадлежат компонирующие слова, образующие его материальную структуру. На этом основании можно заключить, что, по-

сколько основная часть парных фразеологизмов представляет в качестве компонентов имена существительные, прилагательные и наречия, то становление этих фразеологизмов вызвано потребностью именно в выражении фразеологических семантем субстантивного, адъективного и адвербиального порядка.

§ 11. Семантическая характеристика парных фразеологизмов и их компонентов

А. Семантика компонентов. Материальная структура парных фразеологизмов образуется из двух семантически связанных компонентирующих слов и не допускает наличия третьего члена в соединении. Семантическая взаимосвязь компонентов, лежащая в основе их отбора и объединения в пары, находит свое выражение либо в совпадении их по смыслу, либо в их взаимоисключении, либо же в указании на понятия, относящиеся к одному и тому же роду понятий.

С точки зрения характера связи между компонентами парные фразеологизмы делятся на следующие группы.

1. Парные фразеологизмы, компоненты которых синонимичны. Синонимия компонентов заключается в их совпадении по значению в разных частях их семантической структуры, в обозначении одинаковых или близких по значению предметов и явлений окружающей действительности.

По характеру синонимии компонентов эта группа фразеологизмов делится на следующие подгруппы:

а) фразеологизмы, компоненты которых синонимичны в своих основных, прямых значениях. Примеры: *вьр'-дэрэw* «ложь, вранье, обман», *ч'ер'-ет'н* «ругань, брань, злословие»; *гыли-готын* «слова, разговоры, беседа»; *qомси-нэмам* «недоброжелатели, враги» и т. п.

б) фразеологизмы, синонимия компонентов которых относится к сфере их переносных значений, в то время как с точки зрения основных значений эти компоненты не синонимичны. Например, компоненты оборота *нав-дэнг* («слава, известность; известный») выступают в соединении не в своих прямых значениях («имя-голос»), а в переносном значении «слава», «известность».

К таким фразеологизмам относятся, например: *п'е-п'ар* «добрый приход (невесты)» (букв. нога-доля), *qир-сир* «несчастье, неприятность; неприятный, привязчивый» (букв. смола, мазут-чеснок), *дъл-шан* «радостно, с душой и сердцем» (букв. сердце-тело), *ав-агър* «беда, бедствие» (букв. вода-огонь) и т. п.

в) фразеологизмы, синонимия компонентов которых относится к переносному значению у первого и прямому значению у

второго компонента, например: ши-нъин «постель, постельные принадлежности» (ши-прямое значение: «место», переносное значение: «постель»; нъин—прямое значение: «постель»), нав-намус «честь, достоинство, приличие» (нав—прямое значение: «имя», переносное значение: «честь, достоинство, репутация»; намус—прямое значение: «честь, достоинство, репутация»); слово нав в переносном значении «кличка, прозвище» употребляется в составе парного сочетания нав-нат'орэ «кличка, прозвище» (нат'орэ «прозвище»). А в составе оборота нав-нишан «приметы, признаки» это же слово употребляется со значением «признак, примета» (нишан «признак») и т. д.

г) Фразеологизмы, синонимия компонентов которых относятся к прямому значению у первого и переносному значению у второго компонента, например: дэлк-долав «хитрости, лукавство; ловкость; хитрый, лукавый» (дэлк «хитрость, хитрый»); долав—прямое значение: «веретено», переносное значение: «хитрый». К этому типу оборотов относятся: эшқ-дъл «радость; радостно, весело», аһ-зар «плач, рыдание, стенание» и т. п.

2. Парные фразеологизмы, оба компонента которых выражают однородные понятия. Существует несколько подгрупп таких оборотов.

а) Оба компонента выражают понятия, относящиеся к одной и той же сфере понятий, например: ба—багэр «непогода» (букв. ветер-буря), шир-қат'ых «молочные продукты» (букв. молоко-кислое молоко, простокваша), нан-ав «пропитание» (букв. хлеб-вода), ми-бъзын «мелкий скот» (букв. овца-коза) и т. п.

б) Оба компонента обозначают части целого, например: дәст-п'е «конечности» (букв. руки-ноги), дьл-шәгәр «внутренности» (букв. сердце-печень), дьл-һнав «внутренности» (букв. сердце-внутренности (потроха, чрево), сәр-ч'әв «лицо» (букв. голова-глаза, очи) и т. п.

в) Оба компонента выражают родственные отношения, например: хал-ап «дяди, родные со стороны родителей» (букв. дядя со стороны матери—дядя со стороны отца), бук у зә'ва «молодожены» (букв. невеста-жених), кал-бав «предки» (букв. дед-отец или деда-отцы), жьн-мер «супруги» (букв. жена и муж) и т. п. К числу таких оборотов, по-видимому, следует отнести также образования-названия некоторых героических, эпических и других памятников, известных в древней и средневековой курдской поэзии и имеющих также широкое распространение в устном народном творчестве. Такими парными фразеологизмами выступают, например: Хәше-Сийабәнд—название лирического эпоса «Хадже и Сиабанд», Мәме-Ә'йше—название лирического эпоса «Маме и Айше», Кәр'-К'бльк—название ге-

рического эпоса курдов «Кар и Кулык», Мам у Зин—название лирического произведения курдского поэта XVII в. Ахмеди Хани «Мам и Зин» и т. д.

3. Парные фразеологизмы, оба компонента которых выражают противоположные, контрастные понятия, например: бьһа-эрзан «дорого ли, дешево ли» (букв. дорого-дешево), шэв-ро «все время, днем и ночью» (букв. день-ночь), кьн-дъреж «долго ли, коротко ли» (букв. краткий-долгий), чуйин-һатън «сообщение» (букв. ехать, идти-приехать, прийти) и т. д.

Указанные три типа семантических связей между компонентами парных фразеологизмов свидетельствуют о том, что материальная структура этих фразеологизмов не может образоваться от случайного сочетания любых слов. Слова, которым предстоит выступить компонентами парных фразеологизмов, обязательно должны каким-то образом взаимодействовать между собой в семантическом плане. Они могут войти в состав их структуры, если являются словами синонимами или словами антонимами или же словами, обозначающими предметы и явления одной и той же сферы.

Таким образом, семантическая обусловленность компонирующих слов, с одной стороны, их морфологическая равнозначность и синтаксическая равносильность, с другой, выступают важнейшими условиями их отбора и объединения в соединения. Вместе с правилом расположения компонентов они служат основными принципами построения материальной структуры парных фразеологизмов. В своей совокупности они отграничивают эту структуру от синтаксического сочетания однородных членов предложения, в котором слова могут относиться к разным частям речи, не обнаруживая семантической обусловленности, обозначать предметы разных сфер.

Важно отметить, что семантический принцип отбора компонентов парных фразеологизмов всецело обусловлен характером фразеологической семантемы этих фразеологизмов.

Б. Семантические особенности парных фразеологизмов. Определение семантических особенностей компонентов и условий их отбора и объединения в пары влечет за собой выяснение вопросов, касающихся природы семантемы, с которой возникают парные фразеологизмы как особые единицы фразеологической системы языка.

Парные фразеологизмы возникают из потребности в выражении семантемы, которая, как и всякая фразеологическая семантема, является результатом отдельного, самостоятельного акта отображения действительности в сознании человека. Особенности этой семантемы устанавливаются путем ее сравнения со

значениями компонентов, образующих материальную структуру фразеологизма.

В курдском языке парные фразеологизмы возникают из потребности в выражении родовой обобщенно-собирающей или обобщенно-усилительной семантемы, по отношению к которой значения компонентов имеют видовую характеристику. См. например: де-бав (или де у бав) «родители», букв. мать и отец; р'эш-тə'ри «мрачный», букв. «черный и темный» и т. д.

Родо-видовые отношения между фразеологической семантемой и значениями компонентов служат основой их сцепления и, тем самым, основой образования парных фразеологизмов как единиц особого фразеобразовательного типа. Они указывают на то, что родовая фразеологическая семантема относится к той семантической сфере, к которой принадлежат лексические семантемы компонирующих слов. Например, парный фразеологизм жьн у мер возник из потребности в выражении фразеологической семантемы «супруги», относящейся к той же семантической сфере, к которой относятся и лексические семантемы «жена» и «муж», выражаемые компонентами «жьн» и «мер». Аналогичную картину представляют парные фразеологизмы: шьван-гаван «работники и тому подобные, которые пасут скот», букв. «пастух овец и коз-пастух крупного рогатого скота-преимущественно коров и быков»; жьн-зар' «семья», букв. «жена и дети»; кал-бав «предки», букв. «дедушки-отцы»; шех-п'ир «духовенство», букв. «шейхи и пири-духовные лица у курдов-езидов» и т. п.

Родовую обобщенно-собирающую семантему имеют также парные фразеологизмы, чьи материальные структуры обнаруживают сближение или примирение двух противоположных, контрастных значений, с которыми выступают компонирующие слова. Примирение противоположных значений происходит за счет ослабления степени их контрастности, и в результате либо возникает своего рода новое значение, занимающее как бы среднее место между значениями компонентов (см. например: сар о гəрм «теплый, тепловатый, умеренный», букв. «холодный-горячий»), либо же происходит своеобразная модификация значений компонентов (см. например: бьна-əрзан «дорого ли, дешево ли», букв. «дорого-дешево», зу-дəрəнг «рано или поздно», букв. «рано-поздно», п'əр-һьндьк «мало ли, много ли», букв. «много-мало», ч'ук-мэзьн «все, от мала до велика», букв. «маленький-большой» или «младший и старший»; кьн-дьеж «долго ли, коротко ли», букв. «коротко-долго» и т. д.

Однако в языке немало таких парных фразеологизмов, которые имеют родовую обобщенно-усилительную семантему. Это парные фразеологизмы, компоненты которых синонимичны друг

другу. Например: т'ер-т'џи «богатый, очень богатый», букв. «сытый-полный»; т'эк-т'эне «совершенно один, одинокий», букв. «один-одинокий», дьл-эшқ «радно; искренне, душевно, с радостью», букв. «душевно-радно» и т. д.

Таким образом, парные фразеологизмы вызываются к жизни потребностью в восполнении недостатка фразеологического состава языка в единицах с родовой обобщенно-собирающей или обобщенно-усилительной семантемой как особой категорией идеального содержания, соотносящегося с сочетанием двух частных, видовых лексических семантем. Строгая взаимосвязь между семантемой и материальной структурой парных фразеологизмов служит доказательством специфичности их структурно-семантической организации как особого фразеологического средства общения, имеющего свойственное только ему лингвистическое назначение во фразеологической системе языка.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО СТРУКТУРОЙ ПОВТОРНОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ (ПОВТОРЫ)

§ 12. Общая характеристика

В общезыковом плане прослеживаются три типа инвариантности, микроповторности явления повторения (удвоения), которыми являются:

а) микроповторность на лексическом уровне. Она лежит в основе образования слов-слитных, цельнооформленных лексических единиц типа: гэггэгк «крапива»; мьхмьхк «комар», хашхашк «мак», зарезар «плач, рыдание», наленал «стон, стенание» и т. д.

б) микроповторность синтаксического уровня, лежащая в основе образования переменных синтаксических словосочетаний-повторов типа: вэрэ, вэрэ (то йа мьни) «иди, иди (ты моя)», һэр'э, һэр'э (дури мьн к'эвэ) «иди, иди (уйди от меня)» и т. д.

в) микроповторность, лежащая в основе образования устойчивых словосочетаний-повторов различных структур. Примеры: йэко-йэко «по одному; по порядку; подробно», қбл-қбл «подробно», һеди-һеди «тихо, медленно, спокойно», гьли сэр гьли «подробно», гав бь гав «ежечасно, постоянно» и т. д.

Среди этих типов микроповторностей наиболее продуктивной оказывается микроповторность на синтаксическом уровне. Что же касается других типов микроповторностей, то они малопродуктивны.

Синтаксические повторы служат целям стилистическим, экспрессивным и поэтическим. При образовании же повторов-слов

и повторов-устойчивых словосочетаний преследуются чисто семантические цели.

Лексические повторы представляют собой цельнооформленные образования, состоящие из морфем и соответствующих словообразовательных суффиксов или—реже интерфикса. См. например: гэгзгэк от гэгз + гэгз + к; гэгз—основа настоящего времени глагола гэгэнь «кусать»; к—словообразовательный суффикс: налэнал от нал + э + нал; нал—основа настоящего времени глагола налин «стонать»; э—словообразовательный интерфикс [см. 68].

Лексические повторы образуются по словообразовательной модели и в соответствии с этой моделью обладают акцентной структурой сложного слова с главным ударением на последнем слоге (налэнáл, зарэзár, хõшэхõш, бар'эбáр' и т. д.). От них отличаются повторы-устойчивые словосочетания, которым свойственен ряд важных особенностей просодического и семантического порядка. Остановимся на этих особенностях.

§ 13. Структурно-семантические особенности фразеологизмов со структурой повторного словосочетания

В курдском языке выделяются две разновидности повторов:

- а) предложные повторы,
- б) беспредложные повторы, образованные на основе соположения.

Беспредложные повторы представляют собой бинарные устойчивые словосочетания, в которых компонирующие слова находятся в состоянии соположения. В качестве повторяющихся компонентов выступают обычно односложные, двусложные и реже трехсложные слова—имена существительные, имена прилагательные, наречия, некоторые числительные и местоимения, а также некоторые слова-междометия и отдельные глагольные личные временные формы.

Беспредложные повторы имеют просодическую структуру словосочетания. Их материальная оболочка представлена в виде словосочетания, состоящего из двух слов: слова и его повторения. Они возникают с номинативной семантой описательно-характеристической направленности, нередко осложненной экспрессивно-оценочными оттенками. Такая семанта облекается в материальную оболочку на основе устанавливаемых видо-родовых отношений между ней и семантой повторяющегося компонирующего слова. Она определяется как частное, видовое проявление общей семанты, закрепленной за компонирующим словом. Например, семанта «очень быстро», с которой употребля-

ется повтор зу-зу, является частным или видовым проявлением общей семантемы «быстро» у повторяющегося компонирующего слова зу. По отношению к семантеме «очень быстро» семантема «быстро» представляется как результат первичного познания предмета. Тем самым семантема «очень быстро» выступает как результат его вторичного и, разумеется, более глубокого познания. Таким образом, повторяющееся слово и повтор оказываются единицами, возникшими из разных потребностей, а именно, потребностей в объективации двух разных семантем, отличающихся друг от друга спецификой отражения одного и того же предмета действительности. Тем самым повтор и повторяющееся слово определяются как единицы разных назначений в системе языка.

Беспредложенные повторы объединяются в основном вокруг следующих структурно-семантических типов.

1. Повторы, в которых в качестве повторяющегося слова выступают нумеративные имена существительные, выражают общее значение:

а) неопределенного множества, количества или группировки предметов: қәлфә-қәлфә «группами, по группам», р'әф-р'әф «группами, по группам», кәри-кәри «табунами, стаями» и т. д.

б) неопределенного разнообразия, многочисленности предметов: дәстә-дәстә «группами, по группам; отрядами», щергә-щергә «группами, по группам; партиями, частями», сәмәр-сәмәр «партиями, группами» и т. д.

в) разделительности, распределительности и порядковости: зо-зо «парами, по парам», щот-щот «по парам, парами», кьт-кьт «по штукам, штуками», шәл-шәл «кусками, по кускам» и т. д. Здесь же отметим, что значение распределительности, порядковости выражают также повторы с компонирующим словом—количественным числительным: дөдө-дөдө «по два», дәһ-дәһ «по десяти», һ'әзар-һ'әзар «тысячами» и т. д.

2. Повторы, в которых в качестве повторяющегося слова выступает имя существительное с временным значением, выражают значение продолжительности, непрерывности или многократности действия во времени: сьбә-сьбә «по утрам, каждое утро», евар-евар «по вечерам, каждый вечер», гәһ-гәһ «иногда, временами», лә'з-лә'з «иногда, моментами», қөр'нә-қөр'нә «веками, постоянно, последовательно» и т. д.

3. Повторы, в которых в качестве повторяющегося слова употребляется наречие или адвербиализованное имя существительное или прилагательное, выражают качественно-адвербиальное значение с оттенком усиленности: һеди-һеди «тихо, очень тихо, медленно, очень медленно», ләз-ләз «поспешно, очень быст-

ро», бьльнд-бльнд «высоко-высоко, громко-прегромко; высоко-мерно», бэрэ-бэрэ «постепенно», нэр'е-нэр'е «неприлично, неуместно», арам-арам «мало-помалу, спокойно, тихо» и т. д.

4. Повторы, в которых повторяющееся слово является именем прилагательным или адъективированным наречием, также выражают качественно-адъективное значение с оттенком усилительности: мэзын-мэзын «высокомерный», нэр'эйдэ-нэр'эйдэ «неуместный, неприличный», кем-кем «мало, немного», гьран-гьран «очень тяжелый», бьч'ук-бьч'ук «очень маленький, в маленьком возрасте», гэрм-гэрм «быстрый, стремительный» и т. д.

Выше было отмечено, что кроме имен существительных, прилагательных и наречий могут повторяться и некоторые местоимения и междометия, а также отдельные глагольные личные временные формы. В качестве повторов-фразеологизмов, материальная оболочка которых содержит подобного рода слова, можно привести следующие обороты в иллюстрациях:

Иди сбэ жи ha-ha вэдьбу (Дж. с. 77) «А утро уже (вот-вот) наступало», хэрк'эсэк хвэр'а-хвэр'а ч'э'вронаһи данэ ханьме (Дж. с. 44) «Каждый в свою очередь поздравлял ханум», Дэ гонд жи педа-педа р'анэзабу (Дж. с. 126) «А село в целом не спало», Го нэби-нэби һун тенэ незики дери «Он предупредил их, что ни в коем случае не подходите к двери» и т. д.

Материальная структура предложных повторов обнаруживает подчинительную связь между компонентами. Несмотря на это, они рассматриваются вместе с беспредложными повторами, т. к. последние имеют с ними ряд общих черт. Во-первых, как те, так и другие являются бинарными оборотами, основанными на повторении препозитивного компонента, во-вторых, они легко могут переходить друг в друга без особых изменений в их семантике. Иногда трудно и даже невозможно уловить отличие между предложным и беспредложным оборотами в значении. Ср. например, предложный повтор нав бь нав и беспредложный повтор нав-нав, которые фактически выражают одни и те же значения: «именно; от корки до корки, от доски до доски, от начала до конца; целиком, полностью; подробно», или ср. например, р'эф бь р'эф и р'эф-р'эф со значениями: «группами, стаями, по стаям» и т. д. Совпадение предложных и беспредложных повторов, по-видимому, имеет место только в тех случаях, когда препозитивный компонент в них представлен в виде односложного слова.

В предложных повторах повторяющееся слово связывается со своим повторением посредством предлога бь «с», реже предлогов сэр «на», «к», бэр бь «к».

Предлог бь встречается, в основном, в составе повторов, относящихся к следующим структурно-семантическим типам:

1. К повторам, в которых повторяющиеся компоненты обозначают отдельные отрезки времени, выражающим значение продолжительности, непрерывности, последовательности действия во времени. При этом такое значение нередко может сопровождаться оттенком постепенной усилительности. Так, например: сал бь сал «из года в год, каждый год, ежегодно, постоянно», дэ'н бь дэ'н «по режиму, постоянно», рож бь рож «изо дня в день, каждый день, ежедневно, постоянно», мөһ бь мөһ «из месяца в месяц, каждый месяц, ежемесячно, регулярно», гав бь гав «ежечасно, постоянно» и т. д.

2. К повторам, в которых повторяющиеся компоненты являются представителями отдельных отрезков пространства, выражающим значение продолжительности, последовательности и непрерывности действия в пространстве. Примеры: мал бь мал «из дома в дом, по домам», ши бь ши «с одного места на другое, везде, на месте, тут же на месте», йер бь йер «с одного места в другое, везде и повсюду», қол бь қол «от корки до корки, везде, и повсюду; подробно» и т. д. В некоторых повторам этого типа предлог «бь» употребляется в сопровождении предлога бэр «перед», например, вәлат бэр бь вәлат «из одной страны в другую, везде, повсюду» и т. п.

3. К повторам, в которых повторяющиеся компоненты являются нумеративными именами существительными, выражающим значение неопределенного количества, разнообразности, многочисленности предметов или же их разделительности, распределительности и порядковости. Такие повторы могут выступить как со значением определения, так и со значением обстоятельства. Примеры: дәсть бь дәст «группами; много разных (чего-либо) (костюмов, одежд), разнообразно (одеваться, имея много разных одежд)», к'ом бь к'ом «группами, по группам»; кәри бь кәри «стадами, табунами, стаями», щот бь щот «парами, попарно» и т. д.

Кроме рассмотренных выше предложных повторов в курдском языке встречается незначительное количество повторов, компоненты которых представлены в разных словоформах. Прослеживаются два структурных типа таких единиц:

1. Повторы, в которых первый компонент находится в форме ед. числ., а второй—в форме мн. числ.: шар-шара («иногда»), «редко», «от случая к случаю», сал-сала («в прежние годы», «раньше», «иногда»), рож-рожа («иногда; спустя дни»), дэ'н-дэ'на («иногда в течение дня») и т. д. Как правило, они выражают значение нерегулярности, несистематичности действия. Шар-шара эw те мала мө. Он иногда приходит к нам домой. Сал-сала кәч'ке мө дьһатнө даче, ле паше ида т'әрк дан наен. «В прежние

годы наши девушки приезжали к нам, а потом перестали являться».

II. Повторы, представляющие своеобразный тип изафетной (атрибутивной) конструкции, где первый компонент представлен в форме прямого падежа ед. числ., оформленной соответствующими родовыми изафетными показателями, а второй компонент находится в форме косвенного падежа ед. числ., оформленной послесловом—да: р'ожа р'ожида («с первого же дня», «с самого начала»), сәре серида («в самом начале», «с самого начала»), дәқа дәқеда («с первой же секунды», «в самом начале») и т. д.

В курдском языке очень часто можно встретить и повтор h'эта h'этае («вечно, навсегда»), по-видимому, единственный по своей структуре: wedәре жи ч'ә'вед хwә h'эта-h'этае гьртън. (Дж. с. 103) «И там же они остановились навсегда».

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ВТОРЫМ КОМПОНЕНТОМ-СЛОВОМ-РИФМОЙ

§ 14. Характеристика структурных особенностей

Современный курдский язык представляет некоторое количество устойчивых словосочетаний с компонирующим словом-рифмой. К ним относятся двучленные обороты типа, например: шәр'шур' «споры, неполадки» (шәр' «спор, раздоры; клевета», шур'—слово-рифма), һәсту-п'әсту «всякого рода кости» (һәсту «кость», п'әсту—слово-рифма), дәнг-мәнг «всякого рода слухи, донесения» (дәнг «голос, слух», мәнг—слово-рифма), қьрш-мьрш «всякого рода щепки, хворост» (қьрш «хворост», мьрш—слово-рифма) и т. л.

Второй компонент в таких сочетаниях лишен свойства лексической самостоятельности и представляет собой условный лексический знак с позиционно обусловленным применением. Он появляется как слово-эхо, рифмующееся с первым компонентом.

Отличия между первым и вторым компонентами таких оборотов, связанные с изменением звукового состава первого компонента, сводятся, в основном, к следующему.

1. Появление согласного м, реже п', т, к, г, т', в начале второго компонента¹. При этом, в зависимости от гласного или

¹ В начале второго компонента некоторых оборотов используется согласный «h», который выступает либо как заместитель начального согласного первого компонента, либо же, если последний начинается гласным, прибавляется к нему. В качестве таких оборотов, которые скорее имеют лексическую харак-

согласного звуков в начале первого компонента, указанные согласные либо выступают как добавочные к началу второго компонента звуку, либо же заменяют первый согласный первого компонента:

а) в качестве заменителя выступают все согласные за исключением т.

б) в качестве же добавочных звуков к началу второго компонента употребляется т, реже т'. Приводим примеры:

а) на замещение согласных; қәсти-мәсти, «нарочно, намеренно, с умыслом», һ'әсаб-мәсаб «всякого рода счёты, вычисления, подсчёты», һ'әлм-г'әлм «пар, испарение», рут-тут «совершенно голый; бедный, с пустыми руками» и т. д.

б) на появление согласных «м», «т» в начале второго компонента: авр'у-мавр'у «всякого рода остатки пищи, объедки», әвләд-т'әвләд «наследник, наследники, дети», әк'ән-т'ик'ән «сев, посев» и т. д.

2. Суть второго случая фонетической реализации слова-рифмы состоит в замещении корневого гласного первого компонента «а» и сравнительно меньше «ә» гласным «у». Например: салх-сулх «сведния, всякого рода данные; известия», салх «сведения»; мал-мул «имущество, достояние, добро», мал «имущество», к'әсиб-к'усиб «бедные люди», к'әсиб «бедный»; шәр'-шур' «споры, неполадки; клевета», шәр' «спор, раздоры, клевета»; сә-қәт-су-қәт «всякого рода искалеченные, увечные», сә-қәт «увечный, искалеченный» и т. д.

Замещение других гласных гласным «у» или каким-нибудь другим гласным не обнаружено. Важно также отметить, что в тех случаях, когда в качестве корневых гласных первого компонента выступают гласные звуки (за исключением «а») и этот компонент начинается согласным «м», не происходит ни замещения корневых гласных, ни удвоения согласного «м» в начале второго компонента, т. е. образуется сочетание, структурно близкое

характеристику, представляются образования, первый компонент которых является словом-междометием типа: пи, пе, па, ай, ой, уй, а, е, ә, о, и, ва и т. д. Данные слова являются короткими выкриками и употребляются для выражения различных чувств и волевых побуждений. Образованные этими словами обороты, как и все повторы, употребляются, как правило, с семантикой усиленности. Оборот пи-һи, например, как и построенное путем повторения пи сочетание пи-пи, употребляется для выражения удивления, изумления, а в некоторых случаях и для передачи неудовольствия или же сожаления, печали, горя. В зависимости от интонации передают различные эмоции также образования типа: пә—һә, пә—пә; пе—һе, пе—пе; па—һа, па—па; ай—һай, ай—ай, ва—һа, ва—ва и т. д.

к повторным словосочетаниям. Здесь различие между повторным словосочетанием и оборотом со вторым компонирующим словом-рифмой равняется нулю, см., например: мэри-мэри «всякие люди».

Выделение фонетических особенностей звукового состава компонирующего слова-рифмы имеет важное значение для определения условий формирования устойчивых оборотов с таким компонентом. Оно позволяет отграничивать материальную структуру таких оборотов от материальных структур, свойственных парным фразеологизмам и оборотам-повторам. Устойчивые словосочетания со вторым компонирующим словом-рифмой отличаются от повторных словосочетаний тем, что второй компонент повторов является не словом-эхом, не рифмой, а его повторением. Это же отличие повторов резко отграничивает их от парных фразеологизмов, материальную структуру которых образуют обычно отдельные, полноценные единицы лексики, ни одна из которых не повторяет другую и не является словом-рифмой.

§ 15. Семантические особенности фразеологизмов со вторым компонентом—словом-рифмой

Будучи единицами, представляющими отдельный, самостоятельный тип устойчивых словосочетаний, обороты с компонентом-словом-рифмой вместе с тем тонко сочетают в себе ряд важных особенностей парных и повторных фразеологизмов. Эти особенности наиболее ярко выделяются при рассмотрении вопросов, связанных с их содержанием.

Устойчивые обороты с компонентом—словом-рифмой возникают из потребности в выражении родовой собирательно-обобщенной или реже собирательно-усилительной семантемы, сопровождаемой, как правило, оттенками неопределенности, пренебрежительности или презрительности. См. например, шõхõл-мьхõл «всякого рода дела», ср. шõхõл «дело»; или, т'эк-т'ук «редко; мало, единственно, исключительно мало», ср. т'эк «один, только один, одинокий». Первый из этих оборотов выражает собирательно-обобщенную семантему, которая по отношению к семантеме «дело» является семантемой родовой или общей. Второй же пример является носителем обобщенно-усилительной семантемы, также выступающей семантемой родовой по отношению к семантеме слова т'эк.

Таким образом, в семантическом плане обороты с компонентом-словом-рифмой очень близки к парным фразеологизмам и, как видно из указанных выше примеров, фактически отличаются

от них семантическим оттенком неопределенности, обусловленным следующим обстоятельством.

Структурно сочетания с компонентом-словом-рифмой лишь условно могут приниматься за объединения двух слов, т. к. реально они представлены в виде сочетаний, состоящих из компонентирующего члена и непосредственно следующего за ним его отзвука. В связи с этим слово, употребляющееся в этих сочетаниях в качестве первого компонента, оказывается одновременно и стрелковым словом и источником возникновения второго компонента. По отношению к первому компоненту второй компонент не является его прямым повторением, а является повторением в некоторой видоизмененной его форме и, тем самым, в известной степени напоминает второй компонент повтора. Но, тем не менее, он представлен в виде определенного образа, для которого первый компонент служит прототипом. В связи с этим, отдельно взятый второй компонент бессмыслен. А в условиях соединения, где он порожден первым компонентом, является носителем определенной доли семантической потенции этого компонента, т. е. выступает своего рода синонимом по отношению к нему, а в связи с этим все сочетание напоминает парный фразеологизм с двумя словами-синонимами.

Семантическое заряджение (наполнение) второго компонента, что может иметь место только при наличии первого компонента, означает образование у компонентов общих черт путем распространения семантики первого компонента на второй и, тем самым, расширение и видоизменение этой семантики, принимаемой в дальнейшем за комплексное значение сочетания. При всем этом, однако, не имея собственной семантики, второй компонент в семантическом отношении остается фактически неопределенным, и эта неопределенность привносится в общее значение комплекса, придавая ему, в зависимости от ситуации речи, то оттенок неопределенности, то пренебрежительности, презрительности и т. д. См. например: шаһъл-маһъл «всякого рода молодежь» (шаһъл «молодой»), гәдә-гудә «всякого рода парнишки» (гәдә «парень»), һәсту-п'әсту «всякого рода кости» (һәсту «кость»), к'әсиб-к'усиб «всякого рода бедные люди» (к'әсиб «бедный») и т. д. Эти и подобные им обороты обнаруживают семантические оттенки пренебрежительности или презрительности.

б. Фразеологизмы со структурой подчинительного словосочетания

ИЗАФЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

§ 16. Общая характеристика

Современный курдский язык представляет большое количество фразеологических единиц со структурой изафетного словосочетания. Среди них, однако, собственно изафетными фразеологизмами, выражающими субстантивную семантему, выступают лишь те, которые таковыми являются по своему происхождению. Остальные же фразеологизмы со структурой изафетного словосочетания являются вариантами фразеологизмов других структурно-семантических типов и как таковые возникли в результате соответствующих изменений первоначальной, типовой формы, свойственной этим фразеологизмам.

К собственно изафетным фразеологизмам как единицам, обладающим присущим только им общим типовым единством структуры и семантики относятся, например: дьня дэрэвин «этот свет, бранный свет, земной мир», мале дьне «имущество, богатство», рэзе мале «дети», дэнге дьне «известия, сообщения, сведения», нане п'ехэмбэр «кукуруза», рэбе алэме «бог», сийаре буке «кузнечик» и т. д.

Фразеологизмы, лишь формально совпадающие с собственно изафетными фразеологизмами, возникают двумя путями:

1. Путем сокращения предложных фразеологических единиц в части предлога. См. например: бь бае бэзе («быстро, срочно, второпях, поспешно, с предельной скоростью») — предложный фразеологизм с адвербиальной семантемой и его вариант бае бэзе (с той же семантемой), оказавшийся в изафетной структуре. Или, предложный фразеологизм ль щие бали сәбәб («без причин, напрасно, зря») ср. с его вариантом щие бали сәбәб с той же семантемой, но в изафетной структуре. Важно отметить, что в современном курдском языке и в особенности в просторечии широкое распространение получила изафетизация структуры предложных фразеологизмов, что служит препятствием на пути к четкому разграничению двух разных структурно-семантических типов фразеологизмов, а именно: изафетных и предложных фразеологических единиц.

2. С другой стороны, в изафетной структуре оказываются многие компаративные фразеологизмы в результате их сокращения в части сравнительного союза мина (или ноли, нот'эла, чава и т. п.) «как, словно». Ср. например, компаративный фразео-

логизм мина села рəш «очень грязный; черный, как сажа» и его сокращенный изафетный вариант села рəш с тем же значением. Или, фразеологизм мина бəрфа йəкшəви «очень белый, белоснежный» и его вариант бəрфа йəкшəви с тем же значением и т. д.

Изафетные варианты компаративных фразеологизмов в отличие от сокращенных предложных вариантов в ряде случаев могут реализоваться двояко: в виде сокращенного варианта компаративного фразеологизма, обозначающего признак предмета, и в виде варианта субстантивированного. Ср., например, компаративный фразеологизм мина ч'ийае шуде «высокий; величавый; мужественный», его сокращенный вариант ч'ийае шуде с теми же значениями, и такой же вариант в субстантивированном виде, обозначающий предмет через его признак: «известный, славный»; ч'ийае шуде, қорбаньм we дəде мəва дəрк'əт «славный, да будь я его жертвой, тут же явился». Ср. также фразеологизм мина бəрфа йəкшəви, его вариант бəрфа йəкшəви («очень белый») и такой же вариант в субстантивированном значении «белоснежный, белоснежная». Важно при этом отметить, что субстантивация сокращенных вариантов компаративных фразеологизмов носит чисто контекстуальный характер и не отличается особой продуктивностью.

Таким образом, говоря о фразеологизмах изафетных, мы далее будем иметь в виду только собственно изафетные фразеологизмы, являющиеся таковыми по своему происхождению.

Изафетные фразеологизмы представляют структурно-семантический тип, отличающийся большой продуктивностью. Особо выделяющейся чертой их состава служит растущее число устойчивых терминологических словосочетаний и составных названий, которые возникли в советскую эпоху в связи с изданием учебных пособий для курдских школ, художественной, общественно-политической и периодической литературы, научных трудов и словарей и т. д. Этому значительно способствовало и продолжает способствовать большое влияние русского языка через литературу, радио, а также через непосредственное общение с русской средой. Важную роль во внедрении новых составных названий и терминов играет курдская газета «Рйа таза» («Новый путь») — орган ЦК КП Армении, Верховного Совета и Совета Министров Армянской ССР, переводы с русского языка и радиовещание на курдском языке из столицы республики.

Новые составные названия и термины выражают понятия, возникшие в языке в условиях социалистической действительности. Они отражают различные стороны общественно-политической жизни, понятия из экономической и технической термино-

логии. Но, к сожалению, эти образования пока лишь частично инвентаризованы в словарях.

Обращает на себя внимание тот факт, что литературная форма курдского языка (в СССР) не допускает прямых заимствований в виде устойчивых словосочетаний ни из одного языка. В качестве прямых заимствований проникают только слова-термины, но и среди них немало терминов-сложных слов из русского и армянского языков, которые скалькированы в структуре словосочетания. Например, такие слова-термины русского языка как электровоз, электростанция, электроэнергия, электромеханик, автомеханик и т. д. облечены в структуре словосочетания и реализуются в виде машина электрикие, стансийа электрикие, энергия электрикие, механике электрикие, механике автоа и т. д. Эти примеры, а с другой стороны, и тот факт, что в курдском языке не встречаются слова-термины, которые могли бы служить кальками устойчивых терминологических словосочетаний из русского или армянского языков, позволяют думать, что единственным способом заимствования курдским языком русских или армянских терминологических устойчивых словосочетаний является способ калькирования.

§ 17. Особенности материальной структуры изафетных фразеологизмов

Материальная структура изафетных фразеологизмов образуется по грамматической модели синтаксических (переменных) изафетных словосочетаний. В подавляющем большинстве случаев она состоит из двух компонирующих слов: определяемого и определения. Определяемое, как правило, стоит на первом месте и выражено именем существительным. Оно выступает стержневым компонирующим словом. В качестве же второго компонента выступают имена существительные (например, нане щуцьке «подорожник»), имена прилагательные (например, дьняа гә'ри «тот свет») или причастия прошедшего времени (например, баре к'әти «тот, кто в тяжелом положении, в бедности»). Иногда второй компонент представлен в виде пердложно-субстантивного словосочетания (например, к'уте бәр тәндуре «лентяй; домосед») или парного словосочетания (например, мала дин-де-ва «ад крошечный, невыносимый шум, суматоха; хаос»), или же изафетного словосочетания (например, гәла сурәте жьне «муж») и т. д.

Связь между компонирующими словами в соединении осуществляется посредством соответствующих изафетных показателей, что видно из приведенных выше примеров.

В зависимости от характера устанавливаемой изафетными фразеологизмами связи с соответствующими членами предложения различаются два типа таких единиц: структурно замкнутые и структурно незамкнутые.

подавляющее большинство изафетных фразеологизмов имеет замкнутую структурную организацию. К ним относятся, например: сәре сәр бәлгиа «больной», сәре сәд мери «тот, кто способен руководить многими; тот, кто сильнее, умнее сотен мужчин», бәрбуя һәму бука «тот, кто ко всякой бочке затычка, стремится во всем принять участие», рьсәе гөре кор «случайное, неожиданное добро; удел, доля» и т. д.

Остальные изафетные фразеологизмы обладают незамкнутой структурной организацией, сущность которой заключается в обязательном указании на синтаксические связи с соответствующими членами предложения свободного употребления. Без указания на обязательные синтаксические связи такие фразеологизмы в большей или меньшей степени теряют свою фразеологичность. Таковыми являются, например: к'ълита сәре фьланк'әсе «чей-то наставник» (букв. ключ от чьей-то головы), даре пьшта фьланк'әсе «чей-то защитник», бәрдылке бәр дьле фьланк'әсе «чей-то любимый» и т. д. Все без исключения незамкнутые изафетные фразеологизмы являются оригинальными единицами, носящими местный характер. Что касается замкнутых изафетных фразеологизмов, то среди них имеются и кальки, представляющие собой буквальный перевод соответствующих оборотов из других языков.

Кальки-составные названия и термины в зависимости от характера языкового материала и обозначаемых понятий делятся на несколько групп, которыми являются:

1. Обороты, материальная структура которых состоит из имеющихся в курдском языке слов и выступает формой выражения понятий, усвоенных из русского языка. Примеры: қбр'на кәври «каменный век», малһәбуна гөндитие «сельское хозяйство», бахче зар'а «детский сад», ковәра әдәбәтие «литературная газета», шевра өлми «ученый совет», шер'е сар «холодная война», шер'е вәт'әниие «отечественная война» и т. д.

2. Обороты, выражающие усвоенные из русского языка понятия и имеющие материальную структуру, которая кроме слов, встречающихся в курдском языке, обнаруживает и слова оригинала. Примеры: әскәре советие «советская армия», штатед америкаейә йәкбуи «Соединенные Штаты Америки», революсия октябрейә мәзън «Великая октябрьская революция» и т. д.

3. Обороты, состоящие из слов оригинала (кроме формантов, которые всегда курдские) и обозначающие понятия, усвоенные

из русского языка. Примеры: сода каустик «каустическая сода», университета културае «университет культуры», энергия атомие «атомная энергия» и т. д.

Среди слов-компонентов, образующих составные названия и термины первой и второй группы, нередко встречаются слова-арабизмы и тюркизмы типа, например, ә'дәбийәт: ә'дәбийәта совети «советская литература», т'ьфақ: т'ьфақа советие «Советский Союз» әскәр: әскәре сор «Красная армия» и т. д.

Новые составные названия и термины допускают сочетаемость более пяти компонентов. Они так же, как и другие типы изафетных фразеологизмов, обладают номинативной функцией, но отличаются от них своей терминологичностью, выдвигающей их на уровень специальных наименований тех или иных областей науки и техники.

Отметим также, что новые составные названия и термины не обнаруживают ни частичного, ни полного переосмысления компонентного состава. Этим они также отличаются от коренных курдских названий и терминов, среди которых большое распространение получили обороты с полностью или частично переосмысленным компонентным составом (см. оборот нане шущьке «подорожник», букв. «птичий хлеб», нане п'ехәмбәр «кукуруза», букв. «хлеб пророка» и т. д.).

§ 18. Семантическая характеристика изафетных фразеологизмов

Изафетные фразеологизмы возникают из потребности в выражении фразеологической семантемы, являющейся результатом отражения реально-видовых или типовых или же ассоциативно-видовых проявлений объектов действительности.

К числу фразеологизмов, обозначающих реально-видовые или типовые проявления известных объектов действительности относятся, например, обороты: дьране пешьн «передние зубы», дьране шир «молочные зубы», дьране к'өр'си «коренные зубы» и т. д. Как видно из этих примеров, обозначение типовых, видовых проявлений известного объекта «зуб(ы)» содержат указание на данный объект в его конкретном проявлении. По отношению к понятию «зуб(ы)» видовые или типовые понятия «передние зубы», «коренные зубы» и т. д. оказываются изначально характеризующими, квалифицирующими понятиями, требующими формы объективации в виде словосочетания. См. также обороты: нане селе «хлеб, который пекли на сел (-выпуклый железный противень)», нане тәндуре «хлеб, который пекли в тандур (—земляная печь для выпечки хлеба)», нане лош «лаваш», нане сомн

«формовой хлеб», нане н'эб «зерно», нане нивро «обед», нане сваре «ужин», нане сьбе «завтрак» и т. д., выражающие понятия, которые по отношению к родовому понятию «нан» («хлеб») являются понятиями видовыми или типовыми.

На примере материальных структур такого рода устойчивых словосочетаний наглядно видно, что словосочетание, как распространение слова, выступает констатацией результатов дальнейшего познания объекта, названного этим словом. Однако слово может распространяться не только в своем прямом значении, но и в переносном. Например, слово кон «шатер» в своем прямом значении распространяется словом э'раби «арабский» и образует материальную структуру устойчивого словосочетания коне э'раби «шатер арабский», выступающего обозначением отдельного вида или типа шатра.

Это же слово-кон в своем переносном значении «паутина» распространяется словоформой пире в его переносном значении «паук», образуя материальную структуру устойчивого словосочетания коне пире «паутина» (паутина паука): букв. «Шатер старухи». В логическом плане «паутина паука» представилась языковому сознанию носителя языка как некое отдельное проявление шатра, основанное на субъективном уподоблении ее шатру: уподобление одного предмета другому есть попытка признать наличие у них чего-либо общего, усматривающегося основой видо-родовых отношений между ними. В таком плане понятие коне пире «паутина» характеризуется как ассоциативно-видовое проявление понятия кон «шатер», хотя в действительности, объекты, логическими представителями которых являются эти понятия, не имеют ничего общего между собой. К числу оборотов, обозначающих ассоциативно-видовые проявления известных предметов, кроме фразеологизма коне пире относятся также обороты: п'энишке н'эрче «название съедобного растения, которое уподобляется лапе медведя», букв. «когти медведя», сийаре буке «кузнечик», букв. «всадник невесты», щийе гэрм «теплое место (местечко), материально выгодная должность, доходная служба», р'эа дэве кэндел «одинокий, беззащитный человек» и т. д.

Таким образом, изафетные фразеологизмы, обозначающие реальные видовые, типовые или же ассоциативно-видовые проявления познанных предметов, оказываются единицами фразеологической системы языка, возникшими из особой потребности и, в зависимости от этого, имеющими присущее только им назначение в этой системе.

Выяснение характера соотнесения изафетных фразеологизмов с действительностью обуславливает необходимость в определении тех сфер предметов и явлений, представителями кото-

рых выступают эти языковые образования. Как носители сложных субстантивных понятий, возникших в результате специфического отражения действительности, изафетные фразеологизмы и, в частности, оригинальные изафетные обороты выступают:

1. Обозначениями частей тела: шкәфта (к'әфа) дев «полость рта», кәвч'ийе дьл «грудная подложечка», дәфа синг «грудная клетка», к'әфа дәст «ладонь», һастуйе чоке «коленная чашечка» и т. д.

2. Обозначениями-характеристиками, связанными с человеком: ава р'у («честь»), ава ч'ә'ва («слезы»), сорәгыре барнәбьр («лентяй»), хөламе т'вьынге («жандарм»), т'ере ч'ә'вбьрчи («очень прожорливый человек»), хәме дьла («переживания»; «тоска»), п'ине ә'ширка («подхалим»), р'әбәне дера («аскет»), әһле нәзәре («теоретик», «исследователь») и т. п.

3. Обозначениями, связанными с поверьями и религией: хөдане мале («покровитель семьи»), бьре ахрәте («брат до гроба»), ава авһ'әйат (һ'әйате) («живая вода»), рәше шәве («ночной призрак»), мәме шьван («покровитель овец»), гаване зәр'зан («покровитель крупного рогатого скота»), мере мөһ'бәте («бог»), бинайа ч'ә'ва («бог»), р'әбе аләме («бог»), тәйрке бьһөште («святой»), ч'ә'ве хьраб («дурной глаз»), тә'тке р'әш («ад»), сәре сьбе («солице») и т. п.

4. Обозначениями представителей растительного мира: рәке р'уви («название несъедобного растения»), нане щуцьке («подорожник»), кире дик («название съедобного растения»), мәмке хатуне («название съедобного растения»), тьрше тьр'ш («название съедобного растения»), тьр'ше хәзале («название съедобного растения»), тьр'ше га («название несъедобного растения»), пәнцке һ'ьрче («название съедобного растения»), нане пехәмбәр («кукуруза») и т. п.

5. Обозначениями представителей животного мира: р'увийе р'әш («черная лиса»), хьнзире бәйани («кабан»), мышке бәләбан («крыса»), мышке кор («крот»), тәйре симьр («птица симурх» — название сказочной птицы) и т. д.

6. Обозначениями небесных тел и явлений: гола шин «небо», рийа кадьз «млечный путь», ә'рше ә'зман «космос», кәвьере ә'змана «метеорит», бьруска ә'змана «молния»; «метеор», стерка поч'ьк «комета» и т. д. и т. п.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ—ТАБУ,—ЭВФЕМИЗМЫ И—ДИСФЕМИЗМЫ

§ 19. Структурно-семантические особенности

Устойчивые словосочетания, выступающие в структуре «относительное местоимение+имя прилагательное (реже имя существ-

вительное (с предлогом или без него) или форма причастия прошедшего времени», делятся на три разряда:

I. Эвфемизмы, возникшие из потребности в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении известных предметов или явлений: йа тә'л в.м. арақ («водка»), йа тьр'ш в.м. шәрав («вино»), йе нав т'лийа в.м. п'әрә («деньги»), йе гөловәр' в.м. сев («яблоко»), йа дәнг в.м. қьрмә («пистолет»), йа хали в.м. миз («моча»), йе гоно в.м. «нам известный тот-то» («тот, которого не следует называть»), йа нәкьри («недозволенный поступок»), йа нәдити в.м. шәр' («клевета»), йа нәшушти в.м. шьлт'ах («клевета») и т. д.

II. Структуры, заменяющие слова-табу: йе һур в.м. хөри («оспа»), йе сор в.м. сорьк («краснуха, красная сыпь, корь»), йе гоно в.м. шьн («черти»), йе мәзәла в.м. к'әфтар' («бродящие мертвецы»), йе шәве в.м. шьн («черти») и т. д.

III. Дисфемизмы, возникшие из потребности в замене естественного обозначения предметов вульгарными, фамильярными или грубыми: йе навһ'әрам («презренный»), йа к'әлбьсә («дряхлая; старая»), йе шьну («сумасшедший»), йе һ'әвтзәр в.м. стрийе һ'әвтзәр («колючка, шип, игла (хвойная); заноза») и т. д.

Фразеологизмы-табу, -эвфемизмы и -дисфемизмы обладают экспрессивно-номинативной характеристикой. Они выступают экспрессивно-стилистическими синонимами собственно терминов и терминологических сочетаний.

КОМПАРАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

§ 20. Общая характеристика

Среди фразеологических единиц курдского языка большое распространение получили устойчивые сравнительные обороты, именуемые здесь компаративными фразеологизмами. К ним относятся: мина мөйа нава аве «как закваска в воде» в смысле «как осиновый лист» (дрожит, трясется, обычно от волнения, страха и т. п.), мина мала хвә «как у себя дома» (непосредственно, свободно, без стеснения (чувствовать, держать себя и т. п.)), мина коч'а (руньштиё, сәкьнийё) «(сидит, стоит) как пень (неподвижно, бессмысленно, безучастно, ничего не понимая)», мина меша «как мухи (в большом количестве)» и т. п.

Этот пласт фразеологических единиц обнаруживает большую продуктивность и обладает широкой сферой применения в народном просторечии. Впервые он был выделен и подвергнут необходимой фразеографической обработке в ходе работы над

курдско-русским фразеологическим словарем, куда, однако, были включены в основном те сравнительные обороты, которые не носят узко-диалектного характера.

Компаративные фразеологизмы отличаются ярко выраженными особенностями, характеризующими их как единицы особого структурно-семантического типа и специфического лингвистического назначения в фразеологической системе языка. Они образуют своеобразную микросистему, которая особо выделяется тем, что наиболее широко отражает возможности изобразительных ресурсов языка, глубоко и очень ярко раскрывает национальный склад образного мышления.

В основе образования компаративных фразеологических единиц лежит сравнение. Однако они не являются единственными образованиями, обнаруживающими это явление. В курдском языке можно наблюдать различные типы проявления сравнения, лежащие в основе образования единиц соответствующих уровней. Этими типами проявления сравнения или типами микрокомпаративности являются следующие.

1. Словообразовательная микрокомпаративность. Она лежит в основе цельноформленных лексических структур-слов. Примеры: *p'enqask* «название съедобного растения, листья которого напоминают гусиную лапу», *ç'ə'v'p'şik* «человек с глазами, похожими на глаза кошки», *h'urk'ər* «ненасытная утроба, прожорливый человек (желудок которого похож на желудок осла)» и т. д.

2. Микрокомпаративность, проявляющаяся на уровне словоизменения. Она находит свое выражение в сравнительной и превосходной степенях качественных прилагательных и простых наречий, образующихся с помощью соответствующих формообразовательных грамматических показателей—*tır*, —*trin* или же передающихся аналитическим путем, посредством сочетания соответствующих форм имен прилагательных или наречий с разного рода словами или сочетаниями слов: *he həri*, *ya hərə*, *ye hərə*, *he*, *dha*, *həri*, *lap* (лапи), *ž*, *ly/lə* и т. д., используемых в качестве средств для осуществления сравнения одного предмета с другим. Примеры: *Barzani ž T'ələbani məstərə* «Барзани старше Талабани», *Ə'li kōr'e Məduri həri məzənə* «Али самый старший сын Мыдура», *nav qize wiđa Naze ya hərə aqylə* «Среди его дочерей Назе самая умная», *əw bəsaži ž Sime rındtır ç'eləke d'ədoşə* «Она вместе с тем лучше Симе доит корову» и т. д.

3. Микрокомпаративность, проявляющаяся на синтаксическом уровне. Она лежит в основе образования речевых единиц и служит важным средством синтаксической изобразительности. См. например, *tə kō ly wan bñ'her'ıya*, *we dəstxwəda sēd ne-*

ч'ире бьхатана бира тә [Дж. 242]. «Если бы ты посмотрел на них. тут же вспомнил бы охотничьих (гончих) собак»; К'обаре нәбежә. һ'рчәкә ч'ие беж [Дж. 378]. «Тут уж Кубар выглядела не как Кубар, а как горная медведица» и т. д.

4. Микрокомпаративность, наблюдаемая в сфере устойчивых словосочетаний. Прослеживаются два типа устойчивых словосочетаний, обнаруживающих сравнение:

а) Собственно компаративные фразеологизмы-устойчивые словосочетания, характеризующиеся наличием специальных средств в виде союзных слов, указывающих на акт сравнения: эз қорбана тәмә, ходах, тә кә нот'ыла мәләка һати һәварийһа мын, тә ль ван чола чь дьгәр'и? [ир. яз. 48]. «Да будь я твоей жертвой, Одах, ты, как ангел, явился мне на помощь, почему ты бродишь по этим степям?». Әви гәвәзәйә, мина нане селейә. «Он двуликий Янус, двуличный», харна тә чекьрийә бса тужә, мина барутә. «Подготовленный тобой обед очень острый, едкий» и т. д.

б) Устойчивые словосочетания, образующиеся без привлечения специальных средств, указывающих на акт сравнения. Структуры этого типа, в свою очередь, объединяются в две группы:

I. Структуры, обладающие внутренним сравнением и выступающие как афористические обороты, выполняющие номинативно-характеристическую функцию. Примеры: сийаре буке «күзничик» (букв. всадник, сопровождающий невесту), п'әншке һ'рчә «название съедобного растения, оставляющего впечатление медвежьей лапы» и т. п. Обороты этого типа входят в число изафетных фразеологизмов, образующих самостоятельный структурно-семантический тип (см. изафетные фразеологизмы).

II. Структуры, обнаруживающие внутреннее сравнение и выполняющие характеристическо-квалифицирующую функцию. Примеры: мьле фьланк'әсе сәр мьлар'анә «тот-то сильнее всех», наве фьланк'әсе сәр навар'анә «тот-то известнее, славнее всех» и т. д. Этого типа предикативных оборотов, соотносящихся с именным составным сказуемым предложения, в языке очень мало.

Таким образом, сравнение как явление наблюдается в самых различных сферах образования средств языкового выражения. При этом разные типы этих средств обнаруживают неодинаковую степень продуктивности. Наиболее широко распространена синтаксическая компаративность, сравнительно меньше — компаративность сферы образования устойчивых словосочетаний. Возможности же образования слов-метафор в большой степени ограничены.

Ниже нами рассматриваются устойчивые словосочетания-

компаративные фразеологизмы, представляющие собой единицы отдельного типа в фразеологическом составе языка.

§ 21. Логические основы образования компаративных фразеологизмов

Устойчивые словосочетания, рассматриваемые в качестве компаративных фразеологических единиц, основаны на непреднамеренном образном сравнении. Что же представляет собой непреднамеренное образное сравнение?

Сравнение как мыслительный процесс может быть преднамеренным или непреднамеренным. В первом случае оно служит своего рода способом отыскания каких-то общих или отличительных признаков у двух и более сопоставляемых предметов и направлено на создание необходимых характеристик этих предметов. случаем такого сравнения является, например, проводимое ныне лингвистами сравнение фразеологизма со словом, нацеленное на определение объема и границ фразеологии как самостоятельной научной дисциплины. В частности, сборник докладов, предназначенных для обсуждения на симпозиуме «фразеологизм и слово» содержит результаты преднамеренного сравнения данных единиц [см. 121].

От преднамеренного сравнения как способа познания, характеризующегося в плане гносеологическом, отличается сравнение непреднамеренное. Последнее имеет место при потребности в обозначении познанного качества признака предмета или в констатации признака предмета, в равной или не равной степени присущего другому предмету или лишь приписываемого ему. Так, например, сравнивая ученика с учителем с точки зрения того, что у них одинаковая степень скромности, мы тем самым устанавливаем синтаксическую связь между словами «ученик» и «учитель», образуя синтаксическую единицу «ученик скромн, как и учитель», которая фиксирует результат этого сравнения, выступая в качестве средства его выражения. В связи с этим непреднамеренное сравнение должно быть расценено как прием или способ образования формы выражения компаративной семантемы, т. е. характеризоваться в плане лингвистическом.

В результате познания-непосредственного ощущения данного признака у предмета возникает единица мысли, требующая языковой формы объективации. В случаях, если этот признак, например, высокая степень красоты у девушки, представляется языковому сознанию как некое проявление ранее познанного признака у другого предмета, например, красоты у солнца, то эти предметы на основании общего для них признака («красо-

ты») логически сравниваются: девушка сравнивается с солнцем как предметом, которому по нашему представлению присуща высокая степень красоты, т. е., который воспринят нами как символ, эталон прекрасного. Сравнение девушки с солнцем приводит к установлению связи между словами «девушка» и «солнце», в результате чего образуется синтаксическая единица «кэч'ык бэдәвә мина рое (или кэч'ык мина рое бэдәвә («девушка очень красива, прекрасна как солнце»)), указывающая на акт сравнения. Это предложение-типичный образец языкового сравнения, где сравнительная часть мина рое («прекрасна как солнце») образована из потребности в выражении единицы мысли, возникшей в результате отражения качества признака предмета-прекрасного.

Обращает на себя внимание то, что непреднамеренное сравнение, имеющее место при потребности в образовании средств языкового выражения, может находить свое выражение в двух качественно разных видах структур: в образной и необразной структуре. Сопоставляя предложения шагьрт мина дәрсдаре хвә мьлукә («ученик послушен (скромен), как его учитель») и фызьк мина рое бэдәвә («девушка прекрасна», букв. «девушка красива как солнце») нетрудно заметить, что в первом предложении сравнение носит необразный, конкретный характер, а во втором оно определяется как сравнение образное. Сравнительный компонент (учитель) в первом предложении представлен в конкретном, реальном значении, в связи с чем само сравнение в целом носит конкретный, реальный характер. Во втором же предложении этот компонент в виде слова р'о («солнце») выступает носителем образа, употребляясь в значении образно-обобщающем, придающем всему сравнению соответствующий образный характер.

Необразное сравнение отражает такой мыслительный процесс, при котором имеет место сравнение двух и более преимущественно однородных предметов. Такими являются предметы в сравнении «ученик скромн, как его учитель», т. е. ученик и учитель, относящиеся к одному и тому же роду предметов (человек сравнивается с человеком). Что касается образного сравнения, то в нем сопоставляются преимущественно разнородные предметы. Например, в сравнении фызьк мина рое бэдәвә таковыми являются девушка и солнце. Приводим еще несколько примеров. Эрсәвәле бәр дери т'ъвьнгә дәсте ванда мина кәвьра шие хвәда сәкьибун [см. Дж., с. 241] («Охранники у двери с винтовками в руках неподвижно (как камни) стояли на своих местах»); Гәрдәна Гәвәза мьн бса спийә, мина шәвә [см. Дж., с. 233] («У моей Гяваз шея такая белая как купорос»); Әскәре

роме мина п'ълтә ө'врә рәши тә'ри һат у навбәйна гәр'а ч'йәе Әләгәзе гьрт [см. Дж., с. 371] («Турецкое войско, как туча, при- было и заняло равнину подошвы горы Алагяза») и т. д.

Элементами образного сравнения, использованного в первом из этих предложений, выступают «охранники» и «камни», взя- тые из совершенно разных сфер объективной действительности. Разнородными являются и элементы «шея» и «купорос», «вой- ско» и «туча» как сопоставляемые члены в остальных двух пред- ложениях.

Важно отметить, что сопоставляемые члены входят в связь друг с другом на основе общего, приписываемого им признака. Таким признаком, точнее качеством, служащим основанием срав- нения охранников с камнями явилась высокая степень непо- движности, а сравнения шеи (девушки) с купоросом—высокая степень белизны, сравнение же войска с тучей—признак гроз- ности (величественности).

При сопоставлении однородных предметов отмечается оди- наковая степень проявления у них признака, по которому они сопоставляются. Так, в сравнении ученик скромен, как его учи- тель, содержится указание на отсутствие различия в степени проявления признака у сопоставляемых предметов: ученик срав- нивается с учителем или учитель сравнивается с учеником—в обоих случаях речь идет о неизвестной нам степени проявле- ния признака скромности, одинаково присущего двум лицам (см. ученик скромен, как его учитель и учитель скромен, как его ученик).

В образном сравнении, где сопоставляются неоднородные предметы, наоборот, констатируется неодинаковая степень про- явления у них признака, по которому они включаются в сопос- тавление. В частности, сравнение Назе мина р'ое бәдәвә выра- жает неравенство между сопоставляемыми существительными Назе и р'о в обладании признаком бәдәв. В нем существитель- ное р'о представляется как эталон признака, приписываемого девушке Назе. Говоря «эта девушка красива как солнце», мы хотим сказать, что она очень (в высшей степени) красива.

Компаративные фразеологизмы курдского языка являются, таким образом, устойчивыми сравнительными словосочетаниями, основанными на непреднамеренном образном сравнении. Наряду с этим их структурно-семантическая организация обла- дает рядом специфических особенностей, характеризующих их как единицы особого типа в фразеологическом составе языка. Остановимся на этих особенностях.

§ 22. Структурно-семантические особенности компаративных фразеологизмов

Важнейшие черты структурно-семантической организации компаративных фразеологизмов можно проследить у оборота мина р'ое в условиях его реального функционирования в составе рассмотренного выше предложения Назе бэдәвә, мина р'ое. Продолжим анализ этого предложения.

Оно выступает сравнительной конфигурацией, отражающей факт сравнения одного предмета с другим по признаку «очень (в высшей степени) красивая». В нем выделяются следующие языковые элементы, выступающие в качестве представителей разных объектов действительности. Ими являются:

а) Назе, обозначающий предмет сравнения (сравниваемый предмет);

б) р'о, обозначающий сравнитель;

в) бэдәвә, обозначающий признак-основание сравнения;

г) мина—сравнительный союз, обозначающий сравнительную связь между предметом сравнения и сравнителем.

В условиях сравнительной конфигурации каждый из этих элементов-слов выполняет свою функцию. Слово Назе выступает в роли субъекта действия, а словоформа бэдәвә—в роли именного составного сказуемого, состоящего из слова бэдәв, обозначающего признак «красивый» и личного окончания 3 лица ед. числа—ә. Устойчивое же словосочетание Мина р'ое, являющееся компаративной фразеологической единицей, выполняет синтаксическую функцию определения. Оно, как и всякая компаративная фразеологическая единица, имеет обычно пост-позитивное употребление. Но возможны случаи его употребления в препозиции: Назе мина р'ое бэдәвә.

Компаративный фразеологизм мина р'ое обозначает качество признака в виде «прекрасна», как представителя особого класса объектов действительности. Сравнивая друг с другом такие предложения, как: Назе бэдәвә («Назе красива»), Симе галәк бэдәвә («Симе очень красива») и Чиле бэдәвә мина р'ое («Чиле прекрасна, красива как солнце»), нетрудно заметить, что констатируемый в них один и тот же признак—«красива» представлен в своих разных проявлениях, отличающихся друг от друга степенью выявляемого в них качества. В зависимости от этого в условиях курдского языка разными оказываются и средства объективации единиц мысли, являющихся отражениями данных проявлений. При этом в наиболее высокой степени проявления качества, т. е. в виде «прекрасна», данный признак обозначается компаративной фразеологической едини-

цей. Это обстоятельство особо подчеркивает специфический характер компаративных фразеологизмов как единиц отдельного, самостоятельного типа во фразеологическом составе языка.

Компаративные фразеологизмы образуются и функционируют как полноценные факты языковой действительности, используемые как целостные и воспроизводимые в готовом виде формально-смысловые элементы орудия общения. Они возникают как представители качества признаков предметов, лиц, их действий и состояний. Однако, будучи единицами, возникшими как представители качеств признаков предметов, многие компаративные фразеологизмы со временем приобретают способность использоваться как обозначения самих признаков. Так обстоит дело, например, с компаративным фразеологизмом мина аве («очень хорошо, блестяще, прекрасно (знать)»). букв. как вода, подобно воде). Этот фразеологизм образовался для обозначения качества признака «хорошо» в виде «прекрасно». Но в процессе функционирования в речи стал употребляться в качестве определения предмета, как бы вытесняя значение «хорошо», ср. әw дәр'се хwә мина аве занә («он хорошо знает свои уроки») с әw дәр'се хwә р'ьнд занә, мина аве («он блестяще (очень хорошо) знает свои уроки»). Подобные изменения можно наблюдать и у других фразеологизмов. См. например: мина р'увийа («очень хитрый, лукавый», букв. подобно лисам), мина мала хwә («как у себя дома, непосредственно, свободно, без стеснения (чувствовать, держать себя и т. п.)», мина меша («как мухи, в большом, огромном количестве»), мина мә'сийе ав ль сәр бе бър'ине («как рыба без воды, подобно рыбе, оставшейся без воды; оказавшийся в состоянии отчаяния, сильно удрученный, расстроенный»), мина шуре дөдәв («смело, бесстрашно, храбро») и т. п. Примеры: әw мина р'увийанә («он очень хитрый, лукавый»), ль Ур'ьсете исан мина мала хwә дьжи («в России человек чувствует себя как у себя дома»), әскәре Р'оме мина меша дәшта Әлэгәзе һьлда («Турецкое войско, как мухи, заняло алагязскую долину»), щьмаә'та Әлэгәзе мина мә'сийе ав ль сәр бе бър'ине хwәда дьк'әүгьри («народ Алагяза страдал, проникнутый отчаянием»), шәр'е р'омеда Балго мина шуре дөдәв пьшта мере хwә сәкьнибу («В борьбе против турок Балго сражалась, храбро защищая мужа»).

Наличие подобного рода фразеологизмов показывает, что в синхроническом плане можно проследить две разновидности изучаемых единиц:

а) компаративные фразеологизмы-представители качеств признаков предметов, лиц, их действий и состояний;

б) компаративные фразеологизмы-представители признаков предметов, лиц, их действий и состояний.

При этом, как видно из приведенных выше примеров, выполнение фразеологической единицей синтаксической функции единого члена предложения является доказательством того, что единица мысли, образующая ее план содержания, соотносится с понятием. Она является единицей мысли образной, обладающей ярко выраженными экспрессивно-эмоциональными качествами.

План выражения компаративных фразеологических единиц образует сравнительная группа или сравнительное придаточное предложение, основанное на ассоциативной связи явлений. Придаточные предложения, обычно характеризующие свойство, действие или состояние через конкретный образ, очень часто бывают неполными, в них отсутствуют сказуемое и другие члены предложения, уже наванные в главном предложении. См., напр.: ч'йаед Дер'сьме чава б'ра пышта б'нэлиед х'вэ сэк'нибун (хате, б) («Дерсымские горы с преданностью защищали своих жителей»), ср. полное предложение: Ч'йаед Дер'сьме б'са пышта б'нэлиед х'вэ сэк'нибун, чава б'ра ль пышта б'ре дьсэ-к'нэ. Или, бор б'са дьчэ чава т'йре ба и («бор (скакун) летел, как сокол») [см. К., с. 189], ср. полное предложение: бор б'са дьчэ, чава т'йре бази дьф'р'э.

С целью создания характеристики структурной организации компаративных фразеологических единиц остановимся на описании образующих эту организацию элементов.

§ 23. Средства выражения компаративных отношений

В курдском языке специальными средствами выражения компаративных отношений обычно выступают союзы в виде слов: мина с вариантом минани; нола с вариантами: ноли, нот'ла, нот'ла; вэжэ с вариантами вэжу, вэжэ, вэжи, вэж; шыбета с вариантами: шыбэта, шыбети; қаси с вариантом қаса; чава; хут; һ'асабе; форма, а также сочетание қэй дьбе с различными формами функционирования (қэй бежи, қэй дьбежи, қэй дьго, тэе қэй бьгота и т. д. и т. п.).

Будучи показателями компаративных отношений, эти союзы в ряде случаев отличаются друг от друга своим значением, степенью частотности и разными сферами применения. Но вместе с тем эти же союзы нередко обнаруживают способность заменять друг друга в пределах одного фразеологизма, изменив при этом его значение и функциональную характеристику.

Выявление этих особенностей союзов способствует уясне-

нию семантической природы соответствующих компаративных фразеологизмов.

Союз мина («как, подобно тому как, как будто, словно, точно») с указанными выше его вариантами выражает значение соответствия, уподобления или равенства сравниваемых предметов и явлений в обладании соответствующим качеством. Он представлен большим количеством фразеологизмов, преобладающих как в разговорном просторечии и фольклорных произведениях, так и в литературе. Являясь самым употребительным союзом, оформляющим подавляющее большинство компаративных фразеологизмов, мина характеризуется как стилистически нейтральное слово. Он используется для установления связи между ведущим членом-предметом сравнения и его зависимой частью, выраженной лексико-грамматическими и синтаксическими средствами самых различных структур. В частности, зависимая часть, вводимая этим союзом, может быть представлена отдельным словом или словосочетанием той или иной структуры (изафетной, парной и т. д.) или же изафетизированной субъектно-предикативной конструкцией. Примеры: харьн шор'э мина к'арэ («обед очень соленый»); әв бса дьларьзә мина мейа нава аве («он дрожит как осиновый лист») в смысле: очень сильно дрожит, трясется (обычно от волнения, страха и т. п.); мина һива йәкшәви («как картинка, как на картинке, очень красивая», букв. как молодая луна в первую ночь), мина щәв-кани («словно неиссякаемый источник, большое количество чего-либо», букв. как речка и источник); мина сәе ч'әв хвәйе хвә к'әвә («вдохновенный, проникнутый вдохновением; воодушевленный», букв. подобно собаке, увидевшей своего хозяина), мина гбре ду кәрийе пез к'әвә («готовый истребить, уничтожить», букв. подобно волку, гонящемуся за отарой овец) и т. д.

Во всех фразеологизмах, в которых встречается союз мина, последний может быть заменен союзом нола, имеющим те же значения, что и союз мина.

Приводим примеры: мина сәһ'әта или ноли сәһ'әта («как часы, точно, бесперебойно (работать, действовать)», мина хитьк или ноли хитьк («очень острый»), мина дәварә или нот'ла дәварә («как скотина»), мина бавишкәке или ноли бавишкәке («очень быстро»), мина иро или ноли иро («очень хорошо (помнит)»), мина нока тō ль кевърди или ноли нока тō ль кевърди («быстро развалиться, повалившись, рассыпаться» и т. д. и т. п.).

Замена мина союзом нола или наоборот, как правило, не вносит каких-либо изменений в семантическую структуру фразеологиз-

мов. Оно лишь изменяет их функционально-стилистическую характеристику.

Союз *wəkö* «как». Этот союз мало встречается в языке курдов СССР. Но образование компаративных конструкций с его помощью широко распространено в разговорной речи и литературе зарубежных курдов и, главным образом, в трех частях Курдистана, входящих в состав Ирана, Ирака и Сирии. Диалектально этот союз почти полностью заменяет союз *mina*, свойственный речи курдов СССР. Приводим примеры: *wəkö mare bən gəlgəle* («очень коварный, как змея подколодная, опасный»), *wəkö aba bən kaē* («очень хитрый; очень коварный, опасный, не выдающий себя враг») и т. д. Этих двух компаративных конструкций нет в литературном языке курдов СССР. Но если бы они и были, то непременно имела бы место замена *wəkö* союзом *mina*, т. е. эти обороты выглядели бы так: *mina mare (mə're) bən gəlgəle*, *mina aba bən kaē*. В этом убеждают нас и случаи использования одних и тех же компаративных конструкций с этими союзами в разных говорах. У курдов бахдинан (в центральной и юго-западной части Курдистана, входящей в состав Ирака) встречается компаративная фразеологическая единица *wəku hesra ç'ava*, употребляемая в значении «очень чистый, прозрачный». Тот же оборот с тем же значением встречается и у курдов Советской Армении, но с союзом *mina*: (*ōsa t'əməzə*) *mina hesra ç'ə'va*.

Союз *wəku*, по-видимому, исторически является диалектной формой *wəkä*, употребляемой в значении «около; до; сколько». См. например: *wəkä we dər-dəne* «очень много», букв. столько, сколько этот окружающий мир: *həbuна wi gələkə*, *wəkä we dər-dəne* «у него очень большое состояние, он очень богат».

Случаи замены союза *wəku* союзом *wəkä* в языке не наблюдаются.

Союз *wəkä*, как, впрочем, и союзы *h'əsaβe* и *qasi* привлекаются при необходимости в указании на конкретные признаки сравниваемых объектов. Они употребляются для выражения компаративных отношений, относящихся к количеству, размеру, объему объекта, меры, степени чего-либо и т. п. См. *wəkä k'ərəki dəxwə* («очень много съедает»), *h'əsaβe quma bəne bə'ra* или его синоним *h'əsaβe stəyрке ə'zmana* («в большом количестве; чрезвычайно много, не сосчитать кого-либо или чего-либо»), *h'əsaβe kaniye (d'k'əšə)* или *h'əsaβe ava kaniye (d'k'əšə)* («в большом количестве (течет вода, как из источника») и т. д.

Характерно отметить, что союзы *wəkä*, *h'əsaβe*, *qasi* легко заменяют друг друга. См. например: *h'əsaβe /wəkä/ qasi quma*

быне бә'ра или wəkə /h'əсабе/ қаси ч'ийаки («очень высокий») и т. д. В этом отношении близко к ним стоит союз шыбета, который, однако, с точки зрения обобщенности своего значения («как») скорее идентичен союзу мина. См. например, мина или шыбета ч'ийаки («очень высокий»), или мина /шыбета/ h'əсабе стерке ә'змана и т. д. Однако известны и случаи, когда замена союзов шыбета и мина невозможна союзами wəkə и қаси. Например, в обороте wəkə или қаси ве дәр-дье замена союзов союзами шыбета и мина невозможна.

Союз қай дьбе («как будто, будто, словно, как если бы») функционирует как устойчивое словосочетание. В нем компонирующее слово қай является словом модальным со значением «возможно, кажется, вероятно, может быть». Вторая же лексема выражена глаголом готын «сказать», который в структуре данного комплекса выступает в личных временных формах второго лица ед. числа (реже мн. числа) изъявительного или сослагательного наклонений. Кроме того нередки случаи внесения в состав союза личного местоимения второго лица ед. числа тō (тәе/тōе) (реже мн. числа: һун (wə, wəе). Примеры: тō қай дьбежи, қай го, қай дьго, қай тō бежи, қай тәе бьгота; қай һун бьжы, қай wə бьгота и т. д.

Включение местоимения в состав словосочетания приводит к восстановлению его прежней коммуникативности, т. е. к его преобразованию в структуру предложения, к которому оно генетически восходит. В таком случае союзное словосочетание в значительной степени приобретает характер речевой единицы, определяясь как своего рода переменное-устойчивое предложение. См. напр.: әw бса жарә қай те бежи, кō мара метийә («он очень худой, крайне худой, изможденный, одна кожа да кости, одни кости», букв. он такой худой, словно ты скажешь, что его змеи сосали). И в таком виде, фактически выступая главным предложением, оборот қай те бежи не теряет способности служить средством выражения компаративных отношений.

Союз қай дьбе применяется значительно реже, но подобно союзу мина он встречается и в разговорной речи, и в литературе. В то же время в отличие от мина он не обладает значением большой степени обобщенности, в связи с чем сравнительно меньше заменяется другими союзами. Обычно он указывает на приблизительность сравнения. Выражаемые ими компаративные отношения сопровождаются оттенками предположительности, вероятности. См. напр.: қай дьбе жь нав мьрийа һатийә («(он) очень худой, изможденный», букв. как будто (он) из среды мертвецов); қай дьбе бузә («словно лед»); дәсте wi қай дьбе бузә («рука у него очень холодная, словно лед»), қай дьбе к'а-

рә («очень соленый»): харьн қәй дьбе к'арә («обед очень соленый, словно камень соли»), қәй дьбе барутә («очень горький»): бибәр қәй дьбе барутә («перец очень горький, словно порох») и т. д.

На примере этих сравнений видно, что во фразеологизмах, оформленных союзом қәй дьбе, первый компонент—ведущий член не сравнивается со вторым компонентом—сравнительной частью или уподобляется ему, а всего лишь создает такую видимость: его рука не уподобляется льду, а лишь кажется такой; или, перец не отождествляется с порохом, а всего лишь воспринимается таковым. Оттенок предположительности, свойственный значению данного союза, резко противопоставляет его союзу мина. Ср. бибәр қәй дьбе барутә и бибәр мина барутә; кьрасе ши қәй дьбе авә («рубашка у него очень мокрая, кажется мокрой») и кьрасе ши мина авә («рубашка у него очень мокрая, как вода») и т. д.

Компаративные фразеологизмы с союзом қәй дьбе, как и при союзе мина, могут быть представлены различными сцеплениями компонирующих слов. См. например: қәй дьбе нә жь ве дьнейә «ничего не знает, ни о чем не имеет понятия, словно, можно подумать, он не от мира сего»; қәй дьбе сәр хьзне р'азайә «словно, можно подумать, он очень богатый (спит на сокровищах, на казне)»; қәй дьбе ава р'әш һатийә нава ч'ә'ва «словно слепой (можно подумать (он) ослеп, (словно, можно подумать, черная (темная) вода потекла в его глаза)» и т. д.

В составе одних компаративных фразеологизмов курдского языка можно встретить союз чава «как, словно». Он привлекается обычно в целях интенсификации значения союза мина или союза қәй дьбе. См. например, бәса к'окә, чава мина мә'си («такой мясистый, как (словно) рыба», в смысле: «очень мясистый»); бәса дьбәзә, чава мина гәлә («так бежит (летает), словно пуля», в смысле: «с большой скоростью»), бәса ләзә чава қәй дьбе һатийә агьрәки («так спешит, как будто пришел за огнем», в смысле: «очень спешит») и т. д.

Важно отметить также, что курдский язык обнаруживает и союз форма, употребляющийся как синоним союза мина: мина или форма мәймунанә («как обезьяна»), мина или форма чийәки («очень высокий») и т. д. Союз форма, непосредственно заимствованный из русского языка, встречается только в речи курдского населения СССР, редко в их фольклорных записях и даже в художественной литературе.

**§ 24. Состав образов-слов в компаративных
фразеологизмах и их классификация**

В изучении природы компаративных фразеологических единиц одно из важных мест занимает установление состава функционирующих в них образов-слов, отражающих многие стороны духовного склада и культуры народа, специфические особенности его мирозерцания, общественно-политической жизни и условий исторического развития.

Анализ материала позволяет выделить следующие группы образов-слов, лежащих в основе соответствующей дифференциации компаративных фразеологических единиц.

I. Компаративные фразеологизмы, в которых сравнительный компонент представлен словом-образом, отражающим различные стороны жизни и деятельности человека в обществе:

I. Части тела у человека: ми́на руви́я «очень тонкий; худой», ми́на пенц печ'ийе хвэ «как свои пять пальцев», ми́на р'онаһийа ч'э'ве хвэ «как зеницу ока», ми́на ко́ла бы́н пьч'э́нге «не дающий покоя кому-либо» и т. д.

II. Физические и морально-психические состояния человека: ми́на нэхваша «как больной», ми́на мьр'я «как убитый», ми́на кэр'а «как глухой», ми́на кора «как слепой», ми́на щьну́йа «как сумасшедший» и т. д.

III. Пол, возраст: ми́на жьна «как женщина», ми́на мера «как мужчина», ми́на гэда «как парнишка», ми́на кэч'ька «как девчонка»; ми́на кала «как старик», ми́на зар'а «как младенец», ми́на хорта «как молодой», ми́на быч'ука «как маленький» и т. д.

IV. Национальная принадлежность: ми́на э'рэба «очень черный» ми́на урьса «очень красивый», ми́на қазаха «как казак, высокого роста и приятного телосложения», ми́на сггана «как цыган», ми́на рома рэш «как коварные турки» и т. д.

V. Племенная принадлежность: ми́на сипка «очень красивая», ми́на зэқдөр'ийа «очень высокий», «очень красивая» и т. д.

VI. Социальное положение: ми́на бэга «как барин», ми́на қула «как раб», ми́на һесира «как нищий», ми́на министра «как министр», ми́на гавана «как чабан», «неотесанный, некультурный» и т. д.

VII. Родственные отношения: ми́на демар'ийа «как мачеха», ми́на де «как мать», ми́на хушка хвэ «как родную сестру», ми́на бьре хвэ «как родного брата», ми́на хас'ийа «как свекровка», ми́на ет'има «как сирота», ми́на щевийа «как близнецы», ми́на һэвийа (һевийа) «как жена-соперница (при многоженстве)» и т. д.

2. Фразеологизмы, в которых в качестве слова-образа выступают слова, обозначающие предметы домашнего обихода, быта, продукты питания, орудия и оружие: мина к'ере «острый, как нож», мина бър'эке «как пила», мина тэндурa г'ор' «очень жаркий», мина к'енара «как бревно», мина коч'э «очень крепкий», мина руне һ'эланди «искренне», мина г'оле «как пуля», мина э'рэба «очень толстый», мина һ'эмаме «очень тепло», мина спичале «очень белый», мина мэрэка «очень холодно», мина һэв'эрмуш «очень мягкий», мина с'эрсума «очень толстый» и т. д.

3. Фразеологизмы, в которых в качестве слова-образа выступают слова, обозначающие представителей животного мира.

I. Домашние животные, домашняя птица: мина бэрха «как ягненок, тупой», мина кав'эра «незрелый», мина бэрана «мужественный», мина пез «как овцы», мина голька «как теленок», мина ч'елэка «как корова, очень толстая», мина бога «как бугай», мина га «как бык, ничего не понимающий», мина һэспа «как лошадь», мина мьһ'инна «как кобыла», мина бьзьна «как коза», мина к'эра «как осел», мина эшэка «как ишак», мина хьнзира «как свинья», мина са (куч'ка) «как собака», мина п'ьшика «как кошка, трусливый», мина мьшка «очень маленький, как мышь», мина дэвара «как скотина», мина дике бей'эям «как не вовремя кричащий петух, неуместный разговор со стороны кого-либо»; мина вэрдэка «очень красивая», мина қаза «очень белая» и т. д.

II. Представители диких животных, птиц, пресмыкающихся и т. д.: мина мэ'си «очень жирный», мина г'ора «как волк», мина мэймуна «как обезьяна», мина сур'авелка «очень красивая и изящная», мина шера «храбрый», мина мэ'ра «коварный, как змея» и т. д.

III. Насекомые: мина меша «очень много, в большом количестве», мина моза «неспокойный», мина мьхмьхка «кусающий, не дающий покоя» и т. д.

4. Фразеологизмы, в которых в качестве сравнительного компонента выступают слова, обозначающие представителей растительного мира: мина сьда «очень красный», мина һ'ормийа «очень сладкая и сочная», мина сева сор «очень красивое лицо», мина сьпндаре «очень высокий», мина тьврэ «здоровый», мина та рьһ'ане «очень изящная» и т. д.

5. Фразеологизмы, в которых сравнительный компонент выражен словом, обозначающим химические элементы и качества, рельеф, ландшафт: мина һэсьнэ «как железо», мина полайэ «как сталь», мина зивэ «очень блестит», мина зер'э «как золото», мина кэв'эрэ «очень крепкий; очень жадный», мина кар'э «очень соленый», мина барутэ «очень горький», мина дарэ «несгибаю-

щийся», мина магните «притягивающий к себе», мина шушәйә «очень гладкий», мина ч'ийа «очень высокий», мина бә'рә «в большом количестве», мина цумейә «очень мелкий» и т. д.

6. Фразеологизмы, в которых в качестве сравнительного компонента выступают слова, обозначающие небесные светила, стихийные явления: мина ройә «очень красивый», мина ливейә «очень красивая», мина стерке ә'змана «очень много, в большом количестве», мина рийа кадьзә «заметный след на поверхности», мина агьре ә'зманайә «страшный», мина думане «как туман», мина бьруске «как молния», мина тә'вийа тәйроке «внезапно», мина ә'рд-әзман (һәв дурьн) «абсолютно (не связанные между собой)», мина лемьште «большой разрушительной силой», мина т'офане «как тайфун», мина лейе «как наводнение; очень много, в большом количестве», мина цума бьне бәра «в огромном количестве», мина бруска нава рое «как гром среди ясного неба», мина бае сьбе «очень быстро» и т. д.

7. Фразеологизмы, сравнительный компонент которых выражен словами, обозначающими религиозные и суеверные представления: мина т'ьбәркә «очень приятный, очень вкусный», мина зийарәтә «святой», мина хөде мьнә «как святой бог», мина щьнайә «неспокойный», мина меләканә «очень скромный», мина һорийанә «очень хороший (человек)» и т. д.

В современном курдском языке образ сравнения обычно представляется в наиболее известных, широко употребляемых структурах, о которых говорится ниже.

§ 25. Структурные типы компаративных фразеологизмов

План выражения компаративных фразеологических единиц образуют синтаксические структуры разных моделей. Ниже дается описание основных из этих структур.

А. Структурная модель, допускающая наполнение компонующих лексем в виде союзного слова или словосочетания и сравнительного компонента, выраженного словоформой или словосочетанием парной или изафетной конструкции и т. д.

Встречаются следующие типы структур этой модели.

1. Структурный тип «мина (нола /ног'ъла, шьбета) + имя существительное в косвенном падеже мн. числа»: мина (нола, шьбета) к'оч'а (руньштиә, сәкьнйә «(сидит, стоит) как пень, неподвижно бессмысленно, безучастно, ничего не понимая; неподвижный», мина меша «как мухи, в большом, огромном количестве», мина мө'ра «как змея, коварный, опасный; коварно», мина мьрийа «спокойный, тихий; тихо, спокойно», мина сәл'әта «как часы, точно, бесперебойно (работать, действовать)», мина щьна «незаметно, скрыто; внезапно, коварно, хитро» и т. д.

II. Структурный тип «мина (нола, чава) + имя существительное в косвенном падеже ед. числа»: мина аве «очень хорошо, досконально, основательно», мина бeбэлуске «быстро, стремительно, мгновенно», мина к'уси «как черепаха, очень медленно (идти)», мина лемьште «много, в большом количестве», мина пола «очень крепкий, твердый», мина пьльнг «очень красивый, докрасна раскаленный от огня», мина съпндаре «высокий и изящный» и т. д.

III. Структурный тип «мина (нола) + имя существительное в косвенном падеже ед. числа, осложненное неопределенным артиклем -эк»: мина шьклэки «как картинка, как на картинке, очень красивый», мина қыр'ники «очень маленький, крошечный, как клещ», мина бавишкэке «как одна минута, очень быстро, совсем незаметно», мина мэрвэки «в один голос, все вместе, одновременно, единодушно, единогласно» и т. д.

IV. Структурный тип «мина (нола, ног'ла, тэ т'ьре, тэ дьго, қэй дьбе, қэй т'ьре) + адъективированное имя существительное в роли именной части составного сказуемого, оформленного соответствующими личными окончаниями»: мина барутэ «очень острый, едкий, жгучий», мина бузэ «очень холодный, ледяной», мина к'арэ «очень соленый», мина сбрманэ «очень острый, очень жгучий», мина авэ «очень мокрый», мина коч'э «очень крепкий», мина зер'э «очень хороший; очень вкусный», мина жэ'рэ «очень противный, невкусный», мина бэ'рэ «очень много, в большом количестве», мина һавирэ «очень мягкий», мина ширэ «очень чистый, прозрачный; очень белый» и т. д.

V Модель «сравнительный союз + групповой сравнительный компонент, выраженный изафетной конструкцией, в которой определение представлено именем прилагательным или реже адъективированной словоформой-причастием прошедшего времени»: мина бэрфа йэкшэви «очень белый, белоснежный», мина букэке рубьхели «очень красивый, изящный; очень скромный, тихий», мина гөре һар «злой, зловредный», мина мәшке п'ьфдайи «очень толстый; надутый», мина шуре дөдөв «смело, бесстрашно, храбро», мина села қэланди «очень грязный, черный, как сажа» и т. д.

VI. Модель «сравнительный союз (чава) мина + сравнительный групповой компонент, выраженный изафетной конструкцией, где в качестве определения по отношению к определяемому — слову или словосочетанию выступает притяжательное местоимение хвэ («свой»): мина мала хвэ «как у себя дома, непосредственно, свободно, без стеснения (чувствовать, держать себя и т. п.)», мина мале хвэ «как свою собственность», мина көр'е хвэ «(следить за кем-либо) с любовью, искренне»,

мина ронайа ч'э'ве хвэ «как зеницу ока, бдительно, заботливо, тщательно (беречь, хранить)» и т. д.

VII. Модель «сравнительный союз+групповой сравнительный компонент, выраженный изафетной конструкцией с определением, выраженным в косвенном падеже ед. числа»: мина (нола) аре шьлере «неотвязно, назойливо, надоедливо (пристал)», мина ч'ийае шуде «высокий; мужественный», мина ко не пире «тесно, темно (о помещении)», мина нане селе «очень тонкий», мина аше токе «очень быстро» и т. д.

VIII. Структурный тип «мина+имя существительное—определяемое, оформленное изафетными показателями первой серии+определение, выраженное именем существительным в косвенном падеже множественного числа»: (бса т'эмьэ) мина хесьра ч'э'ва «как стеклышко, очень чистый, чистый в высшей степени», мина ч'ър'ька шьна «не имея покоя, беспокойно», мина қбла мышка «очень тесно (о помещении)», мина хэвна шэва «как сон, как грезы», мина сэвта қблынга «очень хорошо, звучно (поет)» и т. д.

IX. Структурный тип «мина (нола)+определяемое—имя существительное, оформленное изафетным показателем ед. числа+определение—имя существительное в косвенном падеже ед. числа с предлогом (нав, сэр бын и т. п.)»: мина бьруска нав рое «как гром среди ясного неба, неожиданно, внезапно»; мина мэйя нава аве «как осиновый лист, очень сильно (дрожит, трясется)», мина села тэндуре «очень грязный; очень черный», мина шиша сэр тэндуре «докрасна раскаленный от огня» и т. д.

Нередко встречаются примеры, где определение выражено именем существительным во мн. числе: мина қума быне бэр'а «очень много, в огромном количестве», мина гөре сәре ч'ийа «как горный волк» и т. д.

X. Структурный тип «мина+сравнительный компонент, выраженный сочетанием однородных членов предложения»: мина мышк-п'ышик «как кошка с собакой, в постоянной ссоре, вражде», мина щэw-кани «словно неиссякаемый источник, большое количество чего-либо (крови, масла, еды и т. п.)», мина эрдэзман (дури һэвьн) «очень далеки друг от друга, не имеют никакой связи между собой», мина лэйл у мәшрун «очень (со скучиться по кому-либо, по друг другу)», мина Мәме-Э'йше «очень (любят друг друга)», мина Мәм у Зине «очень (любят друг друга)» и т. д.

Б. Компаративные конструкции, сравнительный компонент которых в виде группового члена сравнения представлен адвербиально-изафетизированной субъектно-предикативной струк-

турой. Встречаются следующие типы структур этой разновидности.

I. Структурный тип «сравнительный союз мина (чава, ча-ва мина) + изафето-адвербиальная структура»; мина сәе ч'ә'в хвәйе хвә к'әвә «вдохновенный, проникнутый вдохновением; воодушевленный», мина сәе тек'әвә кōлина хвәйе хвә «скрывающийся, трусливый (вор)», мина ә'рәбе ч'ә'в пәнире тәр'к'әвә «говорят о человеке, который накидывается, набрасывается на что-либо так, как будто впервые увидел», мина мә'си-йе ав сәр бе бь'ине «ни жив, ни мертв, сильно удручен, расстроен» и т. д.

II. Структурный тип «мина (чава) + имя существительное в косвенном падеже ед. числа, оформленное неопределенным артиклем—эк+объектно-предикативное или реже адвербиально-предикативное словосочетание»: мина к'усики һьл'к'шия қальбе хвә «сильно опечалился», мина кәвьрәки к'әт бьне бә'ре «исчез бесследно», мина чийаки сәр мьла һатә харе «как гора с плеч свалилась у кого-то, у кого-то наступило полное облегчение после избавления от каких-то забот, обязанностей, от чего-либо обременительного и т. п.», мина кәвьрәки жь сәр мьла к'әт «избавился от забот, от чего-либо обременительного» и т. д.

V. Модель «Сравнительный союз мина (чава, чава мина, тәе бьгота) + групповой сравнительный компонент, выраженный сочетанием прямого дополнения или дополнений прямого и косвенного со сказуемым»: мина тасә ава сар сәр мәрийадакьн «как (будто, словно, точно) холодной водой окатить (облить) кого, охладить пыл, рвение; привести в замешательство», мина к'ерәке ль дьле мәрийа хьн, «как нож в сердце кому, причинять душевную боль, страдание», мина т'асә ав вәхви (сәр хвәдаки) «очень легко, без малейших усилий», мина агьр-ала-ве бәри қафе мәрийади «причинять душевную боль, страдание» и т. д.

Г. Модель «Сравнительный союз қәй дьбе+групповой сравнительный компонент, выраженный сочетанием объектно-предикативного типа». В зависимости от характера объекта или объектов выделяются три структурных типа образований этой модели:

I. Структурный тип «союз+косвенное дополнение+сказуемое»: Қәй дьбе сәр дәр'зия ре дьчә «ходит очень медленно», қәй дьбе сәр хьзне разайә «будто очень богатый (ирон.)», қәй дьбе сәр шива шәве дьнә «очень голодный», Қәй дьбе жь европае һатийә «очень гордый, горделивый, надменный», қәй дьбе жь ә'змана һатийә «шишка на ровном месте; непомерно возвышающий себя», қәй дьбе бәр каска мьрт'охе рабуяә «очень тучный, с

красными щеками», *qəy* дьбе жь нава мьрийа *hətiyə* «очень худой» и т. д.

Д. Модель «Сравнительный союз *qəy* дьбе+субъектно-предикативная структура»: *qəy* дьбе бьруске леда «словно гром поразил его; произошла с ним большая беда», *qəy* дьбе ава дə'нуя *sərdə* рьжийа «как в воду опущенный; унылый, печальный, подавленный чем-либо, угнетенный, удрученный; нездоровый, больной», *qəy* дьбе хун теда мьч'ьди «словно лишился силы, потерял равновесие», *qəy* дьбе п'эр *hətyə* бэр мьн «словно крылья выросли (у меня)», *qəy* дьбе ава рəш *hətə* нава ч'ə'ва «словно ослеп», *qəy* дьбе агьр бэр ч'ə'ва дьп'əкə «злостный» и т. д.

Е. Структурный тип «союз+прямое дополнение+сказуемое»: *Qəy* дьбе навка (мьн) бьр'ийə «будто старше (меня)», *qəy* дьбе нан-ав нə кьрийə «очень худой, очень слабый», *qəy* дьбе ч'ьра дєре дьзийə «очень худой, тощий» и т. д.

ПРЕДЛОЖНО-АДВЕРБИАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

§ 26. Структурно-семантические особенности

Значительную часть фразеологических единиц языка составляют устойчивые словосочетания, условно называемые нами предположно-адвербиальными фразеологизмами. К ним относятся, например, бь дьле сах («чистосердечно, искренне, без задних мыслей»), бь сəре поз («без желания»), жь *h'əsab* дэр («очень много, безмерно») и т. д. Они представляют очень продуктивный разряд фразеологии и имеют широкое применение в разговорном просторечии.

В современном курдском языке предположно-адвербиальные фразеологизмы возникают и реализуются обычно в тех позициях внутри предложения, в которых образуются аналогичные по структуре переменные синтаксические словосочетания. Но если и имеются случаи их использования в разных позициях, то подобные случаи можно наблюдать и у аналогичных переменных словосочетаний. Так, в составе предложения *təbe* бьгижи мьразе хвə («ты достигнешь своей заветной мечты») фразеологизм бь изна хвəде («непременно») может употребляться в двух позициях; в препозиции и в позиции перед сказуемым (бь изна хвəде *təbe* бьгижи мьразе хвə, *təbe* бь изна хвəде бьгижи мьразе хвə). Если заменить этот фразеологизм переменной предложной конструкцией бь алик'арийа *həvala* («с помощью друзей»), то последняя также может употребляться лишь в указанных двух позициях: бь алик'арийа *həvala* *təbe* бьгижи мьразе хвə, *təbe* бь алик'арийа

навала бгыжи мьразе хвә. Из этого следует, что выбор фразеологизмом синтаксических позиций внутри предложения обусловлен характером его грамматической структуры.

Предложно-адвербиальные фразеологизмы обладают рядом специфических особенностей, определяющих их как единицы отдельного, самостоятельного структурно-семантического типа.

В качестве предлогов, используемых в предложно-адвербиальных фразеологизмах, выступают: бәр, бь, бьн, жь, ль нав, бона, сава /саба, һ'әта (һәтани), Т'а. Нередко в препозиции таких фразеологизмов употребляются парные предлоги: ль нав, жь бәр, жь бона, ль бәр, ль сәр и т. п., в которых первый член усиливает, уточняет, дополняет значение последнего. Однако наблюдения показывают, что он, чаще всего, выпадает. Ср. например, жь бона дõ гьлийа («на два слова, для короткого разговора, на пару слов») и бона дõ гьлийа (с тем же значением). В ряде случаев выпадает и второй предлог, в результате чего предложно-адвербиальный фразеологизм претерпевает и семантические изменения. Так, в связи с выпадением предлога бона фразеологизм бона дõ гьлийа приобрел форму дõ гьли(йе) мьн бал тә һәнә («у меня маленький разговор с тобой»), выражающую субстантивную семантему («маленький) разговор», характерную для изафетных фразеологизмов. Многие предложно-адвербиальные фразеологизмы в настоящее время имеют только изафетную форму, сохраняя, однако, свое адвербиальное значение. См. например, бь зора хвә («силой, насильно») и его вариант в виде изафетного словосочетания зора хвә с тем же значением.

Предложно-адвербиальные фразеологизмы соотносятся с наречием. Они выражают различные обстоятельственные значения, очень часто осложненные семантическими оттенками, отражающими физические и духовные или психофизические состояния субъекта действия. См. например: бь дьле шкәсти («в трауре»), бь һ'әмде хвә («спокойно») и т. д.

В предложении әва бәләнгаз бь дьле шкәсти малда руньшти-йә («бедняжка в трауре сидит дома») фразеологизм бь дьле шкәсти в большой степени реализует значение обстоятельства состояния.

В зависимости от характера семантического содержания модель образования формы предложно-адвербиальных фразеологизмов допускает самые разнообразные типы лексического наполнения. К ним относятся:

1. Обороты, в которых имя существительное представлено в форме косвенного падежа ед. числа: бәр мьрьне («при смерти, на смертном одре»), бәр сәри («в головах, в изголовье»), бь зоре («силой, насильно») и т. д.

2. Обороты, в которых имя существительное употребляется в форме косвенного падежа мн. числа: бь рожа («очень долго, днями»), бь һэска («как из ведра (льет), очень сильным потоком»), бь даста («много» (об одежде) и т. д.

3. Обороты, в которых имя существительное представлено в форме косвенного падежа, оформленной неопределенным артиклем -эк/-к: бь тәһәрәки («каким-то образом, как-то; кое-как»), бь гьляки («одним словом, короче говоря»), бь р'еке («как-то, каким-то образом») и т. д.

4. Фразеологизмы со структурой словосочетания «предлог + изафетная конструкция в виде сцепления из определяемого-имени существительного и определения-имени прилагательного». К ним относятся, например, бь сәре һеса («на свежую голову, пока еще не устал»), бь р'уйе р'аст («достойно, подобающим образом»), бь дәсте вала («с пустыми руками, ничего не имея при себе, не достав (являться, приходиться, возвращаться и т. п.)»), бь дьле сах («чистосердечно, искренне, без задних мыслей»), бәр һә-ва т'әмьз («на свежем воздухе, вне помещения, на улице и т. п.»), сәр мьле р'асте («направо, в правую сторону, на правой стороне») и т. д.

К этим фразеологизмам очень близки обороты, в которых в качестве компонента-определения выступает форма причастия прошедшего времени: бь ч'ә'ве гьрти («с закрытыми глазами, не размышляя (делать что-либо)»), бь дьле шкәсти («в трауре») и т. п.

Фразеологизмы этого типа, имеющие в препозиции предлог бь, в результате выпадения последнего реализуются и в вариантных формах существования в виде изафетной конструкции: ср.: бь дәсте вала и дәсте вала; бь дьле сах и дьле сах; бь ч'ә'ве гьрти и ч'ә'ве гьрти и т. д.

5. Фразеологизмы со структурой словосочетания «предлог + изафетная конструкция в виде сцепления из определяемого — существительного и определения — существительного».

В их число входят: бь бае бәзе («быстро, срочно; второпях»), бь гаве баба («очень быстро (ходить), семимильными, гигантскими шагами»), бь сәре поз («без желания»), бь сәре һеса («на свежую голову, на свежую память»), сәр сьфәте фәнщие («с добрым намерением, с открытой душой, искренне, со всей искренностью»), һ'әта красе сәр щан («до последней нитки, насквозь, совсем (промокнуть, вымокнуть, вымочить и т. п.)»), ль сәре р'ийа («случайно (встречаться), тайком, по секрету (говорить)»), ль сәре к'уча («в бедности, без каких-либо средств на жизнь (жить, умереть и т. п.)») и т. д.

Фразеологизмы этой структуры, имеющие в препозиции предлог бь или сэр, обычно выступают в значении обстоятельства образа действия. Фразеологизмы же с предлогом ль в препозиции в основном реализуются как обстоятельства места. А в случаях использования предлога н'эта в зависимости от того, в каком из своих значений—меры или времени—он выступает, фразеологизмы выражают либо значение обстоятельства времени, либо же значение обстоятельства меры.

Следует отметить, что фразеологизмы этого типа, несмотря на расхождения между ними в фразо-грамматическом плане, в предложении характеризуют действие субъекта-лица (человека) и в различной степени содержат указания на то, в каком состоянии находится он как действующее лицо. Например, в предложении эвана сэре к'уча мьр'ян в смысле «они умерли в бедности», фразеологизм ль сэре к'уча обозначает состояние субъекта, в котором он умирал. В связи с этим, по-видимому, целесообразно называть такого рода обороты фразеологизмами состояния.

Другой особенностью фразеологизмов, обозначающих состояние, является то, что они в подавляющем большинстве имеют сокращенные варианты в виде изафетных конструкций. Ср. бь бае бэзе и бае бэзе или ль сэре к'уча и сэре к'уча или же ль сэре рийа и сэре рийа и т. д. Сокращенные изафетные варианты обычно обнаруживают фразеологизмы, имеющие в препозиции предлоги ль и бь.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ СТРУКТУРУ С ОТРИЦАНИЕМ НЭ

§ 27. Общая характеристика

Фразеологическая структура с отрицанием нэ наблюдается как среди фразеологизмов—словосочетаний, так и среди фразеологизмов-предложений, о которых речь идет дальше. Примерами фразеологизмов-словосочетаний являются обороты типа: нэ дьдру, нэ дьбышкевэ («ни шьет, ни порет; ничего не предпринимает, уклоняется от определенного решения, действия»), нэ дькарэ рабэ, нэ дькарэ руне («ни стает ни сесть; так тесно, что невозможно повернуться»), нэ дькарэ р'абэ, нэ дькарэ р'уне («больной, слабый, не может встать»), нэ шинаньн, нэ шайаньн («замкнуты в самих себе, необщительны, избегают людей, сторонятся»), нэ мальн, нэ аваннэ («ни кола. ни двора; совсем ничего нет, не имеется и т. п. у кого-либо, никакого жилья нет, не имеется»), нэ дэраньн, нэ мевананьн («не ходят в гости и не принимают гостей, замкнулись в самих себе»), нэ сахэ, нэ мьрийэ («ни жив, ни мертв, сильно перепуган, удручен, расстроен и т. п.»), нэ ташэ,

нә тәлақә («нет стыда в глазах у кого, бессовестен, бесчестен, бесстыж»), нә хвәйи, нә һәвалә («лентяй; беспризорный; одинокий; не имеет ни родных, ни близких»), нә сарә, нә гәрмә («ни жарко (ни тепло), ни холодно кому, безразлично, все равно») и т. д.

Фразеологизмами-предложениями же являются обороты типа: нә иса ле дьбә хвәйи, нә муса («беспризорный, беззащитный; жалкий, нищий»), нә ч'еләка фк-е гаренә, нә жи мьнәта ви гавенә («как с гуся вода кому, кому-либо все безразлично, кого-либо ничего не беспокоит, кто-либо не переживает за что-либо») и т. д.

Фразеологизмы, имеющие структуру с отрицанием нә, объединяются общим значением качественной характеристики состояния лица. Они выполняют функцию сказуемого предложения. Кроме того, им свойственны особенности художественно-поэтического порядка: они содержат слова-синонимы или антонимы или же слова, отражающие понятия одной и той же сферы понятий.

ПРЕДИКАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО СТРУКТУРОЙ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Предикативные фразеологизмы со структурой словосочетания представляют наиболее продуктивный тип фразеологических единиц современного курдского языка. Они дифференцируются на две большие группы: предикативные фразеологизмы со структурой словосочетания, соотносящиеся с именным составным сказуемым, и предикативные фразеологизмы со структурой словосочетания, соотносящиеся с глагольным сказуемым. Ниже следуют характеристики структурно-семантической организации фразеологизмов каждой из этих групп.

а. Предикативные фразеологизмы со структурой словосочетания, соотносящиеся с именным составным сказуемым

§ 28. Структурно-семантические особенности

Эта разновидность фразеологизмов объединяет образования нескольких структурных типов. Ими являются:

1. Фразеологизмы, имеющие структуру «именной компонент в роли прямого дополнения, выраженного изафетным или парным словосочетанием + компонирующий переходный глагол только или преимущественно в личной форме третьего лица ед. или

ми. числа прошедшего результативного времени (перфекта) изъявительного наклонения».

К их числу относятся: дәр'де поч'ка гованде дитийә («убежденный на горьком опыте, у него горький опыт»), дьл-гөрч'кед гбра харийә («смелый, бесстрашный, храбрый»), дуде дьне метийә («тертый калач, бывалый человек»), нәнәре дьне дитийә («человек, испытавший в жизни многие лишения, невзгоды и приобретший опыт, знания») нане һ'әвте у дō мьләти тә'м кьрийә («стреляный воробей, очень опытный человек, которого трудно провести») и т. д. В одних оборотах этого типа компонирующий глагол распространяется объектными или обстоятельственными словами или словосочетаниями, например: поч'а хвә ль һ'әму қблада шуштиә («очень опытный (человек)»), һәвиртьшке хвә бь хуне странә («бессовестны; кровожадны»), шор'ав ль хвә хьстьнә («очень заманчивы (о женщинах)») и т. д.

В логико-семантическом плане обороты этой структурной модели соотносятся с именным составным сказуемым и объединяются общим значением качественной характеристики духовных и физических способностей лица.

II. Фразеологизмы со структурой «именной компонент в роли обстоятельства, выраженного предложно-именным словосочетанием + компонирующий непереходный глагол только или преимущественно в личной форме третьего лица ед. или мн. числа прошедшего результативного времени (перфекта) изъявительно-го наклонения».

Фразеологические единицы этого типа объединяются общим значением качественной характеристики физических или душевных или же психофизических состояний лица. К ним относятся, например, ль гошзда фьтьрйә («лопается от (с) жиру, сильно пополнил»), сәр к'еләке к'әтийә («бездельничает»), а также сәр дәр'зийә руныштьнә («как на иголках, в состоянии волнения, нервного возбуждения, беспокойства (быть)»), сәр хьзне р'азанә («очень богаты»), сәр поч'ьке шин бунә («впадают в ребячество, поступают неразумно, ведут себя, как дети») и т. д. Отметим, что фразеологизмы этого типа в ряде случаев являются сокращенными вариантами соответствующих компаративных фразеологизмов. Так, например, сәр дәр'зийә руныштиә является вариантом фразеологизма қәй дьбе (чава) сәр дәр'зийә руныштиә с тем же значением. Или ср. сәр хьзне р'азайә и қәй дьбе сәр хьзне р'азайә и т. д.

Фразеологизмы этого структурного типа подобно фразеологизмам предыдущей группы соотносятся с именным составным сказуемым.

III. Среди фразеологизмов со структурой словосочетания

значительное место занимают обороты, образующиеся в позиции именной части составного сказуемого. В подавляющем своем большинстве они являются единицами с позиционно обусловленным применением, т. е. их можно встретить только или преимущественно в этой позиции в функции именного предикативного члена, а за пределами этой позиции они в большей или меньшей степени теряют свою фразеологичность. Примерами таких фразеологизмов являются: нгыэки гор'ейэ («смотрит в могилу, близок к смерти (о больном и старом человеке)»), сэр ә'мранэ («в годах (в годах), пожилой»), сәе һәвын (бран.) «свои родственники», букв. свои собаки») и т. д.

Общей чертой, свойственной этим фразеологизмам, является также их употребление в основном в форме третьего лица ед. или мн. числа настоящего времени. При этом, как дальше увидим, одни из них реализуются только в отрицательной форме, а другие—только или преимущественно в форме утвердительной. Вместе с тем очень близки они и в семантическом отношении—объединяются общим значением качественной характеристики лица или, редко, не-лица. В зависимости же от различий в характере свойств и признаков лица (или не-лица) материальная структура оборотов формируется не по одной модели, а по разным моделям или разным типам лексемного наполнения одной и той же модели.

Наиболее продуктивными из этих моделей являются следующие.

1. Модель «предлог+имя существительное, определяющееся возвратно-притяжательным местоимением хwә («свой, своя, свое»), оформленным соответствующими личными окончаниями».

Конструкции этой модели синтаксически реализуются как предложно-изафетные сцепления с обстоятельственным значением. Они представляют разные типы лексемного наполнения, среди которых наиболее распространенным является тип лексемного наполнения в виде «предлог сэр («на») + определяемое имя существительное, обозначающее духовные и/или физические свойства лица». Примеры: сэр қәдәме хwәйә («в силе, обладает физической и духовной энергией»), сэр һост-гәве хwәйә («пока что в силе, способный самостоятельно ходить, работать, самостоятельно вести жизнь (о старых)'), сэр сәһ'әта хwәйә («здоровый, чувствует себя хорошо»), сэр созе хwәйә «(он) хозяин своего слова, у него слова не расходятся с делом») и т. д. Эти обороты представляют качественную характеристику, основанную на констатации неизменности, устойчивости лица в некотором духовном и/или физическом отношении. Логика соотнесения фразеологической семантемы с составным значением в них такова: «(он)

обладает (своим) здоровьем (составное значение)→(он) здоров (фразеологическая семантика)».

Остальные типы лексического наполнения представлены малочисленными примерами. К ним относятся: бәр фана хвәна («намерены, имеют намерение; настроены»), бәр р'а-т'вдира хвәна («готовы; настроены») и т. д., в которых предлогом выступает бәр («при», «перед»); бь дәсте хвәна («самостоятельны, независимы»), бь сәре хвәйә («один, одинокий, совершенно независимый, самостоятельный») и т. д., представляющие качественную характеристику лица, ориентирующуюся на его социальное положение.

2. Модель «предлог, представленный ль («в») + определяемое именное словосочетание + определение, выраженное возвратным местоимением хвә («свой, своя, свое») в сопровождении послелога да («в») + компонирующий адъектив или адъективированное имя существительное, оформляемое соответствующими личными окончаниями».

По этой модели образованы: ль заре хвәда хостайә («красноречивый, одаренный красноречием»), синоре хвәда шер'ә («смелый среди своих, в своих краях»), дьле хвәда р'әһ'мә («очень добрый, душевный, отзывчивый») и т. д. Эти обороты обозначают различные физические или духовные свойства и способности лица, выявляющиеся у него при совершаемых им действиях или при обращении к другим лицам. Например, фразеологизм дьле хвәда р'әһ'мә констатирует отзывчивость лица в обращении к другим, а фразеологизм ль заре хвәда хостайә—его красноречие.

В современном курдском языке многие из этих фразеологизмов выступают в сокращенных вариантах, возникающих в результате факультативного употребления предлога ль, чему способствует обычно послелог -да, более емко выражающий значение обстоятельства места.

Факультативно или в ряде случаев вовсе не используется и возвратное местоимение хвә. В случаях отсутствия последнего послелог -да не исчезает, а сопровождает предшествующее определяемое. Примерами сокращенных вариантов служат, в частности, обороты: ньгада сьвькә ср. полный вариант: ньге хвәда сьвькә («легко на ногу, очень быстро и много может ходить»), ньгада гьранә ср. полный вариант: ль ньге хвәда гьранә («тяжел на ногу, не может быстро и много ходить»), зьманда сьстә ср. полный вариант: ль зьмане хвәда сьстә («болтливый, болтун») и т. д.

В полных вариантах, как и в вариантах сокращенных, ставших традиционной формой функционирования многих фразеоло-

гизмов, выделяется обстоятельство, которое совмещает в себе значение части тела лица (или, реже, окружающей его среды) с указанием на них как на некие способности (или умения), определяемые качественным прилагательным-именным членом предиката.

Выбор компонирующих слов, от которых зависит характер составного значения как отражения отрезка действительности в виде «часть-место и некоторое качество», происходит соответственно особенностям фразеологической семантемы, объективирующей по следующей схеме (на примере фразеологизма дьле хвэда р'эһ'мэ): «Фразеологическая семантема (-он добрый, душевный) → составное значение «(он) в своей душе (сердце) добрый».

3. Модель «имя существительное (в функции определяемого), обозначающее лицо + имя существительное или именное словосочетание (в функции определения), сопровождаемое соответствующими личными окончаниями».

Образованные по этой модели фразеологизмы обозначают морально-этические качества лица. К ним относятся, например, мере шева нинэ («кто-либо) не тот, которого можно унижать, (человек), известный своими высокими качествами, которыми не обладают многие»), мере дзьийне нинэ («человек) не из трусливых; известный своими высокими качествами»), мэрики нан-авэ («гостеприимный человек») и т. д.

К таким оборотам близки по своей грамматической организации некоторые фразеологизмы, в которых компонирующее определение выражено не адъективированным именем существительным или именным словосочетанием, а именем прилагательным или, реже, адъективированным именем существительным, относящимся, однако, к иной семантической сфере. Таковыми являются, например, көр'е дейэ («маменькин сынок, изнеженный мальчик или молодой человек»), шэт'эла р'эшэ («удивительный; интересный; противный»), бэ'ра бе бьнэ (шут. бран. «обжора, тот, кто много ест и пьет») и т. д. К ним же несколько ближе стоят фразеологизмы типа: тамаре хунэкенэ («связаны кровными узами, связаны друг с другом кровным родством»), бэрхе салэкенэ («одногодки, погодки, одноклассники, ровесники»), тэ'ме де-бавенэ («родные (братья, сестры)») и т. д., обозначающие связь между лицами по кровному родству и т. п.

Характерно отметить, что эти и предыдущие обороты очень похожи на субстантивные фразеологизмы, также имеющие структуру изафетной конструкции. Но от них они отличаются тем, что их формирование происходит в позиции именной части составного сказуемого, они обозначают не лицо, а его качество,

обнаруживая тем самым соответствующие специфические особенности лексемного наполнения.

4. Сравнительно мало фразеологизмов модели «предлог + имя существительное или именное словосочетание, оформленное соответствующими личными окончаниями», обнаруживающей различные типы лексического наполнения. К их числу относятся:

а) фразеологизмы, обозначающие физиологическое или психическое или же психофизическое состояние: сәр дō һ'аланә («в положении, беременная»), бәр байә («легкомысленный»), бәр рōһ'данә («при смерти, в состоянии, очень близком к смерти») и т. д.

б) фразеологизмы, обозначающие социальное состояние лица или состояние предмета-не-лица: бәр дара дәргушейә («имеет грудного ребенка, ухаживает за грудным ребенком»), бьн нир-даньн («угнетаются, эксплуатируются»), бьн к'ълитеданә («на замке, под замком») и т. д.

в) фразеологизмы, обозначающие меру расстояния между лицами или между ними и предметами: сәр дō (се, чәнд) гаванә («в трех, в нескольких шагах, совсем близко, рядом, недалеко»), бәр шемикедана («совсем близко») и т. д.

5. Среди фразеологизмов, выступающих в современном курдском языке в функции именной части составного сказуемого, встречаются отдельные примеры, образованные по моделям непродуктивным. К ним относятся сложные, двусоставные фразеологизмы, обнаруживающие ряд особенностей художественно-поэтического характера. См. например, чьҫас сәр әрдейә, һаҫас жи бьн әрдейә («очень хитрый, ловкий (человек), плут»), букв. «сколько над землей, столько под землей (кто-либо)», составные части которого выражены словосочетаниями, находящимися в антонимических связях. Встречаются обороты, в которых составные части представлены словосочетаниями, связанными своеобразными синонимическими отношениями. Например: гōра бьр'читьрә, мара тә'зитьрә («бедный, нищий», букв. «более голодный, чем волк, более голый, чем змея»), ч'ьра бәр коранә, дәфа бәр кәр'анә «бесполезный, бесполезное добро», букв. «(как) светильник перед слепыми, (как) барабан перед глухими») и т. д.

В некоторых оборотах составные части связаны между собой рифмой: т'әтәрә, ә'йбә сәрә (ирон. «урод, уродливый, безобразный») һ'әськә, хвә шькә (ирон. «на воре шапка горит, кто-либо такой, который невольно сам выдает то, что больше всего хочет скрыть») и т. д.

Двусоставные фразеологизмы выступают обозначениями высокой степени качества, присущего лицу. В них первая часть—

препозитивное компонирующее сцепление или компонент (напр. h'аськә в обороте h'аськә, хwә шькә) обычно обозначает определенное качество, а вторая часть (хwә шькә) выступает как своеобразное определение этого качества, его квалификация. В связи с этим комплексное значение фразеологизма характеризуется как значение в большей или меньшей степени родовое по отношению к значениям образующих его компонирующих составных частей. См. также фразеологизм дйса әw ташә, дйса әw тә-лаqә («не изменился, остался тем же самым»), ч'укар'а ч'укьн, мәзьнар'а мәзьн («со всеми дружат, со всеми общаются; очень добры, великодушны») и т. д.

IV. Фразеологизмы, имеющие структуру «именной компонент, выраженный предложно-именной конструкцией в функции обстоятельства + непереходный или косвенно-переходный глагол только или преимущественно в личной форме третьего лица ед. или мн. числа настоящего длительного времени изъявительного наклонения».

К ним относятся: сәр сәре хwә дьр'әqьсә («очень рад, испытывает чувство большой радости»), бь h'әрдō ч'ә'ва дьгри («очень жадный, скупой»), бәр мьрьна хwә нак'әвә («смелый, бесстрашный, действует, рискуя всем»), сәр сийа хwәда дьньһер'ә («очень надменный, высокомерный, самодовольный») и т. д.

Предложная часть этих фразеологизмов представляется первичным простым предлогом или предлогом вторичным простым или же сочетанием первичного простого предлога с вторичным простым. При этом первичные простые предлоги обычно имеют факультативное употребление, и в случаях их отсутствия смысловая сторона фразеологизма остается неизменной. Ср. например, сәр сәре хwә дьр'әqьсә и его полный вариант ль сәр сәре хwә дьр'әqьсә или бь h'әрдō ч'ә'ва дьгри и его сокращенный вариант h'әрдō ч'ә'ва дьгри и т. д. Вторичные простые предлоги являются постоянными компонирующими элементами.

Управляемая предлогом именная часть фразеологизмов, как это видно и из приведенных выше примеров, выражена именем существительным, часто определяемым числительными или возвратно-притяжательным местоимением хwә («свой, своя»). Что касается компонирующего непереходного или косвенно-переходного глагола, то он в подавляющем большинстве случаев употребляется или только в отрицательной форме (например, (жь) әрдева нае хане «от земли не видать, очень маленького роста») или же в форме положительной (например, бе дәф дьр'әqьсә «легкомысленный, поступает легкомысленно»).

Фразеологизмы этой группы обозначают душевные или физические состояния лица или, реже, физическое состояние не-лица.

При этом они возникают как парафразы к существующим в языке понятиям, отражающим общие оценки. Например: дэйндарэ («имеет долги») и его парафраза һ'эвт капа те хэньқандьне («очень бедный, нищий, имеющий большие долги»); тьмайэ («жадный, скупой») и его парафраза (бь) бэзе хвэ дьжи («очень жадный, скупой, проявляет жадность»); һ'ер'са («злой, сердитый») и его парафраза хуна хвэда вэдьқэльч'э («очень злой, вспыльчивый»); гэлэкэ (зэ'фэ, т'ьжэйэ) («много, полно») и парафраза бэр п'ийе са дьчэ («очень, много, в избытке, в изобилии») и т. д.

Качества, обозначаемые этими фразеологизмами-парафразами, представлены в их усиленном виде, как одно из их возможных частных проявлений или форм существования.

К фразеологизмам этой структуры очень близки обороты некоторых моделей, имеющих ограниченное применение. Это единицы типа: мэзын-мэзын дьдыр'иньн («высокомерны в разговоре»), выступающая парафразой понятия зедэ-зьманьн («(у них) язык без костей, болтуны») или бьлд дьфьр'ьн («высокомерны»), являющаяся парафразой понятия қыр'эне («чванливы, надменны»); сари һ'эсын дышу («очень смелый, храбрый») — парафраза понятия сэр хвэйэ («смелый, самостоятельный»); жь сийе начэ тэ'ве («очень застенчивая, стыдливо-робкая в поведении») — парафраза понятия шэрмокайэ, намусэ («застенчивая, смущающаяся и честная») и т. п. Отличительной чертой этих фразеологизмов является то, что именной компонент в них выражен элементами в виде наречного повтора, адвербиализованного прилагательного или причастия прошедшего времени и т. д. Фразеологизм же жь сийе начэ тэ'ве включается в число таких оборотов лишь на том основании, что имеет постпозитивное обстоятельство (тэ'ве).

К фразеологизмам этой модели очень близки по своей семантике и обороты, именной компонент которых в роли косвенного дополнения представлен именем существительным, реализующимся или только в форме единственного числа, или же только в форме множественного числа. К ним относятся: стеркар'а дькэ шэр' («очень гордый, надменный»), р'оер'а дькэ шэр' («очень красивая»), э'вра пари вэдькэ («очень высокомерный»), кёлер'а дьбе веда һэр'э («злой, злобный, зловредный») и т. д.

V. Фразеологизмы модели «именной компонент, выраженный именем существительным или именным словосочетанием + компонирующий переходный глагол, выступающий только или преимущественно в личной форме третьего лица ед. или мн. числа настоящего длительного или прошедшего длительного времени изъявительного наклонения».

Состав этих фразеологизмов представлен примерами типа: шаба һ'эвт мера дьдә («храбрая, смелая, отважная; боевая, ловкая; деловая, равна семи мужчинам (о женщине)», ч'ийа вәлдгәр'иньн («воротят горы, делают большое дело, требующее огромных усилий»), рһ'е мерьв дьк'шиньн («вытягивают всю душу, изводят, терзают, надоедают»), һ'эспе шаһ базар дькә («ведет себя гордо, надменно»), дизе бе бьни чедькьн («несет ахиною (дичь, вздор, ерунду, чушь), несет околесицу, говорит глупости, врет, обманывает»), һ'эвт к'эра дьхвә («обжора, прожорливый (человек)») и т. д. Компонирующий глагол в подобного рода фразеологизмах в ряде случаев распространяется различными словами или словосочетаниями. Например, сәре мәрийа заһа-заһа кбр' дькьн («сильны, могучи, здоровенны; способны сделать все, не останавливающиеся ни перед чем»), кәвьрәки надьн сәр һәв («лодыря гоняют, валяют дурака, бьют баклуши, бездельничают»), мәр'а жь қөле дәрдьхә («очень хитрый, лукавый»), меш ль дәми хой дәрнакә («слабый, вялый, никудышный; ленивый; лентяй»), гуза ль ө'змана п'ари вөдькә («очень гордый, надменный»), мәр'ва жь кьрасе мәр'ва дәрдьхә («такой, что приводит в состояние крайнего раздражения») и т. д. Среди таких фразеологизмов очень часто встречаются образования, обладающие особенностями художественно-поэтического характера. К ним относятся, например: ичьн надьн сәр бичьн («ничего хорошего не делают, бездельничают»), һуки дькьн муки («делают из мухи слона, сильно преувеличивают (что-либо)»), сәре һ'эрче п'эр'чева дьхөн («неприличны, бестактны за едой») и т. д., компоненты которых связаны между собой рифмой и/или аллитерацией.

Фразеологизмы этой модели все без исключения возникают в результате модификации существующих в языке понятий. Они формируются как парафразы, выполняющие в отношении к данным понятиям характеристическую, квалифицирующую функцию. См. например: понятие-слово-форма һечхәмә («бездельник, бездельный») и его парафраза-фразеологизм кәвьрәки надьн сәр һәв («лодыря гоняют, бьют баклуши, бездельничают, праздно проводят время»), или понятие-слово-форма бьнинанә («хитрый») и его парафраза-фразеологизм мәр'а жь қөле дәрдьхә («очень хитрый, лукавый»). Понятия «һечхәмә», «бьнинанә» и т. п., претерпевающие модификацию, оказываются понятиями общими и менее объемными, свернутыми. В соответствующих фразеологизмах эти же понятия выступают как конкретные, менее общие и вместе с тем развернутые, расширенные в определенном направлении понятия.

Модифицирующие понятия, лежащие в основе фразеологизмов данной модели, являются отражениями духовно-физических

и морально-этических качеств или состояний лица. В зависимости от этого их соответствующие парафразы-фразеологизмы выступают или обозначениями различных проявлений степени этих качеств лица, например: тәйре хвә мьжева бәр'надә («(он) такой, что зря, напрасно никому ничего не даст; не упускает своей выгоды, всячески соблюдает свои интересы»), һека ч'әмьл дькә («(он) такой, что ужасно врет; выдумывает») и т. д., или же различных проявлений степени качества состояния лица: пзаве надьн хвә («не сделают ни малейшего усилия, чтобы осуществить что-либо»), р'уйе р'ое к'бләкер'а дьбиньн («морально чисты (обычно о девушках, женщинах, которые не выходят из дому, бывают всегда дома») и т. д.

б. Предикативные фразеологизмы со структурой словосочетания, соотносящиеся с глагольным сказуемым

Встречаются две разновидности таких фразеологизмов: объектно-предикативные или обстоятельственно-предикативные фразеологизмы и фразеологизмы глагольно-именные. Остановимся на каждой из них в отдельности.

ОБЪЕКТНО-ПРЕДИКАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

Значительную часть фразеологических единиц, выражающих в языке предикативные отношения, образуют обороты, имеющие объектно-предикативную или обстоятельственно-предикативную структуру. В них объектные или обстоятельственные слова-лексемы выступают носителями вещественного значения, реализуясь как именной компонент соединения. А предикативные слова-глаголы, выступающие грамматически господствующим компонентом, содержат указание на соответствующие грамматические категории (наклонения, залога, вида, времени, числа и лица), присущие глаголу.

В зависимости от характера структурной организации выделяются две разновидности фразеологизмов этого типа: непроницаемые, структурно-замкнутые фразеологизмы и фразеологизмы проницаемые, структурно незамкнутые. Ниже следуют их характеристики.

§ 29. Непроницаемые, структурно замкнутые фразеологизмы

Замкнутыми считаются фразеологизмы с автономной слитной структурой, мыслимой как самостоятельное образование вне за-

зависимости от его связей и отношений с другими членами предложения. Модели, лежащие в основе формирования такой структуры, ограничиваются наполнением только собственно компонентного состава этих единиц. В зависимости от этого они обладают двумя важными особенностями:

а) непроницаемостью, заключающейся в невозможности вклинивания подлежащего и дополнения в интерпозицию, т. е. в позицию между именным и глагольным компонентами;

б) обособленностью структурной организации, не обнаруживающей обязательных синтаксических связей с дополнениями как в препозиции, так и в постпозиции. Связь таких фразеологизмов с подлежащим, которое в составе предложения обычно предшествует им, устанавливается за пределами их структурной организации.

Во фразеологических единицах, обладающих свойством замкнутости и непроницаемости, компонирующий глагол выражен переходным глаголом. Они реализуются как глагольное сказуемое и в зависимости от характера именного компонента дифференцируются на некоторые структурно-семантические типы:

1. Обороты бинарной, двучленной модели, обнаруживающей следующие типы наполнений:

А. «Именной компонент, представленный именем существительным в роли прямого дополнения + компонирующий переходный глагол». В зависимости от характера семантики именного и глагольного компонентов этот тип лексического наполнения бинарной модели, в свою очередь, имеет некоторые разновидности. Ими являются следующие.

1. Именной компонент, сохраняющий свое прямое значение, выступает как обозначение различных состояний атмосферных явлений и т. д. Компонирующий же глагол, подвергающийся переосмыслению, представлен одним из следующих трех глаголов. хвэрън, гьрън, һьдан и употребляется в переносном значении «вбирать» или «принимать». Примеры: сэрма харьн (или һьдан) «простудиться») ахлева һьдан (или гьрън) («приобрести загар (ранней весной); заболеть»), ба харьн («быть покрытой; забеременеть, оплодотвориться»), ба һьдан («воспалиться»), һэва гьрън (или һьдан) («воспалиться»), бин гьрън (или һьдан) («вонять, становиться вонючей»), қэша гьрън (или к'шандьн) («простудиться; покрываться инеем, льдом»), қыр'ави гьрън («покрываться инеем»), зэнг гьрън («покрываться ржавчиной, ржаветь») и т. д.

Структурная однотипность оборотов этой группы основана на общих для именных и глагольных компонентов семантических особенностях, обусловленных однотипностью семантем самих обо-

ротов, которая заключается в общем для них значении прерывания субъектом некоторого физического изменения. Они являются непреходными глагольными оборотами, относящимися к пассивно-страдательному залогу.

2. Именной компонент одних фразеологизмов представлен именами существительными-названиями различных психических свойств или частей тела человека, выступающими в условиях соединения обозначениями психических или, реже, психофизических свойств лица или же его социальных возможностей. В качестве же глагольного компонента используется глагол стэндън в его переносном значении «приобрести, стать обладателем (какого-нибудь свойства)» или синонимичный ему глагол гъртън («охватить»).

В число таких фразеологизмов входят: зьман стэндън («стать болтливым, болтать»), из зьман («способность болтать, заниматься болтовней», букв. «язык») и стэндън («приобрести», букв. «получить»); дьл стэндън (или гъртън) («ободряться, подбодряться; сметь, осмеливаться»), из дьл («смелость», букв. «сердце») и стэндън («приобрести», букв. «получить»); р'у стэндън (или гъртън) («избаловываться, распускаться; наглеть»), из р'у («свобода в действиях», букв. «лицо») и стэндън (с тем же значением); сәри стэндън («избаловываться; наглеть; не подчиняться (никому)»); из сәри («независимость, свобода в действиях», букв. «голова») и стэндън (с тем же значением); ақъл (или һ'ыш) стэндън (или гъртън) («браться за ум»), из ақъл (или һ'ыш) («умственная способность, способность мыслить», букв. «ум») и стэндън (с тем же значением) и т. д.

Они объединены общим значением приобретения лицом некоторой психической или психофизической способности или свойства, определяющего его внешнее поведение. Это общее значение находится в своеобразных причинно-следственных отношениях с суммой значений компонирующих слов. Например, семантика «ободряться, подбодряться, осмеливаться» логически воспринимается как следствие приобретения лицом смелости как способности или свойства.

Подобно фразеологизмам предыдущей группы они также обладают категорией непреходности, но в отличие от них относятся к общевозвратному залогу.

3. К общевозвратному залогу относятся также непреходные глагольные фразеологизмы типа: бар гъртън («забеременеть; оплодотвориться»), гошт гъртън («толстеть»), шан гъртън («входить в тело, поправляться, крепнуть»), қәват гъртън («набирать силу, усиливаться»), бьнгә гъртън («укореняться; накапливать богатство, богатеть») и т. д. В них именной компонент выступа-

ет обозначением различных свойств (особенностей) или частей тела человека (гошт «мясо», qəwat «сила», бьнгə «корень, основа», воспринимаемая как часть тела или свойство человека, бəр «плод», шан «тело»), а глагольный компонент гьртън, придающий им серийный характер, употребляется в переносном значении «приобрести».

Они объединены общим значением приобретения лицом определенных физических свойств, или, реже, социального положения. Обозначая приобретение лицом физического свойства, многие из фразеологизмов этой группы могут в дальнейшем развивать в себе значение, отражающее психическое состояние лица. Так, например, фразеологизм qəдум гьртън имеет следующие значения: 1. набирать силу, набраться сил, крепнуть, усиливаться; 2. собираться с силами, собираться с духом, перебарывая, превозмогая в себе страх, робость и т. п.

4. К общевозвратному залого относятся и обороты, объединенные общим значением прихода лица в некоторое психическое или психофизическое или физическое состояние. Они обозначают испытание лицом различных чувств и жизненных условий. К ним относятся, например, хоф к'ьшандьн («страшиться, бояться, ужасаться; опасаться»), из хоф («страх») и к'ьшандьн («испытывать», букв. «тянуть, тащить»); saw к'ьшандьн (или гьртън) («пугаться, бояться, страшиться, опасаться»), из saw («испуг, боязнь, страх») и к'ьшандьн («испытывать»); хəм к'ьшандьн (или харьн, кьрьн) («заботиться, грустить, печалиться, горевать, скорбеть»), из хəм («забота, грусть, печаль, тоска, горе») и к'ьшандьн (с тем же значением); ав у зар к'ьшандьн («много плакать; мучиться, страдать; утомиться; истомиться») из ав у зар («плач, стелание, рыдание») и к'ьшандьн (с тем же значением); щəфа к'ьшандьн («трудиться, беспокоиться, хлопотать; мучиться»), из щəфа («старание, усилie; труд; забота») и к'ьшандьн (с тем же значением) и т. д. Из этих примеров видно, что в них именной компонент выступает обозначением различных психических переживаний лица, а глагольный компонент, выраженный глаголом к'ьшандьн или синонимичными ему глаголами гьртън, харьн и т. п., употребляется в значении «испытывать». Таким образом, эта группа фразеологизмов также представляет особый тип единиц глагольной фразеологии языка.

Б. Обороты, именной компонент которых представлен возвратным местоимением хwə («себя»), а компонирующий глагол — простым или сложноименным переходным глаголом, в ряде случаев сопровождаемым объектно-обстоятельственными словами или сочетаниями слов. К ним относятся, например, хwə авитьн сəр лəпа («заискивать, угодничать, пресмыкаться, раболепство-

вать (перед кем-либо»), хвә авитън сар гѳлѳки («проявлять безмерную безучастность, не проявлять интереса к тому, что творится вокруг») и т. д.

В зависимости от характера фразеологического значения такого рода обороты дифференцируются на некоторые разновидности, обнаруживающие соответствующие типы лексического наполнения модели, лежащей в основе их грамматической структуры (материальной оболочки). К ним относятся:

1. Обороты, указывающие на проявление у лица некоторого внутреннего усилия над собой. Примеры: хвә гъртън («воздержаться, удержать себя, отказаться от какого-нибудь действия»), хвә тьгър'андьн («упорно стоять на месте; упорно хранить молчание»), хвә ль дѳст хвѳда гъртън («держатъ себя в руках, сдерживать порывы своих чувств, подчиняя их своей воле»), хвә дан паш («остраняться; отступать, отступаться»), хвә дан к'ѳнаре жорин («не поддаваться») и т. д.

2. Обороты, указывающие на проявление у лица определенных духовных качеств. Примеры: хвә авитън капе хѳзѳбе («стали жадничать, стали проявлять безмерную скупость»), хвә кърън шире мь'ина боз («стали проявлять безмерное зазнайство») и т. д.

3. Обороты, указывающие на утрату лицом определенных психических или социальных качеств, особенностей и т. п. Примеры: хвә ѳнда кърън («потерять себя, утратить самообладание, перестать владеть собой, приходиться в растерянность»), хвә дан ware шин («лишаться детей; беднеть, нищать») и т. п.

Обороты первой из этих групп являются непереходными собственно возвратными фразеологизмами. Что касается оборотов остальных двух групп, которые указывают на приход лица в некоторое состояние помимо его воли, то они выступают непереходными оборотами пассивно-возвратного залога.

II. Многочленные глагольные обороты, дифференцирующиеся на следующие структурно-семантические типы:

А. Фразеологизмы модели «пменной компонент в функции косвенного дополнения, выраженного синтаксической конструкцией «предлог+имя существительное или изафетное словосочетание или же словосочетание парное+компилирующий непереходный глагол».

В их число входят: жь нав зин к'ѳтън («выбываться из седла, лишаться положения, высокой должности, быть уволенным»), жь низаме к'ѳтън («кашц просят, износились, продырявились (сапоги, ботинки и т. п.)»), жь нобѳте чун («потеряли силу (документы); кашц просят, износились, продырявились (чуваки»),

жь һәрдõ дьнийа р'ур'өш бун («опозориться, стать отверженным на этом и на том свете») и т. д.

В качестве предлогов, представленных в препозиции подобного рода фразеологизмов, выступают первичные простые предлоги ль («в») и жь («из», «с», «от»), употребляющиеся в сочетании с простыми вторичными предлогами сәр («на»), нав («в»), бәр («перед») и т. д. Первые уточняют значение вторых и одновременно уточняются ими. В подавляющем большинстве случаев функционирования они имеют факультативное употребление. Их наличие обязательно, по-видимому, при образовании и на первых порах функционирования фразеологизмов.

Именной компонент обозначает референты обычно из следующих сфер объективной действительности: физической, социальной и психофизической. Что касается компонирующего глагола, то он употребляется в общем значении «лишаться», «утрачивать» или «оказываться в таком-то состоянии».

Фразеологизмы этой разновидности объединяются общим, типовым значением «прихода субъекта в некоторое физическое, социальное или психофизическое состояние». В зависимости от модификации этого значения существуют различные типы лексического наполнения модели, лежащей в основе образования материальной структуры этих фразеологизмов. Среди них наиболее распространенным является, в частности, тип лексического наполнения модели, при котором именной компонент выражает общее значение физической способности или свойства субъекта, а глагольный компонент—общее значение утраты субъектом данной способности, свойства. Сам фразеологизм, представляющий сочетание таких компонирующих слов, реализует общее значение прихода субъекта в некоторое физическое состояние. Ср. например, составное значение «лишаться ног, оставаться без ног» с фразеологическим значением «сильно уставать, доходить до полного изнеможения от ходьбы, беготни и т. п.» у фразеологизма жь ньга к'этын. К фразеологизмам этого типа относятся: қәват к'этын («выбиваться из сил, становиться бессильным, изнемогать, очень уставать (от какой-либо работы, занятия и т. п.)»), жь дәст хвә чун («обессилеть, слабеть; утомиться, истомиться», ср. составное значение: «терять физическое самообладание (от усталости)»), ср. букв. значение: «уходить из своих рук»), жь һ'ыш к'этын («утомиться, терять самообладание», ср. составное значение: «физически быть не в состоянии соображать (от усталости)»), ср. букв. значение: «лишаться ума»), жь зарзьман к'этын («очень уставать; утомиться (от долгой, продолжительной работы (ходьбы, разговоров)»), ср. составное значе-

ние «лишаться речи и языка»), жь гōна гьран бун («оставаться без слуха, плохо слышать, глухнуть») и т. д.

Среди фразеологизмов этой модели отдельную подгруппу образуют обороты, указывающие на прибывание субъекта в некоторое социальное, морально-этическое состояние. Именной компонент в них обозначает сложившиеся в обществе мировоззренческие, морально-этические нормы и правила, а глагольный компонент выражает общее значение нарушения этих норм и правил: примеры: жь дине хвә дәрк'әтън («жениться на иноверке, выйти замуж за иноверца (о курдах-езидах)» ср. составное значение: «покидать свою веру» ср. букв. значение: «выходить из своей веры»), жь ре дәрк'әтън («изменить линию своего поведения, обычно в плохую сторону») ср. составное значение: «сбиваться со своего пути» ср. букв. значение: «сойти со своего пути (со своей дороги)»), жь р'ийа хвәде к'әтън («недавать отчета в своих поступках, действиях» ср. не соблюдать божье правило» ср. букв. значение: «сойти с божьей дороги»), жь сәре хвә дәрбас бун («совершать необдуманные поступки, поступать неразумно, нелепо, глупо» ср. составное значение: «рисковать головой» ср. букв. значение: «оставлять позади свою голову») и т. д.

Отдельную, самостоятельную группу фразеологизмов этой модели представляют обороты типа: ль диwара к'әтън (его варианты: ль диwарава һ'әлк'әшйан или диwарава бәзийан («лезть на стену, приходиться в крайнее раздражение, исступление», составное и букв. значение: «о стены биться», «подниматься на стены»), ль тутька к'әтън («свирепеть, сердиться; сходить с ума», составное и букв. значение: «бежать по тутькам (тутьк—растение из семьи осоковых, подобное камышу) и биться о них»), щьна к'әтън («сходить с ума», составное и букв. значение: «столкнуться с чертями») и т. д. Они обозначают приход лица в психическое или психофизическое состояние. В них составное значение, с которым соотносится фразеологическое значение, по отношению к последнему логически выступает как причина: ср. напр.: «лезть на стену» как следствие психофизического состояния «приходиться в крайнее раздражение» у фразеологизма диwарава һ'әлк'әшйан.

Наряду с указанными тремя разновидностями встречаются также отдельные малочисленные группы фразеологизмов, образующие разные типы лексического наполнения общей модели. Такие фразеологизмы в основном выступают обозначениями различных социально-бытийных состояний, в которые приходит субъект-лицо, или условия, в которых оно оказывается. Это фразеологизмы типа: wаре стьри (стурки) данин («стать нищим»), wаре р'әш данин («не иметь сына, наследника; не иметь детей,

лишаться наследника-сына»), сәре к'уча к'әтһн («впадать в бедность, в нищету (в городских условиях)» и т. д.

Б. Фразеологизмы модели «групповой именной компонент в роли формального прямого дополнения, представленный изафетной конструкцией с возвратно-притяжательным местоимением хwә («своей, своя, свое; свои») в функции определения + компонирующий переходный глагол».

К их числу относятся: к'әла хwә ретһн («успокаиваться, униматься, утихомириваться»), р'у-гөһийе хwә сыпикьрһн («стареть, стариться»), пек'ола хwә кьрһн («проявлять подхалимство»), һәдле хwә сьст кьрһн («ослаблять свою решимость, упорство»), сәре хwә йнда кьрһн («приходить в растерянность, утрачивать способность соображать, здраво рассуждать»), зьмане хwә гьредан («молчать, не говорить лишнего»), ә'мре хwә кьрһн («стареть, умирать»), бәла хwә дитһн («сильно уставать, мучиться, терзаться») и т. д.

Фразеологизмы этого типа образуют отдельную структурно-семантическую разновидность глагольной фразеологии, отличающуюся большой продуктивностью и широким распространением не только в разговорном просторечии и в памятниках устного народного творчества, но и в литературных произведениях.

Особенности их плана выражения заключаются в следующем.

Именной компонент, представляющий собой групповой член в виде изафетной конструкции, как правило, стоит в препозиции, а компонирующий глагол в виде простого или сложноименного глагола—в постпозиции. Будучи в условиях свободного применения глаголом переходным или косвенно-переходным, он, однако, выступает здесь в качестве глагола непереходного, реализующего в разной мере значение различного рода состояний «предмета»—дополнения, относящегося к субъекту. Например, в обороте (әви) аqьле хwә фьрот («(он) лишился рассудка: рехнулся» ср. с составным значением «(он) потерял (утратил) свою способность здраво рассуждать», ср. с букв. значением «(он) свой ум продал») дополнение—аqьл не подвергается никакому воздействию со стороны субъекта. Глагол указывает не на действие, а на состояние обозначаемого дополнением «предмета», а через этот «предмет» дальше как бы ориентируется на состояние у субъекта в целом, а именно на утрату им способности здраво рассуждать. Так же обстоит дело с компонирующим глаголом и в других оборотах рассматриваемой модели. См. (әw) к'әре хwә дажо («он) поступает по-своему, не обращая внимания на других; доказывает свою правоту», ср. с составным значением «свое мнение отстаивает», ср. с букв. значением «своего осла гоняет») или

(әwi) р'уйе хwә гōһаст («он) изменился, отказался от сказанного», ср. с составным значением «волю свою изменил» ср. с букв. значением «лицо свое изменил») и т. д.

Прямое дополнение (определяемое в изафетной конструкции) обычно представлено именем существительным или, реже, парным или определительным словосочетанием. А в одном обороте—йа хwә кьрын («братъ свое, добиваться поставленной цели, желаемого», ср. с составным значением «желание свое делать (осуществлять)», ср. с букв. значением «свое делать») оно выражено относительным местоимением.

Следующее за прямым дополнением местоимение хwә выполняет функцию определения, выражая принадлежность обозначаемых им «предметов» к субъекту (см. например: әwi аqьле хwә фрот. Букв. он ум свой продал (в смысле: «он лишился ума; рехнулся»). Заметим, что здесь, как и во всех аналогичных случаях свободного употребления, данное местоимение привлекается из-за отсутствия в языке специального притяжательного местоимения для выполнения указанных функций. Тем самым оно отличается от соответствующих форм личных местоимений, которые в подобных случаях, как правило, выступают в роли определения субъекта предложения или же к дополнению, относящемуся, однако, не к субъекту, а постороннему лицу или не-лицу (см. например, әз кōр'е хwә һ'әмездькым «я обнимаю своего сына» ср. әз qиза тә һ'әмездькым «я обнимаю твою дочь». Или qиза тә дьчә мәк'т'әбе «твоя дочь ходит в школу» ср. тә qиза хwә да мер «ты выдал свою дочь замуж») и т. д. В условиях соединения местоимение хwә в большей или меньшей степени теряет значение возвратности. Например, в роли определения к определяемому аqьл в обороте (әwi) аqьле хwә фьрот оно не выражает значение возвратности, а как бы указывает на сосредоточенность действия или процесса на обозначаемый дополнением «предмет», а именно на «неспособность здраво рассуждать», т. е. местоимение хwә указывает на то, что «предмет», принадлежащий субъекту, как бы самостоятельно, без усилий с его стороны производит действие: в реальности не субъект теряет способность здраво рассуждать, а эта способность как бы сама, независимо от воли субъекта, утрачивается.

Таким образом, словосочетание, образующее план выражения данного фразеологизма, хотя и в логико-семантическом плане, представляется в значении «(его) ум (сам) исчез» или «(у него) способность здраво рассуждать (сама) исчезла», но это значение как бы подменяется значением «(он) ум свой потерял» или «потерял способность здраво рассуждать». Точно так же обстоит дело и с оборотом (әwi) р'у-гōһийе хwә спикьрын («(он) постарел»),

букв. он сделал седыми свои волосы» и т. д.

Именной компонент фразеологизмов этого типа, независимо от реализации в прямом или переносном значении, выступает обозначением части тела, различного рода внутренних, душевных переживаний, психических или психофизических особенностей лица и т. д.

В зависимости от конкретного значения, в котором употребляется именной компонент, выделяется несколько типов лексического наполнения модели, лежащей в основе образования материальной структуры фразеологических оборотов соответствующих разновидностей. Приводим основные из них.

1. Обороты, именной компонент которых выступает обозначением таких частей тела лица как «губы», «нос», «руки», «ноги» и т. д. или выражений лица человека (мины, мимику). См. например: Бевъла хвѣ вѣрьмандын (букв. «надувать губы»), («сердиться, выражать досаду»), позе хвѣ бьльнд кьрн («поднимать (драть, задира́ть) нос, зазнаваться, важничать, чваниться»), леве хвѣ дальцандын («обижаться, сердиться, делая недовольное лицо», ср. с составным и букв. значением «повесить свои губы»), авьр'ийе хвѣ кьрн (букв. «делать (сделать) кислую мину, выражая свое неудовольствие, досаду, огорчение и т. п.»), дѣсте хвѣ т'ѣв варкьрн («бездельничать, пребывать в безделье; быть в трауре», ср. с составным и букв. значением «скрестить руки (на груди)») и т. д.

Подобного рода обороты объединяются общим значением прихода лица в некоторое душевное или психофизическое состояние. Будучи, в свою очередь, связанным с определенными внешними обстоятельствами, это состояние не сразу приобретает свою языковую констатацию в виде фразеологической формы выражения. Сперва оно естественным путем находит свое выражение через соответствующую мину, мимику и т. д. и затем как бы в единстве с ней становится объектом познания, отражаясь в сознании индивидуума. Понятие об этом единстве оказывается понятием сложным, ориентированным на два отрезка действительности, находящихся между собой в отношении «причина-следствие». Причем состояние выступает причиной, а мина, мимика, (жесты) и т. д., вызванные потребностью в его передаче-следствием-натуральной формой его выражения. Таким образом, понятие о состоянии изначально связано с понятием о мине, мимике и т. д. как формой своего выражения. В связи с этим синтаксическая констатация мины, мимики оказывается в то же время фразеологической формой выражения понятия о данном состоянии.

Итак, фразеологизмы этой группы, выражающие общее значение прихода лица в данное состояние, возникают в структуре

подобного рода словосочетаний в результате того, что отрезок действительности, констатируемый этими словосочетаниями, служит средством выражения данного состояния (например, появление бледности как следствие испытывания лицом чувства страха, как форма его выражения: (əwi) p'ənge хwə авит «(он) побледнел» (скажем, от страха) ср. с составным значением «(он) цвет своего лица уронил (от страха)»).

2. Обороты, именной компонент которых обозначает внутренние душевные переживания лица, реализуют составное значение, отражающее различные душевные процессы. В плане общесинтезирующего, фразеологического значения они объединяются тем, что обладают общим значением процесса прихода лица в некоторое душевное состояние. Приводим примеры: her'ca хwə анин «сердиться» ср. составное значение «гнев (злобу) свою выявить»; k'efa хwə анин «веселиться» ср. составное значение «веселье свое выявить», qəlpe хwə хьраб кьрн «замышлять недоброе, плохо настраиваться» ср. составное значение «намерение свое изменить, испортить»; шькьрина хwə анин «возблагодарить судьбу, выразить свою радость» ср. составное значение «благодарность свою выразить»; p'ōhe хwə дан «умирать», ср. составное значение «свой дух (душу) отдавать» и т. д.

3. Обороты, именной компонент которых обозначает психические или физические или же психофизические способности лица, обладают составным значением, отражающим утрату или лишение или же приобретение лицом некоторой психической или физической или же психофизической способности. В плане фразеологического значения их объединяет то, что они обозначают приход лица в некоторое психическое или психофизическое или же физическое состояние. Примеры: h'šhe хwə бнда кьрн «терять рассудок, лишаться ума, утрачивать способность соображать, становиться сумасшедшим», зьмане хwə бəрдан «распускать язык, давать волю языку, говорить лишнее», зьмане хwə ģьредан «держат язык на привязи, молчать», ава хwə ģōнастьн «акклиматизироваться, приспособляться к новому климату» ср. составное значение «изменить свою природу (букв. воду)», аqьле хwə нас кьрн («образумливаться, умнеть», ср. составное значение «ум свой приобретать», бае хwə ракьрн «быстрее бежать, мчаться», ср. составное значение «скорость свою увеличивать» (букв. ветер свой поднимать) и т. д.

К фразеологизмам этой группы очень близки обороты, обнаруживающие распространение компонирующего глагола обстоятельственными или объектно-обстоятельственными словами или словосочетаниями. К ним относятся: шале хwə авитьн сэр стōйе хwə («струсить, испытывать страх»), сəре хwə кьрн бəр хwə

(«вешать голову, приходиться в уныние, в отчаяние, огорчаться»), дæсте хвæ бæр хвæда бæрдан («опускать руки, утрачивать способность или желание действовать; терять надежду»), гор'а хвæ зер'ин кърън («поступать хорошо, делать доброе дело») и т. д.

4. Обороты, именной компонент которых обозначает физические способности или свойства нелица, представлены примерами типа: бære хвæ дан «плодоносить» ср. составное значение «давать свои плоды», рæнге хвæ гõнастън «линять, выцветать» ср. составное значение «давать свой цвет» и т. д.

в. Фразеологизмы с компонирующим местоимением һæв («друг друга», «друг с другом», «один другого»), требующие подлежащего во множественном числе

Такого рода фразеологизмы образуются по нескольким моделям. Ими являются:

1. Модель «именной компонент, выраженный взаимным местоимением һæв в роли формального прямого дополнения + компонирующий переходный глагол, в одних случаях распространяющийся объектными или объектно-обстоятельственными словами или словосочетаниями». Обороты такой модели обозначают действие, совершаемое двумя или несколькими противостоящими лицами, каждый из которых имеет объектом другого, охваченного его действием в целом, полностью. Примеры: һæв гъртън («объединяться, защищать друг друга»), һæв гæстън («ругать друг друга»), һæв харън («расправляться друг с другом, драться, ругаться»), һæв стæндън («пожениться»), һæв бърън мала са («поругаться, опозорить друг друга», букв. «отвезти друг друга в собачью конуру (дом)») и т. д.

Существует небольшая группа оборотов, которые отличаются от подобного рода структур тем, что в них именной компонент һæв представлен в роли косвенного дополнения. Причем компонирующий глагол в одних из них представлен непереходным, а в других переходным глаголом. Например: ль һæв патън («мириться друг с другом»), ль һæв к'этън («сталкиваться друг с другом»), һæвр'а кърън («оскорблять друг друга, ругать друг друга») и т. д.

2. Модель «именной компонент в функции формального прямого дополнения, определяемого взаимным местоимением һæв + компонирующий переходный глагол». Обороты этой модели очень близки к предыдущим и отличаются от них лишь тем, что содержат указание на действие, которому каждое из противостоящих лиц подвергается не полностью, а как бы частично. Примеры: қър'ка һæв гъртън («бранить друг друга, ссориться»), һ'есабе һæв дитън («бить друг друга»), т'æсæлийа һæв

кърн («ругать друг друга, драться друг с другом»), дэсте һэв гъртън («объединяться, присоединяться») и т. д.

3. Модель «именной компонент в роли формального прямого дополнения, нередко определяемого возвратно-притяжательным местоимением хвэ+компонирующий переходный глагол+формальное косвенное дополнение, выраженное взаимным местоимением һэв (һэвдō, һэвду) (или реже, именем существительным, определяемым этим местоимением)». Примеры: гълийе хвэ гиһандън һэв («сообщать друг другу; связываться друг с другом»), амьнийа бъратие дан һэвду («стать побратимами, вступить в побратимство»), пышт дан пышта һэв («помочь друг другу»), к'эф-хаши дан һэв («здороваться друг с другом; желать друг другу здоровья») и т. д.

Обороты этой разновидности подобно предыдущим оборотам относятся к взаимному залогу и очень близки к ним также по своей семантической направленности. Вместе с тем они обнаруживают некоторые отличительные детали, относящиеся к характеру связи между противостоящими лицами и совершаемому ими действию. В частности, эти лица в роли субъекта втягиваются в действие как бы не полностью. В связи с этим, каждое из них подвергается действию со стороны другого частично. Такая особенность отмечается и у некоторых оборотов, имеющих несколько иную структуру. К ним относятся, например: дәст стōйе һэвр'а бърн («обниматься; вцепиться друг в друга»), газъне хвэ сэр һэвда кърн («жаловаться друг другу, выражать друг другу свою обиду»), бәнчаръхе хвэ һэвва гъредан («в натянутых отношениях; в ссоре, в разладе быть друг с другом»), а также обороты, именной компонент которых не относится к субъекту: к'ōме щъна дан сәре һэв («сильно ругать, бранить, позорить друг друга», ср. букв. «Одевать друг другу шапку черта»), к'ътък дава һэва гъредан («опозорить друг друга», ср. букв. «привязать кошку к полам друг другу») и т. д.

4. Модель «именной компонент, выраженный словами наречно-предложного значения, оформленными формантом «-и», который указывает на направленность действия на объект, представленный местоимением һэв+компонирующий переходный глагол бун («быть, становиться»).

Оборотами этой модели, также относящимися к взаимному залогу, являются, например: бәлап'ежгари һэв бун («поссориться друг с другом, поругаться, подражаться»), һымбәри һэв бун («противопоставляться друг другу»), дәстәп'р'ч'и һэв бун («нападать друг на друга, бросаться друг на друга»), мьқабъли һэв дәрк'ә-тън («выступать друг против друга, спорить друг с другом»), ра-бәри һэв бун («возражать друг другу, спорить, ругаться») и т. д.

г. Фразеологизмы модели «групповой именной компонент в функции формального прямого дополнения, представленный изафетной конструкцией с возвратно-притяжательным местоимением хwə («свой, свое, своя, свои») в качестве определения + групповой компонирующий глагол, выраженный глагольно-числительной конструкцией кьрын йэк («соединять»)

Компонирующий глагол кьрын йэк, встречающийся во всех фразеологизмах этой модели, придает им оттенок моделированных образований. В отношении же именного компонента данная модель допускает два типа лексического наполнения. К одному из них относятся фразеологизмы, именной компонент которых выступает с общим значением «внутренняя решимость или желание». Примеры: шевра хwə кьрын йэк («прийти к одному решению; договориться»), гьлийе хwə кьрын йэк («решать; приходить к общему, единому мнению, соглашаться друг с другом, договариваться»), qəwле хwə кьрын йэк («уславливаться, договариваться»), йа хwə кьрын йэк («объединяться, соединяться; решать») и т. д. Другой же тип лексического наполнения представляет один единственный пример: сəре хwə кьрын йэк («совокупляться»), в котором именной компонент сəр(е) хwə «головы (свои)» употребляется в переносном значении, близком к значению «личности» («личности свои соединять»).

Фразеологизмы этой модели обладают только значением множественного числа, так как обозначают действие, совершаемое не одним, а двумя и более лицами. При этом последние не противостоят друг другу, т.е. каждый из них не имеет объектом другого, что наблюдается при действии, обозначаемом взаимными глагольными фразеологизмами. Наоборот, они принимают совместное участие в действии, которое направлено на достижение удовлетворенности определенных общих потребностей или на объединение, сплочение в целях совершения в дальнейшем соответствующих действий (см. напр.: кəвотка гьлийе хwə кьрын йэк, wəки Зине бьвьн бьгинə Мəме у диса биньн (К. 185) «тут голубки решили отнести Зин к Маму, а затем принести назад»).

д. Фразеологизмы модели «именной компонент в функции косвенного дополнения, представленного словосочетанием «предлог + имя существительное или именное словосочетание изафетной или парной структуры» + компонирующий глагол, выраженный переходным глаголом»

Среди фразеологизмов этой модели наиболее распространенными структурно-семантическими типами являются:

1. Фразеологизмы, обозначающие приведение объекта в оп-

ределенное физическое состояние и обнаруживающие тип лексемного наполнения модели, представляющий составное значение, отражающее лишение объекта определенного физического свойства или способности. Примеры: жь ав у зар ехьстьн («изнурять; мучать, терзать», составное значение: «лишать способности говорить и свойства бодрости», букв. значение: «лишать влаги (воды) и языка (речи)»), жь зар-зьман ехьстьн («мучить, заставлять работать (ходить, говорить и т. п.) до изнеможения», составное значение: «лишать способности говорить», букв. значение: «лишать речи и языка»), жь рэнг ехьстьн («приводить в слабое (бледное) состояние», составное значение: «лишать цвета (лица)»), жь нобэте (низаме) ехьстьн («продолжительной ноской сделать негодным»), жь ньга ехьстьн («вынуждать кого-либо долго ходить пешком, доводя до усталости, приводя в полное изнеможение», составное значение: «лишать способности ходить», букв. значение: «лишать ног (оставлять без ног)»), жь р'уйе в'рде һьлдан («уничтожить», составное значение: «лишить жизни», букв. значение: «стереть с лица земли») и т. д.

2. Фразеологизмы с общим значением приведения объекта в определенное состояние обнаруживают тип лексического наполнения модели, представляющий составное значение, указывающее на лишение объекта социального положения или избавление объекта от отдельных социальных отношений, явлений и т. п. Примеры: жь нав зин ехьстьн (или жь зин анин харе) («выбивать из седла, лишать кого-либо положения, должности, увольнять», составное значение «лишать должности, высокого положения», букв. значение: «выбивать из седла (кого), заставить слезть с лошади»), жь нав дэста хьлас кьрэн («спасать, избавлять», составное значение: «спасти, избавить от эксплуатации», букв. значение: «спасти, избавить от рук»), жь дахе хьлас кьрэн («спасти (кого-либо) от беды», составное значение: «спасти от наказания», букв. значение: «спасти от прижигания, клейма (позора)»), жь бэр ч'э'ва ехьстьн («лишать авторитета, наложить опалу на кого-либо») и т. д.

Сравнительно редко встречаются среди фразеологизмов этой модели обороты, обозначающие приведение объекта в определенное морально-этическое или психическое состояние. Это обороты типа: жь ре дэрхьстьн («сбивать с пути, изменить у кого линию поведения»), ль р'е хьстьн («проводить, отправлять в путь»), жь арьл ехьстьн («утомить, приводить в состояние крайнего раздражения, волнения, потери способности здраво рассуждать») и т. д. Очень важной особенностью фразеологизмов этой модели, обладающих категорией переходности, является наличие у большинства из них компонирующего глагола ехьстьн или дэр-

хьстьн, которые, как и другие компонирующие глаголы, встречающиеся в этого рода оборотах, противопоставляют их соответствующим непереходным фразеологизмам, имеющим тот же лексемный состав именного компонента, но отличающимся от них особенностями глагольного компонента, обычно выраженного глаголом к'этьн или дэрк'этьн и т. д. Ср. напр.: фразеологизмы: жь ре дэрк'этьн («сбиваться с пути, изменить линию своего поведения») и жь ре дэрхьстьн («сбивать с пути, воздействуя каким-либо образом, побуждать изменить поведение»), жь ньга к'этьн («валиться с ног, сильно уставать, доходить до полного изнеможения от ходьбы, беготни, хлопот и т. п.) и жь ньга ехьстьн («вынуждать долго ходить, приводя в полное изнеможение»).

О переходных глагольных фразеологизмах этого типа см. стр. 221.

§ 30. Проницаемые, структурно незамкнутые фразеологизмы

Проницаемыми, структурно незамкнутыми фразеологизмами называются обороты со структурой словосочетания, допускающие вклинивание дополнения в позицию между именным и глагольным компонентами. Они дифференцируются на некоторые структурно-семантические типы, основными из которых являются:

а. Фразеологизмы модели «предложно-падежная форма имени существительного + вставочный компонент + компонирующий глагол»

К ним относятся: сэр р'ийа фьланк'эсе сэкьнинэ («стоят поперек пути (дороги) кому-либо, стоят на пути кого-либо», «мешать, препятствовать кому-либо в чем-либо»), ду мач'а фьланк'эсе к'этьн («преследовать, притеснять; чернить, порочить кого-либо»), қөдре фьланк'эсе к'этьн («ронять чей-то авторитет; оскорблять кого-либо»), бэр позе фьланк'эсе сэкьнинэ («возражают тому-то»), бэр бина фьланк'эсе сэкьнинэ («утешают, успокаивают того-то») и т. д.

Такого типа фразеологизмы чаще всего выступают обозначением различного рода отношений субъекта к объекту, которые проявляются в действиях, направленных на то, чтобы препятствовать состоянию, в котором находится объект, или действию, которое им совершается, вызывая у него определенное психофизическое состояние. Фразеологизм бэр дьле фьланк'эседа хьтьн («успокаивать, утешать кого-либо»), например, обозначает действие субъекта, направленное на то, чтобы вывести объект из расстроенного состояния: чьқас қөwm-пьсам бэр дьле ванда дьхьтьн, ле нөдьбу тышки... (Де, 28) «как ни старались родные утешать их, все было бесполезно», (әw) бэр дьле веда дьхьт, нөдьһишт әw гәләки бэр хwә к'әвә (Сисе, 18) «он успокаивал ее и не давал ей

много переживать», см. также следующие примеры; к'эфа фьлайк'эсе к'этын («портить настроение кому-либо; обижать, расстраивать кого-либо») сэр р'дн'е фьланк'эсер'а сэкьнин («стоять над душой чьей у кого, надоедать кому-либо своим присутствием, докучать своей назойливостью») и т. д.

Модель образования материальной структуры фразеологизмов этой разновидности обнаруживает различные типы лексического наполнения. К ним относятся:

1. Фразеологизмы, именной компонент которых представлен предложно-падежной формой имени существительного и выступает в функции обстоятельства или объектно-обстоятельственного члена, а компонирующий глагол, выраженный в основном непереходными глаголами сэкьнин (основное значение: «останавливаться») и р'уньштын (основное значение: «садиться»), выступающими в условиях оборота в общем переносном значении «препятствовать, мешать», сопровождаемом в некоторых случаях оттенком «притеснять». Примеры: сэр сэре фьланк'эсе руньштын («садиться на голову кому-либо, подчинять своей воле, ущемлять свободу чью-либо»), бэр позе фьланк'эсе сэкьнинэ («возражают, противятся кому-либо» букв. «стоят перед носом у кого-либо»), бэр би на фьланк'эсе сэкьнинэ («утешают, успокаивают кого-либо, облегчают кому-нибудь горе», букв. «стоят перед дыханием чьим»), бэр дэве фьланк'эсе сэкьнин («подслушивают кого-либо, возражают, прикословят кому-либо», букв. «стоят перед ртом чьим-либо») и т. д.

2. Фразеологизмы, именной компонент которых выступает в функции косвенного дополнения и обозначает различные чувства и свойства лица, а глагольный компонент, выраженный непереходным глаголом к'этын (основное значение: «падать»), реализуется в значении «соприкасаться с чем, задевать что; обидеть». Примеры: қэдре фьланк'эсе к'этын («оскорблять; обижать, унижать кого-либо»), ду мач'а, фьланк'эсе к'этын («осуждать, обвинять, чернить, порочить», букв. значение «следить за ручкой чьей-либо сохи»), бэр сэре фьланк'эсе ман («заботиться о больном (не отходя от него)», букв. значение «оставаться, быть у чьей-то (перед чьей-то) головы») и т. д.

б. Фразеологизмы модели «именной компонент в функции прямого дополнения + вставочный компонент — формальное определение к именованному компоненту — логическое прямое дополнение + компонирующий глагол, выраженный переходным глаголом»

Они обозначают действие, распространяющееся на предмет, являющийся объектом этого действия. Вместе с тем модель, ле-

жащая в основе их структуры, в зависимости от различного рода модификаций общего для них значения обнаруживает соответствующие случаи лексемного наполнения. Наиболее распространенными из этих случаев являются следующие:

1. Фразеологизмы, обозначающие действия, направленные на психику объекта и вызывающие у него различные душевные переживания. Именной компонент таких оборотов, выступающий обычно в виде имени существительного или именного словосочетания выражает значение, отражающее различные стороны душевного склада лица-объекта. Компонирующий же глагол в виде простого или сложноименного глагола обозначает действие, направленное на соответствующую сторону душевного склада и приводящее ее в определенное состояние. Примеры: шуша дьле фьланк'эсе шкенандьн («обижать, огорчать кого-либо»; ср. составное значение: «вызывать душевные страдания, муки, волновать кого-либо», ср. букв. значение: «стекло чьего-то сердца разбить»), дьл-һьнаве фьланк'эсе кәрбькәр кьрьн («огорчать, расстраивать кого-либо», ср. составное значение: «душу чью-то разбить на части», ср. букв. значение: «внутренности (сердце и внутренности) чьи-то разрывать на куски»), к'эла фьланк'эсе р'акьрьн («выводя из себя, приводя в состояние крайнего раздражения, возбуждая кого-либо, довести до слез», ср. составное значение «чье-то возбуждение вызывать», ср. букв. значение: «чью-то накипь поднять (будить, возбуждать, вызывать)'), рõн'е фьланк'эсе стэндьн («тянуть душу из кого, вытрясать душу из кого, мучить, терзать, изводить кого-либо; надоедать, досаждают чем-либо», ср. букв. значение: «братъ (получать) у кого-либо душу») и т. д.

2. Фразеологизмы, обозначающие действия, направленные на сферу умственной деятельности и, в частности, на психические способности (сознание, мышление) объекта, приводящие их к определенному состоянию, настраивающие объект на определенный лад. Именной компонент этих фразеологизмов представлен именем существительным (реже, именным словосочетанием) с общим значением «ум, разум, рассудок», а компонирующий глагол, выраженный простым или сложноименным глаголом, выступает обозначением действия, направленного на психическую способность объекта. Примеры: Адьле сәре фьланк'эсе рут кьрьн («одурачивать кого-либо, околпачивать, обманывать кого-либо», ср. составное значение: «чей-то ум грабить (ограблять)'), букв. значение: «ум чей-то оголять, обнажать»), һ'ыше фьланк'эсе бадан («вкручивать мозги кому, морочить (дурить) голову кому-либо, преднамеренно внушать что-либо заведомо неправильное, ложное, стараясь обмануть, провести кого-либо»), сәре фьланк'эсе т'ъжи кьрьн («обводить вокруг пальца кого-либо, ловко, хитро обманы-

вать», ср. составное значение: «чю-то голову наполнить обманом», букв. значение: «чю-то голову наполнить»), сәре фьланк'әсе бьзьр кьрын («обманывать кого-либо, перехитрить; сбивать с толку кого-либо, запутывать»), ср. составное значение: «соблазнить чей-то ум», букв. «голову чю-то смазывать постным, растительным маслом») и т. д.

подавляющее большинство фразеологизмов этой модели обозначает действие, заключающееся:

1. В лишении объекта:

а) принадлежащих ему материальных ценностей, примеры: Дәст-п'ийе фьланк'әсе бьр'ин («лишать кого-либо подручного инструмента; оставлять кого-либо без подручного», ср. букв. значение: «отрезать чь-то конечности (руки и ноги)»), сәре фьланк'әсе бьр'ин («лишать кого-либо средств существования», букв. значение: «отрезать чю-то голову»), стара фьланк'әсе бьр'ин («лишать кого-либо крова; лишать кого-либо защиты», букв. значение: «лишать кого-либо приюта») и т. д. Компонирующий глагол в оборотах этой разновидности в основном представлен глаголом бьр'ин в значении «лишать, отнимать, взять» (прямое, основное значение «резать, отрезать»). Именной же компонент в структуре именного словосочетания или имени существительного—обозначение частей тела выступает в общем значении «материальные ценности».

б) его физических, материальных и этических возможностей, примеры: поча фьланк'әсе бьр'ин («заставлять кого-либо больше не ходить по домам или к кому-либо», ср. составное значение: «пугать кого-либо», букв. значение: «отрезать чей-то хвост (отрежут хвост чужой собаки, чтобы она больше не ходила к ним)»), мәшала фьланк'әсе бьр'ин («лишать кого-либо сил, лишать, кого-либо возможности», букв. значение: «возможность чю-то резать»), чоке фьланк'әсе бьр'ин («запретить кому-либо пойти куда-либо, посещать кого-либо», букв. значение: «резать чье-то колено»), һөрмәта фьланк'әсе ехьстьн («срамить, позорить кого-либо, ронять чей-то авторитет») и т. д.

2. В предоставлении объекту социальных, морально-этических возможностей, примеры: дәсте фьланк'әсе дане («предоставлять самому себе, давать возможность кому-либо поступать по собственному усмотрению, свободно располагать собой», букв. значение: «кому-либо дать его руки»), гәма фьланк'әсе бәр'дан («давать волю кому-либо, предоставлять свободу в поступках, действиях и т. д.), не держать кого-либо в узде», букв. значение: «отпускать чю-то узду»), дәстура фьланк'әсе дан («разрешать, позволять кому-либо»), букв. значение: «чье-то разрешение (право) дать (ему)»), р'ийа фьланк'әсе вәкьрын («приглашать дочь,

сестру домой после ее свадьбы», букв. значение: «открывать чью-то дорогу») и т. д.

Среди фразеологизмов этой модели встречаются также отдельные единицы, обозначающие действия, направленные на объект и обуславливающие возникновение у него психофизиологических реакций, например, маде фьланк'эсе һав хьстьн («вызвать у кого-либо тошноту, рвоту; портить кому-либо аппетит») и т. п.

Кроме того имеется большое количество фразеологизмов, дифференцирующихся на сравнительно незначительные по объему структурно-семантические типы. Это фразеологизмы, выражающие отношения субъекта к объекту, в основном проявляющиеся:

1. В физическом уничтожении, истреблении объекта. Примеры: к'ока фьланк'эсе қәландьн («искоренять, уничтожать, истреблять кого-либо»), һ'ур-р'увийе фьланк'эсе дәрхьстьн дәрва («выпустить кишки из кого, зарезать, убить кого-либо»), сәре фьланк'эсе ледан («отрубить голову кому-либо»), ә'мре фьланк'эсе же стәндьн («лишать (решать) жизни кого, умерщвлять, убивать кого-либо») и т. д.

2. В применении по отношению к объекту физической силы, ударяя, причиняя ему боль. Примеры: к'еләке фьланк'эсе р'аст кьрьн («намять (помыть, наломать, обломать) бока кому-либо, побить, избить, отколотить кого-либо»), п'архане фьланк'эсе кьрьн зькда («побить, избить кого-либо»), һ'әсабе фьланк'эсе дитьн («расправляться с кем-либо; побить, отколотить кого-либо») и т. д.

3. В обвинении, осуждении объекта. Примеры: гөне фьланк'эсе бьр'ин («устанавливать чью-либо вину; осуждать, приговаривать кого-либо»), бәхте фьланк'эсе бьр'ин («решать чью-либо судьбу, распоряжаться чьей-либо судьбой») и т. д.

4. В эксплуатации объекта. Примеры: ч'әрме фьланк'эсе же шьқьтандьн («драть шкуру с кого-либо, беспощадно, жестоко эксплуатировать, притеснять кого-либо»), стөкөра фьланк'эсе си-йар бун («подчинять кого-либо своей воле, заставлять работать, исполнять свои желания, командовать кем-либо») хуна фьланк'эсе харьн («жестоко эксплуатировать, притеснять кого-либо») и т. д.

5. В испытывании зависти, злобы, ненависти, враждебности к объекту. Примеры: р'ька фьланк'эсе гьртьн («питать злобу к кому-либо»), к'ина фьланк'эсе гьртьн (к'шандьн) («таить злобу против кого-либо»), гор'а фьланк'эсе к'олан («рыть (копать) могилу кому-либо, готовить гибель, копать яму кому-либо, под кого-либо, строить козни, причинять неприятности, вредить»),

дахэсйя фьланк'эсе кьрьн («испытывать чувство зависти к кому-либо») и т. д.

6. В явном намерении, стремлении рассориться с объектом, отругать его. Примеры: позе фьланк'эсе мьздан («приставать к кому-либо, искать повода спорить с кем-либо, ругать кого-либо»), қьрка фьланк'эсе гьртьн («ругать кого-либо, спорить с кем-либо») и т. д.

7. В принуждении объекта молчать, быть менее дерзким или в ограничении у объекта свободы в действиях. Примеры: зьмане фьланк'эсе бьр'ин («укоротить язык кому-либо, заставить кого-либо поменьше болтать, быть менее дерзким»), зьмане фьланк'эсе же стьндьн («укоротить язык кому-либо, заставить кого-либо поменьше болтать»); гьма фьланк'эсе к'ьшандьн («заставлять кого-либо быть менее дерзким») и т. д.

8. В наказании объекта, в основном, в назидательных целях. Примеры: ч'э'ве фьланк'эсе дэрхьстьн («наказывать кого-либо»), щийе фьланк'эсе нишан дане («поставить на свое место кого, одернуть кого-либо»), стьрийе фьланк'эсе шкенандьн («обломать рога кому-либо, укрощать, усмирять, заставлять покориться, наказывать кого-либо») и т. д.

9. В оказании объекту уважения или неуважения, в желании ему добра или зла. Примеры: қөдре фьланк'эсе гьртьн («уважать кого-либо, оказывать почести»), хатьре фьланк'эсе к'ьр'ин («воздавать должное, уважать»), хатьре фьланк'эсе ехьстьн («оскорблять кого-либо, обижать кого-либо; ронять чью-либо честь; отказывать кому-либо в просьбе»), қөдре фьланк'эсе шкенандьн («срамить, позорить кого-либо; ронять чей-либо авторитет»), румэта фьланк'эсе бьльнд кьрьн («прославлять кого-либо, поднимать чей-либо авторитет»), хера фьланк'эсе хастьн («желать кому-либо добра»); нане фьланк'эсе һ'эр'ьмандьн («срамить чье-либо угощение, позорить кого-либо») и т. д.

10. В оказании объекту помощи, поддержки, услуги и т. п. Примеры: ч'э'ве фьланк'эсе дане вькьрьне («открывать глаза кому-либо, помогать правильно понять истинное положение вещей»), пышта фьланк'эсе гьртьн («защищать кого-либо, поддерживать кого-либо в его действиях, поступках»), гьне фьланк'эсе к'аш кьрьн («тянуть (тащить) за уши кого-либо, всячески помогать кому-либо»), мьразе фьланк'эсе кьрьн («осуществлять чье-либо желание, осчастливить кого-либо») и т. д.

11. В оказании объекту лицемерного покровительства. Примеры: п'архане фьланк'эсе р'ех кьрьн («лицемерно хвалить кого-либо»), ньге фьланк'эсе аластьн («лизать ноги кому-либо, у кого-либо, угодничая, унижаться, пресмыкаться перед кем-ли-

бо»), қалаха фьланк'әсе зеп кьрын («лицемерно покровительствовать, протезировать кому-либо») и т. д.

12. В нарушении покоя у объекта. Примеры: сәре фьланк'әсе ешандьн («беспокоить кого-либо»), гөһе фьланк'әсе бьрын («мучить кого-либо своими разговорами, криками»), гөһе фьланк'әсн гәни кьрын («надоедать кому-либо очень долгими разговорами, предложениями, просьбами и т. п.»), ә'мре фьланк'әсе харьн («надоедать кому-либо, не давать покоя кому-либо») и т. д.

13. В пренебрежении к объекту, к его действиям, поступкам. Примеры: шор'а фьланк'әсе ә'рде хьстьн («пренебречь чьим-либо советом»), хәбәра фьланк'әсе шыкенандьн («не следовать чьему-либо совету, наставлению, не слушаться кого-либо, не выполнять чье-либо желание») и т. д.

ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

§ 31. Структурно-семантические особенности

Значительную часть глагольной фразеологии курдского языка образуют глагольно-именные устойчивые словосочетания, представляющие отдельный, самостоятельный структурно-семантический тип фразеологизмов. К ним относятся: к'әтън т'әльке («попадать (попадается) впросак, попадаться на удочку»), авитьн хамеда (р'ыште) («откармливать, кормя доводить до тучности (скот)'), кьрын гае оламе («эксплуатировать (кого)») и т. д.

Этот очень продуктивный тип оборотов отражает сферы понятий, обычно связанные с физическим или психическим состоянием человека или же, реже, с действиями человека и представителей животного мира.

В своей основной массе фразеологизмы этого типа обнаруживают материальную структуру из двух компонентов: глагольного и именного.

Глагольный компонент представляется простым или префиксальным глаголом и употребляется в препозиции. Именной же компонент, выраженный одним словом в виде имени существительного или, реже, местоимения, числительного и т. п., или словосочетания изафетного или парного типа, имеет постоянное постпозитивное употребление.

Порядок расположения компонентов в фразеологизмах этого типа носит устойчивый характер.

Очень важной особенностью, определяющей специфическое место таких фразеологизмов среди других типов глагольной фразеологии, является их моделированность, с которой связана их дифференциация на серии. В качестве моделирующего компонен-

та выступает глагол—опорное компонирующее слово, которое, вступая в связь со словами определенного семантического ряда, приводит к образованию целой серии однотипных, моделированных оборотов.

В качестве моделирующего компонирующего глагола выступают: переходные глаголы: авитъя («бросать, ставить; доходить, идти, достигнуть, достичь»), аниъ («приводить; выводить»), дан («давать; выдавать; представлять; подвергать»), къръя («делать, превратить (во что) или сделать кем, чем, обратить (во что) и т. п.»), ехътъя («приводить; ставить, бросать»), ракъръя («поднимать, выставить»), бъръя («вести, водить; нести, носить»), гъһандъя («доводить, заканчивать; достигать; прибывать») и непереходные глаголы: бун («превратиться, становиться»), к'этъя («попасть, попасться во что, оказаться, очутиться в каком-нибудь месте, положении, состоянии, обстоятельствах; войти во что, вступить, проникнуть; предаваться, отдаваться чему-либо»), һатъя («приходить, прибывать, доходить»), чун («идти, ходить; уходить, отправляться»), рабун («подниматься, вставать»), гъһишъя («достигать»).

Фразеологизмы, имеющие в препозиции переходный глагол и структурно незамкнутые обороты с непереходным глаголом, а также структурно замкнутые обороты с компонирующим непереходным глаголом, имеющие в своем составе взаимовозвратное местоимение һэв, обычно являются переходными или косвенно-переходными фразеологизмами. Остальные же замкнутые обороты, имеющие в своем составе компонирующий непереходный глагол, выступают как непереходные глагольные фразеологические единицы.

Функционирующие в современном курдском языке серии фразеологизмов с указанными выше моделирующими глаголами обнаруживают неодинаковую степень продуктивности. Одни из них представляют около пяти-десяти примеров, другие—значительно больше. Прежде чем показать эти серии, отметим еще и то, что иногда один и тот же моделирующий глагол в своих разных значениях образует разные серии или разные ряды в тех же сериях фразеологизмов.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНИРУЮЩИМ ГЛАГОЛОМ К'ЭТЪЯ

Существуют две структурные разновидности оборотов с этим глаголом: замкнутые и незамкнутые, отличающиеся друг от друга как спецификой содержания так и особенностями сочетае-

мости и лексико-морфологической характеристикой образующих их компонирующих слов.

А. В замкнутых оборотах, являющихся непереходными фразеологическими единицами, непереходный глагол к'этын выступает в значении «попасть, попасться во что-либо, очутиться, оказаться в каком-нибудь месте, положении, состоянии; войти во что-нибудь, вступить, проникнуть; предаваться, отдаваться чему-либо». Именная же часть, с которой сочетается этот глагол, представлена именами существительными или их предложно-падежными формами или же именными словосочетаниями и обозначает состояние, положение, обстоятельства. Образующая из этих компонирующих слов материальная оболочка выступает формой выражения общего значения прихода субъекта в некое психическое или физическое состояние, в подавляющем большинстве случаев неблагоприятное.

Структура замкнутых оборотов проявляется в нескольких разновидностях, которыми являются следующие.

I. «Глагол к'этын+падежная форма имени существительного»: к'этын бѣлае («попадать в беду»), к'этын бегавийе («попадать в неблагоприятные условия; попадать в безвыходное положение»), к'этын агър («оказаться в бедственном, тяжелом положении»), к'этын галѣгале («отдаваться беседе, разговорам»), к'этын гор'е («сходить в могилу, умереть»), к'этын дѣва («попадать (попасться) на язык (язычок) кому-либо, к кому-либо, становиться предметом разговоров, сплетен, пересудов»), к'этын дѣрийа («впадать в нищету, в бедность»), к'этын дѣст («истощаться, крайне худеть, доходить до истощения и лишаться сил»), к'этын ѳйнате («капризничать, входить в претензию, выражать недовольствие чем-либо»), к'этын ѳшче («веселиться, радоваться»), к'этын к'расѣки («приспосабливаться; привыкать друг к другу»), к'этын н'ѳр'ийе («утруждаться») и т. д.

В курдском языке встречается также фразеологизм к'этын нѣв («падать духом, приходиться в уныние, отчаиваться»), в котором в качестве именного компонента использовано взаимно-возвратное местоимение нѣв.

II. «Глагол к'этын+групповой именной компонент в виде изафетной или парной конструкции»: к'этын коне р'ѳш («быть в трауре, носить траур; попадать в беду, разоряться, терять свое богатство»), к'этын дѣрге (дѣрийе) тѣнг («попасть в беду»), к'этын аха сар («сойти (уйти, лечь) в землю (в могилу), умереть, скончаться»), к'этын капе р'ѳш («решиться (лишиться) жизни, умереть»), к'этын рѣдѣме хвѣ («вступать в свои права, проявляться в полную меру, в полную силу», «приходить в обычное состояние»), к'этын сѳре р'ийа («скитаться, путешество-

вать»), к'этын зьке кәве («жить в довольстве, в достатке»); к'этын к'эф у һ'әнәка («предаваться радостям и утехам»), к'этын аһ у к'әдәре («оказаться в плачевном состоянии», «беспокоиться о ком-либо, о чем-либо») и т. д.

III. «Глагол к'этын+предложно-падежная форма существительного»: к'этын нав сала («вступать (входить) в годы (в лета, в возраст), становиться взрослым»), к'этын нав (нава) ши («заболевать, начать болеть»), к'этын сәр ләпа («стареть»; «беднеть», «начинать угодничать, прислуживать, становиться на задние лапки перед кем-либо»), к'этын сәр чока (бәр фьланк'әсе) («падать на колени перед кем-либо», «падать в ноги кому-либо, умолять, просить кого-либо»), к'этын сәр һ'әсәһ'әса («усомниться»), к'этын бьн сәбәте («покоряться, подчиняться кому-либо», «находиться в полной зависимости, под властью, гнетом (у кого-либо)»), к'этын бьн к'ере («ложиться под нож, ложиться на операцию»), к'этын бьн нир («оказываться (находиться, быть) под игом, подвергаться эксплуатации, быть в угнетении»), к'этын бьн ә'нә'на («нащупывать (прощупывать почву, выяснять, разузнавать, выведывать»), к'этын бәр дәста («эксплуатироваться; попасть (попасться в руки кого-либо, оказываться в чьем-либо владении, распоряжении»), к'этын бәр зьмана («становиться предметом сплетен, пересудов, насмешек»), к'этын бәр гона («взять грех на душу, совершить какой-либо предосудительный поступок, согрешить») и т. д. Во многих фразеологизмах этой модели второй компонент представлен в виде группового члена, напр.: к'этын орт'а дө кәвьра («оказываться (очутиться, быть, находиться) в тяжелом безвыходном положении»), к'этын бәр тә'н-нч'а («слушать упреки, намеки»), к'этын бәр нәзәра мьрне («отдавать концы, отдавать богу душу, испускать последний вздох, умирать, находиться в преддверии смерти») и т. д.

Б. Структурно незамкнутые глагольно-именные фразеологизмы разбираемой структуры также объединены в различные группы. Ими являются:

I. Фразеологизмы, имеющие структуру «глагол к'этын+имя существительное+указание на обязательные синтаксические связи»: к'этын һ'але фьланк'әсе («входить в положение кого, чье, понимая состояние, положение кого-либо, относиться к нему с участием, вниманием; сочувствовать ему»), к'этын фькра фьланк'әсе («приходить в голову, приходить на ум, возникать, появляться в сознании кого-либо»), к'этын стуйе фьланк'әсе («ложиться на плечи кого, чьи, кому, становиться предметом забот, попечения и т. п.»); «вешаться на шею кому, к кому, быть на содержании, иждивении, попечении, обременяя кого-либо»), к'этын т'аба фьланк'әсе («беспокоиться, заботиться о ком-либо»),

к'этын кьрасе фьланк'эсе («приспосабливаться к чьим-то навыкам, к чьему-то желанию»), к'этын дьлце фьланк'эсе, фьлантышти («надевать личину, скрывать свою подлинную сущность; прикидываться, притворяться кем-либо, чем-либо», «влезать в шкуру (в кожу) кого, чью, ставить себя на место кого-либо или в положение кого-либо»), к'этын дэсте фьланк'эсе («попадать (попасться) в руки кого, чьи, оказываться в чьем-либо владении, распоряжении и т. п.»), к'этын дэсте фьланк'эсе («выходить замуж за кого-либо»), к'этын дьле фьланк'эсе («втираться (влезать, входить) в доверие к кому», «стать любимым кем-либо»), к'этын дэр'де фьланк'эсе, фьлантышти («волноваться, приходиться в волнение, в тревожно-беспокойное состояние, переживать за кого-либо, за что-либо»), к'этын бира фьланк'эсе («приходить на память (на ум) кому, вспоминаться») и т. д.

II. Фразеологизмы, имеющие структуру «глагол к'этын+предложно-падежная форма существительного+указание на обязательные синтаксические связи»: к'этын сэр бина фьланк'эсе («быть помехой; «стоять над душой чьей, надоедать, досаждать, утруждать; притеснять кого-либо»), к'этын бьн ньфуса фьланк'эсе («попадать под чье-либо влияние»), к'этын бэр бае фьланк'эсе («слушаться кого-либо», «верить кому-либо», «поступать, вести себя так, как угодно кому-либо»), к'этын бэр р'оһ'е фьланк'эсе («переживать, беспокоиться о чьей-то жизни»), к'этын бьн қанате фьланк'эсе («попадать под руку кому-либо», «оказываться под крылышком у кого-либо, под чьим-то покровительством, под чьим-то присмотром»), к'этын бэр пеша фьланк'эсе («попадать на чье-то попечение, под чей-то присмотр») и т. д.

III. Фразеологизмы, имеющие структуру «глагол к'этын+предлог+указание на обязательную синтаксическую связь»: к'этын бьн фьланк'эсе («влезать (залезать, лезть) в душу кого, чью, кому, к кому, узнавать чувства, мысли, намерения кого-либо; выведывать, узнавать что-либо у кого-либо»), к'этын бэр фьлантышти («работать кем-либо», «подлежать чему-либо»), к'этын сэр (шөхол) («устроиться на работу») и т. д.

Незамкнутые обороты, как это видно из приведенного материала, являются переходными или косвенно-переходными фразеологизмами. Они выступают характеризующими обозначениями различных физических или психических действий, состояний, положений и т. п., прямо или косвенно направленных или в общих чертах ориентированных на некий объект-лицо.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СЕРИИ ГЛАГОЛА КЬРЬН

Подобно оборотам серии глагола к'этын обороты с глаголом кьрьн также имеют широкое применение в языке. Они представ-

ляют также очень продуктивный тип фразеологизмов с моделированной структурой.

Прослеживаются несколько рядов или серий оборотов этого типа. Основными из них являются следующие:

I. Фразеологизмы с материальной структурой, состоящей из компонирующего кьрын в значении «сделать кем, чем» или «превратить (во что)» и именной части, представленной:

а) именем существительным в форме прямого падежа: кьрын ав («хорошо усваивать, понимать; знать наизусть»), кьрын ав («до последней нитки промокнуть, вымочить; насквозь, совсем промочить, вымочить»), кьрын думан («напускать туман, наводить тень на плетень, вносить неясность во что-либо; вводить в заблуждение кого-либо») и т. д.

б) изафетным словосочетанием: кьрын бәниште нав дөв-дэ-рана («дслать предметом всеобщих разговоров, постоянных пересудов; судачить»), кьрын гае оламе («эксплуатировать (кого-либо)»), кьрын дәстне дә'се («эксплуатировать (что-либо)»), кьрын поле слук («клеить позором, предавать позору кого-либо») и т. д.

Некоторые изафетные словосочетания, встречающиеся в такого рода оборотах, являются именами лиц, составными названиями и терминами. Примеры: кьрын Ә'мке Әшо («надоедать долгими пустыми разговорами об одном и том же»), кьрын р'ийа кады («постоянно посещать кого-либо, что-либо»), кьрын Тәйре Симьр' («непомерно расхваливать, восхвалять, превозносить») и т. д.

в) парным словосочетанием: кьрын дарьк-дәзи («истощать, доводить до истощения»), кьрын Ә'рд-хали («повергать в прах кого, что, умерщвлять, убивать»); кьрын алан-т'алан («грабить, расхищать; захватывать») и т. д.

Фразеологизмы этой серии объединяются общим, типовым значением превращения, обращения кого-либо, чего-либо во что-нибудь.

II. Фразеологизмы с материальной структурой, состоящей из глагола кьрын в значении «положить» или «ставить, класть» и именной части в виде формы косвенного падежа имени существительного, выражающей косвенно-объектные или пространственные отношения. Образованная из таких компонирующих слов материальная структура служит формой выражения общего значения приведения кого-либо или чего-либо в некоторое физическое или социальное состояние. Приводим примеры: кьрын бегавийе («принуждать необдуманно действовать»), кьрын дәст («доводить до истощения, не кормя, делать тощим»), кьрын гор'е («свести в могилу, довести до смерти»), кьрын дәрийа («доводить до

бедности, до нищеты»), кърн мѣшале («ставить в безвыходное положение; захватывать, отбирать инициативу у кого-либо»), кърн орт'е («вмешивать, впутывать кого-либо во что-либо»), кърн поч'ке («оставлять в хвосте кого-либо»), кърн томьке («навлекать на кого-либо беду, неприятности»), кърн тѣльке («загонять в западню, в ловушку») и т. д.

Структура этого типа оборотов может расширяться за счет распространения именной части соединения и представиться в формах:

I. «Глагол кърн+предложно-падежная форма существительного», напр.: кърн бн ахе («предать земле кого, что, похоронить»), кърн бн дѣста («использовать, эксплуатировать»), кърн бн нир («эксплуатировать»), кърн нав мѣнгѣне («подчинять своей воле, власти; угнетать»), кърн бѣр хвѣ («одевать») и т. д.

II. «Глагол кърн+предложно-изафетное словосочетание», напр.: кърн бн дѣсте хвѣ («прибирать к рукам кого, всецело подчинять себе»), кърн бн льнге (ньге) хвѣ («скрывать, хранить в тайне»), кърн бн сьтара (п'ѣр'е) хвѣ («брать под свое крылышко кого, окружать вниманием, заботой»), кърн (ль) бира хвѣ («припоминать; запоминать») и т. п.

Следует отметить, что в ряде оборотов рассматриваемой структуры возможна замена компонирующего кърн глаголами авитьн, хьстьн или, реже, анин. Ср. кърн бира фьланк'ѣсе и анин бира фьланк'ѣсе, авитьн бира фьланк'ѣсе («напоминать о ком, чем») или кърн орт'а дѣ кѣвьра и хьстьн, авитьн орт'а дѣ кѣвьра («ставить кого-либо в безвыходное положение») и т. д. При этом подобная замена не приводит к изменению общего синтезирующего значения оборотов.

СЕРИЯ ОБОРОТОВ С КОМПОНИРУЮЩИМ ГЛАГОЛОМ БУН

Непереходный глагол бун в значении «превратиться, становиться» образует продуктивную серию непереходных фразеологических оборотов с общим значением превращения субъекта-лица в кого, что или становления субъекта-лица кем, чем. В зависимости от характера и состава именной части структура таких оборотов проявляется в форме:

I. «Глагол бун+имя существительное в форме прямого падежа». Примеры: бун ав («вымочиться; сильно промокнуть, промокнуть до последней нитки, вымокнуть»), бун дар («сбиться с ног, сильно устать, измотаться, изнемогать от беготни», «сильно устать в результате долгого нахождения в стоячем положении»),

бун дэвэ («уствовать от разговоров, от болтовни»), бун дэстда («сдаваться, подчиняться (кому-либо)», «сдаваться в плен»), бун кэлкэлэ («очень сильно похудеть, исхудать»), бун мэри («входить в люди, становиться человеком»), бун мэ'си («толстеть, очень сильно жиреть, грузнеть»), бун му («очень сильно худеть, сохнуть, тощать, таять»), бун сосрэт («позориться»), бун р'ьсас («окаменеть»), бун тьвьр («выздоровливать, поправляться», «здороветь, крепнуть»), бун хали («превращаться (обращаться) в прах, уничтожаться, исчезать, прекращать свое существование») и т. д.

II. «Глагол бун+изафетное словосочетание»: бун сәе ави («бродить, бродяжничать»), бун сева бьнә'рд («исчезать, пропадать, не появляться»), бун т'элийа зәрбуи («становиться злым, очень раздражительным»), бун ч'ийа щуде («возвышаться, приобретать всеобщее уважение»), бун һека нә'ма («становиться злонамеренным»), бун һива бьн ә'вр («исчезать, не появляться больше, пропадать»), бун шехе мурийа («стать проходимцем, аферистом»), бун шор'ийе тәйра («разориться, обанкротиться, прогореть») и т. д.

III. «Глагол бун+парное словосочетание»: бун мал-авайи («обосноваться; обзаводиться хозяйством; создавать семью»), бун шарур-былбыл («стать поэтом»), бун ә'рд-хали («исчезать», прекратить свое существование») и т. д.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНИРУЮЩИМ ГЛАГОЛОМ АВИТЬН

Глагол авитьн в значении «бросать» или «ставить» образует фразеологизмы с общим значением приведения объекта в некое состояние (физическое или психическое). По характеру именного компонента эти фразеологизмы делятся на следующие группы:

I. Обороты, имеющие структуру «глагол авитьн+падежная форма существительного». Примеры: авитьн п'уде (пуде) («откармливать, кормя, доводить до тучности (скот)»), авитьн аве («продавать очень дешево», «зря расходовать, тратить, растрачивать, транжирить»), авитьн к'уче («лишать работы», «лишать жилья», «устранять как что-то ненужное»), авитьн толке («наложить запрет (арест) на что-либо, конфисковать»), авитьн щи («вправить (о вывихнутой ноге, руке и т. д.)»).

II. Обороты, имеющие структуру «глагол авитьн+предложно-падежная форма существительного». Примеры: авитьн бәр бе («тратить, зря расходовать»), авитьн бәр шьлт'аха («сплетничать, чесать языки о ком, про кого, судачить, злословить»), авитьн бәр гәһа («сообщить») и т. д.

III. Обороты, имеющие структуру «глагол авитьн+изафетное словосочетание». Примеры: авитьн капе р'эш («держать на привязи кого, не давать кому-либо или лишать кого-либо свободы в поступках, действиях и т. п.») и т. д.

К фразеологизмам этой модели, по-видимому, следует отнести и оборот авитьн сэр, в котором в постпозиции стоит предлог сэр («на»).

СЕРИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ С ГЛАГОЛОМ ДАН

Строгому различению подлежат две разновидности фразеологизмов языка, имеющих в препозиции глагол дан:

I. Фразеологизмы, в основе образования материальной структуры которых лежит модель понудительного залога (каузатива), требующего для своего выражения сцепления вспомогательного глагола дан (дайин) с именем действия, осложненным формантом косвенного падежа—е (факультативно): дан(ә) соркьрне («вгонять (вводить) в краску кого-либо, приводя в смущение, заставляя покраснеть»), дан(ә) бндакьрне («губить (кого-либо)»), дан(ә) кӧшьне («убить (кого-либо)»), «много бить, заставляя много напряженно работать, мучить»), дан(ә) шыдандьне («подкручивать гайки (кому), воздействовать (на кого-либо), заставляя подтянуться, стать активнее») и т. д.

II. Фразеологизмы, материальная структура которых состоит из моделирующего глагола дан, в основном в значениях «подвергать» или «предавать» или же «отдаться чему-нибудь» и т. п. и именной части, представленной.

1. Именем существительным в форме косвенного падежа ед. числа: дан щазе («мучать, подвергать пыткам, пытаться, истязать»), дан her'ce («сердить, злить»), дан хвәлийе («предавать земле, хоронить, погребать»), дан хәбате («использовать, применять»), дан сонде («заставлять (кого-либо) клясться»), дан мер («выдать замуж») и т. д.

Обороты, относящиеся к этому типу, являются переходными глагольными фразеологизмами.

2. Именем существительным в форме косвенного падежа мн. числа: дан хәбәра (ч'ер'а) («ругать, бранить»), дан ч'ъртка («прыгать, подпрыгивать»), дан твьынга («удирать, убегать»), дан моза («убегать; обижаться на (кого-либо)»), дан пә'нийа («поспешно уходить, убегать; отступать») и т. д.

В языке немало таких оборотов, которые выражают значение непереходности. Это обороты, которые по происхождению не являются глагольно-именными структурами. Они оказались в такой структуре в результате структурного видоизменения фразеологизмов, имеющих структуру объектно-глагольного происхож-

дения. Ср. напр.: дан ч'ър'тька и ч'ър'тък дан хвѣ; дан твьнга и твьнг дан хвѣ, ср. также глагол твьнгадън с тем же значением, дан п'ѣния и зор дан пѣ'ния; оборот дан моза, видимо, является видоизмененной формой фразеологизма хвѣ дан моза (ср. моз хатън доре (с тем же значением), которая также выражает значение непереходности.

3. Предложно-падежной формой имени существительного: дан бѣр бе («бросать на ветер, тратить, расходовать зря, безрассудно»), дан бѣр льган («растаптывать, топтать»), дан бѣр г'ола («осуждать, обвинять; чернить»), дан бѣр ч'ѣ'ва («рассматривать, представлять себе», «воображать») и т. д. К этому типу фразеологизмов близки обороты, в которых в качестве именного компонента употреблены местоимения, напр.: дан сѣр хѣв («перечислять, сочинять»), дан сѣр хвѣ («брать вино на себя») и т. д.

4. Предложно-изафетным словосочетанием: дан бѣр аѣле хвѣ («раскидываться мыслью, обдумывать, размышлять»), дан бѣр бина хвѣ («осуждать, обвинять; чернить, порочить»), дан бѣр бина хвѣ («нюхать»), дан бѣр дъле хвѣ («обнимать»), дан бѣн к'ѣме хѣв («сильно ругать, бранить друг друга»), дан бѣн п'ѣр'е хвѣ («окружать вниманием, заботой») и т. д.

У некоторых фразеологизмов именная часть представлена изафетным словосочетанием. К ним относятся, например: дан зора мале дъне («богатством спасти кого-либо»), дан зора хвѣ («настаивать на своем, упрямять»), дан зора х'ѣше хвѣ («упрямять, настаивать на своем») и т. д.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ СЕРИИ ГЛАГОЛА ХАТЬН

Подобно фразеологизмам серии глагола дан фразеологизмы этой серии также делятся на две разновидности:

I. Фразеологические обороты, в основе образования которых лежит модель страдательного залога, требующего для своего выражения сцепления непереходного вспомогательного глагола хатън с именем действия, оформленным показателем косвенного падежа—е (факультативно): хатън соркъръне («получать выговор; постыдиться, стыдиться»), хатън кѣшьне («мучиться, терзаться»), хатън п'ѣпѣскъръне («лишаться авторитета») и т. д.

II. Фразеологические обороты, материальная структура которых состоит из моделирующего глагола хатън в значениях: «подвергаться»; «предаваться»; «появляться»; «оказываться в состоянии»; «выходить»; «становиться» и т. п. и именной части, представленной:

I. Именем существительным в форме косвенного падежа ед. числа: хатън ба («совершать половой акт, быть покрытой (о

собаке, кошке, волчице, медведице, львице и т. п.)», хатын бѣран («совершать половой акт, быть покрытой (об овцах)»), хатын га («быть покрытой (о корове)»), хатын зѣфте («покоряться (кому-либо), подчиняться чьей-нибудь власти, воле»), хатын хѣзѣбе («приходить в ярость, гневаться»), хатын сери («завершаться, заканчиваться») и т. д.

II. Предложно-изафетным словосочетанием: хатын дънийа р'он («появляться, являться на свет, рождаться»), хатын р'еза мѣрва («выходить в люди, становиться самостоятельным, находить место в жизни»), хатын сѣр аѣле хвѣ («образумливаться, опомниться»), хатын сѣр хѣмла хвѣ («восстанавливаться; прийти в прежнее состояние»), хатын вѣхта мера («достигнуть возраста замужества») и т. д.

III. Предложно-падежной формой имени существительного: хатын сѣр ре («соглашаться (с кем-либо, чем-либо)»), хатын сѣр р'еке («прийти к какому-либо заключению, решению, выводу, мнению и т. п.»), хатын сѣр глики («договориться, прийти к одному мнению») и т. д.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ СЕРИИ ГЛАГОЛА АНИН

Основные структуры, в которых реализуются обороты данной серии, следующие:

I. «Глагол анин+имя существительное в форме косвенного падежа»: анин р'ае (варе, йоле) («побеждать, покорять, подчинять, одолевать, приводить к повиновению»), анин сери («давать духу (жару, жизни (кому-либо), расправиться (с кем-либо); делать (с кем-либо) что-нибудь плохое, повредить»), анин сери («осуществлять, выполнять, завершать, довести до конца»), анин щѣһане («творить, создавать»), анин щи («выполнять, исполнять; осуществлять») и т. д. Ближе к этим оборотам стоят два фразеологических оборота, в качестве именного компонента которых представлено наречие, это анин харе («рвать, разрывать, раздирать (кого-что)») и анин харе («свергнуть (кого-либо) с престола, лишить власти»).

II. «Глагол анин+предложно-падежная форма существительного»: анин сѣр қануне («привести к подчинению существующим порядкам, правилам (кого-либо)»), анин сѣр форме («придавать форму»), анин сѣр һ'ал («возвращать к жизни (кого); вылечивать, излечивать»), анин сѣр һ'ыш («приводить в себя кого, выводить из обморочного состояния, из состояния опьянения»), «заставлять опомниться, успокоиться, утихомириться, образумиться»), анин сѣр ре («добиваться согласия у кого-либо на что-либо, склонять на свою сторону; убеждать»), анин бѣр дев («надоедать»), анин бѣр ч'ѣ'ва («ясно представить себе, вообразить», «наглядно показать») и т. д.

III. «Глагол ани+изафетное словосочетание»: ани р'еза мэрва («выводить в люди, принимая деятельное участие в чьей-то судьбе, помогать ему достичь прочного или высокого положения в жизни, найти место в жизни»), ани руйе нэв («устраивать очную ставку; сталкивать кого-либо лицом к лицу»), ани бира хвэ («вспоминать; восстанавливать в памяти»), ани н'але кōшьтне («побить, избить, отколотить (кого-либо)»), ани н'але т'эқандьне («доводить до белого каления, приводить в состояние иступления, полной потери самообладания, довести до крайнего раздражения»), ани щийе нэқ-нэһэқийе («гнуть в бараний рог кого, принуждать, притеснять, подавлять, добиваться покорности, полного подчинения») и т. д.

IV. «Глагол ани+предложно-изафетное словосочетание»: ани бэр н'эше хвэ («перебирать в уме (в памяти, в мыслях, в голове), вспоминая, обдумывать»), ани сэр заре хвэ («говорить, сказать, произносить; упоминать; припоминать»), ани сэр хэмла бэре («восстанавливать, приводить в прежнее состояние, делать по-прежнему») и т. д.

Помимо перечисленных серий курдская фразеология представляет также некоторые сравнительно малочисленные ряды моделированных фразеологизмов. В их число входят:

а) фразеологизмы с глаголом р'акьрн: р'акьрн ар'яка («сердить, раздражать»), р'акьрн сэр т'эхте р'эш («позорить, оскорблять (кого-либо)»), р'акьрн р'уйе э'змана («возносить до небес кого, что, непомерно расхваливать, восхвалять») и т. д.

б) фразеологизмы с глагольным компонентом бьрн: бьрн бал ху («брать на себя, обязываться выполнить, осуществить и т. п. что-либо самому»), бьрн гор'а хвэ («уносить (с собой) в могилу, умереть, не передав, не сообщив (что-либо)»), бьрн дьле хвэ («принимать близко к сердцу, переживать; обижаться») и т. п.

в) фразеологизмы с глаголом чун: чун ахаре сар, чун бал пешийа, чун ахрэте, чун дьнийа вналин, чун тэ'тке мэсиле, чун дьлованийа хвэда («умереть») являются синонимами-моделированными оборотами. В качестве оборотов серии глагола чун можно привести также структуры с различным составом именной части. Например: чун дьнеке дьн («падать в обморок, терять сознание; удивляться; мучиться»), чун н'эвт тэбэке э'змин («испытывать сильную боль»).

Наблюдаются случаи замены глагола чун глаголом һатьн, но эта замена не приводит к изменению смысла оборота в целом. Например: оборот һатьн пышта фьланк'эсе и чун пышта фьланк'эсе в обоих случаях означает: «брать сторону кого, чью, вступаться за кого-либо, защищать кого-либо».

г) фразеологизмы с глагольным компонентом гиһандьн: гиһандьн бәр дәве фк'-е («надоедать, докучать»), гиһандьн дәве гор'е («сводить в могилу кого, доводить до смерти»), гиһандьн ма-ла шьһу («припирять к стенке кого, вынуждать сделать что-либо; приводить в крайнее затруднение»), гиһандьн һильк һәсту («дo-водит до крайнего изнурения; мучить») и т. п.

д) фразеологизмы с компонирующим глаголом р'абун: р'абун ар'ика («приходить в крайнее раздражение, исступление; сердиться, злиться»), р'абун нав зин («занять высокую должность, приобрести высокое положение»), р'абун р'әҗасе («сходить с ума, неистовствовать»), р'абун сәр хвә («выздоровливать; поправляться»), р'абун р'уйе һәв («приставать друг к другу, спорить друг с другом») и т. п.

е) фразеологизмы с компонирующим глаголом гьһиштьн: гьһиштьн дәве гор'е («быть, находится на краю могилы (гроба), быть в состоянии, близком к смерти»), гьһиштьн р'ә'h'ма хвәде («отдавать богу душу, умереть»), гьһиштьн мьразе хвә (һәв) («соединились, поженились, вступили в брак; осычастливились») и т. д.

Согласно нашим наблюдениям, а также по имеющимся данным курдско-русского фразеологического словаря, число фразеологических оборотов с каждым из указанных компонирующих глаголов не превышает десяти или пятнадцати примеров. При этом обороты с переходными компонирующими глаголами являются переходными глагольными фразеологическими единицами. Фразеологизмы же с непереходным глаголом выступают непереходными глагольными оборотами. По признаку переходности-непереходности противопоставляются следующие ряды фразеологических оборотов:

I. Фразеологические обороты с компонирующими глаголами р'акьрьн и р'абун: р'акьрьн ар'ика ср. р'абун ар'ика, р'акьрьн сәр хвә ср. р'абун сәр хвә и т. д.

II. Фразеологизмы с компонирующими глаголами гиһандьн и гьһиштьн: гиһандьн дәве гор'е ср. гьһиштьн дәве гор'е, гиһандьн мьразе һәв ср. гьһиштьн мьразе хвә (һәв) и т. д.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ—СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРОЙ

Данная разновидность фразеологизмов подобно фразеологизмам-предложениям, обладающим восклицательной интонацией, представлена в огромном количестве. Она обнаруживает также большое многообразие структурных типов, организованных по некоторым синтаксическим моделям, допускающим различные виды лексического наполнения.

В отличие от фразеологизмов-предложений с восклицательной структурой они обладают либо непредикативной формой, либо формой частично предикативной. В обоих случаях они служат своеобразными сигналами чувств и волеизъявлений людей. В них, в отличие от фразеологизмов-предложений, говорящий не обращается к сверхестественным силам и силам природы в целях осуществления своего желания. Скорее всего они являются сигналами, очень часто указывающими на обращение второго или третьего лица к подобным силам.

Фразеологизмы-словосочетания с восклицательной интонацией дифференцируются на ряд групп, основными из которых являются следующие:

1. Формулы, выражающие клятву, заверение: *q̄рара хwәде кьрьбә!* («Клянусь богом!»), *вьр мала хwәде!* («Клянусь! Клянусь домом бога! Ей богу!»), *ви әрди, ви әзмани!* («Клянусь (землей и небом!»), *wәләһ әзим, бьлә к'әрим!* («Клянусь!»), *Ад у q̄рар бә!* («Клянусь!»), *Бь әнд бә!* («Клянусь!»), *qас у q̄дрәта хwәде кьм!* («Клянусь богом!») и т. д. В их число входят обороты, допускающие вклинивание вставочного компонента, напр.: *щане фк-е кьм!* («Клянусь кем-то!»), *сәре фк-е кьм!* («Клянусь чьей-то головой!»), *р'яа фк-е кьм!* («Клянусь чьей-то дорогой!») и т. д.

2. Формулы, служащие для выражения негодования, возмущения, злобы, ненависти к кому-либо, к чему-либо: *Р'ожа р'әш!* («К черту (к бесу, к лешему)! Будь проклят!»), *qира qьрьке (бә)!* («К черту! Ко всем чертям!»), *р'әша һ'ьше (бә)!* («Будь проклят! Черт возьми!»), *Дәна дьһоке (бә)!* («К черту! Будь проклят!») и т. д.

3. Формулы, служащие для выражения удивления, изумления, сомнения, разочарования или согласия, восхищения и т. п.: *Wәйла wәйларе (һәй)!* («Ну и ну!») (выражение удивления, восхищения, порицания и т. п.), *һай ло!* («Ого!») (выражение удивления, изумления, восхищения), *Ай-һай!* («Да, конечно! Разумеется!») (выражение полного согласия с кем-либо); «Странно!» (выражение сомнения, удивления по поводу чего-либо), *Ах у әман!* («Ай-ай-ай! О горе! Ох горе-горюшко!»), *Ай-һа!* («Вот так так! Вон оно что! Вот тебе и раз! Вот те (тебе) и на!») (выражение удивления, разочарования и т. п.) и т. д.

4. Формулы, выступающие выразителями порицания, предупреждения, выговора, осуждения: *сәре хwә кәвьра мәхә!* («Не валяй дурака! Не делай глупости!») (выражение категорического предупреждения и запрещения, недопускаемости ругать, оскорблять и т. п.), *ч'ә'ве хwә п'ак вәкә!* («Ты не смей то-то делать!»)

(выражение угрозы в адрес кого-либо), н҃ге хвә гӃһе хвә мӃхә! («Не смей то-то делать! Не делай глупости!») и т. д.

5. Формулы, служащие для выражения категорического заверения, убеждения в отсутствии чего-либо и употребляющиеся при отрицательном ответе на вопрос, просьбу или требование: агӃр-п'ишобә! («Нет и в помине (чего)! И помину нет о чем! Абсолютно нет (чего-либо)! (выражение, убеждающее кого-либо в отсутствии, несуществовании, неимении чего-либо), хуна хьнзир-бә! («Нет и в помине чего! Полностью отсутствует (что-либо)! нет (чего-либо)!»), Г'әраме р'әшбә! («Абсолютно нет (чего-либо)!»), жә'ра мә'ра мә'рабә. («Абсолютно нет (чего-либо)!») и т. д.

6. Формулы, выражающие усиленную просьбу, мольбу: Бьдә хәтьре хвәде у мерә! («Ради самого господ бога! Пощади, смилуйся, не трогай, оставь в покое и т. п.!»), Бой хвәдебә! («Ради бога! Христа ради! Очень прошу, пожалуйста!»), хвәде һ'әзинәки! («Ради бога! Христа ради! Прошу, умоляю; пожалуйста!»), хәтьре хвәдеки! («Ради бога! Ради самого господ бога! Пожалуйста, очень прошу!») и т. д.

7. Формулы—бренные выражения, служащие проклятиями, содержащими указание на отсутствие чувства стыдливости у второго или третьего лица: Ава сар буйи! («Стыд и срам! Как (тебе) не стыдно!»), ә'рда сарда һәр'и! («Стыд и срам! Как тебе не стыдно! Чтобы ты умер!»), Ава р'әш бьн! («Будьте прокляты! Чтобы (вы) подохли, сгинули!») и т. д.

8. Формулы—бренные выражения, указывающие на пожелания неудачи, несчастья, невзгод, всего плохого второму или третьему лицу: Тә'те р'әш һәсебә! («Пожелание неудачи, несчастья третьему лицу»), р'йә дьне нәк'әвьн! («Чтобы умерли!»), вара вӃнд бьн! «Чтобы лишились дома (семьи, наследника!») и т. д.

9. Формулы, выражающие различные приветствия при встрече или расставании: Бь хер һәтьн! («Добро пожаловать!»), сәр сәрар'а, сәр ч'әвар'а һәтьнә! («Добро пожаловать! (я, мы) рад(ы) твоему, вашему приезду!»), жь диндара тә (вә) т'ер нә-бьн! («До свидания! Милости просим!»), вәк'иле сьлава бн! («Передай поклон!») и т. д.

10. Формулы, выражающие восторг, одобрение, хвалу: стер-ка мьнә гәш! («Мой любимый! дорогой!»), Баве мьн кьрьби! («Молодец!»), чәнд сал, чәнд зәман! («Сколько лет, сколько зем! Как давно!») и т. д.

II. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО СТРУКТУРОЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (ФП)

§ 32. Общая характеристика

Один из основных и весьма продуктивных структурно-семантических типов фразеологических единиц курдского языка представлен ФП-устойчивыми оборотами, соотносимыми по своей материальной структуре с предложением. Во фразеологическом составе языка они занимают очень большое место, обнаруживают широкую сферу применения в народном просторечии и особо ярко отражают его структурные и интеллектуально-эмоциональные особенности. ФП присущ целый комплекс признаков, выделяющих их в отдельный структурно-семантический тип.

Материальная структура ФП состоит из именного и предикативного компонентов, которые нередко распространяются другими словами-лексемами. Она функционирует как потенциальная синтаксическая единица, где подлежащим выступает именной компонент, а сказуемым-предикативный компонент. См. напр. *сәре (wi) нахәбьтә* (букв. голова его не работает, в смысле «он не соображает, не мыслит, не понимает; не умный и т. д.»), *Qә-wata (wi) нагьниже* (букв. сила его не дотягивается (до кого, чего-либо), не хватает, в смысле: «ему не по силам, не в силу, не под силу; он малолетний, слабый»), *агьр к'әтә дьле фьланк'әсе* (букв. огонь попал в сердце того-то, в смысле: «встревожился тот-то»), *Дьле фьланк'әсе к'әтә беванк'әсе* (букв. сердце чье-то попало в того-то (или точнее, любовь чья-то вошла в того-то), в смысле: «кто-либо влюбился в кого-либо») и т. д.

Реализуясь в структуре предложения, ФП, однако, не являются коммуникативными единицами-предложениями. Они выступают формально-смысловыми единствами, соотносящимися со сказуемым предложения, т. е. их формально-грамматическая организация не соответствует логико-семантическому построению выражаемой ими единицы мысли. Таким образом, ФП могут быть познаны в логико-семантическом плане. В этом же плане должны быть отграничены от лексем слова-инородные элементы, не входящие в собственный состав материальной структуры ФП.

Инородные элементы-слова являются элементами переменными. Они принимают участие не в образовании ФП, а в построении синтаксической конфигурации, одним из членов которой выступает ФП. При этом следует отметить, что образующие материальную структуру лексемы обычно до возможной степени погружаются в эту конфигурацию, и, как бы сливаясь с имеющимися в ней переменными членами, придают ей черты стабильно-

сти и самостоятельности. Этому в большей степени способствуют случаи, когда границы конфигурации совпадают с границами ФП. См. напр.: *щева фьланк'эсе валайэ* («пустой (тощий) карман у кого-либо, кто-либо очень беден, совсем не имеет денег» и т. д.), т. е. когда в постпозиции и препозиции конфигурации стоят компоненты-лексемы ФП, но в тех случаях, когда модель конфигурации пополняется переменными вставочными словами в позиции после глагольного компонента, т. е. в постпозиции, она выступает как структурно незамкнутая синтагма, границы которой оказываются шире границ фразеологического оборота. См. напр.: *э'мре хвэде хат сэр фьланк'эсе* («кто-либо умер») и т. д. Характерно, что незамкнутость структуры такого рода конфигурации не влияет на ее законченность как целостной коммуникативной единицы. Свидетельством тому служит то, что в акте речи она функционирует как независимое предложение или же выступает таким в качестве части сложного предложения. См. напр.: *Дьле Надо к'этийэ Гөлизэре* («Надо влюблен в Гулизар») в виде самостоятельной, независимой конфигурации, и этот же оборот в качестве части сложного предложения: *Надое Гөлизэре бьстинэ, чьмкө дьле ви к'этийе* («Надо женится на Гулизар, потому что он влюблен в нее»).

Переменные элементы-слова в составе конфигурации выступают в функции смыслового подлежащего и смыслового дополнения и относятся не к отдельным компонентам, а к ФП в целом. В связи с этим конфигурация, состоящая из переменных слов и ФП, оказывается структурой либо двучленной, состоящей из смыслового подлежащего и смыслового сказуемого-фразеологизма, либо же трехчленной, состоящей, кроме смыслового подлежащего и сказуемого, и из смыслового дополнения. В первом случае переменным инородным компонентом является смысловое подлежащее, во втором же случае—смысловое подлежащее и смысловое дополнение.

В формально-грамматическом плане смысловое подлежащее встречается в конфигурации в роли:

1. Косвенного дополнения, стоящего в постпозиции конфигурации (см. напр.: *сэр' хатэ сэр фьланк'эсе* («кто-либо испугался») или в позиции интерлексемной, т. е. между именным и глагольным компонентами, образующими формально-грамматическое подлежаще-сказуемое сцепление (см. напр.: *сэх'эт сэр фк-ер'а дэрбас бу* («кто-либо упал в обморок»)).

2. Определения либо к прямому или косвенному дополнению-компоненту, входящему в конфигурацию не в качестве ее члена, а в качестве составного элемента смыслового сказуемого, занимая в нем интерлексемную позицию (см. напр.: *сэд чьл ав пыш-*

та гѳе фк-е шьл накѳ («кто-либо очень грязный, нечистый»), либо же к именному компоненту фразеологического оборота—формально-грамматическому подлежащему конфигурации, непосредственно следующему за ним и тем самым занимая также интерлексемную позицию (см. напр.: сѳре фк-е дьхѳбѳтѳ («кто-либо соображает, мыслит»).

Трехчленные конфигурации отличаются от двучленных наличием в них смыслового дополнения, выраженного переменным синтаксическим членом. В формально-грамматическом плане прямое смысловое дополнение встречается в основном в роли:

1. Косвенного дополнения, либо непосредственно следующего за смысловым подлежащим и тем самым вместе с ним занимающего интерлексемную позицию (см. напр.: пьшта фк-е бк-е кѳлѳ («кто-либо находится с кем-либо в нехороших, враждебных отношениях»), либо же стоящего в позиции после компонирующего глагола фразеологического оборота, т. е. в постпозиции конфигурации (см. напр.: Дьле фк-е ньчу бк-е, бт-и («кто-либо не полюбил кого-либо, что-либо»);

2. Определения к косвенному дополнению-компоненту, входящему в конфигурацию не в качестве ее синтаксического члена, а составного элемента фразеологизма—смыслового сказуемого этой конфигурации, занимающего в нем место в интерпозиции (см. напр.: h'але фк-е дѳсте бк-еда т'ѳнѳ («кто-либо очень притесняется кем-либо»).

В современном курдском языке прослеживаются три типа ФП: фразеологизмы со структурой повествовательного предложения, фразеологизмы со структурой восклицательного предложения и фразеологизмы, имеющие структуру вопросительного предложения.

Наибольшей продуктивностью отличаются типы фразеологизмов, имеющих структуру повествовательных и восклицательных предложений. Фразеологизмов—вопросительных предложений, в подавляющем своем большинстве обладающих риторической направленностью, очень мало.

Ниже попытаемся коротко осветить каждый из этих типов ФП в отдельности.

ФП СО СТРУКТУРОЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Существует ряд типов ФП, имеющих структуру повествовательного предложения. Основными из них являются следующие.

1. ФП со структурой двусоставного повествовательного предложения «именной компонент+смысловое подлежащее, носящее

переменный характер + предикативный компонент». К ним относятся: аҗле фк-е чокаданә («тот-то глуп», букв. «чей-то ум находится в (его) коленях»), җафе фк-е гәрмә («тот-то пьяный, находится в состоянии опьянения, навеселе», букв. «чей-то череп горячий (теплый)») и т. п. Они объединяются общим значением качественной характеристики лица (реже не-лица) или качественной характеристики состояния лица. Причем эта характеристика ориентируется главным образом на нравственную, морально-этическую оценку человека, оценку его умственных способностей, психофизического или социального состояния. В зависимости от характера общего значения модель образования материальной структуры фразеологизмов допускает соответствующие разные типы лексического наполнения.

В качестве именного компонента, выступающего в составе материальной структуры в функции формально-грамматического подлежащего, употребляются названия частей тела лица или, реже, названия некоторых предметов, принадлежащих ему в качестве непосредственной собственности (рубашка, хлеб, семья, поклажа и т. п.), что касается предикативного компонента, который представляется разными типами словоформ, то в зависимости от его характера выделяется ряд групп фразеологизмов, основными из которых являются следующие:

1. Обороты, предикативный компонент которых соотносится с именным составным сказуемым, именная часть которого представлена:

а) именами прилагательными: кьрасе фк-е кьнә («тот-то глуп»), аҗле фк-е сьвкә («тот-то слаб разумом; легкомыслен, несерьезен»), р'уйе фк-е нәрмә («тот-то скромный»), р'уйе фк-е җальнә («тот-то бесстыжий, наглый»), ч'ә'ве фк-е фьрәнә («тот-то очень щедрый»), ч'ә'ве фк-е җәльн («тот-то очень жадный»), сәре фк-е һ'ышкә («тот-то глуп, тупой, бестолковый»), дәсте фк-е дьрежә («тот-то обладает достаточной властью; щедр, великодушен») и т. д.

б) адъективированными именами существительными или именными словосочетаниями, примеры: сәре фк-е кәвьрә («тот-то очень непослушный»), сәре фк-е дарә («тот-то тупой, бестолковый человек»), шире фк-е шире мьртъванә («тот-то нечестен, не искренен»), дәсте ф-ке ба-баранә («тот-то богат, живет в довольстве, в достатке») и т. д.

К этой разновидности оборотов очень близки фразеологизмы типа: сәре фк-е гуч'ә, бьни пуч'ә («тот-то пустой человек»), р'әвшә мала фк-е диза сорә («тот-то очень бедный, нищий, ничего не имеет») и т. д.

в) предложно-падежной формой имен существительных или различного рода предложно-именными словосочетаниями: һ'ше фк-е ль чокаданә («тот-то глуп, бестолков»), мьле фк-е сәр мьлар'анә («тот-то превосходит всех в силе»), нане фк-е сәр чокана («тот-то неучливый; неряха, неряшливый»), мала фк-е мьшка жи р'ур'әшә («тот-то очень бедный, ничего не имеет дома»), р'ьс-це фк-е сәр пышта хәзалейә («тот-то бедный, тому-то не удается добыть средства к существованию»), пә'рийе фк-е нә йе ви-йә («тот-то очень щедрый»), сәре фк-е нав мьж-думанаданә («тот-то находится в тревожном состоянии; вокруг того-то суматоха, хаос») и т. д.

г) формой причастия прошедшего времени: дәсте фк-е вәк-рийә («тот-то щедрый; тороватый»), р'уйе фк-е вәк'рийә («тот-то не застенчивый, не стеснительный»), дәфа фк-е т'оз гьртийә («тот-то злой, намерен спорить (с кем-либо)'), п'әрда бәр р'уйе фк-е қәтийайә («тот-то бесчестен, непорядочен, бесстыж; непристойный, срамной») и т. д.

II. Обороты, предикативная часть которых обладает значением глагольного сказуемого и представлена утвердительной или отрицательной личной формой глагола һәйн («есть») в 3 л. ед. или мн. числа настоящего времени. Примеры:

а) обороты в утвердительной форме: һ'әвт т'орбе фк-е һәнә («тот-то очень хитрый, лукавый»), шагәра фк-е һәйә («тот-то смелый, бесстрашный, храбрый»), сәре фк-е һәйә («тот-то умный, толковый, способный») и т. д.

б) обороты, обычно встречающиеся в отрицательной форме. Примеры: хера фк-е, фт-и т'өнә («тот-то совсем плох, не подает надежды на выздоровление, тому-то плохо, он умирает; негодный»), һ'але фк-е т'өнә («тот-то в плохом, тяжелом положении, состоянии»), һәстуйе зьмане фк-е т'өнә («язык без костей у того-то, тот-то болтлив»), п'әр'да бәр ч'ә'ве фк-е т'өнә («тот-то очень щедрый, великодушный»), фьр'шке фк-е т'өнә («тот-то труслив»), ч'әрме ә'нийә фк-е т'өнә («тот-то бесстыдный, бесчестный»), наве фк-е һәйә, һәрәк'әте ви т'өнә («у того-то только одно имя, а толку в нем нет») и т. д.

2. ФП со структурой «именной компонент в роли формально-грамматического подлежащего + вставочный переменный компонент — смысловое подлежащее + предикативный компонент, представленный глагольной личной формой 3 лица ед. или мн. числа настоящего длительного времени».

Они выступают представителями фразеологических семантем, отражающих процессы протекания у субъекта различного рода психических или физических состояний, либо же процессы продолжения у него социально-бытового состояния. Примеры:

сәре фк-е дьгәр'ә («тот-то испытывает головокружение»), чоке фк-е дьр'шьфьн («тот-то испытывает сильный страх»), дьле фк-е дешә («тот-то переживает, страдает, испытывает чувство горечи, неудовлетворения и т. п.»), поч'а фк-е пер'а нае («тот-то с трудом справляется с нуждой»), ар'ике фк-е ду нагрън («тот-то испытывает нужду, влачит жалкое существование»), маде фк-е ль һав дьк'әвә («того-то тошнит») и т. д.

У некоторых оборотов этого типа со временем могут развиваться значения, отражающие признак состояния. Это происходит по схеме «(он) болеет-болен, больной», которую можно проиллюстрировать на примере развития семантической структуры следующих ФП: р'уйе фк-е нагрә («тот-то стыдится, чувствует себя неловко; тот-то застенчивый, стеснительный»), сәре фк-е нагрә сәр бә'лгийә («тот-то болеет; тот-то болен, больной»), сәре фк-е дьхәбтә («тот-то хорошо мыслит; тот-то умный») и т. д.

Перерастание понятия о состоянии в понятие о признаке в ряде случаев влечет за собой исчезновение первого понятия. Многие обороты, обнаруживающие эту тенденцию, в настоящее время определяются скорее как адъективные сказуемые, чем глагольные. Так например, оборот дәсте фк-е р'аст начә п'ашьле воспринимается больше в значении «тот-то вор, нечист на руку, склонен к воровству», нежели в значении «тот-то ворует». В последнем значении этот оборот, по-видимому, вообще не употребляется. Так же обстоит дело, например, с оборотами: т'ьли-печ'ийе фк-е зер' дьбьр'ьн в значении «тот-то очень искусный в своем деле, мастер своего дела; сбә-евара фк-е набьн йәк в значении «семь пятниц на неделе у того-то, тот-то легко нарушает свои обещания; тот-то обманщик» и т. д.

Более того, в языке встречаются обороты, которые возникли уже непосредственно в роли адъективного сказуемого, т. е. в качестве обозначения признака лица, минуя стадию обозначения его состояния. Такими оборотами являются, напр.: гөл у нур жь фьланк'әсе дьбарә («очень красивый, чудесный, очаровательный, прелестный»), ба бәр позе фк-ер'а дәрбас набә («кто-либо гордый; чванливый, чванный»), стерка фк-е дьшхлә («тот-то счастливый») и т. д.

Стало быть, можно говорить о существовании фразообразовательного образца, по которому могут образоваться новые ФП-адъективные сказуемые в структуре с компонирующим глаголом в 3 лице ед. или мн. числа настоящего длительного времени.

3. ФП, имеющие структуру «именной компонент в роли формального подлежащего + компонирующий глагол только или преимущественно в личной форме 3 лица ед. числа простого прошедшего времени изъявительного наклонения + предлог (факультативно)

тивно) или предложно-падежная форма имени существительного + указание на синтаксическую связь с переменными членами предложения, обозначающими лицо (или реже нелицо), представляют семантему, отражающую приход лица (или реже нелица) в некоторое состояние (преимущественно физическое и психофизическое). К ним относятся: ишьq hatə ч'э'ве фк-е («тот-то обрадовался (чему-либо)»), хоф к'этə дьле фк-е («тот-то испугался»), ава р'эш hatə нав ч'э'ве фк-е («тот-то ослеп; тот-то растерялся»), qəдум hatə бэр чоке фк-е («тот-то успокоился; окреп»), хуне авитə мəжуиe фк-е («тот-то пришел в иступление, сильное возбуждение»), аqьл к'этə сəре фк-е («тот-то взялся за ум, стал благоразумнее, рассудительнее»), əмре хwəде hat сəр фк-е («тот-то умер»), сьр' hatə сəр фк-е («тот-то упал в обморок») и т. п.

К таким фразеологизмам очень близки обороты, имеющие структуру «именной компонент, представленный словом или словосочетанием в роли формального подлежащего + предлог с вставочным инородным компонентом, нередко оформленным одним из трех послелогов + компонирующий глагол только или преимущественно в личных формах простого прошедшего времени изъявительного наклонения». Примеры: сьн'эт сəр фк-ер'а дəрбас бу («тот-то упал в обморок, потерял сознание»), рəн' бэр фк-еда hat («тот-то ожил, воскрес, вернулся к жизни») и т. д.

4. ФП структуры «именной компонент в роли формального подлежащего + вставочный компонент — смысловое подлежащее + компонирующий глагол, распространяющийся словами — переменными членами предложения в роли смыслового косвенного дополнения» выступают носителем семантемы, отражающей либо различные чувства, испытываемые лицом к кому-либо или к чему-либо, либо же различные отношения, проявляющиеся у лица к кому-либо или к чему-либо. Примеры: h'əба фк-е фьр'и дьле бк-е («тот-то влюбился в того-то»), дьле фк-е к'этə бк-е («тот-то влюбился в того-то»), маде ф-ке чу фт-и («тот-то хотел есть что-либо, у того-то появилось желание есть то-то»), дəсте фк-е чу бк-е («тот-то осмелился бить (трогать) того-то») и т. д.

К фразеологизмам этого типа очень близки обороты с компонирующим глаголом в постпозиции: Шəрийа фк-е ль бк-е дь-бьhəрə («тот-то испытывает чувство доверия к тому-то»), ч'э'ве фк-е бк-ер'а дьр'ьжə («тот-то испытывает чувство острой зависти к кому-либо или к чему-либо»), ч'э'ве фк-е жь фт-и т'ер бу («тот-то насытился чем-то; налюбовался чем-то») и т. д. Подобно предыдущим оборотам эти фразеологизмы обнаруживают обязательную синтаксическую связь с дополнением, занимающим в конфигурации строго определенные синтаксические позиции.

При этом как те, так и другие нередко допускают формальную невыраженность дополнения. См. например: шōрийа ви ль тэ дьбьһōрә, кō гьлийе хвә тәр'а дькә ср. шōрийа ви дьбьһōрә, кō гьлийе хвә тәр'а дькә («он доверяет тебе свою тайну»).

Очень важной чертой подобного рода фразеологических единиц является то, что они, в отличие от рассмотренных до сих пор разных по структуре оборотов, в которых предикативный компонент употребляется только или преимущественно в одной личной глагольной форме, не обнаруживают (или почти не знают) подобного рода ограничения предикативного компонента. Многие из них могут функционировать в личной форме 3 л. ед. или мн. числа как настоящего длительного, так и простого прошедшего, прошедшего длительного времен. Ср. напр.: личные временные формы одного и того же оборота: дәсте фк-е бәр бк-е р'анабә; дәсте фк-е бәр бк-е р'абу; дәсте фк-е бәр бк-е р'анәдбу («у того-то не хватает решимости побить кого-либо; у того-то не хватило решимости побить кого-либо; у того-то не хватало решимости побить кого-либо»). Или ср. личные временные формы следующего глагола: һ'эйфа фк-е ль фк-е те; һ'эйфа фк-е ль бк-е һат, һ'эйфа фк-е ль бк-е дьһат («тот-то жалеет кого-либо; тот-то пожалел кого-либо»); тот-то жалел кого-либо» и т. д.

5. ФП структуры «именной компонент в роли формального подлежащего+компонентирующее слово или словосочетание в роли формального дополнения или обстоятельства и/или вставочный компонент—смысловое подлежащее+компонентирующий глагол только или преимущественно в личной форме 3 лица ед. числа настоящего длительного времени изъявительного наклонения»: агьр бәр п'ийе фк-е дьфьр'ә («тот-то злой, раздраженный, готовый полезть в драку с кем-либо, пылает злобой»), бина шире вьр'ни жь дәве фк-е те («молоко на губах не обсохло у кого, молодой, незрелый, молокосос; нос не дорос у того-то»), сәд чьл ав пышта гōһе фк-е шьл накә («тот-то очень грязный, долго не был в бане»), һ'әвт к'отан к'әр фк-е нак'шиньн («тот-то очень тяжелый, имеет большой вес, тяжеловесный»), поч'а мышк мала фк-еда ар нагрә («тот-то совершенно нищий, бедный, не имеет никаких средств для существования»), мәвижа р'әш гәр'дәна фк-еда хōйа дькә («тот-то очень нежный, красивый, прелестный») и т. д.

Обороты этого типа соотносятся с именным составным сказуемым и объединяются общим значением качественной характеристики лица (или, реже, не-лица)—выражают чрезмерную насыщенность его определенным признаком.

Очень важной чертой оборотов этого типа, отличающей их

от других типов предикативных фразеологизмов, является то, что многие из них в случаях использования в личных формах простого прошедшего времени изъявительного наклонения или же в личных временных формах других наклонений теряют свойство фразеологичности и воспринимаются как переменные предложения. Ср. бина шире вьр'ни (де) жь дэве фк-е те («молоко на губах не обсохло у того-то, молодой, незрелый и т. д.») и бина шире вьр'ни (де) жь дэве фк-е хат («от чьего-то рта пахло материнским молоком»); мэр'в шькле хвə теда дьбинə («очень чистый; очень красивый») и мэр'в шькле хвə теда дит («человек увидел в нем свое лицо») и т. д.

Вместе с тем обнаруживаются отдельные обороты этого типа, которые при использовании глагольного компонента в личной форме 3 лица ед. числа простого прошедшего времени изъявительного наклонения не перестают быть фразеологизмами, но выступают в качестве единиц, соотносящихся с глагольным сказуемым, т. е. реализуются как фразеологизмы глагольные. Например, фразеологизм маде куч'ка жь фк-е хэвдьк'эвə с компонирующим глаголом в форме 3 лица ед. числа настоящего длительного времени соотносится с именным составным сказуемым—выступает в значении «кто-либо грязный; тошнотворный», а с этим же глаголом в форме 3 лица ед. числа простого прошедшего времени он соотносится с глагольным сказуемым, используясь в значении «вызывает тошноту». Ср. также к'эне щьна ль фк-е те («очень забавный, интересный до крайней степени») и к'эне щьна ле хат («вызвал такой смех»).

Таким образом, в зависимости от того, в какой личной форме представлен компонирующий глагол, подобного рода обороты выступают носителями двух разных семантико-грамматических характеристик. В связи с этим они определяются как единицы как бы переходные, находящиеся на периферии двух противопоставленных друг другу структурных типов предикативных фразеологизмов: фразеологизмов, соотносящихся с именным составным сказуемым и фразеологизмов, соотносящихся с глагольным сказуемым.

6. ФП структуры «именной компонент в роли формально-грамматического подлежащего+вставочный компонент—смысловое подлежащее+компонирующий глагол» выражают семантему «(тот-то пришел в такое-то состояние (преимущественно психофизическое))». Они делятся на ряд серий. Приводим основные из них:

А. ФП, выражающие значение исчезающего состояния: к'эфа фк-е бэр'да («тот-то отрезвел, у того-то хмель вышибло»), сэре фк-е бэр'да («у того-то утихла головная боль»), ага э'рəба

фк-е бәр'да («тот-то смутился от неожиданного вопроса; растерялся перед лицом опасности»).

Б. ФП, содержащие указание на идею отстраняющегося состояния: Дьле фк-е дани («отлегло (отошло) от сердца у того-то; отлегло на душе у того-то; тот-то перестал волноваться, раздражаться, успокоился»), сәре фк-е дани («у того-то прекратилась головная боль»), һер'са фк-е дани («чей-то гнев прошел, тот-то успокоился»), к'әла фк-е дани («тот-то перестал плакать»), фәрсәнда фк-е дани («чей-то гнев улегся, то-то успокоился, утихомирился»), п'әришана дьле фк-е дани («тот-то успокоился, получил удовлетворение, добившись желаемого»), аща фк-е дани («тот-то успокоился») и т. д.

В. ФП, обозначающие пробуждение, появление определенно-го состояния: дьле фк-е р'абу («тот-то рассердился, погорячился; пришел в волнение»), һер'са фк-е р'абу («тот-то разгневался, рассердился»), к'әла фк-е р'абу («усилилось волнение у того-то; тот-то стал плакать»), фәрсәнда фк-е р'абу («тот-то разгневался») и т. д.

Г. ФП, выражающие идею ухудшающегося или улучшающегося состояния:

а) обороты с именным компонентом, представленные словом ч'ә'в («глаз»): ч'ә'ве фк-е вәбун («глаза открылись у того-то, тот-то узнал истинное положение вещей, истинный смысл чего-либо»), ч'ә'ве фк-е дәрк'әтын («тот-то измучился (пока сделал то-то)»), ч'ә'ве фк-е сор бун («тот-то разгневался»), ч'ә'ве фк-е р'онаһи дитын («тот-то почувствовал облегчение, избавившись от невзгод, забот, тягот жизни, страданий, болезни и т. п.»), ч'ә'ве фк-е қольбин («тот-то сильно растерялся»), ч'ә'ве фк-е чун сәр сери («тот-то пришел в состояние крайнего удивления, недоумения») и т. д.

б) ФП с именным компонентом, представленным словом дьл («сердце»): дьле фк-е р'әш бу («тот-то измучился, истомился»), дьле фк-е р'әзи бу («тот-то остался доволен»), дьле фк-е п'ърти-п'ърти бу (или кәрбькәр бу) («чье-то сердце разрывалось на части, тот-то испытывал глубокую скорбь, печаль и т. п.»), дьле фк-е шабу («тот-то обрадовался»), дьле фк-е р'ьһ'әт бу («тот-то обрел душевный покой, отдохнул сердцем (душой») и т. д.

Как видно из приведенных выше примеров в оборотах одних серий в качестве моделирующего глагола представлены глаголы переходные, которые, однако, в условиях соединения реализуются в значении непереходном. Такими являются, например, глаголы бәрдан («пустить») и данин («положить»), см. напр.: фразеологизм ага әрәба фк-е бәрда буквально означает «колесо

чьей-то арбы рассыпалось (развалилось»), а фразеологизм *һер'са фк-е дани*—«чей-то гнев отошел».

По характеру проявления компонирующего глагола подобного рода ФП дифференцируются на две группы:

а) ФП, глагольный компонент которых представляется только или преимущественно в личной форме 3 лица ед. или мн. числа простого прошедшего времени: *дъле фк-е дэве Һир'а һат* («тому-то стало тошно»), *ч'э'ве фк-е чунэ сэр сери* («у того-то глаза на лоб полезли; тот-то пришел в состояние крайнего удивления, недоумения»), *ага э'рэба фк-е бэрда* («тот-то смутился от неожиданного вопроса, растерялся перед лицом опасности») и т. д.

б) ФП, обнаруживающие двойное функционирование компонирующего глагола:

1. В личной форме 3 лица ед. или мн. числа простого прошедшего времени;

2. В личной форме 3 лица ед. или мн. числа прошедшего результативного времени.

Причем в зависимости от того, в какой из этих форм представлен компонирующий глагол, в содержании ФП наблюдаются различные семантико-грамматические оттенки. Так, например: при функционировании в личной форме простого прошедшего времени ФП выражают семантему, отражающую приход лица в определенное состояние, а при употреблении в форме простого результативного времени они указывают на его качественный признак. Ср. напр.: *Бина фк-е һатэ бэр* в значении «тот-то успокоился, вздохнул свободно, отдохнул» и тот же фразеологизм в форме *бина фк-е һатийэ бэр* в значении «тот-то спокойный». Ср. также: *һер'са фк-е р'абу* «тот-то рассердился» и *һер'са фк-е р'абуйэ* «тот-то сердитый», *р'уйе фк-е бу к'ьтан* «тот-то побледнел» и *р'уйе фк-е буйэ к'ьтан* «тот-то очень бледный»; *гöла э'ниһа фк-е вэбу* «тому-то стало весело» и *гöла э'ниһа фк-е вэбуйэ* «тот-то веселый, спокойный» и т. д.

Вопрос о том, какая из двух форм функционирования фразеологизма является первичной по отношению к другой, должен быть решен в семантическом плане. Приобретение лицом, например, признака «очень бледный» должно рассматриваться как следствие его прихода в состояние побледнения: «он побледнел—стал бледным—бледный», т. е. по отношению к форме *р'уйе фк-е буйэ к'ьтан* форма простого прошедшего времени оказывается формой первичной. В таких же соотношениях находятся, напр.: *дэсте фк-е дар гьрт* «тот-то вступил в возраст, стал взрослым» и *дэсте фк-е дар гьртнэ* «тот-то взрослый»; *к'ефа фк-е бэрда* «тот-то отрезвел» и *к'ефа фк-е бэрдайэ* «тот-то трезвый» и т. д.

По-видимому есть полное основание рассматривать фразеологизмы с компонирующим глаголом в форме 3 лица ед. или мн. числа прошедшего результативного времени как самостоятельную разновидность предикативных фразеологизмов и ограничивать их от фразеологизмов-производящих.

ФП СО СТРУКТУРОЙ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Эта разновидность фразеологических единиц, обычно встречающихся в разговорном просторечии, в настоящее время широко представлена и в художественной литературе. Она занимает довольно обширное место во фразеологическом фонде курдского языка. Но в то же время она не обнаруживает особой продуктивности. В подавляющем большинстве это обороты—устаревшие, архаические образования, связанные с конкретно-историческими условиями жизни народа в разные эпохи и широко раскрывающие различные религиозно-мистические представления, отражающие в разных формах безудержное стремление к вере в магическую силу заклинания.

В качестве отдельного структурно-семантического типа их выделяет ряд общих для них специфических признаков и особое лингвистическое назначение во фразеологической системе языка.

В плане лингвистического назначения эти обороты определяются как формулы пожелания—выразители эмоций и волеизъявления. Этой особенностью предопределена их реализация в виде междометий, выполняющих подобно междометным словам не номинативную функцию, а функцию эмотивную.

В синтаксическом плане они выступают как самостоятельные и обособленные речевые конфигурации, лишенные возможности реализации в качестве члена предложения, поскольку сами по себе организованы как предложения. В то же время, будучи самостоятельными единицами, они допускают вклинивание инородных элементов, вставляемых в структуру конфигурации в виде слов или словосочетаний. При этом вставочные элементы, не входящие в их собственно компонентный состав, обычно выступают обозначением лица, которому адресовано пожелание (см. напр.: бөлки ч'э'ве тә дәрән! «чтобы тебе повылазило! чтобы ты ослеп! да ослепнешь ты на оба глаза!»). В ряде случаев они опускаются, придавая структуре своеобразный эллиптический характер. См. напр.: охьра херебә! счастливого пути! ср. полный вариант: охьра фк-е хербә! Или охьра фьланк'әсе охьра херебә! (с тем же значением). Или сәһ'әт хашбә! «Браво! Молодец! (вы-

ражение одобрения, восхищения), ср. полный вариант: сәһ'әтә тә (wә, wi, wan) хwашбәл) (с тем же значением) и т. д. Неполные варианты, завершённые по смыслу, обычно не нуждаются в восстановлении отсутствующего вставочного компонента. Вместе с тем эллиптические варианты в ряде случаев приобретают новые смысловые оттенки, претендуя как бы на право самостоятельной единицы. См. напр., мали авал в значении «Да будет (твой) дом благоустроенным!», сопровождаемом оттенком «Благодарим!», «Благодарю!» и исходная, полная форма этого выражения в виде мала тә авабә! «Пусть процветает твой дом!», «Да будет твой дом благоустроенным!»

В структурном отношении формулы пожелания представляют собой предикативные структуры-предложения, состоящие из одной или реже из двух предикативных единиц. См. напр.: р'йа р'аст бе пешийа фланк'әсе! «Чтобы кто-либо добился благополучия!» (пожелание успеха), ср. хwәде гър' бьдә фьланк'әсе, нәйнука же бьстинә «Да поставит бог того-то в бедственное положение!»

Нередко встречаются эллиптические образования, которые хотя и отличаются неполнотой своей структуры, но в смысловом отношении являются завершёнными и не нуждаются в восстановлении отсутствующего компонента, в основном формального прямого дополнения. См. напр.: оборот хwәде авакә! «Да благоустроит бог! Мир дому сему!» Ср. с его полным вариантом: хwәде мале авакә! Или, хwәде бьһелә! «Да сохранит бог сына (твоего)!» ср. с его полным вариантом: хwәде кәр'е тә бьһелә! и т. д. Неполные варианты, как это видно из приведенных примеров, сохраняют предикативную структуру, которая содержит прямое указание на возможность их экспликации.

Фразеологизмы со структурой восклицательного предложения, как в полных, так и в эллиптических вариантах характеризуются также рядом общих особенностей. Помимо особой, восклицательной интонации эти структуры представляют предикативный компонент (в виде именного составного сказуемого или сказуемого глагольного), обычно, реализуемый в личных формах второго и/или третьего лица ед. или мн. числа настоящего-будущего времени сослагательного наклонения. (См. напр.: (Бәлки) бина к'узо wi бе! «Чтобы с ним произошло несчастье! Чтобы он сгорел! (Букв. «чтобы от него пахло тлеющими углями!»); охьра фьланк'әсе охьра һьһобә! «Несчастливого пути тому-то!» и т. д.). Наряду с этим такие структуры в своем подавляющем большинстве определяются наличием в их составе специфических слов-междометий, выражающих эмоционально-усилительное отношение говорящего к тому, о чем он говорит.

Этими словами являются бѣлки («чтобы») и бѣра («пусть»), выступающие со значением волеизъявления и в ряде случаев имеющие факультативное применение. Кроме того в составе многих фразеологизмов этого типа в качестве именного компонирующего элемента выступают слова хвѣде («бог») в'рд («земля»), агьр («огонь»), брук («молния»), шѣмс («солнце»), кѣвр («камень»), т'оп («орудие») и т. д., используемые как обозначения небесных, сверхъестественных сил и сил природы, способных выполнять то, чего просит говорящий. Отметим также, что фразеологизмы, имеющие структуру восклицательного предложения, отличаются большим многообразием структурных типов, многие из которых представлены узким кругом единиц. Наиболее распространенными типами, отличающимися друг от друга особенностями модели или различными типами лексического наполнения одной и той же модели являются следующие:

I. Формулы приветствия-пожелания или прощания-пожелания; р'ожа тѣ хер(бѣ)! («Да будет день твой добрым! Доброе утро!»), сьба тѣ хер(бѣ)! («Да будет утро твоё добрым! Доброе утро!»), шѣва тѣ хер(бѣ)! («Да будет твоё ночь доброй! Добрая ночь!»), Шѣва тѣ бьминѣ хаш! («Да останется твоё ночь доброй! Спокойной ночи!») и т. д.

II. Формулы благословений (дѣа, дѣа-дърозгѣ, дѣа-нѣа). Обороты этого типа выражают пожелания благополучия семье, исполнения заветной мечты, доброго и счастливого пути, невредимости и непобедимости, крепкого здоровья и личного счастья и т. п., обнаруживая соответствующие типы лексического наполнения:

1). Формулы пожелания кому-либо счастья, благополучия, успехов в жизни, работе и т. п.: хвѣде т'ѣв шѣхѣле фк-е бѣ. («Да поможет бог кому-либо в каком-либо деле! Да сопутствует бог чьему-то начинанию!»), Бѣлки кѣвр бѣр ньге фк-е бьбѣ пѣнер! («Чтобы кто-либо был счастлив, имел счастливую жизнь! Чтобы у того-то были успехи!»), р'ѣа р'аст бе пешѣа фк-е! («Чтобы тот-то добился благополучия!»), хвѣде к'омѣка фк-ер'а бѣ! («Да поможет бог кому-либо в каком-либо деле!») и т. д.

2). Формулы пожелания кому-либо доброго, счастливого пути: охьра фк-е охьра в'ли бѣ! («Счастливого пути тому-то!»), охьра фк-е охьра херебѣ! («Доброго пути тому-то!»), хвѣде охьра фк-ер'а бѣ! («Да сопутствует кому-либо бог!») и т. д.

3). Здравницы-формулы пожелания кому-либо жизни, здоровья, невредимости и непобедимости: сѣре фк-е сах бѣ! («Пусть чья-то голова будет здорова! пусть невредим будет кто-либо!»), щане фк-е хвѣшбѣ! («Пусть жив будет кто-либо!»), хвѣде фк-е бьнелѣ! («Да сохранит бог того-то!»), ч'ѣ'ве фк-е дьнебѣ! («Что-

бы тот-то всегда (вечно) жил на свете!»), хвәде сәһ'әта фк-ер'а бә! («Да сохрани бог чье-то здоровье!»), шуре фк-е сәр шураp'а бә! («Чтобы кто-либо всегда одерживал победу над кем-либо и был непобедим!») и т. д.

4). Формулы пожелания кому-либо благополучия семьи, очага: мала фк-е шен-қәдимбә! («Будь чей-то дом процветающим и вечным!»), хвәде мала фк-е авака! («Да благоустроит бог чей-то дом!»), Қап'ийе фк-е шен бә! («Пусть чей-то очаг (дом) процветает!»), к'әдәр мале нәк'әвә! («Чтобы очаг был невредим!»), ошаха фк-е шена хвәдебә! («Мир дому сему! Да благоустроит бог чей-то дом!») и т. д.

Множество разнообразных формул структуры восклицательного предложения выражают одобрение, восхищение, хвалу (напр.: р'уйе фк-е сьлибә! («Хвала, почет тому-то! Молодец тот-то!») или возмущение, негодование, недоумение (напр.: мьразе фк-е бьқөрчмә! («Чтобы тот-то умер в молодости, не достигнув осуществления своей заветной мечты!»). Встречается также немало формул пожелания выздоровления второму или третьему лицу, спокойного рождения ребенка и т. д. Хатуна фәрхан бәр фк-е р'уне! («Чтобы святая хатун-фархан (ангел, помогающий по суеверным представлениям женщине разрешиться) помогла кому-либо родить ребенка!»), бьра һ'әкиме лодман һәвара фк-е бе! («Чтобы тот-то выздоровел, чтобы врач (доктор) локман пришел тому-то на помощь!») и т. д.

III. Формулы проклятий (ньфьр', ньфьр'-афьр', нәхастьн). Эти обороты выражают пожелания неблагоприятия семьи, неисполнения заветной мечты и т. д. и обнаруживают соответствующие разновидности лексического наполнения модели. Ими являются:

1. Формулы пожелания кому-либо недоброго пути: охьра фк-е охьра һ'әнобә! («Недоброго пути тому-то!»), р'увийе р'әш бе пешийа фк-е! («Чтобы кто-либо встретил несчастье!»), охьра фк-е р'әшбә! («Да сопутствует кому-либо несчастье!») и т. д.

2. Формулы пожелания кому-либо смерти, недолгой жизни и т. п.: хали сәре фк-е бә! («Горе кому-либо!»), хвәде фк-е бькөжә! («Чтобы тот-то умер!»), думәкә фк-е кьнбә! («Чтобы тот-то недолго жил!»), хвәде дишана фк-е бькә! («Чтобы тот-то умер!»), кәвьре фк-е бьқөльбә! («Чтобы тот-то умер!»), бьруск фк-е к'әвә! («Разрази (порази) гром кого!»), Бруск сәр фк-еда бьбарә! («Чтобы кого-либо поразила молния!») и т. д.

3. Формулы пожелания кому-либо вреда, личного несчастья, болезни и т. п.: хвәде фк-ер'а һьлнәдә («Да накажет бог того-то!»), Бина кузо фк-е бе! («Чтобы с тем-то произошло несчастье! Чтобы тот-то сгорел!»), кәвьр сәр фк-еда бьбарьн! («Чтобы

тому-то было больно, худо!»), базъне пышта фк-е бышке! («Чтобы тот-то был наказан!»), ч'э'ве фк-е ч'э'ве еше к'эвэ! («Чтобы заболел тот-то!»), р'ожа р'эш сэр фк-сда бел («Да будет тот-то несчастным!»), қәда фк-е к'эвэ! («Чтобы на того-то обрушилось несчастье!») и т. д.

4. Формулы, выражающие пожелания кому-либо неблагополучия семьи, очага: т'оп мала фк-е к'эвэ! («Чтобы разрушился, сгорел дом чей-то!»), мала фк-е кавла кӧле бә! («Чтобы разрушилась чья-то семья! чтобы разрушился чей-то дом!»), қап'ийе фк-е дәвәр'у бә! («Да постигнет горе чей-то очаг!»), ошаха фк-е кор бә! («Да разрушиться чей-то очаг!») и т. д.

IV. Формулы, выражающие удовлетворение, восторг: Шькър ве гавера! («Слава богу!»), шькър мала хвәде! («Слава божьему дому!»), шәмсо, шькър тәбә! («Слава богу, слава тебе, господи!») и т. д. Ответ на подобные формулы со стороны второго или третьего лица следует в виде пожелания-формулы, также имеющей структуру восклицательного предложения: хвәде шькърйе бьдә тә (wә, wan и т. д.)! («Чтобы бог дал тебе (ему, им, и т. д.) радости!»).

V. Формулы, выражающие пожелания по поводу осуществления чего-либо: хвәде ләв бинә! («Бог помочи! Помогай бог! (выражение пожелания удачи, успехов в чем-либо, обычно при начинании какого-либо дела), хвәде бькә! («Дай бог! Пусть бог осуществит! Да будет так!» (выражение большого желания по поводу осуществления чего-либо), хвәде херкә! («Да благословит бог!») и т. д.

VI. Формулы обращения-пожелания, выражающие покорность, беспрекословное подчинение: сәре мьн бәр тәда муйә! («Нахожусь у тебя в беспрекословном подчинении!»), әз хӧлам! («Ваш, (твой) покорный слуга!»), әз бәни! («Мой господин! Ваш (твой) покорный слуга!») и т. д.

VII. Формулы-клятвенные заверения: бьруск мьн к'эвә! («Разрази (порази) меня молния (гром)!»), ч'э'ве мьн бьр'ьжьн! («Лопни мои глаза!»), хвәде мала мьн хьрабкә! («Бог разрушит мой дом!») и т. д. Этого типа обороты очень часто выражают также сожаление по поводу чего-либо.

VIII. Среди оборотов структуры восклицательного предложения немалое место занимают отдельные примеры, выражающие беспрекословное согласие или благословения-пожелания или просьбу и т. п.: әз бәхе тә (wә) мә! («Умоляю, прошу тебя (вас)!»); әмәке мьн тә һ'әлалб! («Я благословляю тебя! Пусть мой труд принесет тебе пользу!»), дәсте мьн (мә) дәсте тәр'а (wәр'а)! («Я (мы) полностью согласен (ны) с тобой (с вами)!») и т. д.

IX. Формулы-выражения, употребляемые при упоминании о покойном, обычно как пожелания ему загробной жизни в раю: Гор'а фк-е wəкə ве дьне фьрəбə! («Царствие (царство) небесное тому-то!» р'əмə ль фк-е бə! («Царствие небесное тому-то! Вечная память тому-то! Блаженной (светлой, памяти»), Бра фк шьнəти бə! («Царство небесное тому-то!») и т. д.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КУРДСКОГО ЯЗЫКА

Выделение фразеологизмов в грамматические классы основано на их соотношении с соответствующими частями речи.

Курдский язык представляет следующие грамматические классы фразеологизмов, которые определяются общностью их грамматических категорий и выполняемой ими функции в составе предложения:

1. Номинативные фразеологизмы,
2. Междометные фразеологизмы,
3. Модальные фразеологизмы,
4. Служебные фразеологизмы.

НОМИНАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

Номинативные фразеологизмы выступают как обозначения предметов, явлений, действий, состояний, качеств и т. д. Они имеют значительный удельный вес во фразеологическом фонде языка и представлены разнообразными структурно-семантическими типами.

Различаются следующие разряды номинативных фразеологизмов: субстантивные, адъективные, адverbиальные и глагольные. В состав каждого из этих разрядов входят единицы разных структурно-семантических типов, объединенные в нем на основании общности их грамматического значения, формально-грамматических показателей этого значения и выполняемой ими функции в предложении.

Согласно фразеобразовательной модели характер материальной оболочки фразеологизма в виде словосочетания или предложения зависит от специфики его содержания, состоящего из фразеологического значения и грамматических категорий. При этом, если природой фразеологического значения обусловлено ти-

повое значение материальной оболочки фразеологизма, то характером грамматических категорий определяется значение ее грамматически ведущего члена (—принадлежность к данной части речи). В частности, в материальной оболочке большинства субстантивных фразеологизмов грамматически ведущий член выражен именем существительным. Если же грамматически ведущий член выражен глаголом, то фразеологизм является глагольным. Однако, вместе с тем, курдская фразеология представляет немало случаев, когда значение грамматически ведущего члена не совпадает с грамматическим значением фразеологизма. Мнгоне фразеологизмы синкретически соединяют в себе два типа грамматических значений. Например, некоторые субстантивные фразеологизмы могут совмещать грамматическое значение имени существительного и прилагательного, ср. гьрийа р'эш «очень жадный» и «жадина»; нав у дэнг «слава, известность» и «славный, известный». Адвербиальные фразеологизмы могут иметь фразо-грамматическое значение прилагательного, ср. напр.: сэр ав-э'бура хвэ «честно» и «честный» и т. д.

Следует также отметить, что для курдской фразеологии не менее характерны случаи, когда фразеологизмы по стержневому слову являются глагольными, но реализуются в предложении в качестве прилагательного, см. напр.: жь э'рдева нае хане «очень маленький, низкого роста» и т. д.

§ 1. Субстантивные фразеологизмы

Единицы фразеологической системы языка, которые служат обозначением предмета в широком смысле, т. е. обладают значением предметности, называются субстантивными фразеологизмами. В качестве таких единиц выступают, например, ава р'у «честь, достоинство», ав у агьр «беда, бедствие, несчастье», ав у зар «плач, стенание, переживания», йе сор «красная сыпь, корь», нане п'ехэмбэр «кукуруза», дьня дэрэвин «бранный мир, этот свет, земной мир», эмэке бэсис «черная неблагодарность», э'вде сэр-р'эш «чернь, простолудин; раб божий», тарг-фарг «надежда», п'эра сэрате «конец жизни, граница между жизнью и смертью» и т. д.

Субстантивными фразеологизмами являются: изафетные фразеологизмы¹, фразеологизмы структуры «относительное местоимение+имя прилагательное или имя существительное (с предлогом или без предлога) или же форма причастия прошедшего време-

¹ См.: Глава вторая, § 16.

ни»¹, фразеологизмы со вторым компонентом—словом-рифмой² и парные фразеологизмы, имеющие материальную структуру, состоящую из двух имен существительных или субстантивированных имен прилагательных³.

Морфологические особенности субстантивных фразеологических единиц

Несмотря на семантическое разнообразие всем субстантивным фразеологизмам присуще общее, одинаковое для всех значение—предметное. Оно выражается в том, что субстантивные фразеологизмы обладают грамматическими категориями рода, числа, падежа, определенности и неопределенности, могут определяться прилагательными, местоимениями, числительными и сочетаться с глаголом. Морфологические изменения субстантивных фразеологизмов и реализуемые ими грамматические значения прослеживаются в составе предложения, где они употребляются в роли подлежащего, дополнения, именной части составного сказуемого, определения и определяемого.

Р О Д

Категория рода является классификационной грамматической категорией субстантивных фразеологизмов. Она лежит в основе дифференциации субстантивных фразеологизмов на два класса: фразеологизмы мужского рода и фразеологизмы женского рода. Редко встречаются также субстантивные фразеологизмы общего рода, которые, однако, не могут составить отдельный класс, т. к. не имеют своих особых родовых признаков. Их реализация то в значении мужского рода, то женского рода происходит в полной зависимости от конкретных целей высказывания (ч'ежка гора «мерзавец», ср. ч'ежка гора «мерзавка»).

Категория рода прослеживается у субстантивных фразеологизмов в единственном числе. Во множественном числе субстантивные фразеологизмы по родам не различаются. В зависимости от этого субстантивные фразеологизмы, традиционно употребляющиеся только во множественном числе (нав-нуч'ък «насмешливые или бранные прозвища; ньфър'-афър' «проклятия, всякого рода недобрые пожелания») не обнаруживают принадлежности ни к мужскому, ни к женскому роду. При этом они встречаются сре-

¹ См.: Глава вторая, § 19.

² Там же, § 14.

³ Там же, § 3.

ди субстантивных фразеологизмов как с подчинительной, так и с сочинительной структурой.

В зависимости от особенностей структурно-семантической организации субстантивных фразеологизмов их родовая принадлежность по разному определяется. При этом различия между субстантивными фразеологизмами мужского и женского рода наблюдаются как в плане семантическом, так и морфологическом.

В семантическом плане различаются фразеологизмы женского и мужского рода с общим значением лица. Например, фразеологизм ахае һ'әр'ийе «Шишка на ровном месте; человек, который много мнит о себе; ничтожная личность» обозначает лицо только мужского пола, а фразеологизм мака нодькнод шә'нуи «женщина, которая имеет много детей, очень находчивая, бойкая» — лицо женского рода.

В морфологическом плане фразеологизмы мужского и женского рода различаются постановкой при них указательных местоимений в форме косвенного падежа ед. числа и соответствующими изафетными показателями (см. напр.: һур-мур: һур-муре мьи, һур-мурәки баш, ви һур-мури и т. д.; бәжн у бал: бәжн у бала тө, ве бәжн у бале, бәжн у баләкә бәдәв и т. д.; тьрале бәхдае; әви тьрале бәхдае, тө тьрае бәхдайейн и т. д.; кәвч'ийе һ'әрам: әви кәвч'ийе һ'әрам, кәвч'ики һ'әрамә, и т. д.

В плане взаимоотношений между фразо-грамматическим значением и значением составным (суммой значений компонирующих слов) род фразеологизмов различных структур определяет по-разному.

1. Род субстантивных парных фразеологизмов определяется родом компонирующего слова, стоящего в постопозиции. См. например: нав намус «честь» (намус «честь» — существительное женского рода), дәр-бәла «беда» (бәла «беда» — существительное женского рода); ав-агьр «беда, бедствие» (агьр «огонь, беда» — существительное мужского рода), ав-зар «плач, рыдание, мучение» (зар «язык» — существительное мужского рода) и т. д.

2. Род субстантивных фразеологизмов со вторым компонентом словом-рифмой определяется родом значимого, препозитивного компонента. См. например, субстантивные фразеологизмы мужского рода: хан-ман «здание, дом» (хан(и) «дом» — существительное мужского рода), шәр'-шур' «драка, ссора; клевета» (шәр' «драка, ссора» — существительное мужского рода), мал-мул «имущество, скот» (мал «скот, имущество» — существительное мужского рода) и т. д.

3. Род субстантивных фразеологизмов с относительным местоимением в препозиции определяется родом этого местоимения. См. например: йа дәнг «пистолет» (— фразеологизм женского ро-

да), йа—относительное местоимение женского рода), йа тә'л «водка» (—фразеологизм женского рода), йа—относительное местоимение женского рода), йе гоно «тот, кто подразумевается» (—фразеологизм мужского рода), йе—относительное местоимение мужского рода) и т. д.

Род субстантивных изафетных фразеологизмов определяется родом ведущего компонирующего слова, стоящего в препозиции. См. например: дәрге тәнг «трудное, безвыходное положение» (дәргә «дверь»—существительное мужского рода), дике бе һ'ә-йам «нетерпеливый человек, которому не спится, который встает рано», (дик «петух»—существительное мужского рода); кани-йа сыпи «святой источник, откуда согласно езидской религии, мать берет молоко для новорожденного ребенка» (кани «источник»—существительное женского рода), аха сар «вечный покой, могила» (ах «земля»—существительное женского рода), р'ожа р'әш «беда, бедствие» (р'ож «день»—существительное женского рода) и т. д.

Ч И С Л О

Субстантивные фразеологизмы в значении прямого падежа не имеют специальных показателей ни единственного, ни множественного числа. Число определяется лишь в контексте через соответствующие формы сказуемого: хан-ман бәдәвә «здание красивое» ср. хан-ман бәдәвһн «здания красивые» или хәрш-хәраш да «отдал налог» ср. хәрш-хәраш дан «отдал налоги» и т. д.

В значении косвенного падежа¹ субстантивные фразеологизмы оформлены показателями—е/-йе (для женского рода) и -н/-йи (для мужского рода) в единственном числе, а во множественном числе—показателем -а/-йа: ве дәф-дә'вате «эта свадьба» ср. ван дәф-дә'вата «эти свадьбы» или ви әк'һн-т'икни «этот посев» ср. ван әк'һн-т'ик'на «эти посевы» и т. д.

Субстантивные фразеологизмы в значении звательного падежа хотя объективно и встречаются, но сравнительно редко оформляются показателями этого падежа: -е/-йе (для женского рода) или -о (для мужского рода) в единственном числе и -но (или инә) во множественном числе: р'әбе аләме, тә к'омәке бьди кәр'ед мһн: «Бог, что бы ты помог моим сыновьям», дәр у щинарно, вәрен к'омәке бьдһн ван хәбатчийа «Соседи, приходите на помощь этим рабочим» и т. д.

Показателями единственного или множественного числа выступают также соответствующие изафетные флексии: -е/йе (для мужского рода), -а/-йа (для женского рода) в единственном чис-

¹ См.: косвенный падеж.

ле и -е(д)/-йе(д) во множественном числе: әк'ын-т'ик'не баш «хороший посев», ср. әк'ын-т'ик'нед баш «хорошие посевы». При оформлении фразеологизма неопределенным артиклем -әк изафетными показателями единственного числа выступают: -и (для мужского рода), -ә (для женского рода): әк'ын-т'ик'неки баш «какой-то хороший посев» ср. ав-халикә баш «какая-то хорошая почва (земля)». В качестве неопределенного артикля во множественном числе выступает показатель -нә: әк'ын-т'ик'нә баш «какие-то хорошие посевы», ав-халинә дәвләмәнд «какне-то богатые земли (почвы)» и т. д.

Грамматическая категория числа у субстантивных фразеологизмов зависит от характера их семантико-грамматической организации.

Субстантивные фразеологизмы с сочинительной структурой в своем подавляющем большинстве имеют только множественное число: «ав-һесър «слезы, рыдание, плач», дәр-щинар «соседи, окружающие», дәв-дъран «разговоры, сплетни», жьн-мер «супруги», тәйр-ту «птицы, пернатые», т'өли-мьли «разбойники, хулиганы» и т. д. Но встречаются и такие, которые имеют только единственное число. В такого рода оборотах значение единственного числа реализуется с дополнительным оттенком собирательности или собирательности-усилительности: бәхт-мъраз «счастье, заветное желание», бин-бохз «неприятный запах», ав-һәва «климат», си-сибар «тенистое место, защита; покровительство», си-стар «защита, покровительство, опора» и т. д.

Фразеологизмов с подчинительной структурой, имеющих оба числа, сравнительно мало. Они представлены оборотами типа: дәм-дәзгә «убранство, утварь, порядок, строй, устройство, инструменты» (ср. ви дәм-дәзгәйи и ван дәм-дәзга), ду-дәрман «лекарство, препараты» (ср. ви ду-дәрмани и ван ду-дәрмана), һур-мур «вещи, товар» (ср. ви һур-мури и ван һур-мура), к'еф-шаһи «веселье, радость» (ср. ве к'еф-шаһийе и ван к'еф-шаһийа) и т. д.

Субстантивные фразеологизмы с подчинительной структурой и, особенно изафетные фразеологизмы, в подавляющем своем большинстве имеют только единственное число: бинайа ч'ә'ва «бог», сәре песәкнийа «глава, старший по положению, тот, у кого можно получить совет», бука баране «домосед», ава р'у «честь», ава авһ'әйат (һ'әйате) «живая вода», ава бьн кае «предатель», г'өла говәнда «хороший танцор; веселый человек», гола хуне «тот, кто ищет повод поругаться, подражаться», гиһае г'өра «мясо», йа тә'л «водка» и т. д.

Некоторые фразеологизмы, традиционно употребляемые в единственном числе, могут иметь и множественное число. Это

обороты типа: гәр'ока нава гӧнд «бродяга, бродяжка», ср. гәр'окед нава гӧнд «бродяги, бродяжки»; т'уле гӧра «мерзавец, подлец», ср. т'улед гӧра «мерзавцы, подлецы» и т. д.

Редко встречаются также субстантивные фразеологизмы, употребляющиеся только во множественном числе. В качестве таковых выступают, например: йе хур «оспа», йе зэр «золото, золотые монеты», ч'ежке събате «детушки», йе нав т'льийа «деньги» и т. д.

Категория падежа

Падежные (нормативные) изменения обычно характерны для субстантивных фразеологизмов с сочинительной структурой. Фразеологизмы с подчинительной структурой не претерпевают подобных изменений.

Прямой падеж

Формы единственного и множественного числа субстантивного фразеологизма в прямом падеже не имеют специальных флективных показателей. Падежное значение определяется по выполняемой фразеологизмом функции в составе предложения. В частности он выступает:

1. подлежащим субъектной конструкции: нане п'ехәмбәр бал мә нешин набә «кукуруза у нас не выращивается», дөф-дә'ват бәтьли «свадьба (брачный обряд) завершилась» и т. д.

2. дополнением объектной конструкции предложения: әви нане п'ехәмбәр хар «он съел кукурузу», мьн дәйн-дуйе хвә дан «я отдал свои долги» и т. д.

3. именной частью именного сказуемого: тӧ тьр'але бәхдаейн «ты лодырь, бездельник», әв к'уте бәр тәндурейә «он лентяй» и т. д.

Косвенный падеж

Субстантивные фразеологизмы в косвенном падеже ед. числа приобретают формант женского рода -е или формант мужского рода -и: ви хур-мури бьдә ви «передай ему эти вещи», ве нав намусе «эту честь», ве урт'-бьнйате «это происхождение» и т. д.

Во множественном числе субстантивные фразеологизмы имеют флексию -а: ван хур-мура бьдә ви «передай ему эти вещи», ван та у бәна тӧ жь кӧ тини? «откуда у тебя такие хитрости?» и т. д.

В косвенном падеже субстантивные фразеологизмы очень часто сопровождаются указательным местоимением в форме кос-

венного падежа ед. или мн. числа: ве дэ'ф-дэ'wате («эта свадьба») ср. ван дэ'ф-дэ'wата («эти свадьбы»).

Фразеологизм в косвенном падеже выполняет функцию:

1. прямого дополнения субъектной конструкции предложения: әw ав у халийа кал-бава һ'ыз дькә «он любит родные края», жь-ньке мал-муле хwә фьрот «женщина продала свое имущество» и т. д.

2. субъекта действия объектной конструкции предложения: омьд-ешана әw мазьн кьр «родные вырастили ее», дәр-шинара к'омәк дан wan «соседи помогли им», ду-дәрмана әw қәнщ кьрьн «лекарства помогли ему выздороветь» и т. д.

3. косвенного дополнения или обстоятельства: әскәре сор гә-ләк щьмә'т жь ав-агыра хьлаз кьрьн «Красная армия спасла от беды многие народы», әw ль дәрге тәнгданә «он находится в трудном положении» и т. д.

К субстантивным фразеологизмам в косвенном падеже нередко присоединяются послелогои -р'а, -ва, -да, выражающие различные падежные отношения: орт'а бәхт—мьразада хәбәр надьн «в отношении влюбленных не вмешиваются», әw ви әк'ьн-т'ик'ни-р'а машиняан «с этими посевами мучились они», әwә щот-щобар-рийева мьжульн «они заняты земледелием» и т. д.

Некоторые субстантивные фразеологизмы могут иметь звательный падеж, выражающий обращение к лицу или к персонализируемому предмету. Однако значение этого падежа можно определить лишь в условиях контекста, т. к. существующие падежные показатели и частицы обращения не используются (или же используются, но очень редко): ло сәбисане кьр'е сәбисана, тә чьма иро мьр'а хәбат һиштийә? «эй ты, мерзавец, почему не работаешь весь день?», леле, кәвч'ийа һ'әрам, тә чьма т'әв шөхөле мә дьби? «эй ты, сплетница, почему вмешиваешься в наши дела?» и т. д.

§ 2. Адъективные фразеологизмы

Среди фразеологизмов современного курдского языка значительный удельный вес имеют адъективные обороты, которые выступают обозначениями разнообразных качеств, свойств как людей, так и предметов и явлений. Примерами адъективных фразеологизмов служат: мина пола «очень крепкий, твердый», мина р'увийа «хитрый; лукавый», мина һива йәкшәви «очень красивая», дьл-гөрч'ке гөра харийә «очень смелый, бесстрашный, храбрый», сәр сәре хwә дьр'әқьсә «очень рад, испытывает чувство большой радости», бәр п'ийе са дьчә «очень много, в избытке, в изобилии», сәр сәһ'әта хwәйә «здоровый, чувствует себя хорошо» и т. д.

Адъективные фразеологизмы подразделяются на два типа: фразеологизмы со структурой предложения и фразеологизмы со структурой словосочетания.

К адъективным фразеологизмам со структурой предложения относятся:

1. Фразеологизмы с компонирующим глаголом в личной форме 3 л. настоящего длительного или прошедшего длительного времени изъявительного наклонения, выступающие носителями качественной характеристики состояния различных сторон лица: бина шире вър'ни жь дөве фк-е те «молоко на губах не обсохло (у кого), незрелый, молокосос», һ'эвт к'отан к'өр фк-е нак'ышнын «тот-то очень тяжелый, имеющий большой вес», һ'эвт ч'обан ль фк-е наенә һэв «тот-то очень толстый; тот-то очень гордый, надменный» и т. д.

2. Фразеологизмы, предикативный компонент которых представлен именным составным сказуемым, в котором именной частью выступают имена прилагательные, адъективированные имена существительные, различного рода именные словосочетания и формы причастия прошедшего времени. Они выражают качественную характеристику различных сторон лица: кьрасе фк-е кьнә «тот-то глуп», ч'э'ве фк-е қöльн «тот-то очень жадный, алчный, ненасытный», қафе фк-е гәрмә «тот-то пьяный, навеселе» и т. д. К этому типу фразеологизмов очень близки обороты, предикативный компонент которых представлен глагольным сказуемым, выраженным утвердительной или отрицательной формой глагола һэйин («есть») в 3 л. ед. или мн. числа настоящего времени: һ'эвт т'орбе фк-е һәнә «тот-то очень хитрый, лукавый», п'әр'да бәр ч'э'ве фк-е т'бнә «тот-то очень щедрый, великодушный», фьр'шке фк-е т'бнә «тот-то труслив» и т. д.

Материальная структура фразеологизмов-предложений может кроме главных членов содержать и второстепенные члены. Кроме того, она является проницаемой структурой, допускающей вклинивание переменных элементов в позицию между подлежащим и сказуемым. См. напр.: ақьле ши (тә, ван и т. д.) му кәр дькә («у него (у тебя, у них) светлая голова, он (ты, они) умный, человек большого, тонкого ума»).

К адъективным фразеологизмам со структурой словосочетания относятся:

1. Фразеологизмы со структурой сочинительного словосочетания: а) парные фразеологизмы, состоящие из двух синонимичных друг другу компонирующих слов—имен прилагательных или форм причастия прошедшего времени и б) фразеологизмы со вторым компонентом—словом-рифмой. Примеры: т'ер-т'эжи («богатый, полный, обеспеченный»), кәр'-кәм («несчастный»), вьк-вала

(«пустой, совершенно пустой»), т'оп-т'эзэ («совершенно новый»); шушти-вэшушти («стиранный»), хари-вэхари («наевшийся-напившийся, сытый»); р'ут-тут («голый, совершенно голый, бедный; пустой») и т. д.

II. Фразеологизмы со структурой подчинительного словосочетания:

1. Фразеологизмы с компонирующим глаголом только или преимущественно в личной форме 3 л. ед. или мн. числа прошедшего результативного времени (перфекта) изъявительного наклонения. Они объединяются общим значением качественной характеристики отдельных состояний лица, сопровождаемых определенными его действиями или формами его поведения: дүве дэне метийэ «тертый калач, бывалый человек», поч'а хвэ ль һ'эму қблада шуштиё «очень опытный (человек)», һэвиртьршкэд хвэ бь хуне страна «бессовестный, кровожадный», сэр дэр'зийа р'у-ньштьнэ «как на иголках, в состоянии волнения, нервного возбуждения» и т. д.

2. Фразеологизмы с компонирующим переходным глаголом только или преимущественно в личной форме третьего лица ед. или мн. числа настоящего длительного или прошедшего длительного времени изъявительного наклонения. Они выступают носителями качественной характеристики духовного склада и отдельных морально-этических особенностей поведения лица: р'бһ'е мерьв дьк'ышинь «жестоки, изводят, терзают (человека)», щаба һ'эвт мера дьдэ «храбрая, смелая, отважная», сэре мәрийа зьһа-зьһа кбр'дькьн «сильны, могучи», сэре һ'ьрче п'ьр'чева дь-хбн «неприличны, бестактны за едой», меш ль дэми хой дэрнакэ «слабый, ленивый, лентяй», мә'ра жь қбле дэрдьхэ «очень хитрый, лукавый» и т. д.

К фразеологизмам этой модели очень близки обороты модели «именной компонент, представленный предложно-именными словосочетаниями + непереходный или косвенно-переходный глагол, реализуемый только или преимущественно в личной форме третьего лица ед. или мн. числа настоящего длительного времени изъявительного наклонения»: бэр мьрна хвэ нак'эвэ «смелый, бесстрашный», хуна хвэда вэдьқэпьч'э «очень злой, вспыльчивый», бэр п'ийе са дьчэ «очень много, в изобилии» и т. д.

3. Фразеологизмы, соотносящиеся с именным составным сказуемым и объединяющиеся общим значением качественной характеристики социального, физического или морально-этического состояния лица: сэр сәһ'эта хвэйё «здоровый», сэр созе хвэйё «(у него) слова не расходятся с делом», бь сэре хвэйё «один, одинокий», шэт'эла р'эшэ «удивительный; противный», гбра бьр'-читьрэ, мара тэ'зитьрэ «бедный, нищий» и т. д.

4. Фразеологизмы с компаративной структурой, выступающие обозначениями признаков или качеств признаков предметов, лиц, явлений: ми́на коч'э «очень крепкий», ми́на к'арэ «очень соленый», ми́на авэ «очень мокрый», ми́на букәкә р'убьхели «очень красивый, изящный», ми́на села қәланди «очень грязный, черный, как сажа», қәй дьбе жь Европае һатийә «очень гордый, горделивый, надменный» и т. д.

Морфологические особенности адъективных фразеологизмов

Адъективные фразеологизмы как обозначения признака предмета лица, явления не выражают присущие этому предмету грамматические категории рода и числа: см. напр.: һ'эвт т'орбе ви һә-нә «он очень хитрый», ср. һ'эвт т'орбе ве һәнә «она очень хитрая», ср. һ'эвт т'орбе ван һәнә «они очень хитрые», или әвә сәр сәһ'эта хвәйә «она здоровая», ср. әв сәр сәһ'эта хвәйә «он здоровый», ср. әв сәр сәһ'эта хвәнә «они здоровые» и т. д.

Адъективные фразеологизмы не обладают специальными грамматическими показателями для выражения значения рода и числа. Их связь с именем существительным осуществляется в семантическом плане. В этом же плане выделяются некоторые типы фразеологизмов, которые по-разному относятся к реализации грамматических категорий. Одни из них связываются с именами существительными обоих родов и могут реализовать значение единственного и множественного числа. См. напр.: указанный выше оборот һ'эвт т'орбе ве һәнә, һ'эвт т'орбе ви һәнә, һ'эвт т'орбе ван һәнә; ч'э'ве ве қәльн «она очень жадная», ч'э'ве ви қәльн «он очень жадный», ч'э'ве ван қәльн «они очень жадные» и т. п. Вместе с тем, в языке немало фразеологизмов, которые связываются только с именами существительными мужского рода или женского рода и реализуют значение единственного или только значение множественного числа. См. например, фразеологизм дү-ве дьне метийә «бывалый человек», который характеризует лицо мужского пола и обычно употребляется в единственном числе, а фразеологизм ми́на һьрча гәлийа «как зверь, как горная медведица» связывается только с именем существительным женского рода в единственном числе.

Синтаксические свойства адъективных фразеологических единиц

В предложении адъективные фразеологизмы могут быть:

1. Адъективным сказуемым: әв сәр сәре хвә дьр'әдсә «он

очень рад», ви дьл-гӧршькед гӧра харийӧ «он смелый, храбрый» и т. д.

2. Предикативным членом составного именного сказуемого: Эвӧ мина нива йӧкшӧвийӧ «она очень красивая», мал вьк-валайӧ «дом совершенно пустой», эзи сӧр сӧһ'ӧт-қәватӧ хвӧмӧ «я здоровый» и т. д.

3. Определением: шӧва р'ӧш-т'ӧри «темная ночь», к'ӧнща т'оп-т'ӧзӧ «новая одежда», исане мина пола «человек с крепким здоровьем» и т. д.

§ 3. Глагольные фразеологические единицы

Глагольными фразеологизмами называются обороты, которые выражают действие или состояние как процесс, обладают грамматическими категориями наклонения, времени, числа, лица, переходности-непереходности, залога и в предложении выполняют функцию сказуемого. Они представлены оборотами типа: гиһандьн һильк һәсту «доводить до крайнего изнурения; мучить», р'абун сӧр хвӧ «выздоровливать, поправляться», к'ӧтън дӧрийӧ «впадать в нищету, в бедность», кьрӧн бӧниште нав дӧв-дӧрана «делать предметом всеобщих разговоров, постоянных пересудов; судачить», бун нива бьн ӧ'вр «исчезать, не появляться больше, пропадать», дан пӧ'ниӧ «поспешно уходить, убегать, отступать», анин р'еза мӧрва «выводить в люди», ду мач'а фк-е к'ӧтън «преследовать, притеснять; чернить, порочить кого-либо» и т. д.

Глагольные фразеологизмы в курдском языке подразделяются на два типа: фразеологизмы со структурой словосочетания и фразеологизмы со структурой повествовательного предложения.

Глагольные фразеологизмы со структурой повествовательного предложения делятся на две группы:

а) фразеологизмы, отражающие разного рода физические, психические, психофизические или социальные состояния, в которых оказывается лицо (реже не-лицо). В их число входят: бае сӧре фк-е пе гьрт «тот-то стал с ума сходить», ар'ике фк-е ду нагрӧ «тот-то влачит жалкое существование, испытывает нужду», бин һатӧ бӧр фк-е «тот-то отдохнул; утешился, пришел в себя; успокоился», нав-дӧле фк-е қӧтийӧн «тот-то сильно испугался» и т. д.

б) фразеологизмы, выступающие обозначениями испытанного лицом разного рода чувств к кому-либо, к чему-либо. Примерами таких фразеологизмов являются: ч'ӧ'ве фк-е бк-е, бт-ир'а дьр'ьжӧ «тот-то испытывает чувство острой зависти к кому-либо или к чему-либо», ӧшқа фк-е фьр'и сӧр бк-е «тот-то влюбился в того-то», һ'ӧйфа фк-е бк-е те «тот-то жалеет того-то» и т. д.

Глагольные фразеологизмы со структурой словосочетания также делятся на две группы: фразеологизмы с сочинительной структурой и фразеологизмы с подчинительной структурой.

Фразеологизмы с сочинительной структурой представлены в виде парных сочетаний типа: дьдэ-дьстинэ «хорошо проводит жизнь», дьчэ-те «посещает, навещает» и т. д., которые выражают обобщенно-родовые глагольные понятия. В языке их очень мало

Фразеологизмы с подчинительной структурой принадлежат к различным структурно-семантическим типам, наиболее продуктивными из которых являются:

1. Фразеологизмы, обозначающие претерпевание субъектом некоторого физического изменения: қәша к'шандьн (или гьрт'н), «простудиться; покрываться инеем, льдом», ба һьдан или һәә һьдан (или гьрт'н) «воспалиться» и т. д.

2. Фразеологизмы, обозначающие процесс становления лица обладателем некоторого психического свойства, определяющего его внешнее поведение: сәри стәндьн «избаловываться, распускаться, наглеть», дьл стәндьн «ободряться, подбодряться; сметь, осмеливаться» и т. д.

3. Фразеологизмы, выступающие обозначением процесса приобретения лицом некоторого физического свойства, или процесса прихода лица в физическое состояние: гошт гьрт'н «толстеть; зарубцеваться (о ране)» бәр гьрт'н «забеременеть» и т. д.

4. Фразеологизмы, обозначающие процесс прихода лица в определенное психическое состояние: хоф к'шандьн (или гьрт'н) «страшиться, бояться, ужасаться», дәрд дит'н «горевать, скорбеть; печалиться» и т. д.

5. Фразеологизмы, указывающие на проявление у лица некоторого внутреннего усилия над собой: хвә ль дәст хвәда гьрт'н «держат себя в руках, сдерживать порывы своих чувств, подчиняя их своей воле», хвә дан паш «отстраняться, отступать, отступаться» и т. д.

6. Фразеологизмы, указывающие на проявление у лица определенных духовных качеств: хвә авит'н хәзәбе «стали жадничать, стали проявлять безмерную скупость», хвә авит'н сәр гә-һәки «проявлять безмерную безучастность, не проявлять интереса к тому, что творится вокруг» и т. д.

7. Фразеологизмы, указывающие на утрату лицом определенных психических или социальных особенностей: хвә бнда кь-рьн «утратить самообладание», хвә данә ware стри «оставаться без имущества, без средств к существованию» и т. д.

8. Фразеологизмы, обозначающие утерю субъектом определенных физических или психофизических качеств или же социаль-

ных, морально-этических возможностей, положений, состояний и т. п.: жь дине хвә дәрк'әтьн «жениться на иноверке; выйти замуж за иноверца (о курдах-езидах)», жь нав зин к'әтьн «лишаться положения, должности», жь низаме к'әфтьн «каши просят, износились, продырявились» и т. д.

9. Фразеологизмы, обозначающие действие, направленное на лишение объекта физических, духовных или социальных качеств, особенностей: жь зар-зьман ехьстьн «мучать, заставлять работать до изнеможения», жь низаме ехьстьн «продолжительной ноской сделать негодным», жь р'уйе әрде һьлдан «уничтожить», жь бәр ч'ә'ва ехьстьн «лишать авторитета, наложить опалу на кого-либо» и т. д.

10. Фразеологизмы, обозначающие действие, направленное на психику объекта и вызывающее у него различные душевные переживания: к'әла фк-е р'акьрн «выводя из себя, приводя в состояние крайнего раздражения, возбуждая кого-либо, довести до слез», шуша дьле фк-е шкенандьн «обижать, огорчать кого-либо» и т. д.

11. Фразеологизмы, обозначающие действие, направленное на сферу умственной деятельности объекта и приводящее его к определенному состоянию: һ'ьше фк-е бадан «вкручивать мозги кому, преднамеренно внушать что-либо заведомо неправильное, ложное, стараясь обмануть, провести кого-либо», сәре фк-е т'ьжи кьрн «обводить вокруг пальца кого, ловко, хитро обманывать» и т. д.

12. Фразеологизмы, обозначающие действие, заключающееся либо в лишении объекта принадлежащих ему материальных ценностей или физических и морально-этических качеств и возможностей, либо в предоставлении объекту социальных, морально-этических возможностей и т. п.: сәре фк-е бьр'ин «лишать кого-либо средств существования», чоке фк-е бьр'ин «запретить кому-либо пойти куда-либо, посещать кого-либо», һөрмәта фке ехьстьн «срамить, позорить кого-либо, ронять чей-то авторитет» и т. д.

Кроме того, имеется большое количество фразеологизмов, выражающих отношение субъекта к объекту, которое заключается:

а) в физическом уничтожении объекта: к'ока фк-е қәландьн «искоренять, уничтожать, истреблять кого-либо» и т. д.

б) в применении физической силы в отношении к объекту: к'еләке фк-е р'аст кьрн «намять бока кому, побить, избить, отколотить кого-либо» и т. п.;

в) в обвинении, осуждении объекта: гөне ф-ке бьрин «устанавливать чью-либо вину; осуждать, приговаривать кого-либо» и т. п.;

г) в эксплуатации объекта: хуна фк-е харьн «жестоко эксплуатировать, притеснять кого-либо» и т. п.;

д) в оказании объекту уважения, или помощи, поддержки, услуги и т. п.: пышта фк-е гьртън «защищать кого-либо, поддерживать кого-либо», р'умэта фк-е бьльнд кьрьн «прославлять кого-либо, поднимать чей-то авторитет» и т. п.

е) в нарушении покоя у объекта или в пренебрежении к объекту, к его действиям, поступкам и т. п.: хэбэра фк-е шкенандьн «пренебречь чьим-то советом», гōне фк-е бьрьн «надоедать кому-либо, мучить кого-либо своими разговорами, криками» и т. д. и т. п.

13. Фразеологизмы, объединяющиеся общим значением прихода лица в некоторое физическое, душевное, психофизическое или психическое состояние: дэсте хвэ т'эв варкьрьн «пребывать в безделье; тосковать, страдать, горевать», к'ефа хвэ анин «веселиться», р'у-гōлийе хвэ спикьрьн «постареть» и т. д.

Наряду с фразеологизмами, обнаруживаемыми единичное сцепление компонентного состава, в глагольной фразеологии курдского языка значительное место занимают серийные, моделированные обороты, реализующиеся в структуре «глагол+имя». К ним относятся: к'этьн т'эльке «попадать (попадаться) впросак», к'этьн бэлае «попадать в беду»; кьрьн т'эльке «загонять в западню, в ловушку», кьрьн бэлае «навлекать на кого-либо беду, неприятности»; чун ахрэте «умереть» и т. д.

Морфологические особенности глагольных фразеологических единиц

Парадигматические формы глагольного фразеологизма проявляются в его отношениях и связях с другими словами в предложении и обычно закрепляются за глагольным или глагольными компонентами. См. например: эв сэре тэ т'ъжи дькэ «он обманывает тебя», ср. эви сэре тэ т'ъжи кьр «он обманул тебя»; эв мэва те-дъчэ «он посещает нас», ср. эв мэва дьнат-дъчу «он посещал нас» и т.д. Характерно то, что фразеологизмами с двумя глагольными компонентами словами, как правило, выступают парные глагольные обороты.

Парадигматические формы фразеологизмов указывают на наличие у них различных грамматических категорий. Возьмем в качестве примера парадигматические формы фразеологизма ава

хвә гõнастьн «акклиматизироваться, приспособляться к новому климату» (букв. изменить свою воду):

Изъявительное наклонение

Настоящее время

ед. число

1. Әз ава хвә дьгопезьм
2. Тõ ава хвә дьгõнези
3. Әw ава хвә дьгõнезә

мн. число

1. Әм
2. Нун ава хвә дьгõнезьн
3. Әw

Будущее время

ед. число

1. Әзе ава хвә быгõнезьм
2. Тõе ава хвә быгõнези
3. Әwe ава хвә быгõнезә

мн. число

1. Әме
2. Нуне ава хвә быгõнезьн
3. Әwe

Простое прошедшее время

ед. число

1. Мьн
2. Тә ава хвә гõнаст (гõнер'н)
3. Wи

мн. число

1. Мә
2. Wә ава хвә гõнаст (гõнер'н)
3. Wan

Прошедшее длительное время

ед. число

1. Мьн
2. Тә ава хвә дьгõнаст
3. Wи

мн. число

1. Мә
2. Wә ава хвә дьгõнаст
3. Wan

Прошедшее результативное

время (перфект)

ед. число

1. Мьн
2. Тə ава хвə гəнастийə
3. Wи

мн. число

1. Мə
2. Wə ава хвə гəнастийə
3. Wan

Преждепрошедшее время

ед. число

1. Мьн
2. Тə ава хвə гəнастьбу (гəнер'нбу)
3. Wи

мн. число

1. Мə
2. Wə ава хвə гəнастьбу
3. Wan

Сослагательное наклонение

(конъюнктив)

Настоящее будущее время

ед. число

1. Əз ава хвə быгəнезьм
2. Тə ава хвə быгəнези
3. Əw ава хвə быгəнезə

мн. число

1. Əм
2. Нун ава хвə быгəнезьн
3. Əw

Прошедше-настоящее время

ед. число

1. Мьн
2. Тə ава хвə быгəнаста
3. Wи

мн. число

1. Мə
2. Wə ава хвə быгəнаста
3. Wan

Прошедшее время

ед. число

1. Мьн
2. Тə ава хвə гəнастьбуя
3. Wи

мн. число

1. Мə
2. Wə ава хвə гəнастьбуя
3. Wan

Перечисленные грамматические категории наклонения, времени, лица и числа, прослеживаемые на системе спряжения фразеологизма ава хвә гōнастьн, характерны для основной массы глагольных фразеологизмов современного языка. Но наряду с этими фразеологизмами есть и такие, которые употребляются только или преимущественно в одном наклонении, в одном или в двух временах, в единственном или во множественном числе. Например, фразеологизмы, обозначающие действие, направленное на психику объекта и вызывающее у него различные душевные переживания, обычно употребляются в личных формах простого прошедшего времени изъявительного наклонения: әве шуша дьле ын шкенад «она огорчила его», вана дьл-һьнаве мьн кәрбькәр кьрын «они растерзали мою душу» и т. д. Фразеологизм ага әрәба фк-е бәрда «тот-то смутился, растерялся», как правило, встречается в речи в форме 3 л. ед. числа простого прошедшего времени изъявительного наклонения, хотя объективно он может употребляться и в других личных формах данного времени.

Во многих фразеологизмах, обозначающих действие, осуществляемое несколькими лицами, компонирующий глагол употребляется только во множественном числе: глийе хвә кьрын йәк «решили, пришли к одному решению»; вана гьлийе хвә кьрын йәк «они решили».

Категория переходности—непереходности

Глагольные фразеологизмы делятся на две группы: переходные фразеологизмы и фразеологизмы непереходные.

К переходным относятся, напр.: жь ав-зар ехьстьн «изнурять; мучать, терзать», жь ньга ехьстьн «вынуждать кого-либо долго ходить пешком, доводя до усталости, приводя в полное изнеможение», жь бәр ч'ә'ва ехьстьн «лишать авторитета, наложить опалу на кого-либо», жь р'е дәрхьстьн «сбивать с пути, изменить у кого линию поведения», адьле фк-е р'ут кьрын «одурачивать кого-либо, околпачивать, обманывать кого-либо», дәстура фк-е дан «разрешать, позволять кому-либо», бәр дьле фк-еда һатьн «успокаивать, утешать кого-либо», кьрын бьн ахе «предать земле кого, что, похоронить кого», авитьн хамеда (р'ыште, п'уде (п'уте) «открамливать, кормя, доводить до тучности (скот)» и т. д.

К непереходным фразеологизмам относятся, напр.: һәва гьртън (или һьлдан) «воспалиться», қәват гьртън «крепнуть, усиливаться», хәм к'шандьн «заботиться; печалиться, горевать», хвә дан паш «отстраняться, отступаться», жь нав зин к'әтьн «выпасть из седла, лишаться положения, быть уволенным», жь қәват

к'этьн «выбиваться из сил, лишаться сил», к'эла хвэ р'этьн «успокаиваться, униматься, угомняться», аэьле хвэ нас кьрэн «обдумываться, умнеть» и т. д.

В системе глагольной фразеологии широкое распространение имеет корреляция фразеологизмов различных структурно-семантических типов по переходности-непереходности. Основными группами таких фразеологизмов являются следующие:

1. Переходные фразеологизмы модели «предлог+именной компонент+компонирующий переходный глагол (дэрхьстьн, ехьстьн и т. п.)» в своем подавляющем большинстве противопоставлены соответствующим непереходным фразеологизмам модели «предлог+именной компонент+непереходный глагол (к'этьн, дэрк'этьн, бун и т. п.)»: жь р'е дэрхьстьн («сбивать с пути, изменить (у кого) линию поведения») и жь р'е дэрк'этьн («сбиваться с пути, изменить линию своего поведения»); жь нав зин ехьстьн (или жь зин анин харе) («выбивать из седла, лишать (кого-либо) положения, должности, увольнять») и жь зин к'этьн (или жь зин һаън харе) («выпасть из седла, лишаться положения, быть уволенным»); жь нав дэста хьлаз кьрэн («спасти (кого-либо) от напасти, от беды») и жь нав дэста хьлаз бун («спастись от беды») и т. д.

2. Фразеологизмы-словосочетания модели «именной компонент+вставочный компонент+компонирующий переходный глагол» противопоставлены соответствующим фразеологизмам—предложениям модели «подлежащее+вставочный компонент+предикативный компонент, выраженный непереходным глаголом»: к'ока фк-е қәландьн («искоренять, уничтожать, истреблять кого-либо или чей-то род») и к'ока фк-е қәлийа («тот-то истребился, уничтожился; чей-то род истребился, уничтожился»); шуша дьле фк-е шкенандьн («обижать, огорчать того-то») и шуша дьле фк-е шкәст («тот-то обиделся, огорчился»); маде фк-е һәв хьстьн («вызвать у того-то тошноту, рвоту; портить тому-то аппетит») и маде фк-е һәв к'әт («того-то затошнило, у того-то испортился аппетит») и т. д.

3. Обороты серии глагола кьрэн, в которых этот глагол выступает в значении «положить, ставить, класть», противопоставлены оборотам серии глагола к'этьн, в которых последний употребляется в значении «попасть, попасться». Примеры: кьрэн орт'а дō кэвьра («припирать (прижимать) к стенке (стене), ставить кого-либо в безвыходное положение») и к'этьн орт'а дō кэвьра («оказываться (очутиться, быть) в тяжелом, безвыходном положении»); кьрэн р'ожа қоло («ставить (кого-либо) в неловкое положение») и к'этьн р'ожа қоло («попадать в переделку, оказываться в тяжелом, неловком, сложном положении») и т. д.

4. Обороты серии глагола кьрн, в которых этот глагол выступает в значении «превратить (во что); сделать (кем, чем)» противопоставлены непереходным оборотам серии глагола бун, употребляемого в значении «превратиться, становиться». Примеры: кьрн поле сьлук («пригвоздить к позорному столбу (кого)» и бун поле сьлук («опозориться») и т. д.

5. Обороты серии глагола анин противопоставлены непереходным оборотам серии глагола хатьн, в которых этот глагол выступает в значении «приводиться, представиться, прийти». Примеры: анин р'еза мэрва («выводить в люди, помогать (кому-либо) найти место в жизни») и хатьн р'еза мэрва («выходить в люди, становиться самостоятельным, находить место в жизни»); анин сэр хэмла бэре («восстанавливать, приводить в прежнее состояние») и хатьн сэр хэмла бэре («восстанавливаться, прибывать в прежнее состояние») и т. д.

В зависимости от отнесенности к переходным или непереходным фразеологизмам глагольные фразеологизмы выражают соответствующие залоговые значения. В частности, все переходные фразеологизмы употребляются в действительном залоге. В страдательном же залоге употребляется большое количество непереходных глагольных фразеологизмов, а также многие обороты серии глагола хатьн, в основе образования которых лежит модель страдательного залога, требующего для своего выражения сцепления непереходного вспомогательного глагола хатьн с именем действия, оформленным показателем -е (факультативно). Примеры: хатьн соркьрне («получать выговор»), хатьн п'епэскьрне («лишаться авторитета»), хатьн кóшьне («мучиться, терзаться») и т. д.

§ 4. Адвербиальные фразеологические единицы

Адвербиальные фразеологизмы занимают значительное место в фразеологической системе языка. В морфологическом плане они не подвергаются никаким изменениям и выполняют в предложении функцию наречия, реализуя различные обстоятельственные значения.

Среди адвербиальных фразеологизмов выделяются фразеологизмы с сочинительной структурой и фразеологизмы с подчинительной структурой. Фразеологизмы с подчинительной структурой относятся к двум структурно-семантическим типам: компаративным фразеологизмам и к фразеологизмам предложно-адвербиальным. Фразеологизмы же с сочинительной структурой представлены парными и повторными фразеологическими оборотами.

А. Адвербиальные парные фразеологизмы реализуют обобщенно-усилительное родовое наречное понятие, отражающее обстоятельство времени или образа действия. Они представляют материальную структуру, состоящую:

1. Из двух наречий: зу-дэрэнг «обязательно, непременно, рано или поздно», зэ'ф-һындьк «мало ли, много ли», т'эк-т'эне «совершенно один, одиноко» и т. п.

2. Из двух имен существительных, употребляемых в качестве наречия времени: шэв-р'о «день и ночь, все время», гав-сэһ'эт «непрерывно, все время», сал-зэман «веками, все время» и т. п.

3. Из двух адвербиализированных форм косвенного падежа имен существительных: бара-пъштийа (или щэма) «много, в большом количестве; грузами», сьбе-еваре «все время, утром и вечером», сала-зэмана (или қёр'нэ-зэмана) «в течение веков, веками, все время» и т. п.

4. Из двух наречий, образованных из послелогов и предлогов: сэр'а-бэр'а «поверхностно, односторонне», пашда-пешда «взад-вперед» и т. п.

Б. Адвербиальные повторные фразеологизмы имеют материальную структуру, организованную по грамматической модели переменного повторного словосочетания. Она состоит из повторяющегося компонирующего слова в препозиции и его повторения: нэр'е-нэр'е «бестактно», бэрэ-бэрэ «постепенно», сьре-сьре «поочередно» и т. д. В ряде случаев повторяющееся компонирующее слово связывается повтором посредством предлогов бь, сэр, бэрбь или союза о/у: йер бь йер «с одного места на другое; везде и повсюду», гьли сэр гьли «подробно», вэлал бэр бь вэлал «из одной страны в другую; везде и повсюду» и т. д.

Заметим также, что у одних оборотов компонирующие слова представлены в одной и той же словоформе, а у других—в различных словоформах.

К оборотам первого типа относятся:

1. Повторы, в которых повторяющиеся компоненты обозначают отдельные отрезки времени: сал бь сал «из года в год: ежегодно», р'ж бь р'ож «изо дня в день, ежедневно», гав бь гав «ежечасно, постоянно» и т. д.

2. Повторы, в которых повторяющиеся компоненты являются представителями отдельных отрезков пространства: вэлал бэр бь вэлал «из одной страны в другую», мал бь мал «из дома в дом», қёл бь қёл «от корки до корки; везде» и т. д.

3. Повторы, в которых повторяющиеся компоненты являются нумеративными именами существительными: қэлфэ-қэлфэ «группами, по группам», зо-зо (или зо бь зо) «парами, по парам», бақ бь бақ «пучками, букетами» и т. д. Они выражают или зна-

чение неопределенного количества, множества (напр.: қәлфә-қәлфә), или значение разделительности, распределительности и порядковости (напр.: зә-зә, шәт-шәт и т. д.). Кроме того встречаются повторы типа дәстә-дәстә («партиями, частями, группами; много»), выражающие значение многообразности, многочисленности.

4. Повторы, образующиеся в результате повторения имен прилагательных: башқә-башқә «разные, разнообразные», беқәйдә-беқәйдә «много; очень много; неприлично» и т. д. Обороты этого типа выражают значение неопределенной множественности и разнообразности. Они выступают в предложении в качестве обстоятельства меры или образа действия.

5. Повторы, образующиеся в результате удвоения наречий или адвербиализованных имен существительных и прилагательных: һеди-һеди «тихо, очень тихо, медленно, очень медленно», бәрә-бәрә «постепенно», гәрм-гәрм «лишние, неуместно» и т. д.

Среди повторов-фразеологизмов встречаются также такие единицы, которые представляют компоненты в разных словоформах. Это в основном обороты, выражающие значение нерегулярности, случайности и т. п.: шар-шара «иногда», дә'н-дә'на «иногда в течение дня» и т. д.

В. Предложно-адвербиальные фразеологизмы, выполняющие в предложении функцию обстоятельства места, времени, причины, условия, уступки, цели, образа действия, меры и степени. Обстоятельственные значения, реализуемые такими фразеологизмами в большей или меньшей мере сопровождаются семантическими оттенками, отражающими различные физические или духовные состояния субъекта действия. См. напр.: бь дьле шкәсти «в трауре», бь һәмде хвә «спокойно», бь ч'өве гьрти «с закрытыми глазами, не размышляя (делать что-либо)» и т. д. В предложении әва бәләнгаз бь дьле шкәсти малда р'уныштийә («бедняжка в трауре сидит дома») фразеологизм бь дьле шкәсти в большей степени реализует значение обстоятельства состояния. В зависимости от характера семантического содержания модель образования предложно-адвербиальных фразеологизмов допускает разнообразные типы лексического наполнения:

1. Обороты, в которых имя существительное представлено в форме косвенного падежа ед. числа: бәр мьрьне «при смерти, на смертном одре», бәр сәри «в головах, в изголовье», бь зоре «силой, насильно» и т. д.

2. Обороты, в которых имя существительное употребляется в форме косвенного падежа мн. числа: бь р'ожа «очень долго, днями», бь һәска «как из ведра (льет), очень сильным потоком», бь дәста «много (об одежде)» и т. д.

3. Обороты, в которых имя существительное представлено в форме косвенного падежа, оформленной неопределенным артиклем -эк/-к: бь тәһәрәки «каким-то образом, как-то, кое-как», бь гьлики «одним словом, короче говоря», бь р'еке «как-то, каким-то образом» и т. д.

4. Обороты структуры «предлог+числительное или словосочетание парное, изафетное или же словосочетание со вторым компонентом—словом-рифмой»: бь сарк' у сурк' «как следует, по всем правилам, прилично», бь гәф у гөр' «с сердцем, в гневе, сердито», бь һәрдә ч'ә'ва «в оба глаза, очень внимательно, пристально», бь к'әфа хвә «по своей воле, по своему желанию, по своему усмотрению», бь сәре хвә «один, самостоятельно» и т. д.

Характерной чертой предложно-адвербиальных фразеологизмов является то, что они в своем подавляющем большинстве имеют сокращенные варианты в виде изафетных конструкций. См. напр.: бь бае бәзе «быстро» и бае бәзе с тем же значением, бь изна хвәде «волей бога» и изна хвәде с тем же значением и т. д.

Г. Адвербиальные компаративные фразеологические единицы в зависимости от особенностей структурно-семантической организации делятся на следующие группы:

1. Фразеологизмы модели «мина (нола) нот'әла, шьбета) + имя существительное в форме косвенного падежа мн. числа» выражают качественную характеристику действия лица или состояния, в котором он пребывает: мина коч'а (р'уныштийә, сәкнийә) «(сидит, стоит) как пень, неподвижно, безучастно», мина сәһ'әта «как часы, точно, бесперебойно (работать, действовать)», мина ә'вра (дхьорьщә) «сильно, громко (орать, кричать)», мина мьрийа (сәкнийә, р'уныштийә) «тихо, спокойно (стоит, сидит)» и т. д.

Качественную характеристику действия субъекта представляют также фразеологизмы типа мина аве (заньн) «(знать) очень хорошо, досконально, основательно», мина бебәлуске «быстро, стремительно, мгновенно», мина к'уси «как черепаха, очень медленно (идти)» и т. д. Подобного рода обороты в предложении выполняют функцию обстоятельства образа действия.

2. Фразеологизмы, реализуемые в структуре «сравнительный союз (чава) мина+сравнительный групповой компонент, выраженный изафетной конструкцией, в которой определением выступает притяжательное местоимение хвә («свой, свою»)» выражают качественную характеристику психического состояния лица: мина мала хвә «как у себя дома, непосредственно, свободно, без стеснения (чувствовать, держать себя и т. п.)», мина мале хвә «как свою собственность», мина көр'е хвә «с любовью, ис-

кренне (следить за кем-либо)», мина р'онайа ч'э'ве хвэ «как зеницу ока, бдительно, заботливо (беречь, хранить)» и т. д.

3. Фразеологизмы модели «мина (чава) + имя существительное в косвенном падеже ед. числа, оформленное неопределенным артиклем—*э*+объектно-предикативное или реже адвербиально-предикативное словосочетание» сочетают функции двух наречий: образа действия и меры и степени, выражая качественную характеристику действия и одновременно его интенсивности. Примеры: мина к'усики хьлк'ышйа қальбе хвэ «сильно опечалился», мина кэвьрэки к'этэ бьне бэре «исчез бесследно», мина кэвьрэки жь сэр мала к'эт «избавился от забот, от чего-либо обременительного» и т. д.

§ 5. Междометные фразеологические единицы

План содержания междометных фразеологизмов представляет семантема, обладающая эмотивной характеристикой и имеющая форму выражения в виде сцепления лексем, которое складывается по грамматическим моделям переменного восклицательного словосочетания или предложения.

Фразеологизмы со структурой восклицательного предложения выступают выразителями приветствий-пожеланий или прощаний-пожеланий, а также благословений, проклятий, восторга, клятвенных заверений и т. д.: *сьба тэ хер!* «Да будет утро твоё добрым! Доброе утро!», *ошаха фк-е шена хвэде бэ!* «Мир дому сему! Да благоустроит бог чей-то дом!», *Хатуна фэрхан бэр фк-е р'уне!* «Чтобы святая Хатун-Фархан (ангел, помогающий женщине разрешиться (по суеверным представлениям) помогла той-то родить ребенка!», *кэвьре фк-е бьрбьбэ!* «Чтобы тот-то умер!», *Шэмсо, шькьр тэбэ!* «Слава тебе, господи, слава богу!», *хвэде лэв бинэ!* «Бог помочи! Помогай бог!», *ч'э'ве мын бьр'жы!* «Лопни мои глаза!» и т. д.

Фразеологизмы-словосочетания с восклицательной интонацией служат для выражения:

а) удивления, изумления, сомнения, разочарования или согласия, восхищения и т. д. *Вэйла вэйларе (һэй)!* «Ну и ну!», *Һай ло. «Ого!»* (Этот оборот может выражать три типа эмоций: удивление, досаду, изумление), *Ай-һай!* «Разумеется! Да, конечно!» (выражение полного согласия с кем-либо) и т. д.

б) негодования, возмущения, злобы, ненависти к кому-либо, к чему-либо: *р'ожа р'эш!* «К черту (к бесу, к лешему)! Будь проклят!», *дэна дьһоке (бэ)!* «К черту, будь проклят!» и т. д.

в) категорического заверения, убеждения в отсутствии чего-либо: *агьр-пишо бэ!* «И помину нет (о чем)! Абсолютно нет (чего-либо)!», *һ'эраме р'эшбэ* «Абсолютно нет (чего-либо)!» и т. д.

г) усиленной просьбы, мольбы: Бьдә хатьре хвәде у мера! «Ради самого господа бога!», хатьре хвәдеки! «Христа ради, ради бога!», «Пожалуйста, очень прошу!» и т. д.

д) различных приветствий при встрече или расставании: Бь хер хатьн! «Добро пожаловать!», вәк'иле слабаи! «Передай поклон!» и т. д. и т. п.

В синтаксическом плане междометные фразеологизмы реализуются как самостоятельные и обособленные речевые единицы, не входящие в состав предложения в качестве его членов.

§ 6. Модальные фразеологические единицы

В фразеологическом составе курдского языка отдельные места занимают модальные фразеологизмы, выполняющие функцию вводных слов. Ими являются, напр.: һәла сәрда жи «к тому же, вдобавок», бәхте телр'а (или п'уч'р'а) «к несчастью, к сожалению», дьбә кә «наверняка, может быть», чьқас жи һәбә «все же, все-таки», чава дьбежьн «так сказать», чь шөр'әи һәбә (или мабә) «во что бы то ни стало», тышки бәр ч'ә'ванә (или ә'йанә) «дело ясное, верно, несомненно», бь гьлики «короче говоря, в общем и целом», чь сәре вә хаш кьм «таким образом; в итоге, короче говоря» и т. д.

Модальные фразеологизмы не имеют морфологических признаков, они неизменяемы. Подобно междометным оборотам, они обладают способностью независимого употребления, не входят в состав предложения в качестве его членов.

§ 7. Служебные фразеологизмы

Кроме модальных и междометных фразеологизмов в языке встречается также незначительное количество служебных фразеологических единиц. К ним относятся:

а) предложные фразеологические единицы типа: бь алиқ'ар'я (фк-е, фт-и) «с помощью (того-то)», бәр ч'ә'ве (фк-е) «на глазах (у того-то)», бь сайа (фк-е фт-и) «благодаря (тому-то)», бь мә'на (фк-е фт-и) «под видом, под предлогом (того-то)» и т. д.

б) Фразеологические единицы—союзы типа: сәр ве (ве) йәке кә... «из-за того, что...», бона ве йәке кә... «для того, чтобы..., с тем, чтобы...», һәма вәхта кә... «как только..., как только что...», ле һәма кә... «но как только...», тә қәй дьго кә... «словно как...», хвәде гьрави «якобы, будто бы, как бы» и т. д.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДИНАМИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Встречающиеся в современном курдском языке фразеологические единицы относятся к одной из трех групп фразеологизмов, находящихся на разных этапах диалектического развития. Этими группами являются:

1. Фразеологические единицы, находящиеся в процессе становления, утверждения (далее условно группа А.). К ним относятся, например, обороты типа: (õca her's k'et), p'o hatê nivêka ê'zmin в значении «(он так рассердился) пришел в ярость», букв. «так рассердился, (что казалось) солнце (из-за этого) двигалось, достигая середины неба»), (nêxwawê) ç'ê'we xwê wênakê «(больной) тяжело больной; при смерти», букв. «(больной или такой больной) глаза не открывает»), (g'ranê) şalka xwê kên k'irîyê «(беременная, находится в положении», букв. «(беременная) укоротила свой передник (фартук»); (mêrdê) hayê k'ê'rasa xwê ninê «(щедрый) не является хозяином своей рубашки (в смысле готов пожертвовать и своей рубашкой») и т. д.

2. Фразеологические единицы, являющиеся устоявшимися единицами фразеологической системы языка (далее условно группа Б). В их число входят: xwê dan mala mêtê («отказываться от чего-либо; не желать делать что-либо; не желать признавать что-либо; переставать действовать»), zman k'ê'ryn dêve f'k-e («развязывать язык кому, у кого, побуждать кого-либо говорить, разговаривать, заговорить без стеснения; подбадривать кого-либо; давать наставления кому-либо, поучать; уговаривать кого-либо; подстрекать кого-либо»), zman dan hêvdu («сообщать, передавать друг другу; настраивать друг друга против кого-либо; договариваться друг с другом»), avit'ên ave («продавать очень дешево; пускать в трубу, бросать на ветер, зря расходовать, тратить, растрчивать, транжирить»), avit'ên kapê p'ê'ş («держат

в черном теле, строго обращаться с кем-либо; притеснять кого-либо; сурово наказывать кого-либо»), гэм авитын дэве фк-е («держат на вожжах кого-либо, держать в узде кого-либо, подчинять кого-либо своей власти; заставить кого-либо молчать; брать в шоры кого, брать в оборот кого, заставлять кого-либо поступать определенным образом») и т. д.

3. Фразеологические единицы, находящиеся в процессе устаревания, отмирания, выпадения (далее условно группа В). К ним относятся, например, обороты типа: фитийа бунэ жь дыйайе (КФ. II, с. 79) («они мертвы»), һ'име фк-е һ'име гьрдэмирбэ (КФ. II, с. 441) («чтобы того-то постигло несчастье»), кьрте да-фе фк-е (А) («чей-то наставник», буйэ боq сылавски «ведет себя как каратель; карает»), фэрада фк-е меш нагрэ («тот-то нищий, бедный»), бэр бе дьчэ («очень худой, истощенный»): тэйре дэу-дэте («сказочный орел, которого по преданию выпускали после смерти падишаха для выбора нового правителя; тот человек, на голову которого эта сказочная птица садилась (опускалась), становился новым падишахом», букв. «орел государства») и т. д.

Обращает на себя внимание тот факт, что фразеологические единицы, находящиеся на разных этапах развития, обнаруживают различные лингвистические состояния структурно-семантической организации и синтаксического функционирования. Изучение этих состояний позволяет проследить жизнь фразеологических единиц в процессе их развития, квалифицировать их с учетом не только особенностей, наблюдаемых у них в настоящее время, но и тех признаков и черт, которые были присущи им в прошлом или которые могут проявляться у них в будущем. Оно тем самым представляется чрезвычайно важным для создания объективной и полной картины лингвистического статуса, обусловленного нахождением таких образований на разных этапах развития.

Динамическая классификация, таким образом, служит своеобразным способом для познания закономерностей развития и изменения фразеологических единиц и определения динамики развития фразеологической системы в целом.

Попытаемся кратко осветить важнейшие особенности выделенных выше трех групп фразеологических единиц.

1. Фразеологизмы группы А имеют несвободное, зависимое от определенного объекта ситуации, функционирование: они употребляются только в том окружении и в основном в той грамматической структуре (форме), в которых впервые произошло их образование. См. напр.: приведенный выше фразеологизм р'о һа-тэ (гыһиштэ) нивэка э'змин (э'зман), выражающий высокую степень разгневанности. Он функционирует только в сочетании с

«бса һер'ск'эт» («так рассердился»), от которого зависит сохранение его фразеологичности.

Поскольку фразеологические единицы с несвободной формой функционирования выступают только в одном определенном окружении, то как правило, они имеют одно значение, которое не нуждается в дальнейшем уточнении и развитии. Вместе с тем, независимо от длительности их существования в языке, они обычно структурно недостаточно «прочно» оформлены, у них отсутствует высокая степень монолитности структурного состава: допускается замена компонентов, нередко—их перестановка, вклинивание подсобного материала и т. д. Ср. варианты одного фразеологизма этого типа: р'о һатә нивәка ә'змин, р'о гһиштә нивәка ә'змин, Р'о, тә гот, һат гһиштә нивәка ә'зман и т. д.

Фразеологические единицы группы А являются новообразованиями, пополняющими активный запас фразеологического состава языка.

Всякое новое в языке возникает в форме и подобии старого. На примере фразеологизмов, находящихся на первом этапе развития, видно, что единица фразеологической системы языка, как нечто новое, возникает в материальной оболочке, строящейся по грамматической модели синтаксических единиц. В своей основной массе новообразования появляются в случаях, когда определенный объект речевой ситуации, привлекая к себе внимание познающего индивидуума, требует как бы более выпуклого и адекватного выражения, пояснения каких-то своих особенностей в виде общей характеристики или описания, уточнения, дополнения и т. д. В качестве такого объекта ситуации может выступать известное понятие-слово или понятие-фразеологизм. См. например: незикә, дәсте мерьв дьгһиже («близко, очень близко, рукой подать», букв. «рука человека дотягивается»); нәхашә, аве бь кәвч'и сәр заре вида дькьн («больной, очень больной, слабый», букв. воду ложкой наливают на его язык); қөр'ә бу, хвәда шарьми, бәр хвәр'а чу, бу шур'шур' («кичился, распух, раздулся, стал похожим на индюка»); сонда дьхвә, агьр давежә дөве хвә («клянется, истово клянется, божится», букв. «огонь бросит себе в рот»); р'астә, мина к'ышькә («ровная, очень ровная, ровная как скатерть», букв. «как шахматная доска») и т. д.

Нетрудно заметить, что во всех этих случаях объект ситуации в виде словоформ незикә, нәхашә, қөр'ә бу, р'астә и фразеологических единиц сонде дьхвә, бәр хвәр'а чу и т. д. предшествует фразеологизму—новообразованию, выступающему по отношению к нему в роли парафразы, ср. также слово мәрдә («щедр, щедрый») с его парафразой-фразеологизмом п'әрда бәр ч'әве

ми т'бнэ («очень щедрый», букв. нет завесы перед его глазами»).

Сравнение показывает, что семантема, лежащая в основе слова-объекта ситуации (см. например, эрзанэ («дешево»), не идентична себе во фразеологизме-парафразе (бэр авейэ («очень дешево»). Здесь она воплощена в единицу мысли, развернутую, расширенную в определенном направлении. Ее номинативная значимость отодвинута на задний план, на передний же план выдвинута, наоборот, ее добавочная характеристика (разнородные ситуативные, модально-экспрессивные и др. наслоения), т. е. та особая сущность, то новое, необходимость в передаче которого и обусловила возникновение фразеологических единиц-парафраз.

Таким образом фразеологизмы возникают в качестве формы выражения семантемы с двумя важными признаками, одним из которых является ее характеристическая, модально-оценочная квалифицирующая функция, другим—ее развернутость по сравнению со свернутостью у семантемы, с которой возникает слово. Исходя из этого фразеологическое значение следует назвать особой единицей мысли, в основе которой лежит характеризующее начало.

Слово не может возникнуть в своей семантической основе с характеристической, квалифицирующей функцией, т. е. в качестве парафразы ни по отношению к существующим словам, ни по отношению к существующим фразеологизмам. Это позволяет думать, что всякое сочетание слов курдского языка, образующееся для выражения семантемы характеристической, квалифицирующей и развернутой по структуре, служащей показателем его фразеологичности, может называться единицей фразеологической.

2. Фразеологические единицы группы Б представляют диаметрально противоположную картину. Они независимы и выступают в роли репрезентатора понятия вне конкретного высказывания и в ряде случаев не обнаруживают никакой структурной связи с окружением, где они возникли впервые. См. например: сэр поч'ьке шин буйэ (букв. «вырос на хвостике», в значении «ребячится»). Фразеологизмы со свободной формой функционирования обладают относительной монолитностью структуры и возможностью расширять свою семантическую структуру. Они образуют активный запас фразеологии языка.

3. Фразеологизмы группы В не функционируют в современной разговорной речи и в письменности. Встречаются они в памятниках народного творчества—фольклоре. См. в качестве таковых: һерам-одаси («спальная, спальный; гарем (женская половина дома у богатых), жьн у к'еникан («женщины и домочадцы») и т. д. Они находятся в процессе устаревания, отмирания, выпа-

дения, в связи с чем их семантическая структура не расширяется.

Фразеологизмы группы В образуют пассивный запас фразеологического состава языка. Они носят архаический характер и в своем подавляющем большинстве содержат устаревшие слова-архаизмы.

Из приведенных характеристик видно, что, в зависимости от нахождения фразеологизмов на том или ином этапе развития, они обнаруживают специфический тип (или форму) функционирования и разнящийся статус структурно-семантической организации. В этом плане особо обращают на себя внимание семантические особенности, отличающие различные состояния фразеологизма друг от друга: если фразеологизмы группы А характеризуются узкой семантической структурой—употребляются в одном значении, то фразеологизмы группы Б отличаются многозначностью и самостоятельностью функционирования. А фразеологизмы группы В, вышедшие из употребления, не способны развивать новое значение.

Объективное определение фразеологизма должно базироваться на данных его статуса, прослеживаемых на всех этапах его динамического развития.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВАРИАНТНОСТЬ И ПОЛИСЕМИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Основными тенденциями в изменении и развитии структурно-семантической организации фразеологических единиц являются их варьирование и полисемия. Первая из них имеет место на уровне материальной структуры, а вторая—на уровне структуры семантической. Попытаемся кратко осветить каждую из них в отдельности.

ВАРИАНТНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В процессе функционирования в речи одни фразеологизмы могут претерпевать различные изменения, которые ведут к выработке соответствующих форм их существования, т. е. становлению их вариантов. При этом обычно изменяются образные фразеологизмы и, в основном, в период их утверждения, на первых порах реализации в составе предложения. А их варьирование зависит не от типа структурно-семантической организации, которой они обладают, а от лингвистического статуса этой организации на соответствующем этапе ее динамического развития.

Фразеологизмы изменяются больше всего на первом и сравнительно меньше на втором этапе динамического развития. Немотивированные фразеологизмы и особенно те, которые находятся в процессе устаревания и выпадения, почти не способны к изменениям или вовсе не изменяются.

Поскольку материальная оболочка фразеологизма зависит от его семантемы, то любое изменение, которому подвергается эта оболочка, должно быть связано с потребностью в улучшении условий объективации данной семантемы, в поисках и выборе достаточно полной и/или «удобной» формы ее выражения. В самом деле, варьирование обычно обусловлено стремлением достичь установления-образования предельно полноценной материальной оболочки. При этом достижение подобной оболочки происходит

путем ее доведения до кондиции, ее обновления и усовершенствования. Этого рода изменения материальной структуры фразеологизма имеют место при полном отсутствии каких-либо изменений в плане содержания. Поэтому они определяются как чисто структурные изменения, а варианты фразеологических единиц, связанных с ними,—как структурные варианты.

Структурная вариантность—явление, получившее широкое развитие в фразеологической системе современного курдского языка. Она выступает как одна из наиболее характерных особенностей этой системы, одним из ее ярких проявлений.

Структурная вариантность прослеживается во всех структурно-семантических разновидностях фразеологизмов. Она обнаруживает также большое многообразие типов проявления. Причем наряду с вариантами, основанными на том или ином типе изменения материальной оболочки, очень часто встречаются варианты комбинированные, сочетающие в себе разные типы изменений. Комбинированные варианты составляют подавляющее большинство фразеологических вариантов, функционирующих в современном языке. Ниже приводятся основные типы варьирования:

1. Тип варьирования, основанный на перестановке компонентов: бәр фк-еда р'õh анин ср. р'õh' бәр фк-ед анин («утешать; приводить в себя, возвращать к жизни, приводить в чувство, выводить из состояния забытья»), дæвæ хвæ нæдае ср. нæдайæ дæвæ хвæ («не брать в рот, не есть, не пить»), к'æтън ч'æ'в хвæ ср. ч'æ'в хвæ к'æтън («кичиться, горделиво превозносить себя»), хæбæрданеда к'æтън ср. кæтън хæбæрданеда («отдаваться беседе, разговорам») и т. д.

2. Тип варьирования, заключающийся в замене компонента фразеологизма словом-синонимом: к'æтън æ'йнате ср. к'æтън ин-к'е, к'æтън к'ине, к'æтън р'ьке («капризничать, входить в претензию, выражать недовольство чем-либо»), дьле хвæда хаи кьрын ср. дьле хвæда һиштын («держат сердце на кого, сердиться, гневаться, таить злобу, обиду»), ньге фк-е әрд гьрт ср. ньге фк-е ши гьрт («тот-то приобрел себе опору; достиг желаемого; улучшил свое положение (экономическое, материальное и т. п.)») и т. д.

3. Тип варьирования, выражающийся в замене компонента словом-несинонимом: анин бира хвæ ср. кьрын бира хвæ ср. хьстын бира хвæ («восстанавливать в памяти, вспоминать»), бь'к'е-ра тенæ һæв ср. бь'к'ера р'адьбьнæ һæв («находятся в резко враждебных отношениях») и т. д. Нередко замена компонента словом-несинонимом сочетается с синтаксическими различиями между вариантами, что приводит к образованию своего рода морфолого-синтаксических вариантов. См. например: қбдум бәр чоке фк-

еда бәрдан ср. қбдум кьрын чоке ф-ке («успокаивать, утешать кого-либо»).

4. Становление вариантов фразеологизма в результате замены одного компонента словом своей денотативной группы. Ср. например: п'ьр'зка сәр зьмане фк-е и п'ьр'зка сәр лева фк-е («тот, о котором тот-то все время говорит или которого ругает (бранит, порицает»), гае нав голька и гае т'өв голька («тот, кто ребячится, дружит не с людьми своего возраста, а с детьми, с мальчиками»), бәр дөве хвә насәкьньн ср. бәр зьмане хвә насәкьньн («слабы на язык, болтают языком, распускают язык, не умеют держать язык за зубами, не уметь хранить тайну») и т. д.

5. Тип варьирования, основанный на сокращении материальной оболочки или ее распаде на две части: жь зар-зьман к'өтын ср. зар-зьман к'өтын ср. зар к'өтын ср. зьман к'өтын ср. также комбинированные варианты жь зар-зьман чун и зар-зьман чун («язык на плече (на плечо) у кого, очень уставать, утомляться от долгой продолжительной работы (ходьбы, разговоров); дара речи лишаться, решиться, лишаться способности говорить»), сәр сәра, сәр ч'ә'вара һатьнә ср. сәр сәра, сәр ч'ә'ва ср. һатьн сәр сәра, сәр ч'әвар'а ср. һатьнә сәр сәра, сәр ч'ә'ва ср. һатьнә сәр сәра ср. сәр сәра ср. сәр ч'ә'ва ср. также комбинированные варианты: һатьнә сәр ч'ә'вара ср. һатьнә сәр сәра сәр ч'ә'ва, сәр сәрар'а һатьнә и т. д. („Добро пожаловать“) (приветствие), агьр бәри фк-е дьн бина п'ишо же нае ср. бина п'ишо жь фк-е нае („бедный, нищий, гол как сокол“) и т. д.

6. Тип варьирования, ориентирующийся на изменения в представлении компонентного состава в различных синтаксических структурах и одновременно сопровождающийся некоторыми вышеуказанными типами вариантности: фк мере щева нинә ср. фк нә мере щеванә ср. мәрвь нькарә фк-е текә щева (хвә) («тот-то не тот, которого можно унижать, тот-то известен своими высокими качествами, которыми многие не обладают»), дәйна авитийә сәр сәре фк-е ср. дәйна фк хәньқандийә ср. дәйна фк һерандийә, ср. дәйна фк шутийә ср. фк дәйнада хәньқий ср. фк к'өтийә нав дәйна («тот-то имеет огромные долги, кругом в долгах (по горло в долгах»), һәстуйе зьмане фк-е т'бнә ср. зьмане фк-е бе һәстуйә («язык без костей у того-то, тот-то очень болтлив, любят поговорить, болтает много всякого рода вздора, глупостей») и т. д.

7. Среди фразеологических вариантов отдельное место занимают морфологические варианты. Этот тип вариантности находит свое выражение:

а) в опущении предлога: бь дьле сах ср. дьле сах («чисто-

сердечно, искренне, без задних мыслей»), бь дэсте зоре ср. дэсте зоре («силой, насильно»), ль даре дьнеда ср. даре дьнеда («на белом свете, во всем мире»), жь гѳа гьрн бун ср. гѳа гьрн бун («глохнуть, оставаться без слуха»), жь дэве нѳв р'ѳвандьн ср. дэве нѳв р'ѳвандьн («распространять (слухи), сплетничать, злословить, судачить») и т. д.

б) в употреблении показателя неопределенности -ѳк/ѳѳк: қиза кѳзийѳ ср. қизѳкѳ кѳзийѳ («красная девица, очень скромный, застенчивый молодой человек»), гоште гѳнийѳ ср. гоштѳки гѳнийѳ («противный, злой (человек)»), мина села р'ѳш ср. мина селѳкѳ р'ѳш («очень грязный; черный, как сажа») и т. д.

в) в употреблении единственного и множественного числа именного компонента-имени существительного: нане н'ѳвте у дѳ мьлѳти тѳ'м кьрийѳ ср. нане н'ѳвте дѳ мьлѳта тѳ'м кьрийѳ («тертый калач, стреляный воробей, очень опытный человек, которого трудно провести; бывалый человек»), нане фк-е сѳр чокейѳ, ср. нане фк-е сѳр чоканѳ («тот-то неряха, неряшливый; тот-то неблагодарный, неучтивый человек, лишен чувства признательности, благодарности»), р'ѳнг у р'у фк-е нѳмайѳ ср. р'ѳнг у р'у фк-е ва нѳманѳ («лица нет на ком, тот-то очень бледен»), мина к'уси ср. мина к'усийѳ («как черепаха; идти очень медленно; боязливый, робкий, легко поддающийся страху и т. п.») и т. д.

8. Тип варьирования, заключающийся в фонетическом варьировании компонирующих слов. Слова, имеющие фонетические варианты при свободном функционировании, полностью сохраняют эту свою особенность и при употреблении в качестве компонентов фразеологизма. См., например, такие слова (хвѳ и шаѳ) в следующих фонетических вариантах одного фразеологизма: дьле хвѳ ле шаѳ кьрн ср. дьле хѳ ле шаѳ кьрн, ср. дьле хь ль шаѳ кьрн ср. дьле хо ле шаѳ кьрн ср. дьле хѳ ле ша кьрн ср. дьле хѳ ле ша кьрн ср. дьле хь ле ша кьрн и т. д. («радоваться беде, наудаче и т. п. кого-либо»).

Говоря о типах структурной вариантности, следует учесть также большое многообразие структурных вариантов диалектного происхождения. Одни и те же фразеологизмы имеют в говорах языка самые разные по своей материальной структуре варианты. Ср. например: фк-е бѳр тьшки н'ѳсаб накьн (ГКСА) и фк-е пь чь н'ѳсаб накьтн (Бах.) («ни во что не ставят того-то, совсем не считаются с кем-либо, относятся с пренебрежением, не придают никакого значения кому-либо»), рут у тѳ'зи (ГКСА) и р'ус о чьп'лах (Бах.) («в чем мать родила, нагишом, без всякой одежды»), к'ьриск жь нав ч'аван чун (Бах.) и п'ьриск жь бѳр ч'ѳ'ве фк-е дьфьрн (дьчн) (ГКСА) («тот-то сердитый, злой»),

т'ана (т'ола)хо векърын (Бах.) и һ'эйфа хвә һьлдан (ГКСА) («мстить») и т. д.

Перечисленные выше типы вариативности позволяют определить структурные варианты фразеологизма как самостоятельные формы его существования, которые:

а) представляют один и тот же образ и общий лексический инвариант при частично различном компонентном составе или различном порядке компонентирующих слов;

б) имеют тождественную семантическую структуру и аналогичную стилистическую и синтаксическую функцию.

Вместе с тем варьирующиеся фразеологизмы иногда оказываются в формах, которые отличаются друг от друга стилистической окраской. Подобного рода варьирование может служить источником для возникновения новых фразеологических единиц-синонимов на основе наличной фразеологии. Оно приводит к становлению вариантов фразеологизма без обновления его образной основы и находит свое выражение в оформлении именно-го компонента фразеологизма неопределенно-выделительным артиклем -эк/-йэк или в замене одного компонента словом-стилистическим синонимом или же прибавлении одного или нескольких компонентов. См. напр.: фразеологические варианты қодум бәрчоке фк-еда бәрдан и қодум бәр чокынгед фк-еда бәрдан («успокаивать, утешать того-то»), фк бә'ра бе бьне и фк бә'рәкә бе бьне («обжора, тот, кто много ест и пьет»), дьл дан фк-е и дьл дан бәр дьле фк-е («ободрять, подбадривать, поднимать настроение у кого-либо»), мина гөре һар и мина гөрәки һар («злой, зло-вредный») и т. д.

Стилистические варианты и варианты чисто структурные соотносятся друг с другом как самостоятельные единицы-фразеологические синонимы. Некоторыми учеными они называются дублетными фразеологизмами [см. 144, с. 35].

ПОЛИСЕМИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

С точки зрения объема семантической структуры фразеологизмы делятся на две группы: однозначные, моносемантические фразеологизмы и фразеологизмы многозначные, полисемантические. В число первых входят, например, авитьн щи «вправить (о вывихнутой ноге, руке и т. п.)», анин бира хвә «вспоминать», йа дәнг «пистолет», мина бәрфа йәкшәви «очень белый, белоснежный», дәрге тәнг «трудное, безвыходное положение», дәйн-ду «долг, долги» и т. д.

Полисемантическими фразеологизмами являются, например, аниан h'але коштыне 1. «Побить, избить, отколотить (кого-либо) до смерти», 2. «Приводить в состояние иступления, полной потери самообладания»; ль ар'ика к'этын. 1. «Выходить из себя, приходиться в состояние крайнего раздражения, сильного гнева», 2. «Терять рассудок, лишаться ума, становиться сумасшедшим; утрачивать способность соображать, понимать, здраво рассуждать», 3. «Испытывать сильную боль»; адыл аниан сери 1. «Наставлять на путь кого, воздействуя каким-либо образом, побуждать изменять поведение в хорошую сторону, склонять к хорошему», 2. «Наставлять на ум (на разум), давая разумные советы, учить чему-либо хорошему; поучать». 3. «Вправлять мозги кому, прибегая к крайним мерам воздействия, заставляя кого-либо одуматься и изменить образ мыслей, поведения» и т. п. 4. «Успокаивать, утихомиривать кого» и т. д.

Курдский язык обнаруживает достаточно богатый состав многозначных фразеологизмов, из которых около трех тысяч содержится в курдско-русском фразеологическом словаре [см. 124]. Однако в фразеологической системе языка явление полисемии не представлено так широко и развернуто, как в лексической системе. Наибольший удельный вес в фразеологическом составе языка имеют однозначные фразеологизмы.

Полисемантические фразеологические единицы наблюдаются среди фразеологизмов всех структурно-семантических типов, но их основная часть относится к глагольной фразеологии. При этом подавляющее большинство многозначных фразеологизмов имеет два или три значения. Фразеологизмов с четырьмя и более значениями мало; они встречаются опять-таки среди глагольных фразеологизмов.

Исследование полисемии—одна из тех задач фразеологии, которые имеют важное научно-теоретическое и практическое значение. Анализируя это явление в немецкой фразеологии, И. И. Чернышева совершенно справедливо отмечает, что «Исследование полисемии поможет уточнить количественную и качественную специфику данного явления» и, что «уточнение смысловой структуры фразеологизмов поможет их объективной лексикографической инвентаризации» [См. 146, с. 99].

Проблема полисемии, а в связи с ее решением и вопрос об омонимии, ввиду сложности, многогранности задачи тождества и различия фразеологических значений, должна служить предметом специального исследования. В настоящей работе, однако, представляются лишь некоторые наиболее общие результаты, которые позволяют судить об основах интеграции значений в рам-

ках полисемантического фразеологизма и дифференциации значений отдельных фразеологизмов.

На весьма богатом фразеологическом материале курдского языка прослеживаются в основном два укоренившихся и очень продуктивных направления в образовании и развитии полисемии:

1. Разные значения многозначного фразеологизма возникают параллельно, независимо друг от друга и реализуются в сочетании с соответствующими разными составными значениями (суммами значений компонирующих слов) одной и той же материальной оболочки в структуре словосочетания или предложения. См. например: фразеологизм *р'акьрн сэр ньга* (букв. поднимать (поднять) на ноги), имеющий следующие значения:

1. Заставлять проснуться, подняться с кровати, постели (ср. составное значение: приводить в состояние бодрствующего);

2. Растить, воспитывать, доводить до самостоятельности (ср. составное значение: помочь достичь зрелого возраста, состояния, необходимого для самостоятельной жизни, сделать взрослым, большим);

3. Вылечить, избавить от болезни (ср. составное значение: приводить в здоровое состояние, помочь избавляться от болезни);

4. Будоражить, волновать, поднимать тревогу, создавать суматоху (ср. составное значение: приводить в состояние волнения, в тревожное, суматошное состояние);

5. Заставлять активно действовать, принимать деятельное участие в чем-либо (ср. составное значение: приводить в активное состояние).

Приведем другой пример: мина *букәкә р'у бь хели* (букв. как невеста со свадебным покрывалом на лице (хели—покрывало, вуаль для закрывания лица невесты во время свадьбы), имеющий следующие значения:

1. Очень красивый, изящный (ср. составное значение: красивая, изящная (как новобрачная невеста));

2. Очень спокойный, тихий, (ср. составное значение: спокойный, тихий) как новобрачная невеста);

3. Очень скромный (ср. составное значение: (скромный) как новобрачная (невеста)).

Показателем независимости разных значений многозначного фразеологизма друг от друга служит то, что они соотносятся с разными значениями одного и того же словосочетания—материальной оболочки.

Фразеологическое значение как специфическая единица мысли, будет ли оно значением однозначного фразеологизма или одним из значений многозначного фразеологизма, возникает в ре-

зультате отдельного конкретного акта отображения действительности в сознании индивидуума и определяет фразеологизм в качестве обозначения-представителя отдельного конкретного предмета. Поскольку фразеологизм образуется из потребности в выражении фразеологического значения, а характер «этого выражения» — материальной оболочки находится в строгой зависимости от специфики данного значения, то из этого следует, что смысловая структура многозначного фразеологизма может состоять из значений, обладающих общим типовым семантическим признаком, лежащим и в основе их соотношения с соответствующими составными значениями одной и той же материальной оболочки.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что между значениями многозначного фразеологизма существует довольно четко выраженная семантическая связь, что дает основание считать их значениями одного и того же фразеологизма. Эта связь находит свое выражение в том, что в значениях обнаруживаются общие семантические признаки. Например, значения многозначного фразеологизма *мина букэкэ р'у бь хели* объединяются общим значением качественной характеристики состояния лица, а значения фразеологизма *р'акьрн сэр ньга* — общим значением приведения лица в некоторое физическое состояние. В своей совокупности значения первого фразеологизма относят его к структурно-семантическому типу фразеологизмов, выражающих значение качественной характеристики состояния лица, значения же второго фразеологизма указывают на его принадлежность к структурно-семантическому типу фразеологизмов, отражающих приведение лица в определенное физическое состояние.

Этим типом многозначности обладают также фразеологизмы: *гõн дан сэр фк-е, фт-и*, имеющий следующие значения: 1. слушать кого-либо, что-либо (ср. составное значение: сосредоточить свой слух на ком, на чем); 2. слушаться кого-либо (ср. составное значение: проявлять покорность); 3. обращать внимание на кого-либо или на что-либо; придавать значение чему-либо (ср. составное значение: проявлять внимание); 4. заботиться о ком-либо, о чем-либо (ср. составное значение: проявлять заботу); *гьли дан фк-е* (букв. давать слова кому), имеющий следующие значения: 1. обещать кому-либо (ср. составное значение: давать обещания кому-либо), 2. сообщать кому-либо (ср. составное значение: передать кому-либо слова (слухи, известия), 3. спрашивать кого-либо (ср. составное значение: задавать кому-либо вопросы) и т. д.

II. Различные значения многозначного фразеологизма возникают не параллельно, не независимо друг от друга, а в прямой,

последовательной связи друг с другом, как бы одно из другого и фактически реализуются в сочетании с одним и тем же составным значением словосочетания-материальной оболочки. См. например, фразеологизмы: ага әрәба фк-е бәрда (букв. колесо чьей-то арбы рассыпалось (развалилось), имеющий следующие значения: 1. тот-то растерялся; 2. тот-то смутился (от неожиданного вопроса). Оба значения функционируют в материальной оболочке с составным значением «чье-то самообладание утратилось». Последнее значение этого фразеологизма представляется в логико-семантическом плане в виде единицы мысли, которая могла возникнуть лишь в зависимости от его первого значения, так как только через это значение она облекается в материальную оболочку, входит в связь с ее составным значением. Таким образом, при одном составном значении налицо фразеологизм со значениями, которые возникли не параллельно, а как бы одно из другого.

Стало быть, тот факт, что материальная оболочка многозначного фразеологизма при всех значениях этого фразеологизма выступает в одном и том же составном значении, служит показателем возникновения одного из этих значений на базе другого, т. е. показателем их зависимости друг от друга, их генетических связей.

Многозначность подобного рода присуща также фразеологизмам: Бин һатә бәр фк-е 1. тот-то отдохнул, 2. вздохнул свободно, успокоился, 3. тот-то утешился (ср. составное значение: покой наступил у того-то); кьрн зер': 1. высоко оценивать кого-либо или что-либо; преувеличивать цену чего-либо, 2. возносить, превозносить до небес кого-либо, непомерно расхваливать, восхвалять (ср. составное значение: считать драгоценным); жь қәват к'әтһн (букв. выбиваться из сил): 1. лишаться сил, становиться бессильным, слабеть; 2. очень уставать, изнемогать (ср. составное значение: терять силу) и т. д.

При разграничении значений многозначных фразеологизмов выясняется, что в некоторых случаях фразеологические значения, имеющие материальную оболочку одного и того же звучания, различаются настолько, что не могут быть рассмотрены как значения одного и того же фразеологизма. Они функционируют как бы самостоятельно, независимо друг от друга, не обнаруживая никакой генетической или иной связи друг с другом. Отношения между ними таковы, что на современном этапе развития языка они осознаются не как значения того же фразеологизма, а как значения разных фразеологизмов, т. е. фразеологизмов-омонимов. (См. о них в разделе «Фразеологизмы-омонимы»).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ЕДИНИЦА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

Фразеологический состав курдского языка—это совокупность всех устойчивых словосочетаний и предложений, обладающих фразеологическим назначением. Он обнаруживает различные семантические, структурные и стилистические разновидности фразеологических единиц, которые широко отражают черты системности фразеологии и особенности ее места в общей системе языка. На фразеологическом составе языка прослеживаются также отдельные типы фразеологизмов, отличающихся друг от друга разными сферами употребления и историко-временной характеристикой. Попытаемся кратко охарактеризовать эти группировки фразеологизмов.

1. Общекурдская и диалектная фразеология

Фразеологический состав современного курдского языка можно делить на две группы: общекурдские фразеологизмы и фразеологизмы диалектные.

Общекурдскими называются единицы общезыковые, употребляемые в речи всех или подавляющего большинства носителей языка, в его основных диалектных подразделениях—в северном и южном наречиях. К ним относятся, например: бэз дьсперэ п'шике (см. южн. наречие: бэз бə к'тьк эспере) («доверяет волку стадо стеречь»), қэй дьбе һатийə агьрəки (см. южн. наречие: əлей бо агьр һатōwə) («очень спешит (тот-то), хочет быстро вернуться; (тому-то) не терпится»), агьр бəрдеи бина п'ишо же нае (см. южн. наречие: агьри биwanей босо ле һəлнасе («очень беден, бедный, нищий, гол как сокол»), хəм к'шандьн (см. южн. наречие: хəм к'ешан («печалиться, грустить; тосковать»), даре пышта фк-е (см. южн. наречие: дари пышт («чей-то защитник, за-

щита, опора»), бун дэ'ськ у дэрзи (см. южн. наречие: бун даськ у дэрзи («похудеть, превратиться в щепку») и т. д. и т. п.

Диалектными называются фразеологизмы, употребляемые только или преимущественно в одном из наречий языка. См. например, диалектные фразеологизмы из южного наречия: Бә бали йөкеки г'ър өфр'е («(тот-то) имеет влиятельного покровителя»), лә хәв дәрчун («выходить из-под опеки, достигать совершеннолетия»), дан бә худа гьртън («сдерживаться, вести себя сдержанно»), хаки бәр п'е («преданный» (о слуге), лиси щалчалукә («паутина»), лис да кутан («часто ходить в гости»), гәр п'е к'ьрдън («клеветать на кого-либо; приставать к кому-либо»), хон мамыр'ә в һелкәй қаз әкәт («самоуверенный, гордый, надменный; слишком преувеличивает свои силы, способности»), хой риши ныйә в бә костә пе әк'әнә («будучи (находясь) сам в незавидном положении, смеется над другим, находящимся в аналогичном положении») и т. д.

См. диалектные фразеологизмы из северного наречия (бахдинани): бәр хува р'авастан («держать себя в руках, сдерживать порывы своих чувств, подчиняя их своей воле, сохранить самообладание»), бәр сьниг гьртън («иметь очную ставку»), буху данан («присваивать, завладевать, самовольно брать в свою собственность»), зар ве к'өфтьн («начать говорить»), зах дан ху («подбадривать себя, ободряться»), зьман галаә бун («дара речи лишаться, терять способность говорить»), кьрън п'етранк («издеваться, глумиться»), ав лев бун («безмерно любить»), аваһи те нәһелан («позорить, срамить; осквернять») и т. д.

2. Активная и пассивная фразеология

Активная фразеология—это совокупность употребительных на современном этапе развития языка фразеологических единиц. К ней относятся общезыковые и диалектные обороты, встречающиеся в разговорной речи и в письменной литературе. Это обороты типа: ава хвә гōһастън («акклиматизироваться, приспособляться к новому климату»), ава р'у («честь, достоинство»), ав у хали («родина, родные края, отчизна»), анин сәр р'е («наставлять на путь кого, побуждать изменить поведение в хорошую сторону, склонять к хорошему»), анин сери («осуществлять, выполнять, завершать»), бина хвә стәндън («передохнуть, отдохнуть; сделать передышку»), боч'ка шәрәвейә («бездонная бочка, пьет как бочка, человек, который может выпить много спиртного»), дәма хатъра хастън («прощаться (с кем-либо)»), кал у бав («предки»), р'успи дәрк'әтън («оправдаться, быть оправданным»), позе хвә кьрън һ'әму дәра («соваться со своим носом куда, во что, вмешиваться во что-либо, обычно не в свое дело») и т. д.

Пассивная фразеология представляет собой совокупность малоупотребительных или неупотребительных фразеологических единиц. К ней относятся: ава авн'эйат («живительная вода»), ани харе («свергнуть (кого-либо) с престола, лишить власти»), вәләп ә'зим, бәлә к'әрим («клянусь»), қир у қәт'ран («привязчивый, надоедливый»), хблам-хьзмәтк'ар («слуги»), хоф-хьшәт («страх»), тәнг у қуш («упряжь»), хвә сол мәстар'а нәғиһанд («бросился со всех ног, очень заторопился, заспешил») и т. д.

На фоне пассивной фразеологии особо четко выделяются фразеологизмы-архаизмы, устаревшие обороты, вышедшие из активного функционирования в речи. К их числу можно отнести например: хьшър-ә'мбарәт («имущество, состояние, богатство; золотые украшения женщины, драгоценности»), хьзнә-дәфинә («богатство, состояние; казна»), хун бър'ин («определять плату (возмездие за пролитую кровь, за убийство»), хь'е берике («бесплатное добро, которым всякий может пользоваться») и т. д.

Арханзмов в курдском языке много. Они сохраняются в старинных песнях, молитвах, в рассказах и других памятниках устного народного творчества.

Фразеологизмам-архаизмам противопоставлены фразеологизмы-неологизмы, выделяющиеся на фоне активной фразеологии. Неологизмы отражают процесс непрерывного обновления фразеологического состава языка. К ним относятся: ани сәр форме («придавать форму»), һатьн сәр форме («принимать форму») и т. д.

3. Стилистическая характеристика фразеологических единиц

В стилистическом плане прослеживаются различные группировки фразеологических единиц, которые более или менее четко выделяются и дифференцируются в функционально-стилистическом и эмоционально-экспрессивном аспектах.

I. В аспекте функционально-стилистическом различаются следующие группы фразеологических единиц:

а) общая разговорная и разговорно-просторечная фразеология. Она является преимущественно нейтральной фразеологией, употребляемой в устном общении независимо от социальной и профессиональной принадлежности носителей языка и от территории, на которой они живут. К ней относятся: авитьн бәр бәнда ақьла («задуматься»), агьр бәри дьле фк-е дан («надирать сердце у кого, вызывать душевное страдание, муки»), ани бира хвә («вспоминать, восстанавливать в памяти»), ани сери («осуществлять, завершать, довести до конца»), бае бәзе («быстро, срочно»), һьзра ху кьрьн («думать»), һьланин-данин («обслуживание, уход») и т. д.

б) фольклорные фразеологизмы—это обороты, применяемые только или преимущественно в памятниках устного народного творчества: р'ожа ахьрзэ'мэте («трудное время в жизни кого-либо»), аше а'шэле гэр'андьн («подвергать наказанию, расплачиваться с кем-либо»), ми́на базьргане һ'эмськ у һ'эйайе («красиво, изящно»), тэнг у бэр («подруга, упряжь»), тэйрке быһоште («святой, возвышенный; заветный»), т'бли-мыли («разбойники, бродяги»), т'эшт у п'а («власть, трон»), и т. д.;

в) книжные фразеологизмы—это выражения преимущественно терминологического характера, употребляемые в основном в публицистическом, научном и художественном стилях.

II. В эмоционально-экспрессивном аспекте выделяются следующие типы фразеологизмов, содержащие указание на характер отношения говорящего к предметам, обозначаемым фразеологизмами:

а) фразеологизмы с ироническим оттенком: агьро тб коне р'эш к'эви («Не велика беда. Неважно, не имеет значения, подумаешь»), ахае һ'эр'ийе («шишка на ровном месте; человек, который, неоправданно высоко ценит себя, много мнит о себе»), тиш һэвана тэ к'эти. («какой ты врун»), т'этэрэ, а'йбэ сэрэ («урод, уродливый») и т. д.

б) фразеологизмы, имеющие пренебрежительный или презрительный оттенок: ава гэни («зловредный, низкая душа»), ава р'эшда чун («умереть; сгинуть»), ар'ика к'этын («приходить в состояние крайнего раздражения, сильного гнева»), кондьре бэжи («тупой, несообразительный») и т. д.;

в) фразеологизмы, имеющие ласкательный оттенок: тэйре бьмбарэк («дорогой, приятный»), щэгэра мийа қэрэ («любимое дитя»), к'бр'е дейэ («маменькин сынок, изнеженный»), кьле сыб-һ'ане («любимый, дорогой (в обращении к детям)») и т. д.

4. Дифференциация фразеологических значений на тематические группы

Семантема, из потребности в выражении которой возникает фразеологическая единица, существует не сама по себе, а в строго определенном отношении с семантемами других фразеологизмов, образуя вместе с ними некую фразо-семантическую микро-систему. Основой системных связей между значениями фразеологизмов и образования из них специфических, более или менее многочисленных тематических групп служат соответствующие интегрирующие семантические признаки. На этих признаках основана структурно-семантическая классификация фразеологизмов, представленная во второй главе настоящей работы.

Наряду с системными связями, существующими между значениями фразеологизмов, выделяются и системные связи между значениями отдельных фразеологизмов, описание которых следует ниже.

5. *Синонимия фразеологических единиц*

Курдская фразеология представляет очень богатую систему синонимических фразеологизмов. Последние наблюдаются среди фразеологических единиц всех структурно-семантических типов. Но особо многочисленны они в области глагольных, адъективных и адвербиальных фразеологизмов. Здесь, в отдельных случаях, синонимические ряды включают по 16 фразеологических синонимов. См. напр.: фразеологизмы со значением «умереть»: *э'мре хвә дан, гишиштын рәһ'ма хвәда, к'этын т'абуте, мезәла шабун, ньге хвә щот кьрын, р'өһ'е хвә дан, чун ахаре сар, чун ахрәте, чун бал пешийа, чун дьлованийа хвәде, чун дьловани хвәде, чун д'няа тә'ри, чун дьняа һәq, чун дьняа ви алин, чун т'өтке мәсиле; фәрмана хвәде һат сәр р'өһ'е фк-е.*

Фразеологические синонимы построены на разных образах. Они обозначают один и тот же предмет, но различаются по дополнительным семантическим и стилистическим оттенкам, лишены возможности, подобно вариантам, взаимозаменяться в любом контексте.

Среди фразеологических синонимов выделяются:

а) синонимы с общим компонентом (или компонентами), обладающие одной и той же грамматической структурой. См. напр.: фразеологизмы с общим значением «оказываться в безвыходном положении»: *к'этын ль дәрге тәнг ср. кә'тын орт'а дө көвьра;*

б) синонимы, отличающиеся друг от друга характером компонентного состава и синтаксической структурой. См. напр.: фразеологизмы с общим значением «очень щедрый»: *п'әрда бәр ч'ә'ве фк-е т'өнә ср. хвәйе кьрасе хвә нинә;*

в) синонимы, различающиеся по компонентному составу, но имеющие одинаковую синтаксическую структуру. См. напр.: фразеологизмы с общим значением «находятся в разладе друг с другом»: *диза фк-а т'әв һәв нак'әлә ср. ава фк-а щәвәкеда наче и т. д.*

6. *Фразеологическая антонимия*

Фразеологизмами-антонимами называются фразеологизмы, имеющие противоположные значения и одинаковую материальную структуру, обнаруживающую однако у каждого из фразеологизмов одно компонирующее слово-антоним. См. например, дәсте

фк-е сьвкә «тот-то отличается удачливостью в любом начинании, приносит успех какому-либо делу, предприятию и т. п. 2. Тот-то скор на руку, проворный в работе, может быстро делать что-либо» и дәсте фк-е гьранә «тяжел на руку, с тяжелой рукой, обладает большой силой удара, больно, сильно бьет; 2. Тот-то отличается неудачливостью в любом начинании, приносит неудачу, неуспех любому делу, предприятию и т. п.; 3. Тот-то работает очень медленно»; р'уйе фк-е вәкьрийә «тот-то не стеснительный, не застенчивый, не стесняющийся; 2. Тот-то наглый, бесстыжий, нахальный» и р'уйе фк-е гьртия «тот-то неотесанный, простой; 2. Тот-то стыдливый, застенчивый, стыдливо-робкий, смущающийся; наивный; скромный»; дьня р'он «белый (божий) свет, окружающий мир, земля со всеми существующими на ней; жизнь во всех ее проявлениях» и дьня тә'ри «тот свет, загробный мир как противопоставление земному миру, жизни» и т. п. Фразеологизмы-антонимы, как правило, соотносятся с одной и той же частью речи, т. е. обнаруживают тождественную фразо-грамматическую характеристику. Важно отметить, что явление антонимии в системе фразеологии не имеет широкого распространения. Фразеологизмов-антонимов в курдско-русском фразеологическом словаре очень мало. Они относятся, в основном, к трем фразо-грамматическим разрядам: субстантивному, глагольному и адъективному.

7. Фразеологизмы-омонимы

В качестве фразеологизмов, соотносящихся между собой как омонимы, выступают тождественные по своей материальной оболочке (звучанию) обороты, выражающие значения, возникшие независимо друг от друга и не имеющие никакой связи друг с другом в логико-семантическом плане. См. например: бәр шемикеданә (букв. находится у порога) «очень близко, совсем близко»; и бәр шемикеданә «все время дома (кто-либо), не выходит из дома»; 2. «не работает, бездельничает»; һатын р'уйе фк-е «целовать того-то» и һатын р'уйе фк-е «выступить в качестве свидетеля по чьему-то делу»; дан дәр «проиграть, потерпеть неудачу» и дан дәр «лопаться» (о нарыве); хвә гьртын «заболеть» и хвә гьртын «сдерживать порывы своих чувств, подчиняя их своей воле, сохранять самообладание»; пышта хвә дан һәв «не говорят друг с другом, враждуют между собой» и пышта хвә дан һәв «помогают друг другу, защищают друг друга»; бәранбәри сәрийа буйә «очень высоко поднялась (о зелени) и бәранбәри сәрийа буйә «на вес золота, очень дорого (ценится, стоит, продается и т. д.)».

Явление омонимии имеет во фразеологии весьма ограниченное распространение. В курдско-русском фразеологическом словаре зафиксировано не более тридцати случаев его функционирования. Омонимические ряды обычно состоят из двух или трех фразеологизмов. Но встречаются также ряды, представляющие четыре фразеологических единицы. См., например:

дәст дан

случиться, происходить,
совершаться, приключаться.

дәст дан

1. Подчиняться (кому-либо).
2. Сдаваться на милость кого.
Сдаваться в плен.

дәст дан

Устраивать кого-либо, подхо-
дить, годиться кому-либо.

дәст дан

Браться, приниматься за что-
либо.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КУРДСКОМ ЯЗЫКЕ

Значение фразеологии как отдельной языковой области не ограничивается ее назначением в системе языка. Очень важную роль она играет и в обогащении лексического состава языка, как, впрочем, и самой фразеологии, новыми единицами самых различных структурных и функциональных типов.

В современном курдском языке прослеживается ряд способов словообразования, среди которых большей или меньшей продуктивностью отличаются: образование слов на основе наличной лексики или словооснов и аффиксов в строгом соответствии с существующими словообразовательными моделями; образование слов путем лексикализации свободных словосочетаний; переход слов из одной части речи в другую; образование слов на лексико-семантическом уровне, в результате чего возникают слова-омонимы; лексикализация отдельных морфологических форм слов; образование слов на фонетическом уровне—на основе звуков, в результате чего возникают звукоподражательные слова, так или иначе отражающие соответствующие явления, и т. д. Разные по объему описания некоторых из этих способов (главным образом слово-сложения и аффиксации) содержатся в существующих работах по грамматике и словообразованию курдского языка. Остальные же пути словообразования, например, контекстуальная лексикализация свободных словосочетаний, образование слов лексико-семантическим способом и т. д. оказались вне поля зрения исследователей. До сих пор не исследована и фразеологическая деривация—образование слов на базе фразеологизмов, а слова, возникшие путем преобразования фразеологических единиц, пока лишь отчасти инвентаризованы в словарях. Отсутствие исследований фразеологической деривации, как и деривации от свободных словосочетаний, не могло не отразиться на освещении всего механизма

словообразования, а также на понимании тесных взаимоотношений между фразеологией и лексикой. Оно не способствовало выяснению взаимодействия разных путей словообразования, а также вопросов, связанных со становлением словообразовательных моделей в системе языка.

Фразеологическая деривация в курдском языке отличается высокой продуктивностью. Она играет важную роль в расширении лексической системы языка, в создании неограниченных возможностей разностороннего становления его лексического состава. Слова, образованные от фразеологизмов, занимают значительное место в основном словарном фонде языка. Большинство из них параллельно функционирует с соответствующими производящими фразеологизмами и мотивируется ими. Напр.: дэсттэнг («бедный», «не имеющий денег») и фразеологизм дэсте фьланк'эсе тэнгэ («кто-либо бедный, совсем не имеет денег», букв. рука чья-то тесная (пустая) или сэрсал («новый год») и фразеологизм сәре сале («новый год», букв. голова года) или же дьлк'э-тын («любовь», «влюбленность») и оборот дьле фьланк'эсе к'этә беванк'эсе («кто-либо влюбился в кого-либо», букв. чье-то сердце вошло (упало) в кого-либо). Остальные же слова не обнаруживают производящих их фразеологизмов, и их мотивировка сопряжена с большими трудностями. Таковы, напр., слова К'өм-р'өш (в значении «ревнивый»), или ч'өвр'өш (в значении «завистливый»), буквализация которых не содержит указания на их внутреннюю форму, а сами словосочетания к'өме фьланк'эсе р'өшә и ч'өве фьланк'эсе р'өшә не воспринимаются как устойчивые и реализуются в современном языке только в буквальном значении «чей-то головной убор черный», «чей-то глаз черный». Производные от фразеологизмов слова имеют широкое употребление в разговорной и литературной речи, в большом количестве встречаются в памятниках устного народного творчества. Как увидим дальше, они в свою очередь служат базой для образования самых различных по характеру лексических единиц и устойчивых или временно-устойчивых словосочетаний.

В связи с необходимостью освещения фразеологической деривации возникает ряд вопросов. Каковы причины и способы образования слов от фразеологизмов? Какие фразеологизмы допускают деривацию? Какова специфика фразеологической деривации как особого вида словообразования?

Анализ состава слов, возникших на базе фразеологии, показывает, что в основе их становления лежат разные причины, кроме того, они отличаются друг от друга разными способами образования, в разной мере способны к дальнейшему словообразованию. Деривация, обнаруживаемая у фразеологических единиц,

не есть явление сугубо фразеологического характера, так как она свойственна и синтаксическим единицам. Поэтому правомерно говорить о ней как о более общем явлении, присущем раздельно-оформленным структурам вообще. В этом плане важным представляется тот факт, что, как правило, деривацию допускают фразеологические и синтаксические единицы одних и тех же структур, и результаты деривации в обоих случаях достигаются одними и теми же способами, в одних и тех же целях. Ср., напр., змане фьланк'есе дьрежэ («у того-то язык развязан, язык без костей, кто-либо болтлив») с переменным предложением той же синтаксической модели дьране фьланк'есе тужьн («у того-то острые зубы») и их дериваты—имена прилагательные: змандьреж («болтливый») и дьрантуж («острозубый, имеющий острые зубы»). В то же время синтаксические единицы некоторых моделей и аналогичные им по структуре фразеологические единицы не допускают деривации.

Отличие между фразеологической деривацией и деривацией синтаксической фактически сводится лишь к тому, что в одном случае слово образуется на основе сцепления лексем, а в другом случае—на основе сцепления реальных слов. Таким образом, фразеологическая деривация представляет собой своеобразное распространение синтаксической деривации. Преобразование фразеологизмов в слова, происходящее по аналогии с преобразованием переменных словосочетаний в слова, служит ярким примером того, что фразеология не только широко использует материальные ресурсы синтаксической системы языка, но и заимствует из нее ряд явлений и процессов, обычно воспринимаемых как факты сугубо синтаксического характера.

Причина преобразования фразеологизмов в слова, за отдельными исключениями, обусловлена необходимостью в наименовании обозначаемых ими отрезков действительности, а способы образования слов от них—характером их структурной организации. По отношению к соответствующим производящим фразеологическим единицам производные слова обычно выступают или как аббревиатуры, или как омонимы, или же как сложения и сращения. Эти четыре разновидности слов, отличающиеся друг от друга объемом и различными степенями продуктивности, обнаруживают разные способы словообразования.

Среди них наибольшей продуктивностью отличается группа слов, реализующихся в виде сложений, образованных лексико-синтаксическим способом. Своеобразие этого способа заключается в том, что на базе устойчивых словосочетаний путем слияния их компонентов формируется сложное слово в виде целостной лексической единицы. Эта группа содержит подавляющее

большинство фразеологических дериватов, употребляющихся в современном языке. Ими являются, например, сәрибрьн («надоедливость, докука, надоедливые разговоры»), дәстгъртын («обручение, обручать»), бәхтр'әш («несчастный, каверзный»), бәр-хвәк'әтын («переживание, страдание»), образованные в результате словосложения на базе устойчивых словосочетаний сәре фьланк'әсе бьрн («утруждать кого-либо, докучать, надоедать кому-либо»), дәсте фьланк'әсе гъртын («обручать кого-либо»), бәхте фьланк'әсе р'әшә («кто-либо несчастный; каверзный»), бәр хвә к'әтын («переживать, страдать»).

Остальные способы обычно имеют ограниченное применение. Лексико-семантический способ, например, имеет место в случаях образования слов на основе компаративных фразеологизмов. Группа этого рода слов, выступающих омонимами соответствующих компаративных оборотов, является малочисленной и представлена такими словами, как р'уви («хитрый, лукавый»), мар (мә'р) («коварный, «коварно»), бочкә («толстый», «толстяк»). Первое из них возникло на основе оборота мина р'увийа («очень хитрый, лукавый», букв. как лиса), второе—на основе оборота мина мара («коварно», «коварный», букв. как змея), а третье—на основе оборота мина бочка («очень толстый», букв. как бочка).

Аббревиация же представляет собой новый способ словообразования. В литературный курдский язык она проникла из русского и армянского языков за годы развития курдской письменности. Этот способ не отличается особой продуктивностью. В настоящее время около шестидесяти слов-аббревиатур. Аббревиатуры образуются на основе номинативных устойчивых словосочетаний и реализуются в виде сложения начальных букв (звуков) или начальных слогов компонентов или же в виде сцепления «начальный слог одного компонента+компонент», напр.: комнәһ'и («райком») от комитета нәһ'ийе («районный комитет»), Т'Р'СС («СССР») от Т'ьфаға Республикед Советийә Сосиалистие («Союз Советских Социалистических Республик»).

Сравнительно редко встречаются также слова, возникающие в результате сращений, своеобразие которого состоит во взаимодействии словосложения и суффиксации. Таковыми являются, например: бәрдәвк («тот, кто постоянно назойливо прислушивается к кому-либо; подслушивает кого-либо»), бәрпозк («противник, соперник, тот, кто возражает, прекословит кому-либо»), сәрдьлк («любимец»). Базой для образования этих примеров послужили фразеологизмы: бәр дәве фк-е сәкьнинә («постоянно, назойливо прислушиваются к кому-либо, подслушивают кого-либо»), бәр позе фк-е сәкьнинә («возражают, прекословят кому-

либо»), сәр дьле хвә хандькын («любят, обожают того-то»). По способу образования дериваты таких фразеологизмов противопоставлены дериватам компаративных фразеологизмов, обнаруживающим лексико-семантический способ словообразования.

Фразеологизмы остальных структурных типов, в первую очередь обороты, имеющие структуру предложения, а также фразеологизмы модели «дополнение+предикат», которые соотносятся со сказуемым предложения, преобразуются в слово способом словосложения. Этим же способом, хотя и очень редко, слова образуются от фразеологизмов, имеющих структуру парного словосочетания, а также от повторов и оборотов со вторым компонентом—словом-рифмой и от некоторых составных названий, имеющих двучленную изафетную конструкцию (типа нане щушьке «подорожник» и нащушьк с тем же значением). Наличие таких редких слов, однако, не препятствует тому, чтобы констатировать строгую зависимость выбора способов образования дериватов от характера структурного типа соответствующих производящих фразеологизмов.

Фразеологизмы, обнаруживающие способность преобразовываться в слово посредством соответствующего способа, обычно мотивируются, воспринимаясь в качестве своего рода живых организмов системы языка, в которых не перестали действовать внутренние процессы, не угасла живость связей и отношений между составляющими их элементами. Будучи неостывшими констатациями соответствующих отрезков действительности, они подлежат возможному изменению в ту или иную сторону в связи с продолжением процесса познания этих отрезков действительности. Отметим, что в тех случаях, когда отрезок действительности имеет свое наименование в виде слова, тогда описывающая его констатация в виде фразеологизма возникает в стилистических целях и определяется экспрессивно-эмоциональной направленностью. Но когда отрезок действительности не имеет своего наименования, познан впервые, то констатация, описательно устанавливающая его наличие и тем самым выступающая в качестве его своеобразного обозначения, вполне реально претендует на право быть воспринятой как его название (наименование). Такими констатациями служат, в частности, составные названия и термины, возникшие естественным путем, а по их аналогии и искусственные составные названия и термины (типа Партъя к'ордьстанейә демократи «Демократическая партия Курдистана»).

Будучи единицами, возникшими как описательные констатации-обозначения тех или иных отрезков действительности, фразеологизмы, однако, пусть в разной степени, потенциально или

реально, проявляют особое внутреннее тяготение к преобразованию и превращению в дальнейшем в целостную, слитную единицу (слово), в название соответствующего отрезка действительности. Однажды познанный и получивший языковое обозначение отрезок действительности благодаря этому приобретает свое наименование. В связи с этим во всех тех случаях, когда на основе устойчивого словосочетания возникает слово, последнее восполняет определенное свободное место в понятийной системе языка, выступая в качестве носителя единицы мысли, имеющей экстралингвистическую обусловленность. Производящие устойчивые словосочетания и производные от них слова оказываются единицами, вызванными к жизни потребностями разных участков семантической системы языка: первые выполняют роль обозначения данных отрезков действительности, а последние, т. е. слова — образ образованные от устойчивых словосочетаний, имеют экстралингвистическую основу. Незначительное количество слов-аббревиатур, например, обнаруживает чисто лингвистические причины становления. Аббревиация происходит из потребности в отвлечении от характеристической основы устойчивого словосочетания и осуществляется как случай лингвистической экономии — реализации словосочетания в виде слитного звукового комплекса с чисто номинативным назначением. Таким образом, сокращенное устойчивое словосочетание изменяется не только в форме, но и в семантической основе.

Из фразеологических единиц современного курдского языка, соотносящихся с разными частями речи, деривацию допускают в основном только субстантивные, адъективные и глагольные обороты. Вместе с тем не всякий фразеологизм, относящийся к этим разрядам, может преобразоваться в слово. Деривации не допускают, напр., глагольные обороты, имеющие модели: а) «глагол+имя»: к'этын т'эльке («попадать впросак, попадаться на удочку»), чун дьлованийа хвэде («умереть»), кьрын итон («позорить»), бун итон («позориться»); б) «предлог+имя+глагол»; бэр лемьште чун («разоряться, потерять свое имущество»), сэр һ'сәһ'ьса к'этын («догадаться, узнать»), жь зин к'этын («лишаться должности, авторитета»), нав салан к'этын («стареть»); в) «предлог+глагол+имя»: ле һатын р'эме («сжалиться над кем»), ле к'этын шыке («подозревать кого, что в чем»), ле һатын чьфта («наложить опалу на кого; притеснять кого»). Кроме того, не преобразуются или очень редко преобразуются в слово глагольные фразеологизмы, употребляющиеся только в сослагательном и повелительном наклонениях, а также фразеологизмы сочинительной структуры и оригинальные номинативные

обороты, имеющие изафетную конструкцию. Мало способны к словообразованию фразеологизмы компаративной структуры.

Возможность образования слов от фразеологизмов обычно зависит от количества составляющих их компонентов. Деривация возможна, если фразеологизмы (за исключением тех, которые подвергаются аббревиации) состоят из двух или реже из трех компонентов и если нет обстоятельств, препятствующих ей. При этом трехкомпонентные обороты преобразуются в слово, по-видимому, в том случае, если образующие их компоненты двусложны. Что касается оборотов с трехсложными компонентами и оборотов, состоящих из четырех, пяти и более компонентов, то слов, образованных от них, не обнаружено. Таким образом, фразеология служит базой для обогащения словарного состава языка в части своих двухкомпонентных или реже трехкомпонентных оборотов, представленных тремя отмеченными выше лексико (фразо)-грамматическими разрядами. При этом, как дальше увидим, от субстантивных оборотов образуются имена существительные, от адъективных оборотов—имена прилагательные, а от глагольных оборотов—имена действия, а также слова, способные характеризоваться как имена деятеля или названия каких-либо его признаков. Дериваты каждой из этих разновидностей способны к дальнейшему словообразованию.

А. Глагольные фразеологические единицы, допускающие деривацию, в основном представлены следующими структурными типами.

1. Фразеологизмы модели предложения: «именной компонент в роли формального подлежащего+предикативный компонент—непереходный глагол в роли формального сказуемого в изъявительном наклонении». На базе оборотов этого структурного типа образуются слова-имена существительные в традиционной форме имени действия, а также слова, способные одновременно характеризоваться и как имена деятеля. Например, оборот ошаха фк-е кор бу («кто-либо оказался в бедственном положении, кого-либо постигло несчастье») образует слова ашахкорбун («беда, бедствие, несчастье») и ошахкор («несчастный, потерявший семью, близких; разорившийся»); от последнего в дальнейшем с помощью суффикса и или ан образовалось абстрактное имя существительное ошахкори/ошахкоран («бедствие, беда, несчастье»). Аналогичную картину представляют обороты: мала фьланк'эсе храб бу («кого-либо постигло несчастье»), мала фьланк'эсе ава бу (иронически употребляется в противоположном смысле: «кто-либо оказался в неудобном, трудном положении»), от которых образованы слова мальхраббун («беда, бедствие»), малавабун (в том же смысле, но иронически) и прилагательные

малава («добродетельный, добрый»), малхьраб («бедный, несчастный»), также образующие абстрактные имена существительные малаваи, мальхраби.

В случаях, когда глагольный компонент таких фразеологизмов представлен несложноименным непереходным глаголом, образующиеся от них имена деятеля имеют форму причастия прошедшего времени. Например, от оборотов дьле фьланк'эсе к'эта беванк'эсе («кто-либо влюбился в кого-либо»), дэсте фьланк'эсе ле насэкьнэ («тот-то ворует»), наве фьланк'эсе дэрк'эт («тот-то стал известным»), пышта фьланк'эсе шкэст («кто-либо лишился близкого—брата, отца и т. п.»), кроме имен существительных дьлк'этын («любовь, влюбленность»), дэстленэсэкьнин («воровство, страсть к воровству»), навдэрк'этын («слава, известность»), дэнгк'этын («лишение (потеря) голоса»), пышткэстын («беда, несчастье»), образованы также слова дьлк'эти («любовник, возлюбленный,-ая»), дэстленэсэкьни («ворующий, вор»), навдэрк'эти («известный, опозоренный»), пыштк'эсти («лишившийся близких»).

2. Фразеологические единицы модели «предлог+местоимение в роли косвенного дополнения+глагол» могут контекстуально преобразоваться в имя существительное: бэр хөр'а чун («кичиться, хвастаться, горделиво превозноситься») и бэрхөр'ачун («кичливость»), бэр хō дан («терпеть») и бэрхōдан («терпение»), сэр хōра авитын («не иметь стыда в глазах, вести аморальную жизнь») и сэрхōр'авитын («бесстыдство, аморальность») и т. п. В результате большой частотности образования в контексте одни из этих слов приобрели константность и прочно вошли в словарный состав языка, хотя пока лишь частично инвентаризованы в словарях. В качестве таковых можно назвать: бэрхвэк'этын («переживание»), образованное от оборота бэр хвэ к'этын («переживать»), бэрхōдан («терпение») от оборота бэр хō дан («терпеть»). Важной особенностью фразеологических оборотов данной модели является то, что от них образуются также причастия прошедшего времени, реализующиеся, однако, в основном контекстуально: бэрхвк'эти («переживающий»), сэрхвэр'авити («бесстыдный, бесстыжий»), бэрхвэдаи («имевшие терпение») и т. д.

3. Фразеологические единицы модели «прямой объект, выраженный изафетным словосочетанием+переходный глагол в роли сказуемого» обычно контекстуально преобразуются в имена существительные в структуре (мени действия или, реже, в глаголы. При этом определение в изафетной конструкции, как правило, выпадает: ср. ақьлōндакьрын («потеря ума») и ақьле хвэ онда кьрын («терять рассудок»), ақьлгьртын («умнеть», «приобретение ума»)

и ацъле хвѣ гъртън («умнеть»), сѣриѡндакърън («заблуждение») и сѣре хвѣ ѡндакърън («терять голову»). От некоторых фразеологических единиц этой модели образованы имена прилагательные (типа ацълѡнда «потерявший ум» от ацъле хвѣ ѡнда кърън) и причастия прошедшего времени в адъективном значении (ацългърти «поумневший», ср. ацъле хвѣ гъртън).

4. Двухкомпонентные глагольные обороты модели «имя существительное в роли прямого объекта + переходный глагол в роли сказуемого» образуют имя действия, напр.: дѣстгъртън («обручение», от фразеологического оборота дѣсте фъланк'ѣсе гъртън «обручили того-то»), щѣфадаин («причинение беспокойства»), от оборота щѣфа дан фъланк'ѣсе («обеспокоили того-то») или һѣвахълдан («воспаление», от оборота һѣвахълдан «воспаляться»).

В случаях, когда именной компонент таких оборотов употребляется исключительно или преимущественно в форме косвенного падежа единственного числа и является односложным, то образованные от них имена действия сравнительно быстро приспосабливаются к нормам спряжения глагола. Но если этот компонент состоит из двух и более слогов и/или употребляется в форме косвенного падежа множественного числа, то имя действия, возникшее на их базе, обычно остается на уровне имени существительного женского рода. Напр.: глагол сондхарън («клясться, давать клятву») от оборота сонд харън («клялись, дали клятву») и имя существительное гѣфхарън («угроза, запугивание, обещание причинить кому-либо зло») от оборота гѣфа дъхѡн («угрожают») или глагол р'устѣндын («разбаловаться, расшалиться») от оборота р'у дъстинън («шалят, балуются») и һѣвахълдан («воспаление») от һѣвахълтинън («воспалятся»).

5. Глагольные обороты модели «прямой объект + вставочный компонент + глагол» служат базой контекстуального образования соответствующих имен существительных. Так, от оборотов типа к'ина фъланк'ѣсе гъртън («ненавидеть кого-либо»), сѣре фъланк'ѣсе бърън («надоедать кому-либо, изнурять кого-либо»), к'ока фъланк'ѣсе анин («уничтожать кого-либо») образуются имена существительные женского рода к'ингъртън («ненависть, испытывание чувства ненависти»), сѣрибърън («надоедание»), к'оканин («уничтожение»). Среди производных слов этого типа нередко встречаются такие, которые благодаря повышению частотности образования-употребления воспринимаются ныне как уже готовые единицы, способные спрягаться подобно глаголам. Таким дериватом является, например, слово дѣстгъртън («обручение, обручать»), возникшее на базе фразеологической единицы дѣсте фъланк'ѣсе гъртън («обручили того-то»), а также слово

сәржекьрын («отрезать, отрубить, обезглавливать, отсечение головы»), образованное от оборота сәре фьланк'әсе жекьрын («отрубили чью-то голову, обезглавили того-то»).

Б. Адъективные фразеологические единицы образуются в курдском языке в процессе речи: в позиции парафразы к какому-либо слову или словосочетанию как объекту ситуации, в позиции определяемого в изафетных конструкциях и в позиции именной части составного сказуемого. В первом случае фразеологизм образуется в качестве описательного обозначения понятия, закрепленного за данным словом или словосочетанием, во втором случае он возникает в виде описательной констатации какого-либо признака определяемого данного изафетного словосочетания, наконец, в третьем случае—как характеризующая констатация какого-либо признака подлежащего предложения. Во всех трех случаях констатация признака, выступающая в качестве некоторого обозначения, с момента становления в качестве самостоятельной единицы языка претендует на право быть его названием. Однако таковым она становится лишь после преобразования в слово (способом словосложения) или же путем передачи своего значения своему стержневому компоненту (лексико-семантическим способом), выступающему в роли своеобразного омонима по отношению ко всему комплексу. Как в том, так и в другом случае производное слово образуется в качестве названия признака, обозначаемого производящим фразеологизмом.

Адъективные фразеологические единицы, допускающие деривацию, являются оборотами модели «имя существительное в роли формального субъекта + вставочный компонент + именная составная сказуемая». Эта модель обнаруживает три основных типа лексического наполнения, обуславливающие соответствующие разновидности дериватов.

1. Одна из этих разновидностей представлена дериватами типа: хвәйпышт («имеющий спину, имеющий покровителя, защитника»), хвәйхират («имеющий честь, честный, честолюбивый»), хвәйщәгәр («мужественный, смелый, бесстрашный»). Особенностью оборотов, образующих подобные прилагательные, является то, что в них в качестве именной части составного сказуемого используется һә-основа настоящего времени глагола һәйин («быть, иметь, иметься»), который при деривации заменяется полупрефиксом хвәй («владеющий, имеющий»). Так, обороты, от которых образованы приведенные выше дериваты, выглядят следующим образом: пышта фьланк'әсе һәйә («тот-то защищенный, у того-то есть спина»), хирәта фьланк'әсе һәйә («тот-то имеет честь, честный»), щәгәра фьланк'әсе һәйә («тот-то смелый, храбрый»).

По словообразовательной модели «хвэй+имя» слова-прилагательные образуются и на базе свободных предложений той же модели. Напр.: баве фк-е һэйә («у того-то есть отец»), ср. производное слово хвэйбав («имеющий отца»); мала фк-е һэйә («у того-то есть дом»), ср. хвэймал («имеющий дом»). Большинство синтаксических дериватов этого типа носит контекстуальный характер, но по мере возрастания они могут приобрести свойства устойчивой лексической единицы и войти в словарный состав языка. Такими единицами ныне являются, например: хвэйп'ешә («имеющий занятие, специальность»), хвэйһәвал («имеющий друзей»), хвэйк'ом («имеющий близких родственников, родню»).

2. Следующую разновидность дериватов представляют каритивные прилагательные типа бешәгәр («несмелый»), беду («не имеющий семьи, дома»), бешт («слабый, беззащитный»), бехирәт («нечестоплюбивый»), беп'әргал («неорганизованный»). Свообразие оборотов, производящих прилагательные этого типа, заключается в том, что в них именное составное сказуемое выражено отрицательной словоформой т'өнә («нет, не имеется»), которая при преобразовании оборотов в слово заменяется каритивным полупрефиксом бе («без, не имеющий, лишенный»). Производные дериваты этой разновидности обычно выступают как антонимы дериватов указанной выше разновидности, ср. хвэйду и беду или хвэйхирәт и бехирәт (перевод этих слов дается выше).

3. Третья разновидность дериватов, образованных адъективными оборотами, в которых именная часть составного сказуемого выражена именем прилагательным, представлена словами типа адыльсьык («легкомысленный»), от адыле фк-е сьыкә («кто-либо легкомысленный»), бәхтр'әш («каверзный», от бәхте фьланк'әсе р'әшә («кто-либо каверзный»), п'арсухар («неверный, совершающий измену», от п'арсуйа фьланк'әсе харә («кто-либо неверный, совершающий измену»), сәрһ'ышк («тупой, бестолковый; непослушный», от сәре фк-е һ'ышкә («кто-либо непослушный; кто-либо бестолковый»). Характерно, что переменные предложения этой модели также могут способом словосложения образовывать имена прилагательные аналогичного типа, например: бәжна фьланк'әсе бьльндә («кто-либо имеет высокий рост») и бәжнбьльнд («высокорослый»), бәжна фьланк'әсе көртә («кто-либо имеет низкий рост») и бәжнкөрт («низкорослый»), ч'ә'ве фьланк'әсе р'әшьн («глаза у того-то черные») и ч'ә'вр'әш («черноглазый»).

Одна и та же модель, лежащая в основе образования устойчивых и свободных словосочетаний, как видим, обуславливает не только наличие у них одной и той же структуры и одних и тех же норм лексического наполнения, но и предопределяет одинаковые возможности и способы образования слов от них. Слова, возник-

шие на базе таких структур, имеют тождественную лексико-грамматическую характеристику и в разной мере могут в дальнейшем служить словообразовательной базой. От них, в частности, с помощью суффиксов и, ти/ати образуются абстрактные имена существительные типа: бажнбьльнд («иметь высокий рост», от бажнбьльнд «имеющий высокий рост»), ацьльсьвьки или ацьльсьвькати («легкомыслие, безумие», от ацьльсьвьк «легкомысленный»), дбрути («двуличие, двуличность», от дбру «двуличный, двуличный»), дьлт'эмзи («искренность, чистосердечие, чистосердечность», от дьлт'эмз «чистосердечный, искренний», образованного на базе фразеологизма дьле фк-е т'эмзэ «кто-либо чистосердечный, чье-то сердце чистое»).

Адъективные фразеологизмы обычно передают своим дериватам свойственную им переносность и образно-экспрессивную окраску. В связи с этим такие дериваты резко отграничиваются от синтаксических дериватов, которые лишены образности и экспрессивности, поскольку производящие свободные предложения выступают как сцепления слов в их прямых значениях. Ср. дьлт'эмз (от дьле фьланк'эсе т'эмзэ) и бажнбьльнд (от бажна фьланк'эсе бьльндэ) или ч'э'вр'эш в значении «завистливый» (от фразеологизма ч'э'ве фьланк'эсе р'эшн, который в современном языке отсутствует и поэтому производное от него слово не мотивируется) и ч'э'вр'эш в значении «черноглазый» (от свободного предложения ч'э'ве фьланк'эсе р'эшн). Отличия между фразеологическими и синтаксическими дериватами, кроме того, отражаются в абстрактных именах существительных, образованных на их базе и мотивируемых ими. Напр.: п'арсухари («измена») от фразеологизма п'арсуйа фьланк'эсе харэ (перевод дан выше, букв. перевод: тот-то имеет кривые ребра) и п'ор'дьежи («удлинение волос», от п'ор'дьеж «длинноволосый» — деривата свободного предложения п'ор'е фьланк'эсе дьежн «чья-то волосы длинные»).

Абстрактные имена существительные, образующиеся на фразеологическом и синтаксическом уровнях, в свою очередь, принимают участие в построении устойчивых и переменно-устойчивых глагольных словосочетаний модели «прямой объект + глагол» типа: ч'э'внэбаһари кьрн («завидовать»), к'бмр'эши кьрн («ревновать»), на основе которых могут образовываться более сложные лексические единицы типа: ч'э'внэбаһарикьрн («испытывание чувства зависти»), к'бмр'эшикьрн («испытывание чувства ревности»).

Путь, прослеживаемый на материале перечисленных случаев словообразования, таков: от фразеологизма к слову-прилагательному, от последнего к абстрактному существительному, да-

лее; от абстрактного существительного к глагольному устойчивому словосочетанию и, наконец, от последнего—к сложному существительному: сәре фьланк'әсе һ'ышкә-сәрһ'ышк, сәрһ'ышки, сәрһ'ышки кьрыһ сәрһ'ышкикьрыһ («проявление глупости, совершенные глупости, глупость»).

В. Субстантивные устойчивые обороты, допускающие деривацию, реализуются в изафетной или парной конструкциях. Производные от них слова обычно возникают в виде аббревиатур, о которых речь шла выше. Лишь незначительная часть субстантивных дериватов обнаруживает способ словосложения: наншуцьк (от оборота нане шушьке), сәрп'е (в значении «похлебка из головы и ножек»), образованное от парного словосочетания сәр у п'е/сәр-пе («конечности, голова и ноги»). От этого же парного словосочетания образовано слово сәрп'е в значении «одежда, все то, чем покрывают, защищают голову и ноги»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе впервые рассмотрены основные, опорные вопросы фразеологии курдского языка—объем и границы фразеологии, методы и аспекты исследования состава фразеологических единиц, моделирование фразообразования, принципы внутренней дифференциации фразеологии на разных уровнях, определение классификационной системы фразеологических единиц, способной послужить основой теории курдской фразеологии, динамика развития фразеологии в синхроническом плане, установление закономерностей изменения фразеологических единиц в структурном и семантическом отношениях, системные отношения во фразеологии, функционирование фразеологических единиц в составе речи и некоторые другие.

Неизученность этих вопросов в курдском языкознании и то, что некоторые из них не разработаны или слабо разработаны в науке о фразеологии других языков, а также отсутствие в специальной литературе однозначного ответа на главный вопрос фразеологии—вопрос о категориальной сущности фразеологических единиц,—обусловили необходимость разработки автором теоретических позиций по отношению ко всему комплексу поставленных задач, исходя из конкретного анализа фактического материала.

Основные результаты проведенного исследования сводятся к следующему.

Фразеологический состав курдского языка представляет собой отдельную подсистему языка и подлежит всестороннему исследованию в качестве предмета особого раздела теории курдского языка—фразеологии. Главная проблема последней как зарождающейся самостоятельной научной дисциплины—разработка основ, имеющих важное научно-теоретическое и прикладное значение для курдского языкознания.

Теоретической базой определения объема и границ фразеологии для автора явилось марксистское положение о происхождении языка из потребности. Правомерность такой ориентации обоснована тем, что изучение фразеологических единиц в их связях с потребностью является единственным направлением, ко-

торое объективно ведет к познанию специфики потребности в их образовании и вскрытию социальной и лингвистической сущности фразеологии в целом. Исследование в этом аспекте позволило выяснить следующее.

Категориальным свойством фразеологической единицы в системе языка является присущее только ей особое лингвистическое назначение: служить характеризующим, квалифицирующим обозначением объекта действительности, обладающим при этом цельностью номинации. Это свойство фразеологической единицы зависит от того, что фразеологическая семантема, будучи понятийно-целостной семантемой представляет действительность в ее предельной характеристике, оценке или описании в определенном направлении. При осмыслении природы фразеологической семантемы и определении характера фразеологического назначения как дифференциального свойства, таким образом, важным представляется не то, что отражает эта семантема, а то, как она отражает.

Фразеологическая единица образуется по универсальной фразеобразовательной модели «фразеологическая семантема + синтаксическая семантема—составное значение в соответствующей материальной оболочке», наглядно демонстрирующей структурно-элементный состав и процесс становления ее комплексной организации. Сущность процесса фразеобразования заключается в следующем: фразеологическая семантема, образующая план содержания фразеологизма, обуславливает потребность в формировании синтаксической семантемы и как бы накладывается на нее и оказывается в ее материальной оболочке. При этом фразеологическая семантема накладывается на синтаксическую семантему не случайно, а на основе устанавливаемых между ними семантических общностей, отражающих либо связи и отношения референта фразеологической семантемы с референтом синтаксической семантемы, либо же только особенности референта фразеологической семантемы, аналитически представляемого составным значением. Связи и отношения между планом содержания и планом выражения фразеологических единиц выявляются при рассмотрении схемы построения фразеологизма на трех уровнях: уровня действительности (референты), уровня сознания (фразеологические семантемы—план содержания) и уровня сцепления языковых форм, или уровня языкового мышления (план составных значений в их соответствующих материальных оболочках—план выражения). Ни слова, ни синтаксические единицы не образуются по этой модели.

Моделирование процесса фразеобразования позволяет выявить объективную картину становления фразеологизмов и создать

необходимые предпосылки теоретического осмысления сущности фразеологической подсистемы языка.

В силу зависимости и строгой взаимообусловленности между планом содержания и планом выражения фразеологизмов можно через грамматическую структуру последних определить характер их семантем, а через характер семантем—тип их грамматической структуры. В обоих случаях мы выделяем типологию составных значений, через которую прокладывается путь к типологии фразеологических значений и, тем самым, к типологии самих фразеологизмов как таковых.

Обусловленность составного значения фразеологической семантемой служит основой дифференциации фразеологического состава на структурно-семантические типы; относящиеся к каждому из них фразеологизмы возникают в качестве единиц, обладающих одной и той же грамматической структурой (при различиях в лексическом наполнении последней) и общей категориальной дифференцирующей семантемой—общим значением (при различиях в частных проявлениях этой семантемы).

Структурно-семантическая типология дает возможность выявить, в выражении каких типов семантем фразеологизмы образуются в ответ на потребность и каковы типы словосочетаний и предложений, выступающих соответствующими формами объективации семантем.

Фразеологизмы различных структурно-семантических типов противопоставляются спецификой структуры и семантики, что является доказательством строгой взаимосвязи и взаимообусловленности между этими составными элементами фразеологизмов, специфичности их комплексной организации. Но поскольку специфические комплексные организации возникают из специфических потребностей, они оказываются наделенными разным лингвистическим назначением в фразеологической системе языка. Следовательно, общая для фразеологизмов каждого структурно-семантического типа комплексная организация является показателем присущего им общего лингвистического назначения как категориального признака.

На материале структурно-семантической типологии фразеологизмов прослеживаются три ступени абстракции и обобщения лингвистического назначения, или три типа микроназначений: конкретное, частное микроназначение, свойственное фразеологизму данного структурно-семантического типа; микроназначение, объединяющее фразеологизмы каждого структурно-семантического типа; общее для всех фразеологизмов микроназначение. Последний тип приобретает особую важность при отграни-

чении фразеологизма от единиц других подсистем языка (слов, словосочетаний и др.).

Назначение каждого фразеологизма, таким образом, основано на совокупности трех типов микроназначений (микросвойств) элементов, образующих его. Тем самым оно является свойством глобальным, направляющим фразеологическую единицу на предмет действительности в качестве его языкового представителя. В отличие от таких особенностей, как устойчивость, внутренняя раздельноформленность, полное или частичное переосмысление и т. д., формальными показателями которых являются частные стороны или черты фразеологизма, назначение фразеологизма определяется его комплексной организацией в целом. Характер же комплексной организации фразеологизма в конечном счете определяется спецификой отражения действительности: предельная характеристика, оценка или описание обозначаемого предмета в определенном направлении. Специфика отражения действительности в форме фразеологической семантемы лежит в основе возникновения фразеологии как особого типа проявления языковости, выделяющегося на наиболее общем уровне членения системы языка.

Основой теории фразеологии курдского языка служит структурно-семантическая типология фразеологических единиц, которая действительно объективно отражает фразеологическую систему языка. Эта классификация выявлена впервые на материале фразеологии курдского языка. Ее отличие от известных в специальной литературе классификационных схем заключается в том, что она основана на структурно-семантических особенностях формально-смысловых единств фразеологических единиц, образованных по единой фразообразовательной, структурно-семантической модели. Эта модель является главным показателем системности фразеологии, состоящей из подсистем, или микросистем, характеристика которых содержится во второй главе работы.

Во фразеологической системе языка структурно-семантической типологии фразеологических единиц противопоставлена их фразо-грамматическая классификация, представляющая фразеологические единицы в соотношении с разными частями речи и выступающая основой теории фразеологической грамматики курдского языка.

Фразеологическая система современного курдского языка представлена тремя группами фразеологических единиц, находящимися на разных этапах развития и, в зависимости от этого, имеющих разный лингвистический статус. Классификация этих трех групп фразеологических единиц, как и их структурно-семан-

тическая типология, впервые разработана автором на материале курдской фразеологии. Она основана на диалектическом подходе к фразеологии и позволяет наблюдать фразеологические явления не только в их статическом состоянии, но и в динамике. В частности, она представляется чрезвычайно важной для осмысления объективной картины и причинной связи всевозможных изменений, происходящих в материальной оболочке и семантической структуре фразеологических единиц, в их функционировании и функционально-стилистической характеристике. На этих изменениях автор останавливается в пятой, а также в некоторых случаях в шестой и седьмой главах работы.

Отдельное место в работе предоставлено фразеологической деривации, являющейся важным источником обогащения словарного состава лексическими единицами самых различных структурных и функциональных типов.

Деривация, обнаруживаемая у фразеологических единиц, не есть явление сугубо фразеологическое, т. к. она свойственна и синтаксическим единицам, и поэтому правомерно говорить о ней как о более общем явлении, присущем внутренне раздельно оформленным структурам вообще. В этом плане важным представляется то, что, деривация как правило, возможна у фразеологических и синтаксических единиц, имеющих одинаковую структуру, а результаты деривации в обоих случаях достигаются одними и теми же способами, в одних и тех же целях. См., напр.: змане фьланк'есе дьреж («у того-то язык развязан, язык без костей, кто-либо болтлив») с предложением той же синтаксической структуры дьране фьланк'есе тужьн («у того-то острые зубы») и их дериваты—имена прилагательные: зман-дьреж («болтливый») и дьрантуж («острозубый, имеющий острые зубы»). И наоборот, синтаксические и фразеологические единицы аналогичных структур не допускают деривации. Таким образом, отличие между фразеологической деривацией и деривацией синтаксической фактически сводится к различию лексикализуемого материала: в одном случае слово образуется на основе сцепления лексем, а в другом—на основе сцепления реальных слов. Это обстоятельство позволяет считать фразеологическую деривацию своеобразным распространением синтаксической деривации.

В результате элементарно-структурного анализа потребностей, из которых возникают производящие фразеологизмы и производные от них дериваты, выясняется, что эти языковые образования отличаются друг от друга характером (типом) проявления языковости, относящимся как к их форме, так и к их со-

держанию. В связи с этим они оказываются носителями разных лингвистических назначений в системе языка.

Обобщая результаты проведенного исследования, можно назвать и некоторые конкретные вопросы и пути дальнейшего развития данной области курдского языкознания. Принципиально важны прежде всего две задачи, решение которых—за будущим. Одна из них—это исследование фразеологии в диахроническом плане, а другая—дальнейшее изучение вопросов курдской фразеологии как особой отрасли, подчиненной фразеологии. Поскольку в задачу фразеологии входит инвентаризация фразеологических единиц и выяснение их смысловой структуры, то важное значение в первую очередь приобретает разработка принципов создания фразеологических словарей различного назначения.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

а) курдские

- бк.—беванк'эс (беван к'эс)
бк-а—беванк'эса (беван к'эса)
бк-е—беванк'эсе
бш-и—беван ши
фд.—фьлан дэ р
фд-а—фьлан дэ ра
фд-е—фьлан дэ ре
фк.—фьяланк'эс (фьялан к'эс)
фк-а—фьяланк'эса (фьялан к'эса)
фк-е—фьяланк'эсе
фк-и—фьяланк'эси (фьялан к'эси)
фш.—фьлан ши
фш-а—фьлан шийа

б) русские

- бах.—Бахдинанский диалект
бран.—бранное
букв.—буквально
вм.—вместо
ГКСА.—говор курдов Советской Армении
груб.—грубое выражение
ирон.—в ироническом смысле
урдск.—курдский
урм.—курманджи
миф.—мифология
насмеш.—насмешливое выражение
первонач.—первоначально
перен.—переносное
погов.—поговорка
посл.—пословица
поэт.—поэтическое
прокл.—проклятие
разг.—разговорное

- см.—смотри
 ср.—сравни
 уст.—устаревшее
 фп.—фразеологизм-предложение
 шуtl.—шутливое
 жн.—южное наречие

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

а) на курдском языке

- А.—примеры записаны из уст жителей курдских сел Арагацского района Армянской ССР.
 АМ.—Аh'мәде Мирази, Биранинед мьн. нәшир-әтә „Һайастан“, Ереван, 1966.
 Бах.—Тексты на бахдинанском диалекте курдского языка, записанные автором работы из уст курдов Иракского Курдистана.
 Бәр.—А. Шамилов, Барбанг, Ереван, 1955.
 Вх.—Входной лист из архива редакции газеты «Ряа таза».
 Де.—Ә'лие Ә'вдлярәһ'ман, Де, Ереван, 1965.
 Дж.—h'. Шьнди, һәваря, Ереван, 1967.
 ДК.—1973 «دیوانی کوردی، هه و لیب»
 Зам.—Замбильфрощ, курдская поэма и ее фольклорные версии. Критический текст, перевод, примечания, предисловие, приложение Ж. С. Мусаэлян, М., 1983.
 Ир.—Иранские языки, II, М.—Л., 1950.
 К.—Курдские эпические песни-сказы, Изд-во восточной литературы, М., 1962.
 КС.—1971 «قاموسی زمانێ کوردی، ده زکی، دووه م، ب به غدا»
 ҚФ.—Курдский фольклор. Книга II, Изд-во «Наука», М., 1978.
 КХ.—1957 «کوفاری چه تاو، زماره 97»
 МЗ.—1971 «مه م وزین، چاپخانه ی چه ولیب»
 МШ.—1980 «چاره نووسی ئاده میزاد، به غدا»
 НК.—1979 «نووسه ری کورد، زماره 71»
 НМ.—Надо Махмудов, Сәрһати, Ереван, 1964.
 РЖ.—1971 «روژی نوی، زماره 1، سلیمانوی»
 РОН.—1971 «روناهی، زماره: 7، 8»
 РТ.—P'ia t'әze», органа КМ ПКӘ, Совета Т'әврәбьльнд у Совета Министред Р'СС Әрмәнистане.
 С.—Сима Сәмәнд, Дб шайи, Ереван, 1967.
 Сисе—Мирое әсәд, Сисе, Ереван, 1961.
 Хәте—Ә'лие Ә'вдлярәһ'ман. Хәте ханьм. Ереван, 1959.
 һ'Щ.—һ'кьйәтед шмаә'та к'брдие, к'әтеба III, бәрньвисар, пешхәбәр у ньви-сарнаси һа һ'. Шьнди, нәшьрәтә Р'СС әрмәнистане, Ереван, 1962.

б) на русском языке

- ВД.—Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля, 4-е изд., под ред. проф. И. А. Бодуена-де-Куртенэ. Изд.—т-ва Вольф, СПб.—М., 1912.
- Ду.—Толковый словарь русского языка, под ред. проф. Д. Н. Ушакова, «Советская Энциклопедия», М., 1935—1940.
- ММ.—М. И. Михельсон, Русская мысль и речь, свое и чужое, опыт русской фразеологии, сборник образных слов и иносказаний, т. I—II, СПб., (б. г.). То же в одном томе: СПб., 1912.
- СО.—С. И. Ожегов, Словарь русского языка, 3-е изд. Гос. изд. иностранных и национальных словарей, М., 1953.
- ФС.—Фразеологический словарь русского языка, свыше 4000 словарных статей, сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров, под ред. А. И. Молоткова, М., 1967.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Философские тетради. Полн. собр. соч., т. 29.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 3 («Немецкая идеология»).
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 20 («Диалектика природы», «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»).
4. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Соч., т. 21.
5. Абаев В. И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка.—Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
6. Авалиани Ю. Ю. Очерки глагольной фразеологии курдского языка. В кн.: «Вопросы фразеологии и грамматического строя языков». Изд. «Фан» Узбекской ССР, Ташкент, 1967, стр. 3—100.
7. Авалиани Ю. Ю. К вопросу о разграничении сложных глаголов и глагольных фразеологизмов. Тезисы конференции по языкознанию, посвященной IV международному съезду славистов. Самарканд, 1958.
8. Авалиани Ю. Ю. Некоторые случаи глагольной фразеологии курдского языка. В кн.: «Труды Сам. ГУ им. А. Навои, новая серия, выпуск № 113, Самарканд, 1961, стр. 85—100.
9. Авалиани Ю. Ю. К вопросу об устойчивых лексикализованных глагольных сочетаниях с компонирующим глаголом бун. В кн.: «Труды Сам.ГУ им. А. Навои, новая серия, выпуск № 113, Самарканд, 1961, стр. 119—129.
10. Авалиани Ю. Ю. Особые парные глагольные сочетания в курдском языке. Самарканд, 1959.
11. Авалиани Ю. Ю. К вопросу о сложных глаголах в иранских языках. В кн. «Труды Узбекского ГУ им. А. Навои. Новая серия, № 79, Самарканд, 1957, стр. 15—40.
12. Авалиани Ю. Ю. О параллелизме функционирования двух структур сложного глагола в курманджи. В раб. Вопросы востоковедения (новая серия, № 145), Самарканд, 1965, стр. 54—62.
13. Авалиани Ю. Ю. Материалы по сложному глаголу курдского языка. Самарканд, 1962.
14. Авалиани Ю. Ю. Сложные глаголы курдского языка. В кн.: «Труды Узбекского ГУ им. А. Навои, новая серия № 95», Самарканд, 1959, стр. 137—150.
15. Авалиани Ю. Ю. К семантической структуре слова и ФЕ (на материале иранских языков). В кн.: Вопросы фразеологии, стилистики и грамматиче-

ского строя восточных языков. Новая серия, выпуск № 225, Самарканд, 1972, стр. 62—68.

16. *Авалиани Ю. Ю.* Исследования в области сложного глагола и глагольной фразеологии курдского языка. Автореферат диссертации на соискание уч. ст. доктора филолог. наук, изд. Тбилисского Университета, Тбилиси, 1969.

17. *Авалиани Ю. Ю.* Особые случаи глагольной фразеологии курдского языка. Труды Сам. ГУ, нов. серия, вып. 113, Самарканд, 1961.

18. *Авалиани Ю. Ю.* Из наблюдений над глагольной фразеологией курдского языка, КС ИНА, № 67, М., 1963, стр. 22—30.

19. *Авалиани Ю. Ю.* Слово о фразеологии в иранских языках, Труды Сам. ГУ им. Навои, Новая серия, вып. № 178, вопросы фразеологии, III, Самарканд, 1970, стр. 5—14.

20. *Авалиани Ю. Ю.* Характеристика основных семантических разрядов устной разговорной фразеологии. Вопросы семантики фразеологических единиц славянских, германских и романских языков, часть II, Тезисы докладов на научно-теоретической конференции в г. Новгороде 6 июня 1972 г.

21. *Авалиани Ю. Ю., Ройзензон Л. И.* К семантическим основам фразеологии специальных сфер. Вопросы семантики фразеологических единиц славянских, германских и романских языков, часть II. Тезисы докладов на научно-теоретической конференции в г. Новгороде 6 июня 1972 г.

22. *Авалиани Ю. Ю.* Тексты лекций по компаративно-сопоставительной фразеологии иранских языков. Самарканд, 1979.

23. *Авалиани Ю. Ю., Ибрагимова Х. С., Сабирова О. Б.* К лингвистической интерпретации художественного текста (на материале фразеологии современной немецкой прозы), учебное пособие. Самарканд, 1978.

24. *Азиз Рашид Акраи.* Части тела человека. Багдад, 1978 (на курдском языке).

25. *Акопян А. Ц.* Основные структурно-семантические и грамматические особенности глагольных фразеологизмов в совр. рус. языке, модель «глагол + имя существительное (объекта)». АКД., 1965.

26. *Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии. Л., 1963.

26а. *Амосова Н. Н.* Современное состояние и перспективы фразеологии. — «Вопросы языкознания». 1966, № 3.

27. *Андроникашвили М. К.* О сложных глаголах древнегрузинского языка и об их соотносительности с глагольными фразеологизмами. — Вопросы фразеологии. Ч. II. Самарканд, 1972.

28. Арабо-курдский словарь Гиви Мукриани, Багдад. (На курдском языке).

29. *Архангельский В. Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д, 1964.

30. Архив курдского писателя Атаре Шаро в библиотеке ИВ АН Армянской ССР.

31. *Аурахман Гаджи Маруф.* Слова курдского языка. Багдад, 1975. (На курдском языке).

- 31а. *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
32. *Бабкин А. М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.
33. *Бакаев Ч. Х.* Язык курдов СССР, М., 1973.
34. *Бакаев Ч. Х.* Курдско-армянские фразеологические параллели. В кн.: «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР», М., 1969.
35. *Бакаев Ч. Х.* Язык азербайджанских курдов. М., 1965.
36. *Бакаев Ч. Х.* Говор курдов Туркмении. М., 1962.
37. *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
38. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
39. *Березин Ф. М., Головин Б. Н.* Общее языкознание. М., 1979.
40. Библиография по курдоведению. Составитель Ж. С. Мусаэлян. ИВЛ, М., 1963.
41. *Будагов Р. А.* Сравнительно-семаснологические исследования (романские языки). М., 1963.
42. *Бушуй А. М.* Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии. Вып. V. Самарканд, 1979.
43. *Бушуй А. М.* Типологические серии тавтологических образований фразеологизированного характера. Труды Самаркандского ГУ. Новая серия, № 217. Воп. фразеологии, IV, Самарканд, 1971.
44. *Бушуй А. М.* О типологии сочетаемости семем в тавтологических комплексах немецкого языка. — Труды Самаркандского ГУ, Новая серия, № 219. Вопросы фразеологии, V, вторая часть, Самарканд, 1972.
45. *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. — «Труды юбил. науч. сессии ЛГУ». Секция филол., Л., 1946.
46. *Виноградов В. В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. В кн.: А. А. Шахматов. М.—Л., 1947.
47. *Виноградов В. В.* Из истории русской лексики и фразеологии. — Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», 1954, вып. 6.
48. *Галкина-Федорук Е. М.* Язык как общественное явление. Учпедгиз, М., 1954.
49. *Ганиев А.* Глагольные фразеологические единицы современного афганского языка (опыт классификации структурно-семантических типов). — «Науч. труды. Ташкентский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. В. И. Ленина». Вып. 433. Таш., 1973.
50. *Гвенцадзе Г. С.* К вопросу о глагольном фразеологизме в персидском языке. — «Народы Азии и Африки». 1975, № 2.
51. *Геллер Ю. Р.* Об основных признаках фразеологических единиц и о типах их видоизменения. — Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. М.—Л., 1964.
52. Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис, ч. I, М., 1954.
53. *Гюльмагомедов А. Г.* Слово и фразеологизм в дагестанских языках. — Труды Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои, Новая серия, вып. № 219, Вопросы фразеологии, V, часть вторая, Самарканд, 1972.

54. *Дворянков Л. Н.* Язык пушту. М., 1960.
55. *Дешериев Ю. Д.* Социальная лингвистика. М., 1977.
56. *Джаукян Г. Б.* Основы теории современного армянского языка. Ереван, 1974 (на арм. языке).
57. *Жуков В. П.* Фразеологизм и слово АДД, Л., 1967.
58. *Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов., М., 1978.
59. Журнал «Яхма», 1966, № 9, Тегеран, (на персидском языке).
60. *Исаев М. И.* Очерки по фразеологии осетинского языка. Орджоникидзе, 1964.
61. *Исмаил Хаки Шавеш.* Слова предков. Багдад, 1933 (на курдском языке).
62. *Киселева Л. Н.* Очерки по лексикологии языка дари. М., 1973.
63. *Кондаков Н. И.* Логика. Учпедгиз, М., 1954.
64. *Копыленко М. М., Попова З. Д.* Очерки общей фразеологии, Воронеж, 1972.
65. *Короглы Х. Г.* Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова. М., 1973.
66. *Кунин А. В.* Фразеология современного английского языка. М., 1972.
67. *Кунин А. В.* Английская фразеология. М., 1970.
68. *Курдоев К. К.* К вопросам словообразования в курдском языке. В кн.: «Вопросы грамматики и истории восточных языков», М.—Л., 1958, стр. 109—129.
69. *Курдоев К. К.* Грамматика курдского языка (курманджи) М.—Л., 1957.
70. *Курдоев К. К.* Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани. М., 1978.
71. Курдские идиомы Садыка Баха-Ал-дина Амаиди, Багдад, 1973 (на курдском языке).
72. Курдские пословицы и поговорки собрали, составили, перевели, снабдили примечаниями и предисловием Ордихане Джалил и Джалиле Джалил. М., 1972.
73. Курдский фольклор. Ереван, 1936 (на курдском языке).
74. Курдский фольклор. Ереван, 1957 (на курдском языке).
75. Курдско-русский словарь. Составил канд. филол. наук Бакаев Ч. Х. Под ред. академика И. А. Орбели. Около 14000 слов с приложением грамматического очерка курдского языка. М., 1957.
76. Курдско-русский словарь. Составил канд. филол. наук Курдоев К. К. Около 34000 слов. С приложением краткого грамматического очерка курдского языка. Ответственный редактор доктор филол. наук Боголюбов М. Н. М., 1960.
77. *Ларин Б. А.* Очерки по фразеологии. — «Учен. зап. ЛГУ», сер. филол. наук. 1956, № 198.
78. *Лерх П.* Исследования об иранских курдах и их предках северных халлеях, СПб., 1855.

79. *Лерх П.* Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях. Кн. II, 1857.
80. *Маруф Джаук.* Тысяча поговорок и пословиц, Багдад, 1938 (на курдском языке).
81. *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М., 1975.
82. *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945.
83. *Молотков А. И.* Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.
84. *Назарян А. Г.* Фразеология современного французского языка. М., 1976.
85. *Налбандян Г. М.* Грамматика персидского языка (на армянском языке). Ереван, 1980.
86. *Овчинникова И. К.* К вопросу о классификации именных частей речи в персидском языке. — «Краткие сообщения Института народов Азии». Вып. 30. М., 1961.
87. *Огольцев В. М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л., 1978.
88. *Ожегов С. И.* О структуре фразеологии. — «Лексикографический сборник», М., 1957, вып. 2.
89. *Ониани А. Л.* Фразеологизм и слово. — Труды Самаркандского университета, вып. 178, Самарканд, 1970.
90. *Ордихане Джалил.* Поговорки и пословицы курдского народа. Вып. I, Ереван, 1969; вып. II, 1971.
91. *Панфилов В. З.* Взаимоотношения языка и мышления. М., 1971.
92. *Пахалина Т. Н.* Ишканинский язык. М., 1959.
93. *Пейсигов Л. С.* Очерки по словообразованию персидского языка. М., 1973.
94. *Пермяков Г. Л.* От поговорки до сказки. М., 1970.
95. *Поливанов Е. Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928.
96. *Поливанов Е. Д.* За марксистское языкознание, М., 1931.
97. *Пословицы и поговорки народов Востока.* М., 1961.
98. *Проблема потребностей в этике и эстетике.* Под ред. проф. Кагана М. С., проф. В. Г. Иванова. Л., 1976.
99. *Расторгуева В. С., Керимова А. А.* Система таджикского глагола. М., 1964.
100. *Рачков П. А.* Мышление и язык, М., 1959.
101. *Ройзензон Л. И., Бушуй А. М.* Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии. Вып. 2, Самарканд, 1970.
102. *Ройзензон Л. И., Бушуй А. М., Ройзензон С. И.* Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии. Вып. 3, Самарканд, 1974.
103. *Ройзензон Л. И., Пеклер М. А.* Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии. — Вопросы фразеологии. Таш. 1965.
104. *Ройзензон Л. И.* Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма. — «Вопросы фразеологии», изд. «Фан», Ташкент, 1965.

105. Рубинчик Ю. А. Фразеология персидского языка АДД, М., 1975.
106. Рубинчик Ю. А. Основы фразеологии персидского языка. М., 1981.
107. Рубинчик Ю. А. Сложный глагол в персидском языке—слово или фразеологизм? — «Труды Самаркандского университета им. А. Навои». Новая серия. Вып. № 219. Вопросы фразеологии. 5. ч. 2. Самарканд, 1972.
108. Рудик П. А. Психология, М., 1976.
109. Рукописное хранилище им. М. Маштоца в г. Ереване. Рукопись № 737.
110. Рукописное хранилище ЛО ИНА АН СССР, Рукопись Д 447, № 1.
111. Сергеев В. Н. Библиографический указатель литературы по фразеологии, изданной в СССР с 1918 по 1961 г. — Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. М.—Л., 1964.
112. Смирнова И. А. К вопросу отграничения слова от свободного синтаксического сочетания (на материале сложного глагола курдского языка). — Морфологическая структура слова в языках различных типов. Издательство Академии Наук СССР, М.—Л., 1963.
113. Сова Л. З. Аналитическая лингвистика. М., 1970.
114. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971.
115. Солнцев В. М. Языковой знак и его свойства. — Вопросы языкознания, 1977, № 2.
116. Тагиев М. Т. Глагольная фразеология современного русского языка (опыт исследования фразеологических единиц по окружению). Баку, 1966.
117. Телия В. Н. Что такое фразеология. М., 1966.
118. Терминологический словарь на армянском и курдском языках. Ереван, 1935.
119. Толикина Е. Н. К вопросу о значении слова и значении фразеологизма. — Труды Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои. Новая серия, вып. № 178. Вопросы фразеологии, III, Самарканд, 1978.
120. Торопцев И. С. К вопросу о возникновении фразеологизмов и способе их отграничения от сходных с ними единиц. См. «Ученые записки», том 160, Русский язык, вопросы русской фразеологии, вып. одиннадцатый, М., 1966.
121. Труды Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои, новая серия, вып. № 178, вопросы фразеологии, III, доклады, предназначенные для обсуждения на симпозиуме «Фразеологизм и слово», Самарканд, 1970.
122. Фозилов М. Ф. Фарханги ибораҳои рехтаи забони хозиран тоҷик (фарханги фразеологи). Душ. ч. 1, 1963; ч. 2, 1964.
123. Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей. Составили: Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. Под редакцией А. И. Молоткова. М., 1967.
124. Хамоян М. У. Курдско-русский фразеологический словарь. Содержит около 8000 фразеологических статей. Ответственный редактор доктор филологических наук, проф. Ю. Ю. Аваллиани. Ереван, 1979.

См. рецензии на этот словарь: М. У. Хамоян, Курдско-русский фразеологический словарь, Изд-во АН Армянской ССР, Ереван, 1979, (рецензия проф. Х. Б. Бердиярова, проф. Б. Н. Валиходжаева и И. В. Абрамца (Самарканд). — «Историко-филологический журнал АН АрмССР», 1980, № 2 (89);

Доктор Аурахман Гаджи Маруф, Большой труд в области курдской фразеологии и фразеологии — «журнал министерства культуры и информации Ирака», № 34, Багдад, 1980.

Курдоев К. К. (Канате Курдо). Курдско-русский фразеологический словарь. — «Рйа таза», орган ЦК КПА, Верховного Совета и Совета Министров АрмССР, № 37(3254), Ереван, 1980.

125. Хамоян М. У. Лингвистическое назначение фразеологизма в системе языка. — «Историко-филологический журнал АН Армянской ССР» № 1 (84), Ереван, 1979.

126. Хамоян М. У. К изучению проницаемости единиц разных уровней в курдском языке. — «Сборник праиститики АН Армянской ССР», Изд-во АН Армянской ССР, Ереван, 1978.

127. Хамоян М. У. Бахдинанский диалект курдов Ирака (Бамарин и Атриш). Автореферат канд. дисс., Ереван, 1965.

128. Хамоян М. У. Состояние и задачи изучения курдской фразеологии. — «Вопросы востоковедения». Новая серия, выпуск № 279, Самарканд, 1976.

129. Хамоян М. У. Фразеологическая деривация в современном курдском языке. — «Историко-филологический журнал АН Армянской ССР», № 4, Ереван, 1980.

130. Хамоян М. У. К структуре курдской фразеологии. — «Вопросы общего языкознания и структурно-типологического исследования языков», Самарканд, 1978.

131. Хамоян М. У. О новых составных названиях и терминах в литературном языке курдов СССР. — Конференция по вопросам взаимоотношения и развития языков Закавказья. Тезисы докладов и сообщений (Ереван, 13—14 сентября 1977). Ереван, 1977.

132. Хамоян М. У. Структурно-семантическая типология фразеологизмов современного курдского языка. — «Историко-филологический журнал АН Армянской ССР», № 1, Ереван, 1982.

133. Хамоян М. У. Структурно-семантическая типология фразеологизмов современного литературного армянского языка. — Международный симпозиум по армянскому языкознанию, 21—25 сентября 1982 г. Тезисы докладов. Издательство АН Армянской ССР, Ереван, 1982.

134. Хамоян М. У. Очерки именной фразеологии курдского языка. Изд. ЕГУ, Ереван, 1971.

135. Хамоян М. У. К изучению функционально-семантической природы фразеологизмов в курдском языке. В кн.: Труды Сам. ГУ им. А. Навои, новая серия, вып. № 246. Самарканд, 1973, стр. 149—158.

136. Хамоян М. У. К изучению основных понятий курдской фразеологии.

В раб.: Материалы первой республиканской научной конференции молодых лингвистов. Ереван, 1974, стр. 31—33.

137. *Хамоян М. У.* К особенностям семантической структуры фразеологизма и слова в курдском языке. — В кн.: Труды Сам. ГУ им. А. Навои, новая серия, вып. № 219, вопросы фразеологии, V, часть вторая, Самарканд, 1972.

138. *Хамоян М. У.* О происхождении парной конструкции в курдском языке. — Вестник общественных наук, 4 (311), Ереван, 1969.

139. *Хушенова С. В.* Изафетные фразеологические единицы таджикского языка. Душанбе, 1971.

140. *Цаболов Р. Л.* Очерки исторической морфологии курдского языка. М., 1978.

141. *Цаболов Р. Л.* Очерки исторической фонетики курдского языка. М., 1976.

142. *Цукерман И. И.* Позиция ведущего слова в контрастных словосочетаниях. — В кн.: Палестинский сборник, вып. 7 (70), Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 159—161.

143. *Цукерман И. И.* Очерки курдской грамматики. М., 1962.

144. *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка. Изд. 2-е, М., 1969.

145. *Шех Махмуд Хал.* Слова предков, Багдад, 1957 (на курдском яз.).

146. *Чернышева И. И.* Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.

147. *Эдельман Д. И.* Язгулянский язык. М., 1966.

148. *Эйюби К. Р., Смирнова И. А.* Курдский диалект мукри. Л., 1968.

149. *Янко-Триницкая Н. А.* Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка». Т. 28, Вып. 5, М., 1969.

150. *Jaba A.* Dictionnaire kurde-français. St. Petersburg, 1879.

151. *Lescot R.* Proverbes et enigmes kurdes.—, Revue des Etudes islamiques, 1937, ch. IV.

152. *Les Makes N.* Kurdische Texte im Kurmanji Dialekte aus der Gegend von Mardin, Leningrad, 1926.

153. *Paul Margartite L., L'Emir Kamuran Bedir Khan.* Proverbes Kurdes, Paris, 1937.

154. Sprichwörter, Redensarten aus Kurdistan, gesammelt und übersetzt von. Jemal Nebez. Publikation der NussE, München, 1970.

155. Արեղյան Մ., Հայոց լեզվի տեսություն, Երևան, 1965:

156. Արամյան Ա., Բայր ժամանակակից հայերենում, Երևան, 1962:

157. Աղայան Է., Լեզվաբանության ներածություն, Երևան, 1952, 1967:

158. Բագրանի Հ., Բնաշխարհն ինքն իր մեջ, Երևան, 1920:

159. Բեդիրյան Պ. Ս., Դարձվածաբանական բացատրական բառարան, Երևան, 1971:

160. Հմինյան ազգագրական ժողովածու, Հ. Ե. Մուկուս—Վաղարշապատ, 1906,

161. Մուրվալյան Ա., Հայոց լեզվի դարձվածարանություն ու բայականություն, Երևան, 1959:

162. Զահուկյան Գ. Բ., Աղայան Է. Բ., Առաքելյան Վ. Դ., Քոսյան Վ. Ա. Հայոց լեզու, 1 մաս, Ա պրակ: Ներածություն, Հնչյունաբանություն, բառագիտություն, դարձվածարանություն, Երևան, 1980:

163. Սուֆիասյան Ա. Մ., Գալստյան Ս. Ա. Հայոց լեզվի դարձվածարանական բառարան, Երևան, 1975:

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Введение</i>	17
 <i>Глава первая</i>	
Объем и границы фразеологии курдского языка	
I. Общая характеристика устойчивых словосочетаний	38
II. Классификация устойчивых словосочетаний курдского языка по их лингвистическому назначению. Назначение фразеологизма в системе языка	53
III. Структурно-семантический состав и строение фразеологических единиц	68
 <i>Глава вторая</i>	
Структурно-семантическая типология фразеологических единиц	82
I. Фразеологизмы со структурой словосочетания	85
II. Фразеологизмы со структурой предложения (ФП)	187
 <i>Глава третья</i>	
Грамматические классы фразеологизмов курдского языка	204
 <i>Глава четвертая</i>	
Динамическая классификация фразеологических единиц	229
 <i>Глава пятая</i>	
Вариантность и полисемия фразеологических единиц	234
 <i>Глава шестая</i>	
Фразеологизм как единица фразеологического состава языка	243
 <i>Глава седьмая</i>	
Фразеологическая деривация в современном курдском языке	250
<i>Заключение</i>	263
Условные сокращения	269
Сокращенные обозначения источников	270
<i>Литература</i>	272

МАКСИМ УСЕПНОВИЧ ХАМОЯН

ОСНОВЫ ФРАЗЕОЛОГИИ КУРДСКОГО ЯЗЫКА

Редактор издательства *В. А. Галоян*
Худ. редактор *Г. Н. Горцакалян*
Тех. редактор *А. Г. Амаякян*
Корректор *Л. С. Азатян*

ИБ № 1445

Сдано в набор 20.11.1987 г. Подписано к печати 24.03.1988 г. ВФ 08545.

Формат 60×84^{1/16}. Бумага № 2. Шрифт «литературный» высокая печать.

Печ. л. 17,63. Усл. печ. л. 16,4. Учетно-изд. л. 17,84.

Тираж 1500. Зак. № 1481. Изд. № 7263. Цена 2 р. 60 коп.

Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24 г.

Типография Издательства АН АрмССР, 378310, г. Эчмиадзин.